

CENTRAL ASIAN ECONOMIC REVIEW

Central Asian Economic Review

Журнал Қазақстан Республикасының
Ақпарат және коммуникация
министрлігінде тіркелген

Қуәлік № 16353-Ж
ISSN 2224 – 5561

№3 (132) 2020
1996 жылдан бастап
шыға бастады

Негізін қалаушы
«Нархоз Университеті» КеАҚ

«Нархоз Университеті» КеАҚ Central Asian Economic Review ғылыми-редакциялық кеңесі

Бас редактор

С.А. Святлов — *экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті*

Редактордың орынбасары

С.С. Арыстанбаева — *экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті*

Редакциялық Алқа

А.А. Адамбекова	—	<i>экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті</i>
Л.М. Байтенова	—	<i>экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті</i>
Ш.М. Қаңтарбаева	—	<i>экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті</i>
А.М. Сейітқазиева	—	<i>экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті</i>
Ж. Симанавичене	—	<i>экономика ғылымдарының докторы, профессор, Mykolas Romeris Университеті</i>
Ш.А. Смағұлова	—	<i>экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті</i>
Ұ.А. Текенов	—	<i>экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті</i>
С. Ы. Өмірзақов	—	<i>экономика ғылымдарының докторы, профессор, Нархоз Университеті</i>
Е.А. Абенова	—	<i>педагогика ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, Нархоз Университеті</i>
А. Акимов	—	<i>PhD, профессор, Griffith Университеті</i>
Л.Қ. Баймағамбетова	—	<i>экономика ғылымдарының кандидаты, профессор, Нархоз Университеті</i>
К. Браувайлер	—	<i>PhD, профессор, Қолданбалы зерттеулер Университеті</i>
Ж. М. Дюсембекова	—	<i>экономика ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, Нархоз Университеті</i>
М. Ж. Жарылқасынова	—	<i>экономика ғылымдарының кандидаты, доцент, Нархоз Университеті</i>
Р. Елшібаев	—	<i>экономика ғылымдарының кандидаты, профессор, Нархоз Университеті</i>
Д. Ким	—	<i>PhD, зерттеуші профессор, Нархоз Университеті</i>
Т. Медени	—	<i>PhD, профессор, Yildirim Beazit Университеті</i>
Е. Өскенбаев	—	<i>PhD, зерттеуші профессор, СДУ</i>
М. М. Рысқұлова	—	<i>экономика ғылымдарының кандидаты, қауымдастырылған профессор, Нархоз Университеті</i>
А.Ж. Сарсенбаева	—	<i>«Фортуна Полиграф» баспасы ЖШС-нің бас директоры, журналдың жауапты редакторы</i>
Н.Ж.Айтенов	—	<i>Қолданбалы зерттеулер институтының бас маманы, Ғылыми зерттеулер бөлімінің координаторы, журналдың техникалық редакторы, Нархоз Университеті</i>

Central Asian Economic Review

Журнал зарегистрирован в
Министерстве информации и
коммуникаций Республики Казахстан
Свидетельство № 16353-Ж
ISSN 2224 – 5561

№3 (132) 2020
Издается с 1996 года
Учредитель
НАО «Университет Нархоз»

Редакционный совет Central Asian Economic Review НАО «Университет Нархоз»

Главный редактор
С.А. Святков

доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз

Заместитель редактора
С.С. Арыстанбаева

доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз

Редакционная коллегия

А.А. Адамбекова	–	<i>доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз</i>
Л.М. Байтенова	–	<i>доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз</i>
Ш.М. Кантарбаева	–	<i>доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз</i>
А.М. Сейтказиева	–	<i>доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз</i>
Ж. Симанавичене	–	<i>доктор экономических наук, профессор, Университет Mykolas Romeris</i>
Ш.А. Смагулова	–	<i>доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз</i>
У.А. Текенов	–	<i>доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз</i>
С.И. Умирзаков	–	<i>доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз</i>
Е.А. Абенова	–	<i>кандидат педагогических наук, ассоциированный профессор, Университет Нархоз</i>
А. Акимов	–	<i>PhD, профессор, Университет Griffith</i>
Л.К. Баймагамбетова	–	<i>кандидат экономических наук, профессор, Университет Нархоз</i>
К. Браувайлер	–	<i>PhD, профессор, Университет прикладных исследований</i>
Ж.М. Дюсембекова	–	<i>кандидат экономических наук, ассоциированный профессор, Университет Нархоз</i>
М.Ж. Жарылкасинова	–	<i>кандидат экономических наук, ассоциированный профессор, Университет Нархоз</i>
Р. Елшибаев	–	<i>кандидат экономических наук, профессор, Университет Нархоз</i>
Д. Ким	–	<i>PhD, профессор-исследователь, Университет Нархоз</i>
Т. Медени	–	<i>PhD, профессор, Университет Yildirim Beazit</i>
Е. Оскенбаев	–	<i>PhD, профессор-исследователь, СДУ</i>
М.М. Рыскулова	–	<i>кандидат экономических наук, ассоциированный профессор, Университет Нархоз</i>
А.Ж. Сарсенбаева	–	<i>ген. директор ТОО «Издательство «Фортуна Полиграф», ответственный редактор журнала</i>
Н. Ж. Айтенов	–	<i>главный специалист Института прикладных исследований, координатор Отдела научно-исследовательских работ, технический редактор журнала, Университет Нархоз</i>

Central Asian Economic Review

This Journal is Registered in the Ministry
of Information and Communication of
The Republic of
Kazakhstan

ISSN 2224 – 5561

Volume 3 No. (132) 2020

*The journal has been published
since 1996*

The Founder
NP JSC «Narxoz University»

Editorial Board Central Asian Economic Review NP JSC «Narxoz University»

Chief Editor

S.A. Svyatov

Doctor of Economics, Professor, Narxoz University

Deputy Editor

S.S. Arystanbayeva

Doctor of Economics, Professor, Narxoz University

Editorial Board

A.A. Adambekova	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
L.M. Baitenova	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Sh.M. Kantarbayeva	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
A.M. Seitkaziyeva	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
Z. Simanaviciene	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Mykolas Romeris University</i>
Sh.A. Smagulova	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
U.A. Tekenov	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
S.Y. Umirzakov	–	<i>Doctor of Economics, Professor, Narxoz University</i>
E.A. Abenova	–	<i>Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Narxoz University</i>
A. Akimov	–	<i>PhD, Professor Griffith University</i>
L.K. Baimagambetova	–	<i>Candidate of Economic Sciences, Professor, Narxoz University</i>
C. Brauweiler	–	<i>PhD, Professor, University of Applied Sciences</i>
Zh. M. Dyussembekova	–	<i>Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Narxoz University</i>
M.Zh. Zharylkasinova	–	<i>Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Narxoz University</i>
R. Yelshibaev	–	<i>Candidate of Economic Sciences, Professor, Narxoz University</i>
D. Kim	–	<i>PhD, Professor, Narxoz University</i>
T. Medeni	–	<i>PhD, Professor, Yildirim Beazit University</i>
E. Oskembayev	–	<i>PhD, research professor, SDU</i>
M.M. Ryskulova	–	<i>Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Narxoz University</i>
A.Zh. Sarsenbayeva	–	<i>Executive editor, Director of “Fortuna Polygraph” Publishing house</i>
N. Zh. Aitenov	–	<i>Lead specialist of Applied Research Institute, coordinator of the Research department, Narxoz University,</i>

МАЗМҰНЫ
СОДЕРЖАНИЕ

ЖАҢА ДАМУ ЖӘНЕ ҚАЗАҚСТАН
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И КАЗАХСТАН

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОСТСОВЕТСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ А. А. Аубакирова, И. Н. Кренгауз.....	8
ФОРМИРОВАНИЕ МАКРОЛОГИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНТЕГРАЦИИ Е. К. Кунызов	19
NATIONAL MODELS OF CORPORATE GOVERNANCE AND WAYS TO IMPROVE THEM IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION COUNTRIES O. Uzhegova.....	36
NATIONAL CULTURE AND ENTREPRENEURSHIP: THE EXPERIENCE OF KAZAKHSTAN AND CHINA Y. Tongxin, N. Khalid, A. Ahmad	48

АЙМАҚТЫҚ ЭКОНОМИКА
РЕГИОНАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА

ОЦЕНКА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНОВ НА ОСНОВЕ ИНДЕКСНОГО ПОДХОДА Г. С. Дюсембекова, Д. С. Бекниязова, Ж. Б. Кенжин.....	67
ОЦЕНКА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА Г. Б. Бермухамедова.....	79

САЛАЛЫҚ НАРЫҚТАР ЭКОНОМИКАСЫ
ЭКОНОМИКА ОТРАСЛЕВЫХ РЫНКОВ

GENDER GAP IN STEM STUDIES AND WAYS TO OVERCOME THEM: A KAZAKHSTAN CASE A. Kussaiynkyzy, G. Zh. Doskeyeva	91
PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF LIGHT RAIL TRANSPORT IN ALMATY D. M. Z. Islam, A. Telibayev	105
ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ ХЛЕБОПЕКАРНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ Р. К. Елшибаев, Г. Е. Жунисбекова, С. Болатқызы.....	120
ҚАЗАҚСТАННЫҢ КИНЕМАТОГРАФИЯ САЛАСЫН МЕМЛЕКЕТТІК ҚОЛДАУ ЖӘНЕ ҚАРЖЫЛАНДЫРУ МӘСЕЛЕСІ А. Б. Манақбаева.....	135
САКРАЛЬНЫЙ ТУРИЗМ В ИНДУСТРИИ ГОСТЕПРИИМСТВА КАЗАХСТАНА А. Уайсова, С. Д. Усубалиева, С. С. Рақымжанова.....	152

ҚАРЖЫЛЫҚ ТӘУЕКЕЛДЕРДІ БАСҚАРУ
УПРАВЛЕНИЕ ФИНАНСОВЫМИ РИСКАМИ

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ БАНКРОТТЫҚ ИНСТИТУТЫНЫҢ ТРАНСФОРМАЦИЯСЫ Г. К. Уашов, С. М. Жанбырбаева	165
---	-----

ОЦЕНКА ВЕРОЯТНОСТИ БАНКРОТСТВА КАЗАХСТАНСКИХ БАНКОВ НА ОСНОВЕ МОДЕЛИ «BANKOMETER»	
А. Ж. Шакбутова, А. С. Шопашева	175

**ЭКОНОМИКАДАҒЫ АҚПАРАТТЫҚ ТЕХНОЛОГИЯЛАР
ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ЭКОНОМИКЕ**

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КАЗАХСТАНА	
Х. Х. Кусаинов, Б. М. Хусаинов	189

ТЕХНОЛОГИЯ «БЛОКЧЕЙН» КАК ИНСТРУМЕНТ РЕГИСТРАЦИИ НЕДВИЖИМОСТИ	
Е. Е. Ахметбек.....	201

CONTENT

GLOBALIZATION AND KAZAKHSTAN

ECONOMIC ASPECTS OF REGIONAL IDENTITY IN POST-SOVIET CENTRAL ASIA A. A. Aubakirova, I. N. Krengauz	8
FORMATION OF MACROLOGISTIC SYSTEMS IN THE CONDITIONS OF INTERNATIONAL INTEGRATION E. K. Kunyazov	19
NATIONAL MODELS OF CORPORATE GOVERNANCE AND WAYS TO IMPROVE THEM IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION COUNTRIES O. Uzhegova	36
NATIONAL CULTURE AND ENTREPRENEURSHIP: THE EXPERIENCE OF KAZAKHSTAN AND CHINA Y. Tongxin, N. Khalid, A. Ahmad	48

REGIONAL ECONOMY

EVALUATION OF REGIONAL COMPETITIVENESS BASED ON THE INDEX APPROACH G. Dyussebekova, D. Bekniyazova, Zh. Kenzhin	67
ASSESSMENT OF INTELLECTUAL POTENTIAL OF THE REGION G. B. Bermukhamedova	79

ECONOMY OF INDUSTRIAL MARKETS

GENDER GAP IN STEM STUDIES AND WAYS TO OVERCOME THEM: A KAZAKHSTAN CASE A. Kussaiynkyzy, G. Zh. Doskeyeva	91
PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF LIGHT RAIL TRANSPORT IN ALMATY D. M. Z. Islam, A. Telibayev	105
PRODUCTION PROGRAM OPTIMIZATION OF THE BAKERY INDUSTRY ENTERPRISE R. K. Yelshibayev, G. E. Zhunisbekova, S. Bolatkyzy	120
ISSUES OF STATE SUPPORT AND FINANCE OF CINEMATOGRAPHY IN KAZAKHSTAN A. B. Manakbaeva	135
SACRED TOURISM IN THE HOSPITALITY INDUSTRY OF KAZAKHSTAN A. Uaisova, S. D. Ussubaliyeva, S. S. Rakymshanova	152

FINANCIAL RISK MANAGEMENT

TRANSFORMATION OF THE BANKRUPTCY INSTITUTION IN KAZAKHSTAN G. K. Uashov, S. M. Zhanbyrbayeva	165
ASSESSMENT OF THE PROBABILITY OF KAZAKHSTAN BANKS BANKRUPTCY ON THE BASIS OF THE «BANKOMETER» MODEL A. Shakbutova, A. Shopasheva	175

INFORMATION TECHNOLOGIES IN ECONOMY

ECONOMIC ASPECTS OF THE KAZAKHSTANI AGRICULTURE DIGITALIZATION

H. Kusainov, B. Khusainov 189

BLOCKCHAIN TECHNOLOGY AS A TOOL FOR REAL ESTATE REGISTRATION

Y. Akhmetbek 201

MPHTI 06.52.41
JEL Classification: O1

ECONOMIC ASPECTS OF REGIONAL IDENTITY IN POST-SOVIET CENTRAL ASIA

A. A. Aubakirova¹, I. N. Krengauz²

¹Narxoz University, Almaty, Republic of Kazakhstan

²Turan University, Almaty, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

The purpose of the study. Is to identify economic factors that have a decisive influence on the development of regional identity in Central Asia.

The methodology. For studying the regional identity of post-Soviet Central Asia is based on the synthesis of various methods and techniques, at the same time, in order to ensure the reliability and comparability of the results obtained with their help.

Originality / value of the research. Regional identity is studied by representatives of various scientific fields: philosophers, sociologists, political scientists, linguists, geographers, economists, etc. Each of them is in the process of creating its own methodological apparatus and research tools, which indicates the interdisciplinary nature of this phenomenon. The works of most authors are mainly aimed at studying the processes of regional economic integration, in connection with which the value of this work is manifested, aimed at studying the economic aspect of the identity of the Central Asian region.

Research results. Strengthening regional identity in the economic sphere can be carried out through the development of export-import potential, multilateral cooperation at the informal and formal levels, the formation of interstate-private partnerships in export-oriented industries, the creation of interstate territorial-production clusters, border free economic zones such as technopolises and technoparks, joint ventures for the processing of agricultural products, the development of regional logistics systems and modern regional transport and logistics infrastructure.

Keywords: regional identity, economic factors, Central Asia, current state.

ПОСТКЕҢЕСТІК ОРТАЛЫҚ АЗИЯНЫҢ АЙМАҚТЫҚ БІРЕГЕЙЛІГІНІҢ ЭКОНОМИКАЛЫҚ АСПЕКТІЛЕРІ

A. A. Аубакирова¹, И. Н. Кренгауз²

¹Нархоз Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

²«Тұран» Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

АҢДАТПА

Зерттеудің мақсаты. Посткеңестік Орталық Азиядағы аймақтық бірегейліктің дамуына шешуші әсер ететін экономикалық факторларды анықтау.

Әдіснамасы. Посткеңестік Орталық Азияның аймақтық ерекшелігін зерттеу әдістемесі әртүрлі әдістер мен тәсілдердің синтезіне негізделген, бұл олардың көмегімен алынған нәтижелердің сенімділігі мен салыстырмалылығын қамтамасыз етеді. Ал зерттеу тәсілін таңдаудың негізгі критерийлері диалектикалық логика принциптері болды.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы. Аймақтық сәйкестікті әр түрлі ғылыми салалардың өкілдері: философтар, әлеуметтанушылар, саясаттанушылар, лингвистер, географтар, экономистер және т.б. зерттейді. Олардың әрқайсысы өзінің жеке әдістемелік аппараты мен зерттеу құралдарын жасау үстінде,

бұл осы құбылыстың пәнаралық сипаты туралы куәландырады. Көптеген авторлардың еңбектері негізінен аймақтық экономикалық интеграция процестерін зерттеуге бағытталған, осыған байланысты Орталық Азия аймағы бірегейлігінің экономикалық аспектілерін зерттеу бұл жұмыстың құндылығын көрсетеді.

Зерттеу нәтижелері. Экономикалық саладағы аймақтық бірегейлікті нығайту экспорттық-импорттық әлеуетті дамыту, бейресми және ресми деңгейлерде көпжақты ынтымақтастық, экспортқа бағытталған салаларда мемлекетаралық-жекеменшік серіктестіктерді қалыптастыру, мемлекетаралық аумақтық-өндірістік кластерлер, технополистер мен технопарктер сияқты шекарадағы еркін экономикалық аймақтарды құру, ауылшаруашылық өнімдерін қайта өңдеу бойынша бірлескен кәсіпорындар, аймақтық логистикалық жүйелер мен заманауи аймақтық көлік-логистикалық инфрақұрылымды дамыту арқылы жүзеге асырылуы мүмкін.

Түйін сөздер: аймақтық бірегейлік, экономикалық факторлар, посткеңестік Орталық Азия, қазіргі жағдайы.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОСТСОВЕТСКОЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

А. А. Аубакирова¹, И. Н. Кренгауз²

Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан

Университет «Туран», Алматы, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования. Выявление экономических факторов, оказывающих определяющее влияние на развитие региональной идентичности в постсоветской Центральной Азии.

Методология. Изучения региональной идентичности постсоветской Центральной Азии основывается на синтезе различных методов и методик, что обеспечит достоверность и сопоставимость результатов, получаемых с их помощью. А основными критериями выбора исследовательского подхода послужили принципы диалектической логики.

Оригинальность / ценность исследования. Региональную идентичность исследуют представители различных научных направлений: философы, социологи, политологи, языковеды, географы, экономисты и др. Каждое из них находится в процессе создания своего методологического аппарата и инструментов исследования, что свидетельствует о междисциплинарном характере данного явления. Труды большинства авторов направлены в основном на изучение процессов региональной экономической интеграции, в связи с чем проявляется ценность данной работы, направленной изучению экономического аспекта идентичности региона Центральной Азии.

Результаты исследования. Усиление региональной идентичности в экономической сфере может быть осуществлено путем развития экспортно-импортного потенциала, многосторонней кооперации на неформальном и формальном уровнях, формирования межгосударственно-частных партнерств в экспортно-ориентированных отраслях, создания межгосударственных территориально-производственных кластеров, приграничных свободных экономических зон типа технополисов и технопарков, совместных предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции, развития региональных логистических систем и современной региональной транспортно-логистической инфраструктуры.

Ключевые слова: региональная идентичность, экономические факторы, постсоветская Центральная Азия, современное состояние.

ВВЕДЕНИЕ

Последние события показали, насколько наш современный глобализированный мир уязвим. Практически дальнейшее существование человечества зависит от развития сотрудничества и взаимопо-

мощи государств, как в гуманитарном, так и в экономическом направлении. И в первую очередь надо забыть все разногласия и искать общие подходы к решению тех первоочередных глобальных проблем, которые возникли в связи с коронавирусной пандемией. Такого общемирового спада производства мировая экономика в последнее столетие еще не видела. Как выходить из этой ситуации. Усилиями одной страны это сделать невозможно. Наиболее эффективным подходом является развитие межгосударственного сотрудничества, как на глобальном, так и на региональном уровне. И если на уровне мирового сообщества прийти к консенсусу сложнее, то странам одного региона это сделать проще. На наш взгляд, в основе тут может лежать исторически сложившаяся региональная идентичность.

Предмет исследования данной статьи – региональная идентичность.

Объектом нашего исследования являются государства постсоветской Центральной Азии.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследованиям, связанным с региональной идентичностью, в классическом понимании этого термина значительное внимание уделялось и уделяется в Западной Европе. Европейские ученые – Breslin S., Hook G. [1], Buzan B., Waever O. [2], Fawcett L. [3; 4], Foqué R., Steenbergen J. [5], Kelly R. E. [6], Perrin T. [7], Brigevidic A. [8], Felgenhauer T., Mihm M., Schlottmann A. [9], Harrison J. [10] и др. накопили огромный опыт по исследованию культурологической, исторической, политической, социальной, экономической идентичности. Объяснение здесь, вероятно, надо искать в том, что западноевропейские государства, в послевоенный период в одиночку не могли противостоять на мировом рынке Соединенным Штатам Америки. Это подтолкнуло их к объединению политических и экономических усилий и, в итоге, породило идею сначала экономической, а потом и полной интеграции. Основой же полной интеграции, на наш взгляд, является региональная идентичность. Она базируется не на унификации, а наоборот предполагает поиск путей защиты исторической и культурной самобытности, экономической специализации государств, что позволяет, находя общие связующие звенья для стран региона сохранять и их национальную самобытность.

Использование европейских теорий применительно к региону Центральная Азия не применимо, так как уровень развития стран, общая ситуация, проблемы, которые стоят перед ними, несоизмеримы. По нашему мнению, при всей вовлеченности постсоветских государств Центральной Азии в процессы глобализации и сохранения в большинстве из них основ постсоветской ментальности, менталитет населения этих стран остается традиционным, восточным [11].

В советской науке понятие «региональная идентичность» было тождественно таким понятиям, как «самобытность», «специфичность» и «самосознание».

После развала СССР в первую очередь в российской науке произошел всплеск в изучении и развитии региональной идентичности представителями гуманитарных наук: культурологии, философии, географии, этнологии, истории, политологии, социологии: Туровский Р. Ф. [12], Жаде З. [33], Мананов А. Г. [14], Михайленко Е. Б. [15], Горшенина С. М. [16]. Причем ученые, в зависимости от направленности своего исследования, дают различные, иногда диаметрально противоположные определения региональной идентичности. Что касается вопросов региональной экономической идентичности, то лишь относительно недавно в России появились работы Чернобровкиной Н. И. [17], Баженовой Е. Ю., Баженова С. В. [18], Трофимова А. М., Шарыгина М. Д., Исмагилова Н. Н. [19], Смирнягина Л. В. [20], в которых уделяется значительное внимание данной проблематике. Хотя уже появились серьезные теоретические исследования Галазовой С. С. [21], Казаковой Г. М., Рязановой А. Ю. [22], Катковой М. А., Коротина В. О. [23], Торокановой Ф. [24]. Российские ученые также публикуют много работ по региональной идентичности в целом по России, а также в разрезе более мелких субъектов – Крыма, Тюменской области, Татарстана и т.п. Работы Новосельского Г. Я., Темкиной И. М. [25], Винокурова Е. Ю., Либман А. М., Максимчук Н. В. [26]. в основном направлены на изучение процессов экономической интеграции в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Приходится констатировать, что комплексные работы по проблемам экономической идентичности регионов в России пока отсутствуют.

В Казахстане эта тема также чрезвычайно актуальна в историческом, социологическом, культурно-конфессиональном плане. Публикуется много работ политологического, социологического характера: Дадабаев Т. [27], Бурнашев Р., Молдашев К. [28], Чукубаев Е. С., Кыдырбекова Б. С. [29], Linn J. F. [30], Allison R. [31], Rakhimov M. [32], Махмутова Е. В. [33], Либман А. М. [34], Корабоев И. [35].

Но комплексных работ по идентичности постсоветской Центральной Азии также пока нет.

Что касается региональной экономической идентичности, то ее исследование, на наш взгляд, должно основываться на междисциплинарном комплексном подходе и осуществляться как на макро, так и на макроуровне.

Представители экономических наук не пришли к единому мнению относительно совокупности критериев экономической идентичности. Многие ученые под экономической идентичностью понимают оценку региона исходя из уровня дохода, занятости и роста экономического благополучия. Также одним из основных показателей региональной экономической идентичности называется экономическая специализация региона, которая позволяет выявить его роль региона в международном и разделении труда. Для определения основных направлений возможной специализации региона используется такие индикаторы, как отраслевая структура валового внутреннего продукта (ВВП), основные экспортноориентированные отрасли, оказывающие определяющее влияние на формирование его экспортной стратегии, а отсюда и на место региона на мировом рынке и уровень его конкурентоспособности. Также значительно внимание уделяется такому показателю, как инновационный потенциал региона, который можно определить на основе места государств региона в глобальном индексе инноваций.

Существует также кластерный подход к определению основных критериев региональной экономической идентичности в основе его формирование территориально-производственного комплекса с материальными элементами – природно-географическими, экономическими, логистическими, инфраструктурными, а также нематериальными – политическими, социальными, ментальными культурными, гендерными, коммуникативными.

Мы согласны с мнением ряда авторов, полагающих, что считать совокупность территорий регионом возможно при наличии следующих основных составляющих:

- общность исторических судеб;
- особенности материальной и духовной культуры,
- ментальная общность;
- географическое единство территории;
- общий тип экономики.
- совместная работа в региональных и международных организациях.

В свою очередь, к основным критериям, обуславливающим рост региональной идентичности можно отнести:

- политические выгоды от сотрудничества;
- обеспечение национальной и региональной экономической безопасности;
- необходимость объединения для решения поставленных задач;
- повышение уровня конкурентоспособности государств региона на мировом рынке.

Для формирования и развития региональной идентичности в современных условиях нужна стартовая область. На наш взгляд, таковой является экономика. Это самый приемлемый катализатор регионального сотрудничества.

Эффективное экономическое сотрудничество, в свою очередь, невозможно без создания наднациональных и региональных институтов. Что в свою очередь является одним из механизмов формирования региональной идентичности. Также выживаемость региона, уровень его интеграции находятся в прямой зависимости от уровня развития этих межгосударственных образований.

Постсоветскую Центральную Азию в составе пяти постсоветских республик правомерно рассматривать как единый целостный регион. Это сложная система, состоящая из отдельных макро, мезо и микроподсистем, на специфику функционирования и развития которой оказывает влияние комплекс исторических, территориально-географических, социальных, культурных, геополитических, геоэкономических факторов.

Несмотря на вовлечение постсоветских государств Центральной Азии странами-соседями (Китай и Россия) в свои интеграционные проекты, а, может, в результате именно их деятельности, сегодня уже можно с уверенностью утверждать, что политическая и экономическая интеграция в постсоветской Центральной Азии зашла в тупик. Хотя неформальная экономическая интеграция на микроуровне все-таки присутствует. Ее развитию препятствуют межгосударственные барьеры. Предпринимательские слои и население приходят к пониманию необходимости объединения политических и экономических усилий для обеспечения конкурентоспособности национальных экономик, повышения уровня жизни, обеспечения национальной экономической безопасности.

Одни из основных факторов, сдерживающих развитие региональной экономической идентичности постсоветских государств Центральной Азии, является неравномерность их экономического развития. Это было характерно и для советского периода развития. К сожалению, пока еще (за исключением Казахстана) это в основном аграрно-сырьевые государства.

Доля региона в мировой экономике составляет около 0,3 %, доля же населения региона в населении мира – 1 %, то есть по объему ВВП Центрально-азиатский регион отстает примерно в 3 раза.

В то же время у него есть потенциал для того, чтобы занять более высокие позиции: в первую очередь страны региона обладают рядом ценных ресурсов – черные, цветные и драгоценные металлы, урановые руды, редкоземельные элементы, углеводородное сырье.

В данных государствах создана и развивается разветвленная транспортно-логистическая инфраструктура, что позволяет им играть роль транзитных государств, связывающих Европу и Азию. Кроме того, данные пять государств, находясь в самом сердце евразийского континента, занимают определяющую позицию в поддержании стабильности в этой части мира.

Казахстан, Узбекистан и Туркменистан, используя свой природный потенциал, смогли обеспечить развитие горнодобывающей, топливно-энергетической, металлургической и химической отраслей промышленности. Кроме того, в Казахстане и Узбекистане производятся легковые и грузовые автомобили, автобусы. В Кыргызстане хорошо развита легкая промышленность.

Одним из главных отраслей в экономике региона является сельское хозяйство. Основные массивы орошаемых земель находятся в Узбекистане, Туркменистане и Таджикистане, которые специализируются на производстве технических культур, овощей и фруктов. Что касается Казахстана и Кыргызстана, то на их землях выращиваются в основном зерновые культуры.

Животноводческая отрасль развита в основном в Казахстане, Кыргызстане, Узбекистане и Туркменистане. Лидирующие позиции в данной отрасли принадлежат овцеводству. На разведении крупного рогатого скота специализируются в основном в пригородных районах и в оазисах с большой плотностью населения.

К периоду распада СССР экономическим лидером в регионе являлся Казахстан, на долю которого в 1991 г. приходилось около половины ВВП региона. Ситуация не изменилась и в настоящее время. По основным макроэкономическим показателям, по месту в глобальных индексах конкурентоспособности, инноваций и человеческого развития наша страна занимает с большим отрывом ведущие позиции среди государств региона (смотрите таблицы 1, 2, 3).

Таблица 1 – Рейтинг государств Центрально-Азиатского региона в Глобальном индексе конкурентоспособности за 2020 г.

Страна	Место	Балл
Казахстан	55	62,9
<i>Кыргызстан</i>	96	54,0
<i>Туркменистан</i>	-	-
Таджикистан	104	52,4
Узбекистан*	-	-
Примечание – составлено авторами на основе источника [37]		
* Процесс вступления Узбекистана в ИГК займет два года, вступление страны ожидается в ИГК с 2021 года при соблюдении условий сотрудничества с Всемирным экономическим форумом.		

Таблица 2 – Рейтинг государств Центрально-Азиатского региона в Глобальном инновационном индексе (ГИИ) за 2019 г.

Страна	Место	Балл
Казахстан	79	31,0
<i>Кыргызстан</i>	90	28,4
<i>Туркменистан</i>	-	
Таджикистан	100	26,4
Узбекистан	-	-
Примечание – составлено авторами на основе источника [38]		

Таблица 3 – Рейтинг государств Центрально-Азиатского региона в Глобальном индексе человеческого развития за 2019 год

Страна	Место	Балл
Казахстан	50	0.817
<i>Кыргызстан</i>	122	0.674
<i>Туркменистан</i>	108	0,710
Таджикистан	125	0.656
Узбекистан	108	0,710
Примечание – составлено авторами на основе источника [39]		

Казахстан также является лидером в регионе по рейтингу качества жизни населения. Это агрегированный показатель, включающий в себя не только общие показатели развития государства, но и особенности жизни людей, уровень заработной платы, качество образования и др. (смотрите таблицу 4).

Таблица 4 – Рейтинг государств Центрально-Азиатского региона по качеству жизни в 2020 году

Страна	Место в рейтинге
Казахстан	47
<i>Кыргызстан</i>	80
<i>Туркменистан</i>	-
Таджикистан	94
Узбекистан	63
Примечание – составлено авторами на основе источника [40]	

Одним из важнейших показателей, оказывающих определяющее влияние на качество жизни, является заработная плата (смотрите таблицу 5).

Таблица 5 – Средняя заработная плата в странах Центральной Азии в 2019 г.
(в дол. США)

Страна	Средняя заработная плата
Казахстан	493.3
Кыргызстан	226
Туркменистан	-
Таджикистан	134
Узбекистан	249
Примечание – составлено авторами на основе источника [41]	

Из таблицы 5 видно, что самый низкий уровень средней зарплаты – в Таджикистане. По данным статистического комитета, лучшие показатели у Казахстана – 493 доллара к 2019 году.

По количеству официальных безработных в регионе лидировал в 2019 г. Узбекистан. За 10 лет уровень безработицы в этой стране вырос на 39 %. Отмечался рост безработицы в исследуемый период также и в Таджикистане и Кыргызстане.

По одному из ключевых макроэкономических показателей: производству валового внутреннего продукта на душу населения Республики Казахстан также, по-прежнему лидирует. За ней следуют Туркменистан, Узбекистан, Кыргызстан, замыкает региональный рейтинг по этому показателю – Таджикистан (смотрите таблицу 6).

Согласно рейтингу, рассчитанному по методике Всемирного банка, валовой национальный продукт (ВНП) является наибольшим в Казахстане, наименьшим – в Таджикистане и Киргизии (таблица 6). Странами с высоким уровнем считаются те, доход которых на душу населения превышает 12 тыс., со средним – от 1000 до 12 тыс., с низким – от 1000 и ниже. Таким образом, Казахстан, Туркменистан и Узбекистан имеют средний уровень национального дохода. Таджикистан и Киргизия относятся к группе стран с низким уровнем дохода.

Таблица 6 – Рейтинг государств Центрально-Азиатского региона по ВНП и ВВП в 2020 году (млн. долл. США)

Страна	ВНП	ВВП
Казахстан	8710	154947
<i>Кыргызстан</i>	1100	6714
<i>Туркменистан</i>	6670	37762
Таджикистан	1110	9662
Узбекистан	2220	70841
Примечание – составлено авторами на основе источника [42]		

Если рассматривать показатели валового внутреннего продукта (общей ценности всех товаров и услуг, произведенных жителями государства за год и выраженной в ценах конечного покупателя), то здесь опять лидирует Россия и Казахстан. Наименьшие показатели у Киргизии (смотри таблицу 6).

По ВВП на душу населения лидерами являются Казахстан и Туркменистан.

В качестве положительного фактора следует отметить рост товарооборота между странами Центральной Азии. В 2018 году по сравнению с 2017 г. он вырос более чем на 35 %, составив 12,2 млрд. долларов. В 2019 по сравнению с 2018 г. также наблюдался рост более чем на 30 %.

Лидером по объемам внешней торговли является Казахстан. На втором месте по объемам внешней торговли находятся Узбекистан и Туркменистан. Наименьшие объемы внешней торговли отмечаются в странах с менее развитой промышленностью и экономикой: Кыргызстане и Таджикистане.

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ (ВЫВОДЫ)

Учитывая малочисленность среднего класса и низкую емкость внутреннего рынка, страны региона должны ориентироваться на развитие экспортоориентированной модели экономики. Однако сложности, возникшие в процессе реализации идей диверсификации экономики, переориентации ее на развитие перерабатывающих отраслей, причем на основе передовых инновационных технологий, нехватка квалифицированных кадров, зависимость от импортного оборудования и технологий в ключевых секторах экономики не позволяют сделать экспорт более технологичным.

По нашему мнению, усиление региональной идентичности в экономической сфере может быть осуществлено путем развития экспортно-импортного потенциала, многосторонней кооперации на неформальном и формальном уровнях, формирования межгосударственно-частных партнерств в экспортно-ориентированных отраслях, создания межгосударственных территориально-производственных кластеров, приграничных свободных экономических зон типа технополисов и технопарков, совместных предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции, развития региональных логистических систем и современной региональной транспортно-логистической инфраструктуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Breslin S., Hook G. Micro-regionalism and World Order: Concepts, Approaches and Implications / ed. by S. Breslin, G. Hook // *Microregionalism and World Order*. Basingstoke, 2002. – 250 p.
2. Buzan B., Waever O. Regions and Powers: The Structure of International Security. 7th ed. – N. Y., 2010. – 570 p.
3. Fawcett L. Regionalism from Historical Perspective / ed. by M. Fareell, B. Hettne, L. Langenhove // *Global Politics of Regionalism: Theory and Practice*. L., 2005. – P. 21–25.
4. Fawcett L. Exploring Regional Domains: A Comparative History of Regionalism // *Intern. Affairs*. – 2004. – № 80 (3). – P. 429–446.
5. Foqué R., Steenbergen J. Regionalism: A Constitutional Framework for Global Challenges? / ed. by M. Farwell, B. Hettne, L. Langenhove // *Global Politics of Regionalism: Theory and Practice*. L., 2005. – P. 287–304.
6. Kelly R. E. Security Theory in the «New Regionalism» // *Intern. Studies Rev. Summer*. – 2007. – № 9/2. – P. 197–229.
7. Perrin T. New Regionalism and Cultural Policies: Distinctive and Distinguishing Strategies, from Local to Global // *J. of Contemporary Europ. Studies*. – 2012. – № 20 (4). – P. 459–475.
8. Brigevidich A. Regional identity and support for integration: An EU-wide comparison of parochialists, inclusive regionalist, and pseudo-exclusivists // *European Union Politics*. 2018. – Vol. 19. – № 4. – P. 639–662. – DOI: 10.1177/1465116518793708.
9. Felgenhauer T., Mihm M., Schlottmann A. The making of mitteldeutschland.on the function of implicit and explicit symbolic features for implementing regions and regional identity // *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*. – 2005. – Vol. 87. – № 1. – P. 45–60. – DOI:10.1111/j.0435-3684.2005.00177.x.
10. Harrison J. Re-reading the New Regionalism : A sympathetic Critique // *Space & Polity*. – 2006. – № 10 (1). – P. 21–46.
11. Aubakirova A., Umirzakov S., Aitenov N. New Silk Road: Opportunities and Threats for Central Asia (a view from Kazakhstan) // *Central Asia and Caucasus*. – 2017. – Vol. 18. – № 4. – P. 7–19.
12. Туровский Р. Ф. Региональная идентичность в современной России // *Российское общество: становление демократических ценностей?* – М.: Гендальф, 1999. – С. 130.
13. Жаде З. А. Россия в поисках региональной идентичности // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. – 2007. – № 6. – С. 58–67.
14. Манаков А. Г. Основы культурно-географической регионалистики. – Псков, 2005. – 188 с.
15. Михайленко Е. Б. «Старый» и «Новый» регионализм: теоретический дискурс. – 116 с.
16. Горшенина С. М. Изобретение концепта Средней / Центральной Азии: между наукой и геополитикой. / Перевод с французского М. Р. Майзульса. – Вашингтон, 2019. – 119 с.
17. Чернобровкина Н. И. Экономическая идентичность как форма самоопределения и самопозиционирования регионального социума // *Гуманитарий Юга России*. – 2015. – С. 134–141.
18. Баженова Е. Ю., Баженов С. В. Формирование научного концепта «Экономическая идентичность региона»: междисциплинарный подход // *Крымский научный вестник*. – 2015. – № 6. – С. 151–168.
19. Трофимов А. М., Шарыгин М. Д., Исмагилов Н. Н. Территориальная идентификация в географии и вернакулярные районы // *Геогр. вестник*. – 2008. – № 1 (7). – С. 5.
20. Смирнягин Л. В. О региональной идентичности // *Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран*. – М., Смоленск, 2007. – Вып. 17. – С. 21–49.
21. Галазова С. С. Региональная идентичность экономического пространства // *Экономика и управление*. – 2014. – № 6 (115). – С. 64–69.
22. Казакова Г. М., Рязанова А. Ю. Формирование региональной идентичности как драйвера экономического развития региона и города // *Урбанистика*. – 2017. – № 3. – С. 1–10. – DOI: 10.7256/2310-8673.2017.3.22480.
23. Каткова М. А., Коротин В. О. Социально-экономические факторы формирования национальной идентичности в условиях глобализации // *Изв. Саратов. ун-та Нов.сер. Сер. Экономика. Управление. Право*. – 2016. – № 3. – С. 281–287.

24. Тороканова Ф. Сущностная характеристика национальной идентичности // Проблемы Науки. – 2016. – №11 (53). – С. 125–128.
25. Новосельский Г. Я. Темкина И. М. Современные трактовки интеграционного процесса в Центральной Азии: анализ и прогноз // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика. – 2013. – С. 18–24.
26. Винокуров Е. Ю., Либман А. М., Максимчук Н. В. Динамика интеграционных процессов в Центральной Азии // Евразийская экономическая интеграция. – 2010. – № 2 (7). – С. 5–32.
27. Dadaev T. Shanghai Cooperation Organization (SCO) Regional Identity Formation from the Perspective of the Central Asia States // Journal of Contemporary China. – 2013. – Vol. 23. – P. 1–17. – DOI: 10.1080/10670564.2013.809982.
28. Бурнашев Р., Молдашев К. Взгляд на регионализацию центральной азии с точки зрения безопасности Регионализация в Центральной Азии. Стратегия Казахстана // Алматы: FriedrichEbertStiftung, 2019. – С. 17–27.
29. Чукубаев Е. С., Кыдырбекова Б. С. Регионализм и регионализация Центральной Азии BulletinKazNU. Series of International Relational and International Law. – 2012. – №1 (57). – С. 15–20.
30. Johannes F. Linn Central Asian Regional Integration and Cooperation: Reality or Mirage? // The Economics of the Post-Soviet and Eurasian Integration. EDB Eurasian Integration Yearbook, – 2012. – P. 96–117.
31. Allison R. Regionalism, Regional structures and Security Management in Central Asia // Intern. Affairs: (Royal Institute of International Affairs). – 2004. – № 80 (3). – P. 463–483.
32. Rakhimov M. Complex regionalism in Central Asia: Local, regional, and global factors // Cambridge Journal of Eurasian Studies. – 2018. – P. 124–128.
33. Махмутова Е. В. Центральная Азия в поисках собственной интеграционной модели // Вестник МГИМО-Университета. – 2018. – 4(61). – С. 78–91. – DOI 10.24833/2071-8160-2018-4-61-78-91.
34. Либман А. М. Интеграция снизу в Центральной Азии // Евразийская экономическая интеграция. – 2009. – № 1 (2). – С. 6–26.
35. Коробоев И., Молдашев К. Предыдущие исследования по Центральной Азии и отличие нашего подхода // Регионализация в Центральной Азии. Стратегия Казахстана. – 2019. – С. 9–16.
36. Глобальный индекс конкурентоспособности 2019 [Электронный ресурс] // Гуманитарная энциклопедия [web-портал]. – URL: <https://gtmarket.ru/ratings/global-competitiveness-index.org> (Дата обращения: 05.08.2020).
37. Global innovation index 2019 [Электронный ресурс] // Global Innovation Index [web-портал]. – URL: [index.org](https://www.gii.org/) (Дата обращения: 05.08.2020).
38. Глобальный индекс человеческого развития 2019 [Электронный ресурс] // Гуманитарная энциклопедия [web-портал]. – URL: <https://gtmarket.ru/ratings/human-development-index.org> (Дата обращения: 05.08.2020).
39. Рейтинг государств Центрально-Азиатского региона по качеству жизни [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам [web-сайт]. – URL: <https://russiancouncil.ru/library/stat/> (Дата обращения: 05.08.2020).
40. Средняя заработная плата в странах Центральной Азии в 2019 [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам [web-сайт]. – URL: <https://russiancouncil.ru/library/stat/> (Дата обращения: 05.08.2020).
41. Рейтинг государств Центрально-Азиатского региона по ВВП и ВВП в 2020 году [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам [web-сайт]. – URL: <https://russiancouncil.ru/library/stat/> (Дата обращения: 05.08.2020).

REFERENCES

1. Breslin, S. and Hook, G. (2002), “Micro-regionalism and World Order: Concepts, Approaches and Implications”, Microregionalism and World Order, Basingstoke, 250 p.

2. Buzan, B. and Waever, O. (2010), "Regions and Powers: The Structure of International Security", 7th ed., N. Y., 570 p.
3. Fawcett, L. (2005), "Regionalism from Historical Perspective", ed. by M. Farell, B. Hettne, L. Langenhove, *Global Politics of Regionalism: Theory and Practice*. L., pp. 21–25.
4. Fawcett, L. (2004), "Exploring Regional Domains: A Comparative History of Regionalism", *Intern. Affairs*, Vol. 80 (3), pp. 429–446.
5. Foqué, R. and Steenbergen, J. (2005), "Regionalism: A Constitutional Framework for Global Challenges?", ed. by M. Farwell, B. Hettne, L. Langenhove, *Global Politics of Regionalism: Theory and Practice*, London, pp. 287–304.
6. Kelly, R. E. (2007), "Security Theory in the «New Regionalism»", *Intern. Studies Rev.* Summer, No. 9/2, pp. 197–229.
7. Perrin, T. (2012), "New Regionalism and Cultural Policies: Distinctive and Distinguishing Strategies, from Local to Global", *J. of Contemporary Europ. Studies*, Vol. 20 (4), pp. 459–475.
8. Brigevid, A. (2018), "Regional identity and support for integration: An EU-wide comparison of parochialists, inclusive regionalist, and pseudo-exclusivists", *European Union Politics*, Vol. 19, No. 4, pp. 639–662, DOI: 10.1177/1465116518793708.
9. Felgenhauer, T., Mihm, M. and Schlottmann, A. (2005), "The making of mitteldeutschland on the function of implicit and explicit symbolic features for implementing regions and regional identity", *Geografiska Annaler: Series B, Human Geography*, Vol. 87, No. 1, pp. 45–60, DOI:10.1111/j.0435-3684.2005.00177.x.
10. Harrison, J. (2006), "Re-reading the New Regionalism : A sympathetic Critique", *Space & Polity*, Vol. 10 (1), pp. 21–46.
11. Aubakirova, A., Umirzakov, S. and Aitenov, N. (2017), "New Silk Road: Opportunities and Threats for Central Asia (a view from Kazakhstan)", *Central Asia and Caucasus*, Vol. 18, No. 4, pp. 7–19.
12. Turovskij, R. F. (1999), "Regional'naja identichnost' v sovremennoj Rossii", *Rossijskoe obshchestvo: stanovlenie demokraticeskikh cennostej?*, Gendal'f, Moscow, 130 p. (In Russian).
13. Zhade, Z. A. (2007), "Rossija v poiskah regional'noj identichnosti", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 12. Politicheskie nauki*, No. 6, pp. 58–67 (In Russian).
14. Manakov, A. G. (2005), "Osnovy kul'turno-geograficheskij regionalistiki", Pskov, 188 p. (In Russian).
15. Mihajlenko, E. B. «Staryj» i «Novyj» regionalizm: teoreticheskij diskurs. – 116 p. (In Russian).
16. Gorshenina, S. M. (2019), "Izobretenie koncepta Srednej / Central'noj Azii: mezhdru nauk i geopolitiki", translated by M. R. Majzul'sa, Vashington, 119 p. (In Russian).
17. Chernobrovkina, N. I. (2015), "Jekonomicheskaja identichnost' kak forma samoopredelenija i samopozicionirovanija regional'nogo sociuma", *Gumanitarij Juga Rossii*, pp. 134–141 (In Russian).
18. Bazhenova, E. Ju. and Bazhenov, S. V. (2015), "Formirovanie nauchnogo koncepta «Jekonomicheskaja identichnost' regiona»: mezhdisciplinarnyj podhod", *Krymskij nauchnyj vestnik*, No. 6, pp. 151–168 (In Russian).
19. Trofimov, A. M., Sharygin, M. D. and Ismagilov, N. N. (2008), "Territorial'naja identifikacija v geografii i vernakuljarnye rajony", *Geogr. Vestnik*, No. 1 (7), p. 5. (In Russian).
20. Smirnjagin, L. V. (2007), "O regional'noj identichnosti", *Voprosy jekonomicheskij i politicheskij geografii zarubezhnyh stran*, Smolensk, Moscow, Vol. 17, pp. 21–49 (In Russian).
21. Galazova, S. S. (2014), "Regional'naja identichnost' jekonomicheskogo prostranstva", *Jekonomika i upravlenie*, No. 6 (115), pp. 64–69 (In Russian).
22. Kazakova, G. M. and Rjazanova, A. Ju. (2017), "Formirovanie regional'noj identichnosti kak dravera jekonomicheskogo razvitiya regiona i goroda", *Urbanistika*, No. 3, pp. 1–10, DOI: 10.7256/2310-8673.2017.3.22480 (In Russian).
23. Katkova, M. A. and Korotin, V. O. (2016), "Social'no-jekonomicheskie faktory formirovanija nacional'noj identichnosti v uslovijah globalizacii", *Izv. Sarat. un-ta Nov.ser. Ser. Jekonomika. Upravlenie. Pravo*, No. 3, pp. 281–287 (In Russian).
24. Torokanova, F. (2016), "Sushnostnaja harakteristika nacional'noj identichnosti", *Problemy Nauki*, No. 11 (53), pp. 125–128 (In Russian).

25. Novosel'skij, G. Ja. and Temkina, I. M. (2013), "Sovremennye traktovki integracionnogo processa v Central'noj Azii: analiz i prognoz", Vestnik UGNTU. Nauka, obrazovanie, jekonomika. Serija: Jekonomika, pp. 18–24 (In Russian).
26. Vinokurov, E. Ju., Libman, A. M. and Maksimchuk, N. V. (2010), "Dinamika integracionnyh processov v Central'noj Azii", Evrazijskaja jekonomicheskaja integracija, No. 2 (7), pp. 5–32 (In Russian).
27. Dadaev, T. (2013), "Shanghai Cooperation Organization (SCO) Regional Identity Formation from the Perspective of the Central Asia States", Journal of Contemporary China, Vol. 23, pp. 1–17, DOI: 10.1080/10670564.2013.809982.
28. Burnashev, R. and Moldashev, K. (2019), "Vzgljad na regionalizaciju central'noj azii s točki zrenija bezopasnosti Regionalizacija v Central'noj Azii. Strategija Kazahstana", FriedrichEbertStiftung, Almaty, pp. 17–27.
29. Chukubaev, E. S. and Kydyrbekova, B. S. "Regionalizm i regionalizacija Central'noj Azii", BulletinKazNU. Series of International Relational and International Law, No. 1 (57), pp. 15–20.
30. Johannes, F. Linn (2012), "Central Asian Regional Integration and Cooperation: Reality or Mirage?", The Economics of the Post-Soviet and Eurasian Integration. EDB Eurasian Integration Yearbook, pp. 96–117.
31. Allison, R. (2004), "Regionalism, Regional structures and Security Management in Central Asia", Intern. Affairs: (Royal Institute of International Affairs), Vol. 80 (3), pp. 463–483.
32. Rakhimov, M. (2018), "Complex regionalism in Central Asia: Local, regional, and global factors", Cambridge Journal of Eurasian Studies, pp. 124–128.
33. Mahmutova, E. V. (2018), "Central'naja Azija v poiskah sobstvennoj integracionnoj modeli", Vestnik MGIMO-Universiteta, No. 4 (61), pp. 78–91, DOI 10.24833/2071-8160-2018-4-61-78-91, (In Russian).
34. Libman, A. M. (2009), "Integracija snizu v Central'noj Azii", Evrazijskaja jekonomicheskaja integracija, No. 1 (2), pp. 6–26.
35. Koraboev, I. and Moldashev, K. (2019), "Predydushhie issledovanija po Central'noj Azii i otlichie nashego podhoda", Regionalizacija v Central'noj Azii, Strategija Kazahstana, pp. 9–16. (In Russian).
36. "Global'nyj indeks konkurentosposobnosti 2019", Gumanitarnaja jenciklopedija, available at: <https://gtmarket.ru/ratings/global-competitiveness-index.org> (accessed: August 05, 2020) (In Russian).
37. "Global innovation index 2019", Global Innovation Index, available at: <https://globalinnovationindex.org> (accessed: August 05, 2020).
38. "Global'nyj indeks chelovecheskogo razvitija 2019", Gumanitarnaja jenciklopedija, available at: <https://gtmarket.ru/ratings/human-development-index.org> (accessed: August 05, 2020).
39. "Rejting gosudarstv Central'no-Aziatskogo regiona po kachestvu zhizni", Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam, available at: <https://russiancouncil.ru/library/stat/> (accessed: August 05, 2020) (In Russian).
40. Srednjaja zarabotnaja plata v stranah Central'noj Azii v 2019", Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam, available at: <https://russiancouncil.ru/library/stat/> (accessed: August 05, 2020) (In Russian).
41. "Rejting gosudarstv Central'no-Aziatskogo regiona po VNP i VVP v 2020 godu", Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam, available at: <https://russiancouncil.ru/library/stat/> (accessed: August 05, 2020) (In Russian).

SUMMARY

The article reveals the essence and specificity of regional identity and regional economic identity. The positions of the post-Soviet states of the Central Asian region are analyzed on the basis of statistical indicators. Proposals are made for the development of regional economic identity of the countries of this region.

ТҮЙІНДЕМЕ

Мақалада аймақтық сәйкестілік пен аймақтық экономикалық сәйкестіктің мәні мен ерекшелігі ашылады. Статистикалық көрсеткіштер негізінде Орталық Азия аймағындағы посткеңестік мемлекеттердің

позициялары талданады. Осы аймақ елдерінің аймақтық экономикалық сәйкестілігін дамыту бойынша ұсыныстар жасалады.

РЕЗЮМЕ

В статье выявляется сущность и специфика региональной идентичности и региональной экономической идентичности. На основе статистических показателей анализируются позиции постсоветских государств Центрально-азиатского региона. Вносятся предложения по развитию региональной экономической идентичности стран данного региона.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Аубакирова Амина Аубакирова – доктор географических наук, профессор, Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: aaubairova@mail.ru

Кренгауз Ирина Наумовна – кандидат экономических наук, доцент, Университет «Туран», Алматы, Республика Казахстан, e-mail: irina_krengauz@mail.ru

МРНТИ 06.39.31

JEL Classification: F55

FORMATION OF MACROLOGISTIC SYSTEMS IN THE CONDITIONS OF INTERNATIONAL INTEGRATION

E. K. Kunyazov

S. Toraigyrov Pavlodar State University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan

ANNOTATION

The purpose of the study. To reveal foreign experience in the implementation of the main methodological approaches to the construction of macro-logical systems in the context of globalization of the economy with the subsequent specification of the mechanisms of their development.

Methodology. The study was conducted using analytical and synthetic methods, a comparative analysis method. The sources of the study were theoretical and analytical articles, works of foreign authors, which examine global trends in the progressive evolution of global macro-logical systems.

Originality / value of the research. The author revealed the principles of the effective formation of global macro-logistic systems, taking into account the clear concretization of the management of both material and intangible logistics flows. The economic and organizational foundations of logistics in developed foreign countries are clearly indicated.

Findings. In foreign practice, as part of the phased evolution of macro-logical systems, the organizational foundations of their development are formed, focused on the intensification of both material and intangible flows. In countries with developed economies, special attention is paid to the development of such organizational elements of logistics as: a complex of state measures for investment support of logistics systems, the development of logistics centers, the functioning of a wide range of logistics elements to support intangible flows. At the present stage, in the conditions of industrialization 4.0, in foreign countries, maximum attention is paid to the intensification of intangible logistics flows focused on the development of an innovative economy.

Keywords; international integration, macro-logistic systems, logistics, logistics center, logistics associations, logistics infrastructure.

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ИНТЕГРАЦИЯ ШАРТЫНДА МАКРОЛОГИЯЛЫҚ ЖҮЙЕЛЕРДІ ҚАЛЫПТАСТЫРУ

Е. Қ. Кунязов

С. Торайғыров атындағы Павлодар мемлекеттік университеті,
Павлодар, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеудің мақсаты. Экономиканы жаһандандыру жағдайында макрологиялық жүйелерді құрудың негізгі әдіснамалық тәсілдерін жүзеге асырудың шетелдік тәжірибесін ашу және оларды дамыту тетіктерін нақтылау.

Әдіснамасы. Зерттеу аналитикалық және синтетикалық әдістерді, салыстырмалы талдау әдісін пайдалана отырып жүргізілді. Зерттеу көздері ретінде теориялық және аналитикалық мақалалар, шетелдік авторлардың еңбектері қызмет етті, онда жаһандық макрологиялық жүйелердің үдемелі эволюциясының әлемдік жаһандық трендтері қарастырылады.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы. Автор материалды және материалдық емес логистикалық ағындарды басқарудың нақты нақтылануын есепке ала отырып, жаһандық макрологиялық жүйелерді тиімді қалыптастыру принциптерін анықтады. Дамыған шет елдердегі логистиканың экономикалық және ұйымдастырушылық тетіктері нақты белгіленген.

Зерттеу нәтижелері. Шетелдік практикада макрологиялық жүйелердің кезең-кезеңімен эволюциясы шеңберінде материалдық және материалдық емес ағындарды қарқындалуға бағытталған олардың даму тетіктері қалыптастырылды. Экономикасы дамыған елдерде логистиканың мынадай ұйымдық элементтерін дамытуға ерекше көңіл бөлінеді: логистикалық жүйелерді инвестициялық қолдаудың мемлекеттік шаралар кешені, логистикалық орталықтарды дамыту, материалдық емес ағындарды қолдау үшін логистика элементтерінің кең спектрінің жұмыс істеуі. Қазіргі кезеңде 4.0 индустрияландыру жағдайында шет елдерде инновациялық экономиканы дамытуға бағытталған материалдық емес логистикалық ағындарды қарқындалуға барынша көңіл бөлінеді.

Түйін сөздер: халықаралық интеграция, макрологиялық жүйелер, логистика, логистикалық орталық, логистикалық қауымдастықтар, логистика инфрақұрылымы.

ФОРМИРОВАНИЕ МАКРОЛОГИСТИЧЕСКИХ СИСТЕМ В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

Е. К. Кунязов

Павлодарский государственный университет имени С. Торайгырова
Павлодар, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования. Раскрыть зарубежный опыт реализации основных методологических подходов к построению макрологистических систем в условиях глобализации экономики с последующей конкретизацией механизмов их развития.

Методология. Исследование было проведено с использованием аналитического и синтетического методов, метода сравнительного анализа. Источниками исследования послужили теоретические и аналитические статьи, труды зарубежных авторов, в которых рассматриваются мировые глобальные тренды поступательной эволюции глобальных макрологистических систем.

Оригинальность / ценность исследования. Автором выявлены принципы эффективного формирования глобальных макрологистических систем с учетом четкой конкретизации управления как материальными, так и нематериальными логистическими потоками. Четко обозначены экономические и организационные основы логистики в развитых зарубежных странах.

Результаты исследования. В зарубежной практике в рамках поэтапной эволюции макрологистических систем сформированы организационные основы их развития, ориентированные на интенсификацию как материальных, так и нематериальных потоков. В странах с развитой экономикой, особое внимание уделяется развитию таких организационных элементов логистики, как: комплекс государственных мер инвестиционной поддержки логистических систем, развитие логистических центров, функционирование широкого спектра элементов логистики для поддержки нематериальных потоков. На современном этапе, в условиях индустриализации 4.0, в зарубежных странах, максимальное внимание уделяется интенсификации нематериальных логистических потоков, ориентированных на развитие инновационной экономики.

Ключевые слова: международная интеграция, макрологистические системы, логистика, логистический центр, логистические ассоциации, инфраструктура логистики.

ВВЕДЕНИЕ

Экономические механизмы развития макрологистических систем в условиях международной интеграции являются объектом исследования в практике большинства зарубежных стран.

За рубежом, современные ученые-экономисты, менеджеры предприятий, предприниматели по мере накопления практического опыта, в том числе в области международных проектов, появления новой информации продолжают активно обсуждать проблемы логистики, ее организации и обеспечения выхода на оптимальный экономический эффект.

Логистические исследования, реализуемые в зарубежной практике, носят как прикладной, так и теоретический характер, выполняются различными научными и учебными центрами, отдельными специалистами, а также с привлечением научно-производственных и проектных структур, промышленных и транспортных предприятий. В зарубежной практике, изначально предполагалось, что логистическое управление включает вопросы, относимые исключительно к управлению физическим распределением материальных потоков, сбыту продукции, которые были особенно популярны в 60–70-е годы, а также до 90-х годов. Данному аспекту посвящались специальные исследования, разработки, модели, описываемые в научно-периодических изданиях [1]. На современном этапе в области построения и повышения эффективности логистики, в мировой практике акцентируется внимание на прямую корреляцию материальных логистических потоков, с другими структурами, обслуживающими производство, в том числе с выходом на межнациональный и внешнеэкономический уровни.

Выше представленные тенденции формирования концептуального видения логистики в зарубежной практике, представлены в соответствии с рисунком 1.

В рамках эволюции рыночных отношений с учетом глобализации мировой торговли, интенсификации международных интеграционных отношений, значительный интерес ученых сосредоточился на решении проблем организации макрологистики. Проблемы организации макрологистики находят отражение в научных трудах Сергеева В. И., решение которых сосредоточено на поисках оптимальных организационных решений создания логистических центров [2]. Другие ученые, Костюнина Г. М., Баронов В. И., сосредоточили поиск решения макрологистических проблем на принципах исследования деятельности научно-технологических парков и их ролевого значения в логистическом менеджменте [3]. Также определенные аспекты решения проблем макрологистики заложены в работах Корбетт Ф. посредством реализации аутсорсинговых проектов [4].

Рисунок 1 – Тенденции формирования концептуального видения логистики в зарубежной практике

Примечание – Составлено автором по источнику [1]

На современном этапе, с научной точки зрения, решение проблем функционирования макрологистических систем недостаточно исследовано и требует углубленного изучения на примере опыт зарубежных стран.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

В 60–90-е годы, в зарубежных странах, в частности в США и странах Европы, в рамках эволюции и тенденций материальной логистики, стали отмечать и искать приоритетные пути следующих проблем: недостаток складских площадей в рамках городских территорий; наличие резервов развития интермодальных и мультимодальных перевозок; предельно высокий уровень загруженности автомобильных дорог и динамичный рост объема грузовых автомобильных перевозок; уменьшение доли железнодорожных перевозок; недостаток портовых мощностей по принятию и обслуживанию грузов; рост конкуренции и необходимость удержания прибыли и рентабельности на эффективном уровне.

В решение выше представленных проблем были задействованы как государственные, так и частные институты рыночной экономики – малый и средний, крупный бизнес. Ролевые функции государства в развитии макрологистических систем были сосредоточены по таким направлениям, как: поддержка и развитие национальных железных дорог; решение экологических проблем автотранспортных сообщений; поддержка и развитие национальных систем малого и среднего бизнеса; поиск точечных приоритетных инвестиционных вложений в развитие макрологистических систем со сроками окупаемости менее 15–20 лет. В процессе решения проблем логистики, со стороны частных предприятий, фирм, компаний возникли идеи инновационных основ интенсификации материальных логистических потоков за счет современных создаваемых систем цифровых телекоммуникаций [2].

Составные элементы (субъекты) логистического центра в зарубежной практике представлены на рисунке 2.

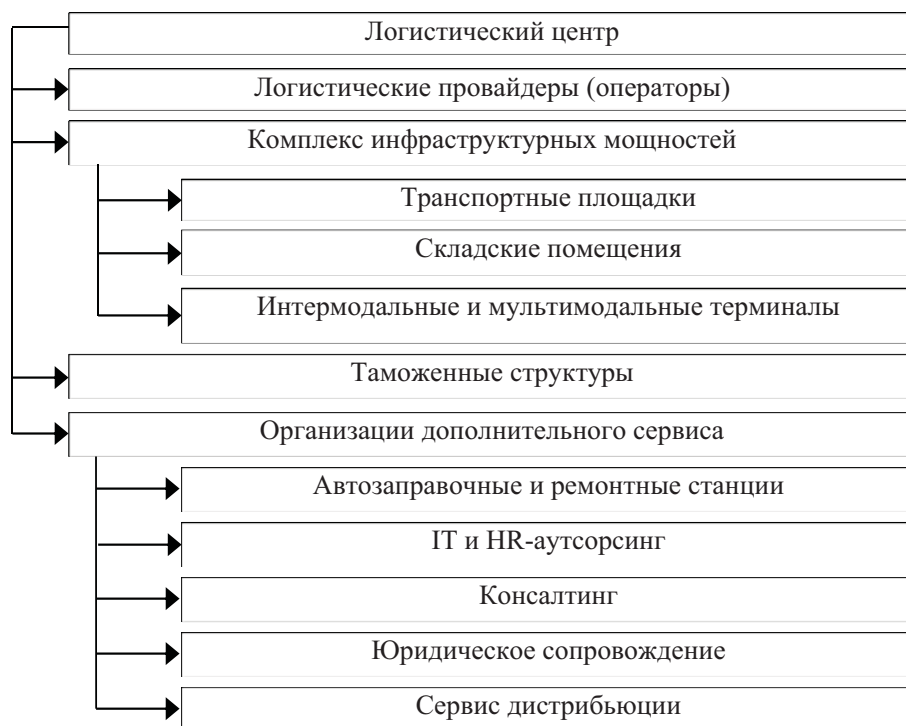

Рисунок 2 – Составные элементы (субъекты) логистического центра
в практике зарубежных стран

Примечание – составлено автором по источнику [2]

Создание логистических центров, проектирование и внедрение в практику транспортно-логистических технологий, позволило на макроуровне снизить затраты на логистику в структуре ценообразования товаров и услуг, а также существенно минимизировать логистические затраты производственных и торговых компаний. Данные индикативные тенденции представлены на рисунке 3.

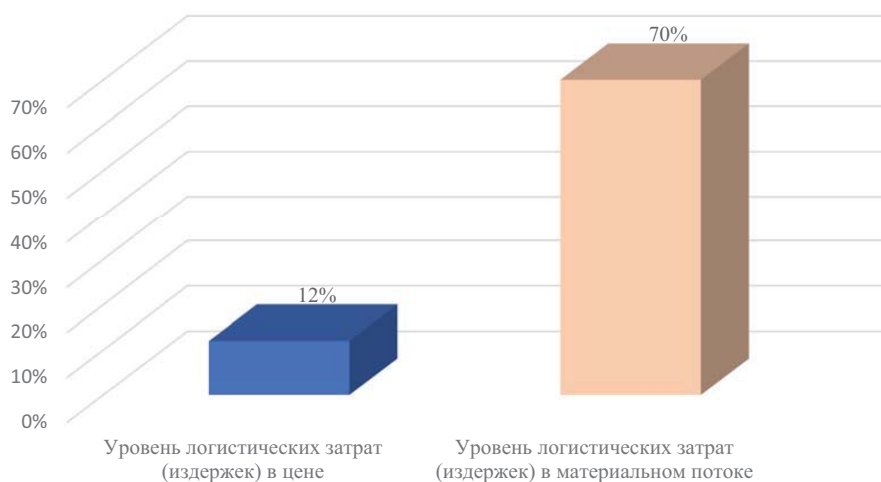

Рисунок 3 – Основные параметры достигнутого экономического эффекта от
проектирования и внедрения в практику зарубежных стран логистических центров
(за период с 1990 по 2015 годы)

Примечание – составлено автором по источнику [2]

Консенсусом государства и частных компаний в области развития макрологистических систем, стали проекты по интеграционному логистическому обслуживанию – создание национальных, международных логистических центров.

Логистический центр, с концептуальной точки зрения в зарубежной практике, представляет собой совокупность логистических провайдеров, операторов, оказывающих широкий спектр логистических услуг по продвижению и повышению эффективности материальных потоков как на национальном, так и международном уровнях.

Опыт большинства стран Евросоюза, показывает существенную роль логистических центров в сокращении совокупных логистических затрат потребителей. При этом логистические центры сохраняют хороший тренд эффективности. Например, эффективность деятельности голландских, французских и немецких логистических центров составляет 40 %, 31 % и 25 % соответственно. Общий совокупный логистических центров в Европейском Союзе составляет свыше 600 млрд. евро [2].

В странах Европейского Союза, уровни доходов различных логистических центров, в соответствии с рисунком 4, складывались по таким направлениям, как:

- управление складским менеджментом и перевозками;
- перевозка грузов за пределы стран (внешнее перемещение грузов);
- декларирование грузов (оформление и платежи);
- перевозка грузов внутри стран (внутреннее перемещение);
- интеграция (консолидирование) транспортных систем;
- точечная (прямая) перевозка грузов [2].

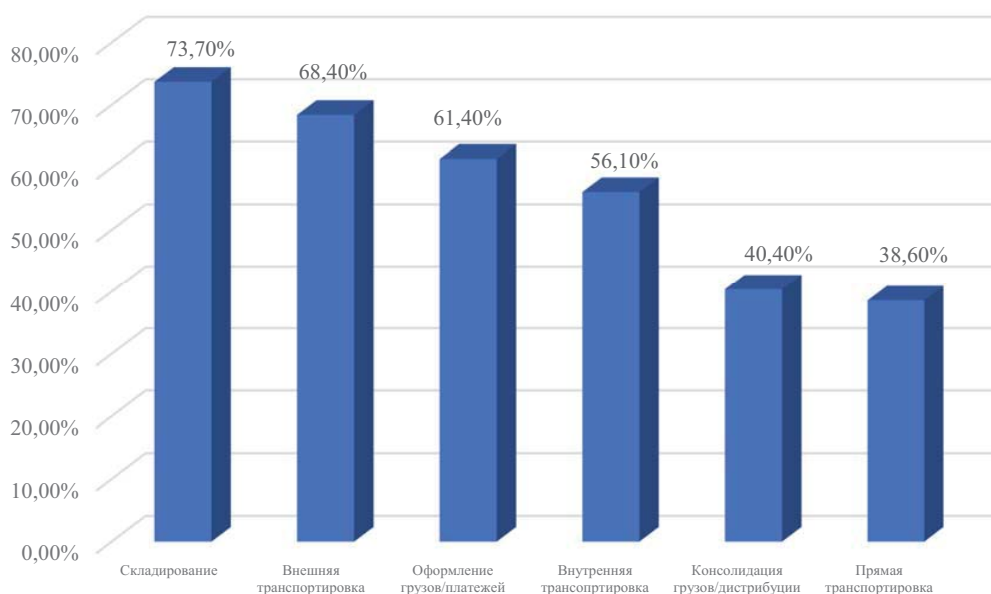

Рисунок 4 – Уровни доходов различных логистических центров в зарубежной практике по предметному признаку (за период с 1990 по 2015 годы)

Примечание – составлено автором по источнику [2]

Динамичное развитие конкуренции и научно-технического прогресса, международной торговли, создавали предпосылки развития не только материальных национальных и международных макрологистических систем, но и соответствующие предпосылки эффективного управления нематериальными потоками – инвестициями, патентами, лицензиями и ноу-хау, HR-ресурсами. При этом на практике между материальными и нематериальными потоками имеет место обратная корреляционная взаимосвязь.

В целях максимизации нематериальных потоков и минимизации материальных потоков в мировой практике были созданы такие институты инфраструктурной поддержки бизнеса и предпринимательства, как:

- научно-технологические парки и инжиниринговые центры;
- контрактные производства;
- рекрутинговые компании;
- консалтинговые корпорации.

В мировой практике, научно-технологические парки генерируют значительный потенциал инновационности экономики, инновационных производств с высокой добавленной стоимостью.

Научно-технологические парки в глобальной мировой практике, выступают предметом исследования международных научно-технических ассоциаций, которые исследуют понятие и сущность технопарков, прямую и косвенную их роль в экономическом росте. При этом, применительно к современным научно-технологическим паркам, отмечается, что данные организации:

- формируют нематериальные логистические потоки технологий, знаний, которые в последствии широко используются предпринимательскими структурами;
- в значительной степени интенсифицируют динамику создания инновационных малых, средних и крупных предприятий;
- позволяют современным предприятиям повышать конкурентоспособность за счет производства инновационной продукции с высокой добавленной стоимостью.

Следует отметить, в мире в целом технопарки широко распространены, но имеют много вариаций синонимом, что может затруднять их идентификацию [3].

Нематериальные потоки в научно-производственной деятельности технопарков могут быть систематизированы по его укрупненным структурно-функциональным элементам. При этом между структурными элементами и потребителями услуг технопарка формируются соответствующие нематериальные потоки, представленные на рисунке 5.

Как следствие, услуги технопарков, представленные нематериальными логистическими потоками, на определенном этапе жизненного цикла трансформируются в материальные потоки – прототипы, экспериментальная готовая инновационная продукция.

Наравне с технопарками, в практике развитых зарубежных стран, нематериальные логистические потоки формируются в системе инжиниринговых компаний.

Развитые страны мира, насчитывают сотни тысяч инжиниринговых компаний, как больших по размеру, так и средних, малых фирм. В США функционирует на рынке более 25 000 инжиниринговых организаций различного профиля и масштаба деятельности. В небольших инжиниринговых организациях, имеет место всего один профессиональный эксперт-консультант в какой-либо определенной области. В профессиональные обязанности последнего входит исключительно предоставление консалтинговых услуг. Вместе с тем, в США существует значительное количество инжиниринговых компаний-гигантов, которые занимаются строительным инжинирингом и выполняют полный цикл обязанностей по созданию крупных объектов.

Крупные Международные инжиниринговые компании специализируются в производственной и научно-технической сфере и оказывают услуги:

- научные исследования, разработка инноваций;
- проектирование производственных мощностей, их обеспечение и монтаж оборудования;
- строительство предприятий и пусконаладочные работы;
- производственный консалтинг, позволяющий снизить капитальные затраты на создание и переустройство производственных мощностей предприятий.

Рисунок 5 – Формирование нематериальных потоков на технопарке по структурно-организационным элементам в практике ведущих зарубежных стран мира

Примечание – составлено автором по источникам [3; 5; 6]

Инжиниринговые компании развитых стран мира, специализируются по видам инжиниринговых услуг и их отраслевой ориентации. Так, например, в Англии, США, Японии и Италии преобладают комплексные инженерно-строительные услуги. Во Франции, имеют место – инженерно-консультационные услуги.

В ведущих зарубежных странах, работают крупные инжиниринговые корпорации (центры) с огромным спектром инжиниринговых услуг. Данные инжиниринговые корпорации имеют и открывают филиалы в других странах, при этом наибольшая их деятельность в основном ориентирована на экспорт. К примеру, в Германии доля экспортных заказов инжиниринговых фирм составляет около 60 %, во Франции и Америке около 30 %.

Нематериальные логистические потоки в системе функционирования инжиниринговых компаний имеют место в зависимости от их видов. В зарубежной практике различают два вида инжиниринговых компаний:

- инженерно-консультационные;
- инженерно-строительные.

Инженерно-консультационные организации сосредоточены исключительно на инжиниринговом консалтинге.

Инженерно-строительные корпорации предлагают комплекс специализированных услуг, таких как:

- проектирование инженерных объектов;
- поставка и монтаж оборудования;
- наладка производственных мощностей и ввод их в эксплуатацию) [7].

Систематизация нематериальных логистических потоков в рамках видов инжиниринговых компаний, представлена в таблице 1.

Мировая практика эволюции нематериальных логистических потоков создала основы для появления инновационных форм логистической поддержки современных предприятий, фирм, компаний. Одной из таких форм в зарубежной практике выступают – контрактные производства.

Таблица 1 – Систематизация нематериальных логистических потоков в рамках видов инжиниринговых компаний в практике зарубежных стран

Виды инжиниринговых компаний	Виды нематериальных логистических потоков
Инженерно-консультационные компании	- всестороннее проведение маркетинговых исследований рынка с позиции оптимального технического, технологического и ресурсного обеспечения производства; - выполнение технико-экономических расчетов (технико-экономических обоснований); - проведение инженерных изысканий; - подготовка документации для проведения строительно-монтажных работ, испытательных работ техники и технологии; - специальные инжиниринговые услуги.
Инженерно-строительные компании	- трансферт технологий; - реализация программ по выходу предприятий на экономическую мощность; - обеспечение прогрессивности технико-экономических показателей; - прикладная подготовка и переподготовка HR-ресурсов.
Примечание – составлено автором	

В зарубежной практике, в целях снижения и оптимизации производственной себестоимости по различным структурным элементам затрат, современными компаниями составляется пул логистических стратегий, в рамках которых осуществляется поиск наиболее эффективных и приемлемых. Как следствие – очевидный факт экономии производственных затрат. Одной из логистических стратегий экономии производственных затрат – выступает стратегия использования контрактных производств [8; 9].

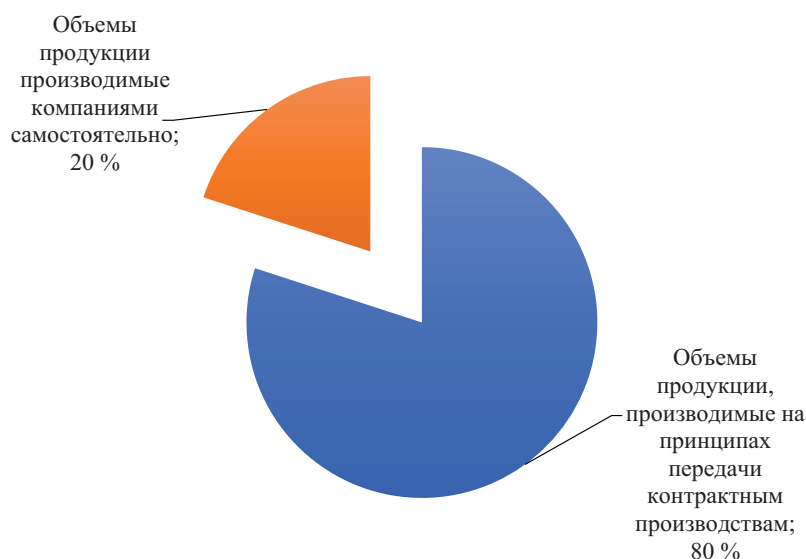

Рисунок 6 – Удельный вес производственных процессов, осуществляемых в зарубежной практике на принципах контрактного производства (за период с 1990 по 2015 годы)

Примечание – составлено автором по источнику [4]

Ученым Ф. Корбеттом акцентировано внимание на то, что в современной мировой производственной практике, в контрактных производствах задействовано от 70 до 80 % разработанной, спроектированной продукции, что представлено в соответствии с рисунком 6 [4].

Следует отметить, что как показывают исследования, в целом, в глобальной экономике, контрактные производства стали одним из важнейших инструментов разделения труда и построения глобальных макрологистических систем между такими странами, как США, Мексика, комплекс стран Азии («Азиатские тигры») [4].

Деятельности контрактных производств и их экономической роле, уделяется международными организациями, в частности UNCTAD [10].

Основными атрибутами современного контрактного производства выступают:

- процесс бизнес-моделирования производственного процесса и HR-менеджмента;
- аутсорсинговая деятельность (производственный аутсорсинг);
- цепочка поставок материальных ресурсов и производственного капитала;
- интеграция глобальных бизнес-партнеров [11].

Основные нематериальные потоки в контрактных производствах, представлены на рисунке 7.

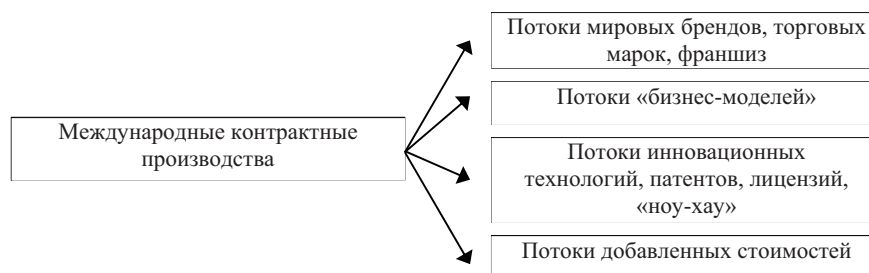

Рисунок 7 – Виды нематериальных логистических потоков в системе функционирования контрактных производств в зарубежной практике

Примечание – составлено автором

В зарубежной практике, при формировании глобальных макрологистических систем, специфичные нематериальные логистические потоки, формируют два вида организаций:

- рекрутинговые агентства;
- консалтинговые организации.

Предметом деятельности и нематериальными логистическими потоками в системе функционирования данных организаций – выступают HR-ресурсы.

Организация деятельности рекрутинговых агентств и консалтинговых организаций стала этапом эволюции рыночной экономики и производственно-хозяйственной деятельности современных компаний.

В глобальном масштабе, современная структура субъектов рынка рекрутинга представлена на рисунке 8.

Рекрутинг получил развитие в Северной Америке и Европейском Союзе [11]. Так, например, в Северной Америке, на рынке рекрутинга функционирует около 25 тыс. организаций, которые обслуживают HR-менеджмент и HR-процессы инновационно-ориентированных предприятий, фирм, компаний. Для выработки единых норм и правил рекрутинговой деятельности были созданы международные ассоциации рекрутингового бизнеса, численность которых составляет более 10.

В рамках стратегического периода, темпы роста дохода от рекрутинговых услуг, составляют 20 %. Данный тренд относится в полной степени к США, где рекрутинг получил широкое распространение.

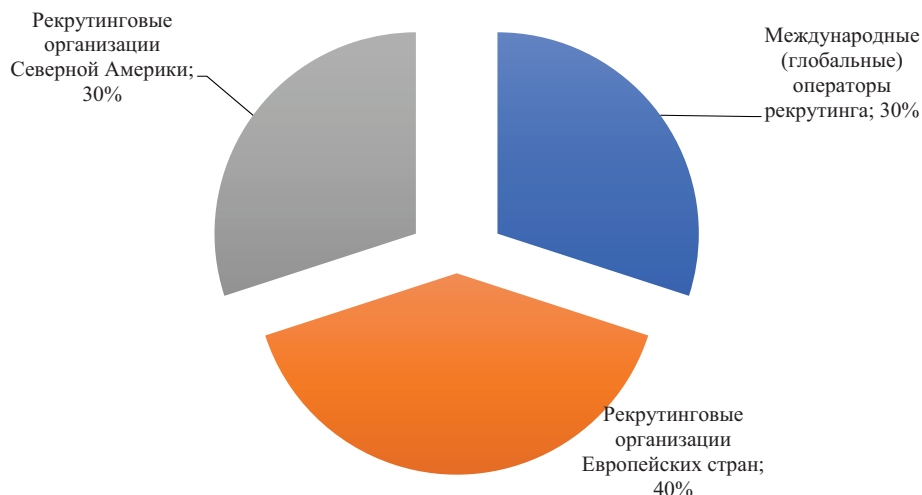

Рисунок 8 – Структура мирового рынка рекрутинга

Примечание – составлено автором по источнику [11]

Максимальный рост доходов и прибыли на рынке рекрутинга, приходится на следующие виды услуг:

- системное и временная ротация HR;
- лизинг HR;
- предоставление HR предприятиям, фирмам, компаниям для точечного решения проблем.

Динамический рост доходов на рынке рекрутинга наблюдается в странах Европейского Союза. При этом в большинстве таких стран, как Испания, Швеция, Франция, Нидерланды и другие, рост доходов от рекрутингового бизнеса варьирует в пределах от 20 % до 114 %.

Рынок рекрутинга также динамично развивается в таких странах, как: Китай, Гонконг, Сингапур, Австралия [11].

С учетом констатации предметного признака деятельности рекрутинговых компаний, в соответствии с рисунком 9, можно обозначить виды нематериальных логистических потоков присущих им.

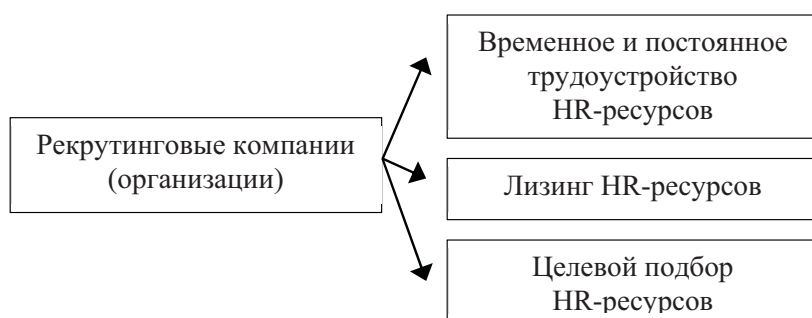

Рисунок 9 – Виды нематериальных логистических потоков в системе функционирования рекрутинговых компаний в практике зарубежных стран

Примечание – составлено автором по источнику [11]

Параллельно рынку рекрутинга, в зарубежной практике, динамично развивается рынок консалтинговых услуг. Лидером данного рынка выступает США. На втором месте находятся ведущие страны Европейского союза.

На современном этапе, средне-ежегодный рост рынка консалтинговых услуг США составляет 7,7 %, при обще годовом бюджете 55 миллиардов долл.

В Европейских странах динамичное развитие рынка консалтинговых услуг приходится на страны – Швейцария, Германия, Австрия. Двухлетний бюджет рынка консалтинга в данных странах составляет 8,7 млрд. Евро.

В зарубежной практике, приоритетными направлениями развития рынка консалтинговых услуг выступают:

- организационный менеджмент (разработка организационно-управленческих структур);
- вопросы ценообразования;
- вовлеченность HR-ресурсов в достижение стратегических целей компаний;
- повышение степени удовлетворенности потребителей;
- оптимизация логистики [12; 13; 14].

С учетом обозначенных данных направлений деятельности консалтинговых компаний, можно обозначить присутствующие им нематериальные логистические потоки, представленные на рисунке 10.

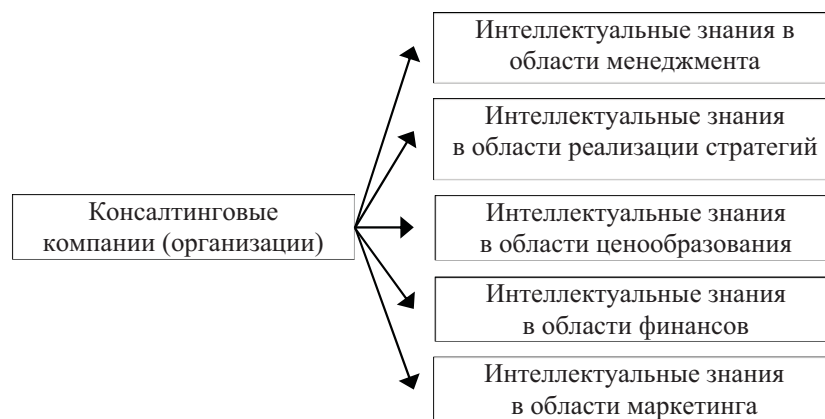

Рисунок 10 – Виды нематериальных логистических потоков в системе функционирования консалтинговых компаний в практике зарубежных стран

Примечание – составлено автором по источникам [12; 13; 14]

В целях поиска путей развития и повышения эффективности развития международных макрологистических систем, в зарубежной практике созданы национальные объединения организаций, заинтересованных в решении проблем логистики. Данные национальные объединения функционируют на правах общественных формирований некоммерческого характера, например:

- Европейская ассоциация логистики (ELA);
- ассоциация «Europlatform»;
- Геленикская Палата (Helenic Chambers) [1; 15; 16; 17].

Начиная с 1984 года, создана и функционирует Европейская логистическая ассоциация. Штаб-квартира данной ассоциации расположена в Швейцарии. Ассоциация охватывает и координирует деятельность 11 крупных логистических организаций.

Актуальность создания логистической ассоциации заключалась в том, что логистика уже к середине 80-х годов динамичного развития рыночных отношений и глобального рынка, логистика рассматривалась как ключевой фактор успеха, с учетом нарастающих тенденций конкурентного противостояния мировых корпораций США, Японии и стран Европы.

На современном этапе развития международной глобальной экономики, Европейская ассоциация логистики (ELA) пополняется новыми организациями из стран с динамично развивающейся экономикой. Так: например, в данную ассоциацию вошла Национальная логистическая ассоциация Российской Федерации [14].

В организационно-управленческой структуре ELA, в соответствии с рисунком 11, функционируют два постоянно действующих комитета:

- комитет управления деятельностью;
- образовательный и исследовательский комитет.

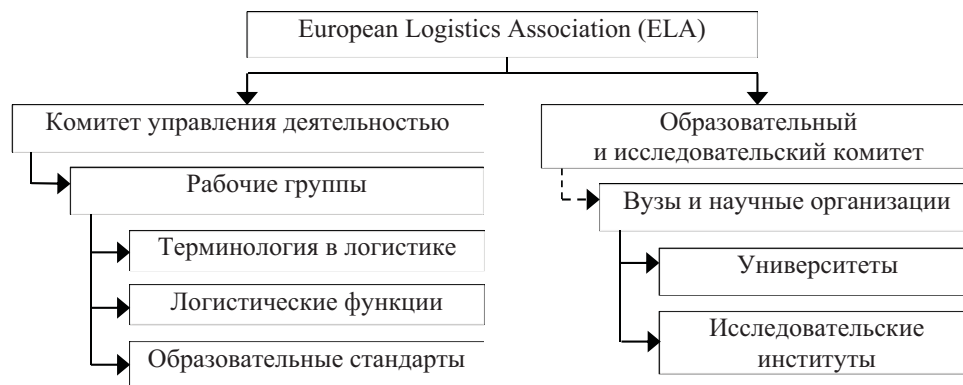

Рисунок 11 – Укрупненная организационно-управленческая структура ELA

Примечание – составлено автором по источнику [1]

Комитет управления деятельностью отвечает за организацию и проведение конференций, семинаров, функционирование рабочих групп. Координирует издательские работы для официальных публикаций ассоциации.

В рамках комитета управления деятельностью, образованы три рабочие группы:

- рабочая группа, разрабатывающая терминологию в логистике;
- рабочая группа, разрабатывающая логистические функции;
- рабочая группа, разрабатывающая образовательные стандарты.

Образовательный и исследовательский комитет координирует образовательную и исследовательскую деятельность. Он осуществляет тесный контакт с университетами и исследовательскими институтами, создает основы актуальности работы с учетом тенденций развития логистики в международной практике. Основные функции ELA сосредоточены по комплексу направлений, представленных в соответствии с рисунком 12.

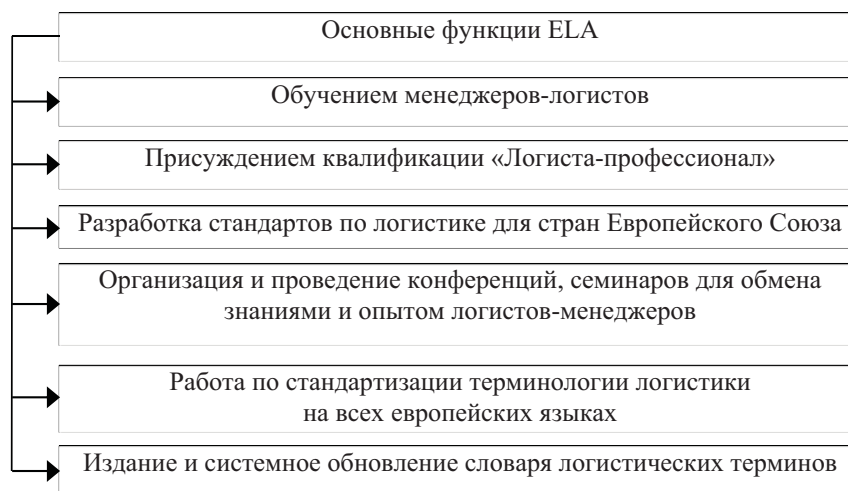

Рисунок 12 – Основные функции ELA

Примечание – составлено автором по источникам [1; 15]

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ (ВЫВОДЫ)

Исследуя зарубежный опыт функционирования логистики на макро- и глобальных уровнях, по нашему мнению, можно обозначить экономические и организационные механизмы развития логистики, которые могут быть применимы к опыту функционирования рыночной экономики Республики Казахстан.

В общем виде, экономические и организационные механизмы развития макрологистических систем в условиях международной интеграции в рамках опыта зарубежных стран, представлены на рисунке 13.

Рисунок 13 – Экономические и организационные механизмы развития макрологистических систем в условиях международной интеграции в рамках опыта зарубежных стран

Примечание – составлено автором

К экономическим механизмам развития макрологистических систем в условиях международной интеграции следует отнести:

- государственная инвестиционная поддержка и развитие национальных железных дорог;
- государственная инвестиционная поддержка в решении экологических проблем автотранспортных сообщений;
- государственная инвестиционная поддержка развития национальных систем малого и среднего бизнеса;

- поиск точечных инвестиционных вложений в развитие макрологистических систем со сроками окупаемости менее 15–20 лет;

- инвестиции в развитие материальных и нематериальных макрологистических систем со стороны частного бизнеса.

К организационным механизмам развития макрологистических систем в условиях международной интеграции следует отнести:

- создание и динамичное развитие логистических центров и их эффективная интеграция с субъектами бизнеса и предпринимательства;

- создание и динамичное развитие инфраструктуры по обеспечению движения нематериальных логистических потоков (технопарки, инжиниринговые компании, контрактные производства, рекрутинговые и консалтинговые организации);

- международные ассоциации логистических операторов.

В комплексе, исследование и анализ зарубежного опыта функционирования экономических и организационных механизмов развития макрологистических систем в условиях международной интеграции показывает, что логистике, как одной из ведущих подсистем рыночной экономики уделяется важное внимание как со стороны государственных, так и со стороны частных рыночных институтов. Экономические и организационные механизмы функционирования логистики вышли за пределы национальных границ зарубежных стран и носят транснациональный характер. Основным этапом развития глобальных макрологистических систем охватывал полувековой период с момента акцентирования особого внимания на оптимизацию материальных потоков до проработки логистики управления нематериальными потоками, ориентированных на развитие инновационной экономики. Определенным этапом эволюции глобальных макрологистических систем, стало задействование в их управлении общественных организаций – логистических ассоциаций с привлечением научных институтов (научно-исследовательские организации, высшие учебные заведения).

Зарубежный опыт развития глобальных макрологистических систем, по нашему мнению, может быть комплексно применен в практике развития рыночной экономики Республики Казахстан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воронов В. И., Воронов А. В., Лазарев В. А., Степанов В. Г. Международные аспекты логистики: Учебное пособие. / Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2002. – 168 с.

2. Сергеев В. И. Общие тенденции развития логистических центров за рубежом [Электронный ресурс] // Научно-аналитический журнал «Логистика и управление цепями поставок» [web-сайт]. – №5 (52). – 2012. – С. 35. – URL: <http://lscm.ru/index.php/ru/publicly/item/1177-общие-тенденции-развития-логистических-центров-за-рубежом> (дата обращения: 13.05.2020).

3. Костюнина Г. М., Баронов В. И. Технопарки в зарубежной и российской практике [Электронный ресурс] // МГИМО Университет [Офиц. сайт]. – С. 91–98. – URL: https://mgimo.ru/files/225765/12_Kostunina-Baronov.pdf (дата обращения: 13.05.2020).

4. Corbett F. The Outsourcing Revolution: Why it makes sense and how to do it right. – Deabourn, 2004. – 256 p.

5. Rakhimova S. A. The conception of managing innovation process while forming «traditional» model of innovative development of economy // Asian Social Science. – 2015. – № 11 (5). – P. 324–332. – DOI:10.5539/ass.v11n5p324.

6. Goncharenko L., Sybachin S., Rakhimova S., Podbiralina G. Innovative activity of enterprises in the digital economy. IOP Conference Series Earth and Environmental Science. – 2019. – P. 1–6. – DOI: 10.1088/1755-1315/337/1/012055.

7. Что такое международный инжиниринг [Электронный ресурс] // ICC: The World business organization [web-сайт]. – 2016. – URL: <http://www.iccwbo.ru/blog/2016/mezhdunarodnyy-inzhiniring-vidy-i-primery/> (дата обращения: 13.05.2020).
8. Малеванная Т. С. Сущность и формы международного контрактного производства // Международный научно-исследовательский журнал [web-сайт]. – 2016. – № 11 (53). – Часть 1. – С. 51–53. – URL: <https://research-journal.org/economical/sushhnost-i-formy-mezhdunarodnogo-kontraktnogo-proizvodstva/> (дата обращения: 18.05.2020). – DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.119.
9. Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными / Пер. с англ. Н. Автономовой; под ред. В. Автомова. – М.: Изд. Дои Гос. Ун-та – Высшей школы экономики. – 2011. – 210 с.
10. World investment report 2011: Non-equity models of international production and development [Электронный ресурс] // UNCTAD [Офиц. сайт]. – 2010 – 226 p. URL: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2011_en.pdf (дата обращения: 18.05.2020).
11. Тюльпанов А. Зарубежный опыт развития рекрутинга [Электронный ресурс] // Управление персоналом [web-сайт]. – 2018. – № 19. – URL: <http://www.top-personal.ru/issue.html?1762> (дата обращения: 18.05.2020).
12. Иванова О. А. Зарубежный опыт оказания консалтинговых услуг в сфере розничной торговли [Электронный ресурс] // Evansys: Federal Center of Science and Education [web-сайт]. – 2017. – URL: <http://evansys.com/articles/prioritetnye-zadachi-i-strategii-razvitiya-ekonomiki-i-menedzhmenta-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itog/sektsiya-2-ekonomika-i-upravlenie-narodnym-khozyaystvom/zarubezhnyy-opyt-okazaniya-konsaltingovykh-uslug-v-sfere-rozничnoy-torgovli/> (дата обращения: 13.05.2020).
13. Ковшова М. В., Иванова О. А. Формы оказания консалтинговых услуг: исторический и современный аспекты // Инновации и современные технологии в кооперативном секторе экономике: Материалы международной научно-практической конференции в рамках ежегодных Чаяновских чтений. Российский университет кооперации. – 2014. – С. 183-187.
14. Ломтев А. М. Категорийный менеджмент в закупках как инструмент повышения эффективности бизнеса // Мир климата. – 2016. – № 99. – 129 с.
15. Европейская логистическая ассоциация (European Logistics Association) [Электронный ресурс] // Блог о логистике [web-портал]. – 2012. – URL: <http://www.galaxylogistics.ru/slovar-logistiki/e-ru/evropeyskaya-logisticheskaya-assotsiatsiya-european-logistics-association-ela.html> (дата обращения: 13.05.2020).
16. Welcome to the European Logistics Association [Электронный ресурс] // Empowering Logistics [web-сайт]. – URL: <https://www.elalog.eu/home> (дата обращения: 13.05.2020).
17. Корпоративная логистика в вопросах и ответах / Под ред. проф. В. И. Сергеева. – М.: ИНФРА-М, 2013. – 634 с.

REFERENCES

1. Voronov, V. I., Voronov, A. V., Lazarev, V. A. and Stepanov, V. G. (2002), “Mezhdunarodnye aspekty logistiki”, VGUES, Vladivostok, 168 p. (In Russian).
2. Sergeev, V. I. (2012), “Obshchie tendencii razvitiya logisticheskikh centrov za rubezhom”, Logistika i upravlenie cepyami postavok, No. 5 (52), p. 35, available at: <http://lscm.ru/index.php/ru/publicly/item/1177-obshchie-tendencii-razvitiya-logisticheskikh-centrov-za-rubezhom> (accessed: May 13, 2020) (In Russian).
3. Kostyunina, G. M. and Baronov, V. I. “Tekhnoparki v zarubezhnoj i rossiiskoi praktike”, MGIMO Universitet, p. 91–98, available at: https://mgimo.ru/files/225765/12_Kostunina-Baronov.pdf (accessed: May 13, 2020) (In Russian).
4. Corbett, F. (2004), “The Outsourcing Revolution: Why it makes sence and how to do it right”, Deabourn, 256 p.

5. Rakhimova, S. A. (2015), "The conception of managing innovation process while forming «traditional» model of innovative development of economy", *Asian Social Science*, No. 11 (5), p. 324–332, DOI:10.5539/ass.v11n5p324.
6. Goncharenko, L., Sybachin, S., Rakhimova, S. and Podbiralina, G. (2019), "Innovative activity of enterprises in the digital economy", *IOP Conference Series Earth and Environmental Science*, p. 1–6, DOI: 10.1088/1755-1315/337/1/012055.
7. "Chto takoe mezhdunarodnyj inzhiniring" (2016), ICC: The World business organization, available at: <http://www.iccwbo.ru/blog/2016/mezhdunarodnyy-inzhiniring-vidy-i-primery/> (accessed: May 13, 2020) (In Russian).
8. Malevannaya, T. S. (2016), "Sushchnost' i formy mezhdunarodnogo kontraktnogo proizvodstva", *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*, No. 11 (53), Ch. 1, pp. 51–53, available at: <https://research-journal.org/economical/sushchnost-i-formy-mezhdunarodnogo-kontraktnogo-proizvodstva/> (accessed: May 18, 2020), (In Russian), DOI: 10.18454/IRJ.2016.53.119.
9. Rajnert, E. S. (2011), "Kak bogatye strany stali bogatymi i pochemu bednye strany ostayutsya bednymi", translated by N. Avtonomova, Moscow, Doi Gos. Un-ta – Vyshej shkoly ekonomiki, 210 p.
10. "World investment report 2011: Non-equity models of international production and development" (2010), UNCTAD, 226 p., available at: http://unctad.org/en/PublicationsLibrary/wir2011_en.pdf (accessed: May 18, 2020).
11. Tyul'panov, A. (2018), "Zarubezhnyj opyt razvitiya rekrutinga", *Upravlenie personalom*, No. 19, available at: <http://www.top-personal.ru/issue.html?1762> (accessed: May 18, 2020) (In Russian).
12. Ivanova, O. A. (2017), "Zarubezhnyj opyt okazaniya konsaltingovykh uslug v sfere roznichnoj trgovli", *Evansys: Federal Center of Science and Education*, available at: <http://evansys.com/articles/prioritetnye-zadachi-i-strategii-razvitiya-ekonomiki-i-menedzhmenta-sbornik-nauchnykh-trudov-po-itog/sektsiya-2-ekonomika-i-upravlenie-narodnym-khozyaystvom/zarubezhnyy-opyt-okazaniya-konsaltingovykh-uslug-v-sfere-roznichnoy-torgovli/> (accessed: May 13, 2020) (In Russian).
13. Kovshova, M. V. and Ivanova, O. A. (2014), "Formy okazaniya konsaltingovykh uslug: istoricheskij i sovremennyy aspekt", *Innovacii i sovremennye tekhnologii v kooperativnom sektore ekonomike: Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii v ramkah ezhegodnykh Chayanovskih chtenij. Rossijskij universitet kooperacii*, pp. 183–187.
14. Lomtev, A. M. (2016), "Kategorijnyj menedzhment v zakupkah kak instrument povysheniya effektivnosti biznesa", *Mir klimata*, No. 99, 129 p.
15. "Evropejskaya logisticheskaya asociaciya (European Logistics Association)" (2012), *Blog o logistike*, available at: <http://www.galaxylogistics.ru/slovar-logistiki/e-ru/evropejskaya-logisticheskaya-assotsiatsiya-european-logistics-association-ela.html> (accessed: May 13, 2020).
16. "Welcome to the European Logistics Association", *Empowering Logistics*, available at: <https://www.elalog.eu/home> (accessed: May 13, 2020).
17. Sergeev, V. I. (2013), "Korporativnaya logistika v voprosah i otvetah", *INFRA-M*, Moscow, 634 p.

SUMMARY

The article touches upon and examines in detail modern and relevant methodological techniques for constructing macrologistic systems in world practice, taking into account the dynamics of scientific and technological progress and innovative trends in modern industrial technologies. Particular attention is paid to the fact that in macro-logical systems transformational changes have occurred as part of the transition of production from material flows to intangible ones. In a complex, the article outlines the most important organizational and economic priorities for constructing macro-logistic systems that can be developed in the practice of the economy of the Republic of Kazakhstan.

ТҮЙІНДЕМЕ

Мақалада ғылыми-техникалық прогресс динамикасын және қазіргі өнеркәсіптік технологиялардағы инновациялық үрдістерді ескере отырып, әлемдік практикада макрологиялық жүйелерді құрудың қазіргі заманғы және өзекті әдіснамалық тәсілдері қарастырылды және егжей-тегжейлі қарастырылды. Макрологиялық жүйелерде өндірістердің материалдық ағындардан материалдық емес ағындарға көшуі шеңберінде трансформациялық өзгерістер орын алуына ерекше назар аударылды. Мақалада Қазақстан Республикасы экономикасының практикасында дами алатын макрологиялық жүйелерді құрудың маңызды ұйымдық-экономикалық тетіктері көрсетілген.

РЕЗЮМЕ

В статье затронуты и детально рассмотрены современные и актуальные методологические приемы построения макрологистических систем в мировой практике с учетом динамики научно-технического прогресса и инновационных тенденций в современных промышленных технологий. Особое внимание акцентировано на то, в макрологистических системах произошли трансформационные изменения в рамках перехода производств от материальных потоков к нематериальным. В комплексе в статье обозначены важнейшие организационно-экономические приоритеты построения макрологистических систем, которые могут получить развитие в практике экономики Республики Казахстан.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кунязов Ерлан Каирбекұлы – доктор PhD, Павлодарский государственный университет имени С. Торайгырова, Республика Казахстан, e-mail: kunyazov_erlan@mail.ru

МРНТИ: 82.13.21, 06.56.81, 06.73.21

JEL Classification: O16, G30, G38

NATIONAL MODELS OF CORPORATE GOVERNANCE AND WAYS TO IMPROVE THEM IN THE EURASIAN ECONOMIC UNION COUNTRIES

O. Uzhegova

«KIMEP» University NJSC, Almaty, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

Purpose of the research. To identify the ways for improving the efficiency of the corporate governance models adopted and ways for harmonization of the legislation in countries -members of the Eurasian Economic Union effective January 1, 2015.

Methodology. Evaluation of the corporate governance models adopted at the national level in countries-members of the Eurasian Economic Union has been performed based on the analysis of the legislation. To grasp a practical ramifications of norms envisaged in the laws, an in-depth interview with corporate lawyers of Kazakhstan has been conducted.

Originality / value of the research. This research examines to what extent the right of shareholders, regardless of the country of origin and his/her share in the capital of the corporation, to be represented in the boards for the purpose of protection of their interests, could be realized in countries – members of the Eurasian

Economic Union. Further, this study looks at the role of independent directors in the process of realization of the rights of investors in selected jurisdictions.

Findings. The results of the research undertaken demonstrate notable deficiency in implementing an effective corporate governance model in courtiers – members of the Union. In this study ways for improving the efficiency of the corporate governance models and for harmonization of the legislation of countries -members of the Eurasian Economic Union are offered.

Keywords: corporate governance, minor shareholders, foreign investors, protection of the rights of shareholders, independent directors

ЕУРАЗИЯЛЫҚ ЭКОНОМИКАЛЫҚ ОДАҚ ЕЛДЕРІНДЕГІ КОРПОРАТИВТІ БАСҚАРУДЫ ҰЛТТЫҚ МОДЕЛДЕРІ ЖӘНЕ ОЛАРДЫ ЖЕТІЛДІРУ ЖОЛДАРЫ

О. Ужегова

«КИМЭП» Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеу мақсаты. 2015 ж 1 қаңтардан бастап қызмет ететін Еуразиялық Экономикалық Одақ елдеріндегі қолданыстағы корпоративтік басқару үлгілері тиімділігін арттыру тәсілдерін және заңнаманы үйлестіру жолдарын анықтау.

Зерттеу әдіснамасы. Еуразиялық Экономикалық Одақ елдеріндегі қолданыстағы корпоративтік басқару үлгілерін талдау заңнамалық базасын талдаудың негізінде жасалған. Қолданыстағы заңнама көздейтін қағидалар іс жүзінде қалай асырылатынын түсіну үшін Қазақстан корпоративтік заңгерлемен сұхбаттасулар жүргізілді.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы. Мақалада Еуразиялық Экономикалық Одақ елдеріндегі акционерлердің құқықтары, азаматтығына және бизнеске қатысу үлесіне қарамастан, өз мүдделерін қорғау мақсатымен директорлар кеңесінде өкілдік ету мүмкіндігі жағынан іске асырылу деңгейі туралы мәселе көтеріледі. Сонымен қатар тандалған құзыреттерде инвесторлардың құқықтарын жүзеге асыру үдерісінде тәуелсіз директорлардың рөлі туралы мәселе қарастырылады.

Зерттеу нәтижелері. Одақ елдеріндегі қолданыстағы заңнамасының аясында корпоративтік басқарудың тиімді үлгісін жүзеге асыруға мүмкін еместігін көрсетеді. Жұмыста Еуразиялық Экономикалық Одақ елдеріндегі қолданыстағы корпоративтік басқару үлгілері тиімділігін арттыру тәсілдері және заңнаманы үйлестіру жолдары ұсынылады.

Түйін сөздер: корпоративтік басқару, миноритарлық акционерлер, шетел инвесторлар, акционерлердің құқықтарын қорғау, тәуелсіз директорлар.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ КОРПОРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ В СТРАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА И ПУТИ ИХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

О. Ужегова

Университет «КИМЭП», Алматы, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования. Определение способов повышения эффективности применяемых моделей корпоративного управления и путей гармонизации законодательства стран Евразийского Экономического Союза, функционирующего с 1 января 2015 года.

Методология исследования. Анализ моделей корпоративного управления, применяемых в странах Евразийского Экономического Союза, произведен на основе анализа законодательной базы. Для понимания того, насколько нормы, предусмотренные действующим законодательством, реализуются на практике, проведены интервью с корпоративными юристами Казахстана.

Оригинальность исследования. В статье поднимается вопрос о степени, в которой права акционеров, вне зависимости от гражданства и доли участия в бизнесе, в части возможности быть представленными в совете директоров в целях защиты их интересов, могут быть реализованы в странах Евразийского Экономического Союза. Также, рассматривается вопрос роли независимых директоров в процессе реализации прав инвесторов в выбранных юрисдикциях.

Результаты исследования – указывают на невозможность реализации эффективной модели корпоративного управления в рамках действующего законодательства в странах Союза. В работе предлагаются способы повышения эффективности применяемых моделей корпоративного управления и пути гармонизации законодательства стран Евразийского Экономического Союза.

Ключевые слова: корпоративное управление, миноритарные акционеры, иностранные инвесторы, защита прав акционеров, независимые директора.

INTRODUCTION

Most recent studies devoted to corporate governance have focused on developed countries. Studies of corporate governance systems in emerging economies are limited [1] (Yaacob & Basiuni, 2014) and there are none devoted to harmonization of corporate governance systems for countries – members of the Eurasian Economic Union, the agreement on creation of which was signed by the leaders of Russian Federation, Kazakhstan and Belarus in Astana, Kazakhstan, on May 29, 2014. Later, the Eurasian Economic Union (EAEU) was enlarged to Armenia and Kyrgyzstan. Given that those members of the EAEU are not located even partially in Europe (as this is a case for founders of the EAEU), Armenia and Kyrgyzstan are deliberately excluded from our research as we believe that influence of their cultural peculiarities on corporate governance requires separate study.

This research will focus on one of the elements of the corporate governance system, namely on the possibility of realization of the right of foreign and minor shareholders to be represented in the boards as this is one of the fundamental rights which basically lays the foundation for enhancing attractiveness of any market to foreign direct investments (FDIs). Pursuant to the Organisation for Economic Cooperation and Development (OECD) Principles of Corporate Governance, foreign direct investments (FDI) could be intensified if there is a perception among foreign investors that legal environment enforces not only the protection of the rights of foreign investors but also of domestic ones as it increases the overall level of credibility of any legal system.

Given that the Eurasian Economic Union was recently created, it would be beneficial to introduce amendments into the legislation of countries under review, if necessary, at early stages of functioning of the Union in order to avoid a situation when legal developments ‘follow rather than precede economic change’ as, pursuant to John Coffee, historical evidence suggests [2]. (Clarke, 2011).

The interest in this research area stems from the fact that the majority of backbone companies in Russia, Belarus and Kazakhstan, which are the driving sources of economic development and are of strategic importance to their national economies, are:

- fully or partially state-owned companies with the state being the only or major shareholder; or
 - private companies which were fully-privatized during last 15-20 years
- that has led to the inheritance of organizational practices, which were in place prior to privatization.

In addition, there is a very strong cultural aspect, which significantly affects the way business is conducted given that cultures are embedded into organizational practice and legal norms [3], (EWANS, 2014), that has very deep historical roots and implies that major decisions cannot be made without authorization, at least informally, of a very high status symbol, for example either the President of the country, Prime-Minister, or any Minister. This comes from the times when all countries were part of the USSR in which as a result of the centralized planning system, everything was subject to approval at the “highest” state level. This explains the findings of Hofstede scoring the Russia at 93 points at ‘power distance’ dimension, which implies very high

importance of status symbols in the national culture, which has its impact on the organizational culture, and scoring it at 95 points on the ‘uncertainty avoidance’ dimension, which means that any ambiguous situations are perceived as a direct threat, which in turn led to a domination of a bureaucracy [4]. (The Hofstede Center). There are no such results for Kazakhstan or for Belarus. However, due to common cultural and historical roots, extrapolation of results for Russia into Kazakhstan and Belarus, is defensible.

Further, given that the USSR had a closed economic system, right after the collapse of the USSR, the idea of protection of the rights of minor and foreign investors was new to Russia, Kazakhstan and Belarus, which led to existence of imperfect legal norms in this area. Such treatment of foreign investors can be an illustration of Russia, Belarus and Kazakhstan being collectivist societies as defined by Hofstede [5] (1983). Russia scored 39 points on the ‘Individualism’ dimension of Hofstede [4] (Hofstede Center), where everything which does not belong to the society is not considered as “ours” or “us” and as a result falls beyond the scope of interests of nations.

Such initial elements (importance of status symbols in the national culture along with high tendency to uncertainty avoidance and closed economic system during the USSR times) led to a situation when the rights of minor and foreign shareholders were not properly protected even though all three countries undertook massive legal reforms over the last 20-25 years. However, this becomes a key issue given that even within the Eurasian Economic Union, investors from other member states are treated as foreign investors in the neighbor countries despite citizens of Russia, Belarus and Kazakhstan perceive each other as “ours”. This brings to the surface the issue of how to treat “foreign investors” from the EAEU given that they are “ours” in the context of nondiscrimination of so called “‘real’ foreign investors” (from non EAEU countries) against “foreign investors” from EAEU countries.

Equal treatment of investors regardless of the country of origin implies primarily that both groups have equal rights that are enforced and protected to the same extent. One of such rights which must be fully realized is a right of representation of any shareholder in the board [6] (OECD Principles of Corporate Governance). This factor is a primary one in the guarantying legitimacy of the boards given that this is a starting point in framing the model to be followed in boards operations. The main issue here is to ensure that board members can have high level of “assertiveness” as defined by the GLOBE team [3] (EVANS, 2014) and “independence” to ensure that they can ask “tough” questions for the benefit of all stakeholders and as a result for the benefit of the nations.

Given that all countries under review continue to have a ‘collectivist culture’ highly influenced by status symbols, “independence” and “assertiveness” of the board members in the organizations operating in Russia, Belarus, and Kazakhstan is questionable per se and lack of legitimacy of the boards due to improper realization of one of the fundamental right of shareholders to be represented in the boards will not contribute to the efficacious performance of any board.

THE MAIN PART OF THE RESERACH

Literature review

The importance of corporate governance systems at both macro and micro levels has been assessed by a variety of scholars. Most recent studies were triggered by a growing interest in three primarily areas: the roles of executives, directors, shareholders and their actions to protect their interests; corporate governance in international settings; and the effect of corporate governance systems on foreign direct investments. Those studies are interdisciplinary and were undertaken by scholars from different fields such as finance, law, economics, management and accounting [7] (Bebchuk & Weisbach, 2010).

There is a whole stream of research devoted to the effect of protection of the rights of investors. Pursuant to La Porta et al. [8] (1998) the greater protection of investors contributes to the increase in “investors’ willingness to provide financing and should be reflected in lower costs and greater availability of external financing” [9, p. 704] (Klapper & Love 2004, 704). In the developing countries foreign direct investments are “considered the most stable component of capital flows ... and can also be a vehicle for technological progress” [10, p. 765] (Bénassy-Quéré, Coupet & Mayer 2007, 765) which augments the necessity for protection of foreign investors’ rights. Further, “investor protection turns out to be crucial because, in many countries, expropriation

of minority shareholders and creditors by the controlling shareholders is extensive” [11, p. 4] (La Porta et al. 2000, 4). Recent studies on the issue of protection of the rights of minority investors suggest that “minority investors are only protected when they have power relative to controlling shareholders” which can be realized through the institute of independent directors given that the latter “can intervene to protect the interests of all shareholders” [12, p. 210] (Anderson & Reeb 2004, 210). This gives a rise, in general, to the issues of the role of independent directors in governance system and their effect on organization performance that have been addressed in the prior studies.

Theoretically, the existence of boards is justified by the necessity to address “the agency problems inherent in managing an organization” [13, p. 7] (Hermalin & Weisbach 2001, 7).

Given that “monitoring and review of managers by the board of directors is a major internal managerial control mechanism” [14] (Coughlan and Schmidt, 1985) increase in firms’ performance with introduction of independent directors in the boards is explained by better monitoring provided by outside directors who are defined as not employees of the company [15] (Klein, 1998).

Further, analysis of the bidirectional relationship of board independence and firms performance suggests that the strong performance of the firms effects the behavior of independent directors in a way that in such situations independent directors demonstrate higher level of readiness to actively participate in the decision making process which leads to the increase in firms’ value [16, p. 69]. (Lee and Wang 2014, 69)

However, findings of Rosenstein and Wyatt, 1990 are supportive of the hypothesis “that outside directors are chosen in the interest of shareholders” and provide ‘no clear evidence that outside directors of any particular occupation are more or less valuable than others’. Meantime, Jenwittayaroje and Jiraporn [17] (2019) found that board independence is more valuable during stressful times (in particular, during Great Recession in 2008) than during normal times.

In regard to the ability of independent directors to effectively perform their functions in corporations with high level of ownership concentration, Lee and Wang [16, p. 70] (2014, 70) suggested that their actions will be limited given that “the appointment of independent directors is likely to be manipulated by controlling shareholders”. This gives a rise to the issue of who should have a privilege to appoint independent directors.

Another function of the independent directors of the boards, which received attention in the literature, is providing independent professional consultancy services which directly contribute to the improved firm performance [16, p. 70] (Lee and Wang 2014, 70), and at the same time can “enhance monitoring process” which ultimately will positively affect firm value [18, p. 28] (Adams & Ferreira 2007, 28). Findings of Miletkov et al. [19] (2017) provide evidence that through monitoring and advising functions foreign directors can positively affect firm performance. Further, their findings suggest that such relationship is more pronounced in “countries with lower quality legal institutions” implying that foreign directors come from “countries with higher quality legal institutions”.

Overall, recent research advances highlight the importance of the corporate governance system, in general, and its components such as investors’ rights protection and board independence, in particular, for an increase in the flow of capital and improvement of firm performance.

Methodology

Evaluation of the corporate governance models adopted at the national level in Russian Federation, the Republic of Belarus, and the Republic of Kazakhstan, in general, and its selected components like the extent to which the fundamental rights of shareholders (both foreign and minority shareholders) can be realized in particular, has been performed based on the analysis of the following laws, which lay the foundation for governance systems of any corporation operating in a chosen jurisdiction:

- The Federal Law of Russian Federation #203-FL dated December 26, 1995 “On Joint-Stock Companies” [20],
- The Law of the Republic of Belarus #2020-XII dated December 9, 1992 “On partnerships” [21],
- The Law of the Republic of Kazakhstan #415-II dated May 13, 2003 “On Joint-stock companies” [22].

In addition to that, in order to grasp a practical ramifications of norms envisaged in the laws, which probably were unforeseen by lawmakers, an in-depth interview with lawyers from 10 joint-stock companies of Kazakhstan has been conducted.

RESEARCH RESULTS AND DISCUSSION

1) Rights of shareholders and the institute of independent directors

Legal environment is a huge source of risk for any business and at the same time it is intended to provide support for economic development of any state. The main mechanism through which the rights of all shareholders could be realized, to ensure the effective implementation of the corporate governance model and to mitigate risks emerging from laws and regulations, involves incorporation of the norms governing the process of taking into account the interests of investors into the laws. Such norms are expected to encompass the right of shareholders, regardless of the country of origin and share in the shareholding capital of a corporation, to be represented in the boards. Given that minor shareholders have limited capacity to affect the decision about boards composition, the only way to ensure that their interests are counted appropriately is to introduce regulatory requirement with respect to having independent directors in the boards. If the right of shareholders to be represented in the boards as a rule is fixed in the laws through the right to elect board members, the requirement to have independent directors in the boards is quite often omitted though, which limits the extent to which the interests of minor shareholders are taken into account.

Corporate governance systems at the national level of countries-members of the Eurasian Economic Union are governed by the Law of the Republic of Belarus #2020-XII dated December 9, 1992 “On partnerships” [21], the Federal Law of Russian Federation #203-FL dated December 26, 1995 “On Joint-Stock Companies” [20] and by the Law of the Republic of Kazakhstan #415-II dated May 13, 2003 “On Joint-Stock Companies” [22].

Regulatory framework of each country of interest ensures that shareholders decide who should be on the boards and acknowledges the existence of the institute of independent directors. However, the degree of recognition by national legislations of the necessity to have independent directors in the boards varies. In particular, only in Kazakhstan, the regulator clearly defines who is an independent director¹ and requires to have at least 30 % of independent non-executive directors in the boards (clause 5, article 54 of the Law of the Republic of Kazakhstan #415-II “On joint stock companies” [22]) which implies that all decisions which are in the domain of the board should be made with participation of independent directors (if they present at the board meetings). In contrast, in Belarus only financial organizations are required to have two independent non-executive directors (Bank’s Code of the of the Republic of Belarus # 441-3 dated October 25, 2000 [23]; Resolution of the Board of the National Bank of the Republic of Belarus №557 dated October 30, 2012 [24]), which are defined as those who are not affiliated with shareholders and with management of the organizations where they are members of the board, but all other corporations of Belarus are not subject to this requirement (Article 84 of the Law of the Republic of Belarus #2020-XII dated December 9, 1992 “On partnerships” [21]). Russian regulatory framework assumes the same concept of independent directors as in Belarus, and does not require having independent directors in the boards either.

Further, the existence of independent directors is becoming an acute concept in Russia and Belarus only in the process of making decision on major transactions, which are defined as a transaction or a set of related transactions in regard to acquisition of disposal of assets valued at 20 % (Belarus) / 25 % (Russia) or more of the carrying value of the total assets based on the data derived from the balance sheets of the company (art. 79 of the Federal Law of Russian Federation #203-FL and art 58 of the Law of the Republic of Belarus #2020-XII [21]). It is worthwhile to mention that approval of major transactions in Russia and Belarus requires unanimous decision of all members of the board (part 4 of the art 58 of the Law of the Republic of Belarus #2020-XII and part 2 of art. 79 of the Federal Law of Russian Federation #203-FL [21]), which means that such

¹ Independent director – a member of the board of directors who is not an affiliate of the joint stock company, and who was not an affiliate within three years preceding his/her election to the board of directors (except for the case where he/she held the position of the independent director at the said joint stock company), who is not an affiliate to affiliates of the said joint stock company; who is not bound with subordination to officers of the said joint stock company or organizations which are affiliates of the said joint stock company, and who was not bound with subordination to the said persons within three years preceding his/her election to the board of directors; who is not a state official; who is not an auditor of the said joint stock company and who was not the same within three years preceding his/her election to the board of directors; who does not participate in audit of the said joint stock company as an auditor working with an auditing organization, and who did not participate in such audit within three years preceding his/her election to the board of directors (clause 20 of article 1 of the Law of the Republic of Kazakhstan #415-II “On Joint-Stock Companies”)

decision cannot be made if at least one of the board members is absent regardless of the reason. If the decision on major transaction cannot be made, this issue should be moved on for consideration of the shareholders. In Kazakhstan the decisions on major transactions are in the domain of the board whereas quorum for making any decision is at least 50 % of the total number of all board members and no one decision can be made unless at least 50 % of board members present at the meeting support a decision; meantime corporations at their own discretion have a right to impose tighter requirements on quorum and proportion of votes casted to support a decision in order to ensure that a decision is adopted.

Regulator does not impose on all corporations of Kazakhstan a requirement to ensure that independent directors are taking part in voting.

Thus, the results of the analysis of the corporate governance models adopted at the national level in the countries – members of the Eurasian Economic Union reveals that the institute of independent directors in its pure form exists only in Kazakhstan, while in Russia and Belarus the concept of independent directors appears and used primarily in relation to the major transactions which are required to be approved with participation of directors who does not have a particular interest in a deal under consideration of the board. This itself stimulates the discussion on the necessity to harmonize legislation of countries under the review through amending the laws of Russia and Belarus by a clear and unambiguous definition of independent directors and by a required proportion of them in the boards.

Further, the issue of independence of directors is more relevant to Kazakhstan and to Belarus rather than to Russian Federation given that population in these two countries is substantially lower than in Russia and by the time when anybody can be nominated to the board due to his / her experience, social status, etc. such potential nominees cannot be truly independent, first and foremost, because they are chosen since they are known by shareholders. Further, there is no legal mechanism in any country-member of the Eurasian Economic Union in place that can ensure sufficient level of independence of board members from shareholders, given that board members are appointed by the decision of shareholders. It means that even if any other group of stakeholders decides to nominate anybody to the board, there is no any guarantee that shareholders approve at least one nominee who can represent the interest of such group of stakeholders.

One of the mechanisms of attracting independent directors to ensure at least to some extent their independence is to appoint directors from overseas. However, it is worth pointing out that inclusion of foreign citizens into the boards is more crucial for foreign shareholders rather than for domestic ones given that for former category of investors the issue is realization of their primarily right for being represented in the boards in general, while for the latter category the issue is to ensure sufficient level of independence of the board.

2) Status of the board of directors members: employees of the organization or not?

Analysis of the legislation of Russian Federation, Belarus and Kazakhstan seems to demonstrate that board members and corporations where they perform their functions have civil relations given that board members are not viewed as employees. This implies that they do not need to get a work permit unless they work in the corporation in any other capacity in addition to taking a role of a board member (pursuant to the article 97 of the Eurasian Economic Union Treaty signed in Astana on May 29, 2014 [25] there is no need to get a work permit in order to be employed in Kazakhstan, Russia or Belarus, if you are a citizen of any of these countries). It means that they can perform their duties without any limitations based on the business visa.

However, an in-depth analysis of the legal environment and current practice in Kazakhstan with respect to the status of Board members and issuing work permits by state authorities demonstrates existence of a legal gap between intention of the state to provide legal support and protection to shareholders, which is envisaged in the Law of the Republic of Kazakhstan “On Joint-Stock Companies” [22], and mechanism in place to ensure that such norms can be enforced.

Pursuant to the art. 1 of the Law of the Republic of Kazakhstan “On Joint Stock Companies”, board members are recognized as officials of a corporation while there is no clarification about whether officials are employees of the organization or not. Pursuant to the clause 43 of art. 1 of the Labor Code of the Republic of Kazakhstan, an employee is a person who performs job duties based on the labor contract. Given that board members are appointed by the shareholders, it can be assumed that they can perform their functions without any labor agreement and meantime be liable for their decisions as it prescribed by the Law “On Joint-Stock Companies”.

However, the Decree of the Government of the RK #802 dated December 15, 2016 [26], which govern the decision making process concerning issuance of work permits in Kazakhstan specifies exemptions in regard to getting work permits. In particular, those who perform duties of the board of directors at the National Holdings (Samruk-Kazina, Baiterek, KazAgro) are exempted from getting work permits (clause 20 of the Annex 2 to the Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan #802 dated December 15, 2016). The existence of this norm per se implies that board members of all other joint-stock companies are viewed by regulator as employees and, therefore, are subject to getting work permits.

However, the analysis of the results of the interview with lawyers of corporations which have citizens of countries-not members of the Eurasian Economic Union in their boards manifests that in practice corporations operating in Kazakhstan do not treat board members as employees and do not apply for work permits. This implies that those relations are civil once. Further, it was revealed that the state authorities do not tend to enforce the norms envisaged in the Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan #802 in regard to seemed requirement to secure by corporations' work permits for their board members. Given that, in Kazakhstan actions of public authorities are governed by principles that whatever is not allowed is forbidden which "dictates that every decision it takes must be authorized by the terms of a positive legal power conferred upon it, whose limits it must not transgress" [27, p. 256] (Andenas and Slyn 2000, 256), such selective, whether it is intentional or not, nonenforcement of certain norms by regulator helps.

Given that scrutiny of national regulations of Russia and Belarus did not reveal any collusion in laws with respect to relationship between board members and the corporations where they found to be civil ones, conducting interviews with lawyers of corporations operating in Russia and Belarus is not justified.

Therefore, in order to avoid any conceptual misunderstanding about the status of the board members with respect to the nature of their relations, civil or labor, with corporations in Kazakhstan, it is absolutely necessary to change at least the Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan #802 by excluding the norm that board members of the National Holdings (Samruk-Kazina, Baiterek, KazAgro) are not subject to work permits.

By doing so, the legislation in Kazakhstan, Belarus and Russian Federation will be harmonized regarding the way how all board members, regardless of their country of origin, are treated in all countries- members of the Eurasian Economic Union to ensure that they are treated equally. Further, it will ensure that the rights of both foreign and domestic investors can be fully realized given that they will have a freedom to choose and appoint board members. Unless it is done so, the position of board members of corporation in Kazakhstan is jeopardized and their ability to function properly is limited and insecure, which will result in inability to ensure adequate level of transparency that, in turn, makes it impossible to guarantee from the start "independence" and "assertiveness" of the board members.

Conclusion

The results of the research undertaken demonstrate notable deficiency in implementing an effective corporate governance model in countries – members of the Eurasian Economic Union, namely, the Russian Federation, Kazakhstan and Belarus.

In particular, the analysis of legal basis of the countries under review with respect to corporate governance system demonstrates a lack of recognition of the institute of independent directors in Russia and Belarus at the national level and requires an inclusion of the norms into the legislation of these countries which will clearly define the notion of independent directors, their role and minimum required proportion of independent directors in the boards. This will ensure that the fundamental rights of minor shareholders for taking into account their interests are assured along with improving corporate governance system of corporation operating in these jurisdictions.

Further, given that any corporation has different groups of stakeholders, it seems expedient to work out the procedure for appointment of independent directors. This issue is relevant for all countries – members of Eurasian Economic Union, whereas corporations are characterized by high level ownership concentration which implies that the independent directors can be manipulated by major shareholders so that their level of independence will be negligible and corporations should not expect from the independent directors to perform

advisory and monitoring functions and, as a result, they should not expect any changes in the performance in the result of an appointment of such board members.

One of the options could be to transfer the right to appoint independent directors to the boards from shareholders to the public. This can be done through introducing the norm which will make it clear that independent directors are appointed by stakeholders while the process of such appointment should be governed by rules and regulation adopted at the company level. In order to ensure that qualified people are nominated to the boards, who have sufficient skills and expertise to contribute to the development of any organization at the strategic level, such process could be facilitated through creation of a bank of candidates for the positions of independent directors. In Kazakhstan, the foundation for such process is laid already by the Association of Independent Directors whereas such dataset is started to be created. However, such initiative could fail if there is no state support in the form of proper regulatory framework.

Further, the collision in Kazakhstan legislation regarding the status of board members (whether they are viewed as employees of an organization or not) should be eliminated. It is seen that the easiest way to do so is to eliminate the norm in the Terms and Conditions which stipulates that Board members of selected organization are not subject to getting work permits and to amend the Labor Code of the Republic of Kazakhstan with a provision pursuant to which it will be made clear that Board members are not employees of the corporations and no labor agreement should be signed with them as this is the case in Russian Federation and Belarus.

The proposed changes will allow legal foundations to be effective in ensuring equal treatment of all categories of shareholders by providing mechanisms through which their fundamental rights for representation in the boards for the sake of protection of their interests could be realized. The suggested changes will contribute to the improvement and harmonization of corporate governance systems adopted at the national level by Russian Federation, Kazakhstan, and Belarus. This is fundamental not just in ensuring the free flow of capital within the Union but also in increasing the level of foreign direct investments into each jurisdiction of the Eurasian Economic Union.

REFERENCES

1. Yaacob H., Basiuni J. Corporate governance model of a state-owned enterprise: evidence from an Asian emerging market // *Corporate Governance*. – 2014. – Vol. 14 (4). – P. 504–514.
2. Clarke D. C. "Nothing but Wind"? The Past and Future of Comparative Corporate Governance // *American Journal of Comparative Law*. – 2011. – Vol. 59(1). – P. 75–110.
3. Evans G. L. A mega review of cultural studies: linking leadership to corporate governance // *Poznan University of Economics Review*. – 2014. – Vol. 13(1). – P.
4. Hofstede Center. – URL: <http://geert-hofstede.com/russia.html> (accessed: January 16, 2020).
5. Hofstede G. National cultures in four dimensions: A research-based theory of cultural differences among nations // *International Studies of Management & Organization*. – 1983. – P. 46–74.
6. OECD Principles of Corporate Governance. – Informational System Paragraph, 1999. – 46 p.
7. Bebchuk L. A., Weisbach M. S. The State of Corporate Governance Research. Review of Financial Studies. – 2010. – Vol. 23(3). – P. 939–961.
8. La Porta R., Lopez-de-Silanes F., Shleifer A., Vishny R. Law and finance // *Journal of Political Economy*. – 1998. – Vol. 106. – P. 1113–1155.
9. Klapper L. F., Love I. Corporate governance, investor protection, and performance in emerging markets // *Journal of corporate Finance*. – 2004. – Vol. 10(5). – P. 703–728.
10. Bénassy-Quéré A., Coupet M., Mayer T. Institutional determinants of foreign direct investment // *The World Economy*. – 2007. – Vol. 30(5). – P. 764–782.
11. La Porta, R., Lopez-de-Silanes, F., Shleifer, A., Vishny, R. Investor protection and corporate governance // *Journal of financial economics*. – 2000. – Vol. 58(1). – P. 3–27.
12. Anderson R. C., Reeb D. M. Board composition: Balancing family influence in S&P 500 firms // *Administrative Science Quarterly*. – 2004. – Vol. 49(2). – P. 209–237.

13. Hermalin B. E., Weisbach M. S. Boards of directors as an endogenously determined institution: A survey of the economic literature (No. w8161). National Bureau of Economic Research. – 2001.
14. Coughlan A. T., Schmidt R. M. Executive compensation, management turnover, and firm performance: An empirical investigation // *Journal of Accounting and Economics*, 1985. – Vol. 7(1). – P. 43–66.
15. Klein A. Firm performance and board committee structure. *The Journal of Law and Economics*. – 1998. – Vol. 41(1). – P. 275–304.
16. Lee Y., Wang M. Does the appointment of independent directors drive multiple effects? // *The International Journal of Business and Finance Research*. – 2014. – Vol. 8(1). – P. 69–88.
17. Jenwittayaroje N., Jiraporn P. Do independent directors improve firm value? Evidence from the great recession // *International Review of Finance*. – 2019. – Vol. 19(1). – P. 207–222.
18. Adams R. B., Ferreira D. (2007). A theory of friendly boards // *The Journal of Finance*. – 2007. – Vol. 62(1). – P. 217–250.
19. Miletkov M., Poulsen A., Wintoki M. B. Foreign independent directors and the quality of legal institutions // *Journal of International Business Studies*. – 2017. – Vol. 48(2). – P. 267–292.
20. Federal Law of Russian Federation #203-ФЗ dated December 26, 1995 “On Joint-Stock Companies” (with amendments as of 15.04.2019) [Electronic source] // Informational System Continent [web-portal]. – URL: <https://cis-legislation.com/document.fwx?rgn=1465> (accessed: January 16, 2020).
21. Law of the Republic of Belarus #2020-XII dated December 9, 1992 “On partnerships” [Electronic source] // National Legal Internet-portal of the Republic of Belarus. – URL: <http://www.pravo.by/> (accessed: January 16, 2020).
22. Law of the Republic of Kazakhstan #415-II dated May 13, 2003 “On Joint-stock companies” (with amendments as on 01.07.2019) [Electronic source] // Informational System Paragraph [web-portal]. – URL: <https://clck.ru/QRFD4> (accessed: January 24, 2020).
23. Bank Code of the Republic of Belarus № 441-3 dated October 25, 2000 (with amendments as of 17.07.2018) [Electronic source] // National Legal Internet-portal of the Republic of Belarus. – URL: <http://www.pravo.by/> (accessed: January 24, 2020).
24. Resolution of the Board of the National Bank of the Republic of Belarus №557 dated October 30, 2012 (with amendments as of 29.12.2017) [Electronic source] // National Legal Internet-portal of the Republic of Belarus. – URL: <http://www.pravo.by/> (accessed: January 16, 2020).
25. Eurasian Economic Union Treaty (Astana, May 29, 2014) [Electronic source] // Informational System Paragraph. [web-portal]. – URL: <https://clck.ru/QRFUd> (accessed: January 24, 2020).
26. Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan # 802 dated January 15, 2016 (with amendments as of 11.08.2018) [Electronic source] // Informational System Paragraph [web-portal]. – URL: <https://clck.ru/QRFYb> (accessed: January 24, 2020).
27. Andenas M., Slyn, H. G. Judicial review in international perspective. The Hague [u.a.: Kluwer Law Internat]. – 2000. – 542 p.

REFERENCES

1. Yaacob, H., Basiuni, J. (2014). Corporate governance model of a state-owned enterprise: evidence from an Asian emerging market. *Corporate Governance*, 14 (4), 504 – 514.
2. Clarke, D. C. (2011). "Nothing But Wind"? The Past and Future of Comparative Corporate Governance. *American Journal of Comparative Law*, 59(1), 75-110.
3. EVANS, G. L. (2014). A mega review of cultural studies: linking leadership to corporate governance. *Poznan University of Economics Review*, 13(1).
4. Hofstede Center, available at: <http://geert-hofstede.com/russia.html> (accessed: January 16, 2020).
5. Hofstede, G. (1983). National cultures in four dimensions: A research-based theory of cultural differences among nations. *International Studies of Management & Organization*, pp. 46-74.
6. *OECD Principles of Corporate Governance* (May 26-27, 1999). Source: Informational System Paragraph. [Принципы корпоративного управления ОЭСР (26-27 мая 1999 года). Источник: ИС Параграф].

7. Bebchuk, L. A., & Weisbach, M. S. (2010). The State of Corporate Governance Research. *Review of Financial Studies*, 23(3), 939-961.
8. La Porta, R., F. Lopez-de-Silanes, A. Shleifer, and R. Vishny, 1998, Law and finance, *Journal of Political Economy* 106, 1113-1155.
9. Klapper, L. F., & Love, I. (2004). Corporate governance, investor protection, and performance in emerging markets. *Journal of corporate Finance*, 10(5), 703-728.
10. Bénassy-Quéré, A., Coupet, M., & Mayer, T. (2007). Institutional determinants of foreign direct investment. *The World Economy*, 30(5), 764-782.
11. La Porta, R., Lopez-de-Silanes, F., Shleifer, A., & Vishny, R. (2000). Investor protection and corporate governance. *Journal of financial economics*, 58(1), 3-27.
12. Anderson, R. C., & Reeb, D. M. (2004). Board composition: Balancing family influence in S&P 500 firms. *Administrative Science Quarterly*, 49(2), 209-237.
13. Hermalin, B. E., & Weisbach, M. S. (2001). *Boards of directors as an endogenously determined institution: A survey of the economic literature* (No. w8161). National Bureau of Economic Research.
14. Coughlan, A. T., & Schmidt, R. M. (1985). Executive compensation, management turnover, and firm performance: An empirical investigation. *Journal of Accounting and Economics*, 7(1), 43-66.
15. Klein, A. (1998). Firm performance and board committee structure. *The Journal of Law and Economics*, 41(1), 275-304.
16. Lee, Y., & Wang, M. (2014). Does the appointment of independent directors drive multiple effects? *The International Journal of Business and Finance Research*, 8(1), 69-88.
17. Jenwittayaroje, N., & Jiraporn, P. (2019). Do independent directors improve firm value? Evidence from the great recession. *International Review of Finance*, 19(1), 207-222.
18. Adams, R. B., & Ferreira, D. (2007). A theory of friendly boards. *The Journal of Finance*, 62(1), 217-250.
19. Miletkov, M., Poulsen, A., & Wintoki, M. B. (2017). Foreign independent directors and the quality of legal institutions. *Journal of International Business Studies*, 48(2), 267-292.
20. “Federal Law of Russian Federation #203-Ф3 dated December 26, 1995 “On Joint-Stock Companies” (with amendments as of 15.04.2019)”, Informational System Continent, available at: <https://cis-legislation.com/document.fwx?rgn=1465> (accessed: January 16, 2020).
21. “Law of the Republic of Belarus #2020-XII dated December 9, 1992 ‘On partnerships’”, National Legal Internet-portal of the Republic of Belarus, available at: <http://www.pravo.by/> (accessed: January 16, 2020).
22. “Law of the Republic of Kazakhstan #415-II dated May 13, 2003 “On Joint-stock companies” (with amendments as of 01.07.2019)”, Informational System Paragraph, available at: <https://clck.ru/QRFD4> (accessed: January 24, 2020).
23. “Bank Code of the Republic of Belarus № 441-3 dated October 25, 2000 (with amendments as of 17.07.2018)”, National Legal Internet-portal of the Republic of Belarus, available at: <http://www.pravo.by/> (accessed: January 16, 2020).
24. “Resolution of the Board of the National Bank of the Republic of Belarus №557 dated October 30, 2012 (with amendments as of 29.12.2017)”, National Legal Internet-portal of the Republic of Belarus, available at: <http://www.pravo.by/> (accessed: January 24, 2020).
25. “Eurasian Economic Union Treaty (Astana, May 29, 2014)”, Informational System Paragraph, available at: <https://clck.ru/QRFUd> (accessed: January 24, 2020).
26. “Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan # 802 dated January 15, 2016 (with amendments as of 11.08.2018)”, Informational System Paragraph, available at: <https://clck.ru/QRFYb> (accessed: January 24, 2020).
27. Andenas, M., & Slyn, H. G. (2000). Judicial review in international perspective. The Hague [u.a.: Kluwer Law Internat], 542 p.

SUMMARY

This research examines to what extent the right of shareholders, regardless of the country of origin and his/her share in the capital of the corporation, to be represented in the boards for the purpose of protection of their interests, could be realized in Russia, Kazakhstan, and Belarus – members of the Eurasian Economic Union effective January 1, 2015. Further, this study looks at the role of independent directors in the process of realization of the rights of investors in selected jurisdictions. This is done to identify the ways for improving the efficiency of the corporate governance models adopted and ways for harmonization of the legislation in Russian Federation, Kazakhstan, and Belarus.

ТҮЙІНДЕМЕ

Мақалада 2015 жылғы 1 қаңтардан бастап әрекет ететін Еуразиялық Экономикалық Одақтың мүшелері – Ресей Федерациясы, Қазақстан Республикасы және Беларусь Республикасында азаматтығы мен бизнестегі қатысу үлесіне қарамастан өз мүдделерін қорғау мақсатында директорлар кеңесінде өкілдік ету мүмкіндігіне қатысты акционерлер құқығын жүзеге асыру деңгейі қарастырылған. Сонымен қатар аталмыш еңбекте таңдалған юрисдикцияларда инвесторлар құқығын жүзеге асыру үрдісіндегі тәуелсіз директорлардың рөлі қарастырылады. Еңбектің мақсаты – корпоративті басқарудың қолданылмалы моделдерінің тиімділігін арттыру әдістерін және Ресей Федерациясы, Қазақстан Республикасы мен Беларусь Республикасының заңнамаларын үйлестіру жолдарын анықтау.

РЕЗЮМЕ

В статье поднимается вопрос о степени, в которой права акционеров, вне зависимости от гражданства и доли участия в бизнесе, в части возможности быть представленными в совете директоров в целях защиты их интересов, могут быть реализованы в Российской Федерации, Республики Казахстан и Республики Беларусь – членов Евразийского Экономического Союза, функционирующего с 1 января 2015 года. Также, в данной статье рассматривается вопрос роли независимых директоров в процессе реализации прав инвесторов в выбранных юрисдикциях. Целью данной работы является определение способов повышения эффективности применяемых моделей корпоративного управления и путей гармонизации законодательства Российской Федерации, Республики Казахстан и Республики Беларусь.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ужегова Ольга – доктор делового администрирования, ассоциированный профессор, Университет «КИМЭП», Алматы, Республика Казахстан, e-mail: uzhegova@kimep.kz

MPHTI 06.81.65
JEL Classification: M140

**NATIONAL CULTURE AND ENTREPRENEURSHIP:
THE EXPERIENCE OF KAZAKHSTAN AND CHINA**

Y. Tongxin¹, N. Khalid², A. Ahmad³

^{1,2}KIMEP University, Almaty, Republic of Kazakhstan

³Center for Management and Commerce, University of Swat, Pakistan

ABSTRACT

Owing to its favorable business climate, and productive bilateral relations with China, Kazakhstan is attracting increasing Chinese entrepreneurship to emerge in this country, hence Chinese managers are facing the challenges of cross-cultural management and looking for solutions to them.

The purpose of this study. Is to identify similarities and differences between Kazakh and Chinese culture, and provide implications to enhance managerial practices where two cultures collide.

Methodology. We built up an integrative framework of national culture, and conducted the comparative analysis with an analytical approach.

Originality / value of the research. We attempted to fill the void since there has been very little previous work on comparative study of the two cultures. Our integrative model, and analytical method also offered originality. The results and implications will guide the cross-cultural managers working in these two cultures, especially Chinese managers in Kazakhstan.

Findings. Similarities of the two cultures are hierarchy, collectivism, harmony, polychronism, particularism, diffuse, and human nature. Differences are mainly found in physical space dimension, and neutral-affective dimension; and reflected in other aspects of uncertainty avoidance, gender egalitarianism, long-term orientation, masculinity, assertiveness, and punctuality.

Keywords: national culture, Kazakh culture, Chinese culture, Similarities and differences, Chinese Entrepreneurship, Cross-cultural management.

ҰЛТТЫҚ МӘДЕНИЕТ ЖӘНЕ КӘСІПкерлік: ҚАЗАҚСТАН МЕН ҚЫТАЙ ТӘЖІРИБЕСІ

Ю. Тунсинь¹, Н. Халид², А. Ахмад³

^{1,2}КИМЭП Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

³Менеджмент және коммерция орталығы, Сват университеті, Пәкістан

АҢДАТПА

Қолайлы іскерлік ахуал мен Қытаймен тиімді екіжақты қарым-қатынастардың арқасында Қазақстан қытайлық кәсіпкерлердің көбеюіне тартымды болып келеді. Осыған байланысты, қытайлық менеджерлердің алдында мәдениетаралық басқару мәселелері мен оларды шешу қажеттілігі туындайды.

Зерттеудің мақсаты. Қазақ және қытай мәдениеті арасындағы ұқсастықтар мен айырмашылықтарды анықтау, сондай-ақ екі мәдениетте алшақтық болған жағдайда басқару тәжірибесін жетілдіру бойынша ұсыныстар беру.

Зерттеудің әдіснамасы. Ұлттық мәдениеттің интегративті негізі құрылды және аналитикалық тәсілмен салыстырмалы талдау жүргізілді.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы. Біз қарастырылып отырған мәселені зерттеудегі бар оқылықтарды толтыруға тырыстық, өйткені екі мәдениетті салыстырмалы зерттеу бойынша жұмыстар өте аз. Біздің интегративті модель және аналитикалық әдісіміз бірегейлі. Зерттеу нәтижелері осы екі мәдениетте жұмыс істейтін басқарушыларға мәдениаралық ортада, әсіресе Қазақстандағы Қытай менеджерлерін бағдарлауға мүмкіндік береді.

Зерттеу нәтижелесінде. Екі мәдениеттің иерархия, коллективизм, үйлесімділік, полихронизм, партикуляризм, диффузия және адам табиғатындағы ұқсастықтарын айқындады. Айырмашылықтар негізінен физикалық кеңістіктік өлшемінде және бейтарап-аффективті өлшемде байқалады және белгісіздікті, гендерлік эгалитаризмді, ұзақ мерзімді бағдарлауды, ерлікті, табандылық пен ұқыптылықты болдырмаудың басқа да аспектілерінде көрініс табады.

Түйін сөздер: ұлттық мәдениет, қазақ мәдениеті, қытай мәдениеті, ұқсастықтар мен айырмашылықтар, Қытай кәсіпкерлігі, кросс-мәдени менеджмент.

НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО: ОПЫТ КАЗАХСТАНА И КИТАЯ

Ю. Тунсинь¹, Н. Халид², А. Ахмад³

^{1,2}Университет КИМЭП, Алматы, Республика Казахстан

³Центр Менеджмента и коммерции, Университет Сват, Пакистан

АННОТАЦИЯ

Благодаря своему благоприятному деловому климату и продуктивным двусторонним отношениям с Китаем, Казахстан привлекает все большее количество китайских предпринимателей. В связи с чем перед китайскими руководителями возникают проблемы кросс-культурного менеджмента и необходимость поиска их решения.

Цель исследования. Состоит в том, чтобы выявить сходства и различия между казахской и китайской культурами, а также дать рекомендации по совершенствованию управленческой практики в случаях расхождения двух культур.

Методология. Нами построена интегративная основа национальной культуры и проведен сравнительный анализ с аналитическим подходом.

Оригинальность / ценность исследования. Нами проделана попытка заполнить существующий пробел исследования рассматриваемой проблемы, поскольку имеется очень мало работ по сравнительному изучению двух культур. Была создана оригинальная интегративная модель посредством аналитического метода. Результаты исследования позволяют менеджерам, работающим в этих двух культурах, ориентироваться в кросс-культурной среде, в особенности китайских менеджеров в Казахстане.

В результате исследования – выявлены сходства двух культур в иерархии, коллективизме, гармонии, полихронизме, партикуляризме, диффузности и человеческой природе. Различия в основном обнаруживаются в физическом пространственном измерении и нейтрально-аффективном измерении, и отражаются в других аспектах избегания неопределенности, гендерного эгалитаризма, долгосрочной ориентации, мужественности, напористости и пунктуальности.

Ключевые слова: национальная культура, казахская культура, китайская культура, сходства и различия, китайское предпринимательство, кросс-культурный менеджмент.

INTRODUCTION

1.1 Glocalization and Cross-Cultural Management

Entrepreneurship goes far beyond national boundaries when the markets become more and more global with an access to the best resources the world can offer [1]. Along with globalization, the “glocalization” [2] occurs, which means “think globally and act locally” with attempts to combine the benefits of localization and

global standardization [3]. In these circumstances, people from different countries or cultures are brought closer together than ever before, hence businesses face growing challenges in managing cross-cultural workforce [1].

In cross-cultural organizations, different nationalities do have different values and behaviors [1], and cultural differences have become one of the biggest barriers in doing business in the global market [4]; Plum et al. [5] claimed that cultural similarities also deserve adequate attention because the further we move into human spirit, the less important are these differences. Nevertheless, cross-cultural management, although complicated, could be used as a huge source of competitive advantage if understood and implemented correctly [1].

1.2 Problem Statement

1.2.1 Business Climate in Kazakhstan and Attraction for Foreign Investment

We selected a set of key indices in terms of political, economic, socio-cultural, technological, environmental, and legal (PESTEL) factors to briefly demonstrate the business conditions in Kazakhstan (see Table 1), which shows that Kazakhstan in general is politically stable, economically growing, socio-culturally promising, technologically advancing, environmentally appealing, and legally upgrading, a country with favorable business climate which provides opportunities, potentials, and attractiveness for foreign investment and business activities across cultures, including those from Chinese entrepreneurship.

Table 1 – Indices in PESTEL factors

Factor	Index	Description	Result	Assessment
P	Freedom	Expansion of freedom based on 10 political rights and 15 civil liberties [6].	22/100 (2019 scores)	Not free.
	Political stability index	The world average in 2018 based on 195 countries is -0.05 points [7].	0 (2018 scores)	Politically stable.
E	GDP (nominal, PPP) per capita	Based on International Monetary Fund data [8].	69 th /192 (nominal, 2019 rank); 52 nd /192 (PPP, 2019 rank)	The largest economy in Central Asia.
S	Population growth rate	Estimated population is 19.1 million with 68% of Kazakhs, 19.3% of Russians, and others (Uzbeks, Uighurs, etc.); growth rate is only 0.89% [9].	89 th /171 (2019 rank)	Low population growth rate.
	Net migration rate	0.4 migrant (s)/1,000 population [9].	51 st /121 (2019 rank)	Low migration rate.
	Life expectancy	Median age is 31.6 years; life span is 72 years [9].	85 th /138 (2019 rank)	Relatively low life span.
	Prosperity index	Strong in education and investment environment; biggest improvement in social capital [10].	68 th /167 (2019 rank)	Increasingly promising.
T	Global competitive index	Drivers of productivity and long-term economic growth reported by World Economic Forum; a score of 63 points at 103 indicators or 12 pillars [11].	55 th /141 (2019 rank)	Increasingly competitive.
	Global innovation index	Based on innovation capabilities; 80 indicators [12].	79 th /129 (2019 rank)	Increasingly innovative.

E	The world's best countries	Adventure (5.2), citizenship (1.7), cultural influence (0.0), entrepreneurship (0.6), heritage (3.2), movers (26.6), open for business (29.9), power (7.8), and quality of life (4.9) [13].	66 th /80 (2019 rank)	Relatively low among best countries.
	Environmental performance index	Scores: 54.56/100 [14].	101 st /180 (2018 rank)	Medium environmental performance.
	Global tourism ranking	Reported by World Economic Forum [15].	81 st /136 (2018 rank)	Medium tourism ranking.
L	Rule of law index	Modernization of legal framework and adherence to international best practices reported by World Justice Project [16].	62 nd /128 (2020 rank)	Highest in Central Asia.
	Doing business ranking	Ease of doing business [17].	25 th /190 (2019 rank)	High ranking.
Note – compiled by the authors				

1.2.2 Bilateral Relations and Booming of Chinese Entrepreneurship in Kazakhstan

Besides its PESTEL attraction, Kazakhstan is seeing increasing Chinese entrepreneurship in numbers and scales in this country attributable to its productive bilateral relations with China.

Strategic partnership. Kazakhstan and China are co-founders of the Shanghai Cooperation Organization (SCO) aimed mainly at regional security, and economic development [18]. China is deepening all-round cooperation with Kazakhstan, seeking synergy between the Silk Road Economic Belt and Kazakhstan's Bright Path new economic policy; and Kazakhstan is developing a permanent, comprehensive, strategic partnership with China [19].

Economic cooperation. China is the largest trade partner of Kazakhstan, while Kazakhstan among the Commonwealth of Independent States (CIS) countries is China's second largest trading partner and the third largest country to attract the Chinese investment [20]. Two countries have signed a series of agreements in the fields of energy, transportation, agriculture, finance, tourism, and others; they hope to boost cooperation in big data, the internet, AI and supercomputers [21].

Cultural ties. Kazakhstan is the most influential Central Asian country and is an important gateway for cultural exchanges between China and Central Asia. Two countries are setting up an example of cross-cultural cooperation so that the people of Central Asia and China can better understand each other [22].

1.2.3 Research Questions

As the Chinese entrepreneurs come along to perform business in Kazakhstan, they are inevitably facing the cross-cultural challenges which require them to build up a solid understanding of Kazakh culture in comparison with Chinese culture. However, there is little previous research on this issue; and there are even very few official data relevant to Kazakh culture in literature. Hence, we attempted to conduct a comparative study of the two cultures, present a guideline for Chinese managers who are leading a Kazakh workforce, and pave the way for future research in this domain. Our study revolves around three questions: 1) What are the main similarities and differences between Kazakh and Chinese culture? 2) What are the values underlying the two cultures? and 3) What implications can be drawn for Chinese managers in Kazakhstan to improve their cross-cultural management?

2. Literature Review

2.1 Definitions of Culture

Numerous definitions of the term "culture" are found in antecedent management literatures, among those proposed by Kroeber and Kluckhohn [23], Tajfel [24], Levitin [25], Schein [26], Trompenaars and Hampden-Turner [27], Bennett [28], and others. We take the definition of Hofstede [29] in our study: "culture is the

collective programming of the mind distinguishing the members of one group or category of people from another". Culture can be studied at different levels including international, national, regional, industry or professional, and organizational culture [30]; this paper studies national cultures which focus on the general attitudes, belief systems, values, and traditions, particular to a nation [31].

2.2 Theoretical Models

We reviewed seven models of national culture that continue to be widely adopted in management research. We hereby illustrate their respective dimensions very concisely.

2.2.1 Kluckhohn and Strodtbeck's 5-Dimension Model [32]

1) Man-Nature relationship – Beliefs about the need or responsibility of people to control nature (mastery, harmony or subjugation); 2) Social relations – Beliefs about social structure (individualistic, collateral, or lineal); 3) Activity orientation – Beliefs about appropriate goals (being, becoming, or doing); 4) Time orientation – Extent to which past events, present circumstances, or future prospects influence decisions; 5) Human nature – Beliefs about inherent human nature (good, mixed, or evil).

2.2.2 Hofstede's 6-Dimension Model [33; 34; 35]

1) Power distance – Extent to which members of a society automatically accept a hierarchical or unequal distribution of power in organizations and the society; 2) Individualism vs. Collectivism – Extent to which individuals perceive themselves to be separate from a group and to be free from group pressure to conform; 3) Masculinity vs. Femininity – Extent to which a society looks favorably on certain masculine and feminine traits in behavior; 4) Uncertainty avoidance – Extent to which members of a given society deal with the uncertainty and risk of everyday life and prefer to work with long-term acquaintances and friends rather than with strangers; 5) Long-term vs. Short-term orientation – Extent to which members of the culture are willing to enjoy present gratification or defer it to achieve long-term goals; and 6) Indulgence vs. Restraint – Beliefs about happiness and pleasure in life, importance of leisure and friendship, and life control.

2.2.3 Hall's 3-Dimension Model [36; 37; 38]

1) Proxemics – Extent to which people are comfortable sharing physical space with others (center of power or center of community); 2) Chronemics – Extent to which people approach one task at a time or multiple tasks simultaneously (monochronic or polychronic); and 3) Communication – Extent to which the context of a message is as important as the message itself (high or low context).

2.2.4 Trompenaars' 7-Dimension Model [27; 39]

1) Universalism vs. Particularism – Extent to which rules and policies are valued across societal members; 2) Individualism vs. Communitarianism – Extent to which people derive their identity from within themselves or their group; 3) Specific vs. Diffuse – Extent to which people's various roles are compartmentalized or integrated; 4) Neutral vs. Affective – Extent to which people are free to express their emotions in public; 5) Achievement vs. Ascription – Manner in which respect and social status are accorded to people; 6) Sequential vs. Synchronous – Relative focus on the past or the future in daily activities; and 7) Inner-directed vs. Outer-directed – Extent to which people believe they control the environment or it controls them.

2.2.5 Schwartz's 3-Dimension Model [40; 41]

1) Conservatism vs. Autonomy – Extent to which individuals are integrated in groups; 2) Hierarchy vs. Egalitarianism – Extent to which equality is valued and expected; and 3) Mastery vs. Harmony – Extent to which people seek to change the natural and social world to advance personal or group interests.

2.2.6 House' 9-Dimension Model (GLOBE) [42]

1) Uncertainty avoidance – Extent to which members of an organization or society strive to avoid uncertainty, dependent on social norms, rituals, and bureaucratic practices; 2) Power distance – Extent to which members

of an organization or society expect and agree that power should be evenly distributed; 3) Institutional collectivism – Extent to which members of a culture identify with broader societal interests; 4) In-group collectivism – Extent to which people are loyal to their organizations and families; 5) Gender egalitarianism – Extent to which male and female roles are distinct from one another; 6) Assertiveness – Extent to which a culture encourages individuals to be tough, forceful, and aggressive versus being timid and submissive in social relations; 7) Future orientation – Extent to which the behavior of people in an organization or a society is focused on planning and investing in the future; 8) Humane orientation – Extent to which a culture rewards people for being fair, altruistic, generous, caring, and kind toward others, etc.; and 9) Performance orientation – Extent to which an organization or society rewards people for setting and meeting challenging goals, and improving business performance and experience.

2.2.7 Lewis' 3-Dimension Model [43]

1) Linear-actives are those who plan, schedule, organize, pursue action chains, do one thing at a time, and execute it in accordance with a preliminarily designed plan; 2) Multi-actives are those lively, loquacious people who do many things at once, planning their priorities according to the relative thrill or importance; and 3) Reactives are those who prioritize courtesy and respect, listen quietly and calmly to their interlocutors, and react carefully to the other side's proposals.

2.3 Research Model

Instead of advocating one model over another, we developed the 9-dimension integrative model (see Table 2) which is more comprehensive and elaborate, based on the work of Nardon and Steers [44].

Table 2 – The integrative model of national culture

Core cultural dimensions	Focus of dimensions
Hierarchy vs. Equality (Models 2.2.2, 2.2.4~2.2.6)	<i>Power distribution in organizations and society:</i> Extent to which power and authority in a society are distributed hierarchically or in a more egalitarian or participative fashion.
Individualism vs. Collectivism (Models 2.2.1~2.2.6)	<i>Role of individuals and groups in social relationship:</i> Extent to which social relationships emphasize individual rights and responsibilities or group goals and collective action; centrality of individuals or groups in society.
Mastery vs. Harmony (Models 2.2.1, 2.2.2, 2.2.4~2.2.6)	<i>Relationship with the natural and social environment:</i> Beliefs concerning how the world works; extent to which people seek to change and control or live in harmony with their natural and social surroundings.
Monochronism vs. Polychronism (Models 2.2.1~2.2.4, 2.2.6, 2.2.7)	<i>Organization and utilization of time:</i> Extent to which people organize their time based on sequential attention to single tasks or simultaneous attention to multiple tasks; time as fixed vs. time as flexible.
Universalism vs. Particularism (Models 2.2.2, 2.2.4, 2.2.6)	<i>Relative importance of rules vs. relationships in behavioral control:</i> Extent to which rules, laws, and formal procedures are uniformly applied across societal members or tempered by personal relationships, in-group values, or unique circumstances.
Other cultural dimensions	Focus of dimensions
Physical space (Model 2.2.3)	<i>Extent to which people are comfortable sharing physical space with others.</i> Center of power: Territorial; need for clearly delineated personal space between themselves and others. Center of community: Communal; comfortable sharing personal space with others.
Neutral vs. Affective (Model 2.2.4)	<i>Extent to which people are free to express their emotions in public.</i> Neutral: Refrain from showing emotions; hide feelings. Affective: Emotional expressions acceptable or encouraged
Specific vs. Diffuse (Model 2.2.4)	<i>Extent to which people's various roles are compartmentalized or integrated.</i> Specific: Clear separation of a person's various roles. Diffuse: Clear integration of a person's various roles.
Human nature (Model 2.2.1)	<i>Beliefs about good, neutral, or evil human nature.</i> Good: Belief that people are inherently good. Mixed: Belief that people are inherently neutral. Evil: Belief that people are inherently evil.
Note – compiled by the authors based on source [44]	

3. Research Methodology and Data Collection

3.1 Analytical Approach

We designed a three-step analytical approach that involves critical thinking, and evaluation of facts and information relevant to this study.

Statistical exploration. We allocate the secondary data into our integrative model for an explorative comparison of the two cultures. Each cluster of results is simplified through combining the overlaps, judging and choosing between contradictions if any (we take more official and direct data as dominant ones).

Values navigation. As national cultures are rooted in values [45], we looked through the social, religious, and historical lens for a navigation of their values, beliefs and behaviors based on a variety of relevant documents, literacy research, archival records, and public opinions. This discovery strengthens or improves our understanding of the two cultures.

Integrative analysis. Derived from the exploration and navigation, we arrived at findings regarding the two cultures which are expected to lay a foundation for future empirical research in this area.

3.2 Data Collection

3.2.1 Data and Information for Statistical Exploration

We searched exhaustively in the range of reviewed models for the data regarding the two cultures as listed in Table 3. Since available data are incomplete due to the severe lack of research particularly in Kazakh culture, we compromised to include, for reference when necessary, some substitute data of USSR, Russia, or Kyrgyzstan considering the cultural commonalities among these CIS nations.

Table 3 – Indicators of Kazakh vs. Chinese culture

Models	Dimensions	Scores or Results	
		Kazakhstan	China
Kluckhohn and Strodtbeck	Man-Nature	Harmony [46]	Harmony [30]
	Social relations	Lineal [46, 47]	Lineal [30]
	Activity orientation	Doing [46, 47]	Doing [30]
	Time orientation	Past [46]	Past [30]
	Human nature	Good [46]	Good [30]
Hofstede	Power distance	93*; High [48]	80 [50]
	Individualism vs. Collectivism	39*; Collectivistic [48]	20 [50]
	Masculinity vs. Femininity	36*; Slightly Masculine [49]	66 [50]
	Uncertainty avoidance	95*; High [48]	30 [50]
	Long- vs. Short-term orientation	81*; Slightly Long [48]	87 [50]
	Indulgence vs. Restraint	20*; 39**; Restraint [48]	24 [50]
Hall	Proxemics (Personal, Social and Public space)	40cm+, 60cm+, 90cm+ [51]	50cm+, 70cm+, 100cm+ [51]
	Chronemics (Monochronic vs. Polychronic)	Polychronic [49]	Polychronic [37]
	Communication (High vs. Low context)	High context [49]	High context [37]

Trompenaars and Hampden-Turner	Universalism vs. Particularism	High Particularism* [52]	High Particularism [52]
	Individualism vs. Communitarianism	Individualism* [27]	High Communitarianism [52]
	Specific vs. Diffuse	Diffuse* [53]	Diffuse [53]
	Neutral vs. Affective	Affective [54]	Neutral [27]
	Achievement vs. Ascription	Ascription [54]	Ascription [52]
	Sequential vs. Synchronous	Synchronous* [53]	Synchronous [27]
	Inner- vs. Outer- directed	Outer-directed* [53]	Outer-directed [27]
Schwartz	Conservatism vs. Autonomy	Medium Conservatism* [55]	Conservatism [55]
	Hierarchy vs. Egalitarianism	Medium Hierarchy* [55]	Hierarchy [55]
	Mastery vs. Harmony	Medium Mastery* [55]	Mastery [55]
GLOBE	Uncertainty avoidance	3.66***; 4.42**** [56]	4.94***; 5.28**** [56]
	Power distance	5.31***; 3.15**** [56]	5.04***; 3.10**** [56]
	Institutional collectivism	4.29***; 4.04**** [56]	4.77***; 4.56**** [56]
	In-group collectivism	5.26***; 5.44**** [56]	5.80***; 5.09**** [56]
	Gender egalitarianism	3.84***; 4.75**** [56]	3.05***; 3.68**** [56]
	Assertiveness	4.46***; 3.84**** [56]	3.76***; 5.44**** [56]
	Future orientation	3.57***; 5.05**** [56]	3.75***; 4.73**** [56]
	Human orientation	3.99***; 5.62**** [56]	4.36***; 5.32**** [56]
	Performance orientation	3.57***; 5.41**** [56]	4.45***; 5.67**** [56]
Lewis	Linear-active	-	-
	Multi-active	Multi-active* [57]	-
	Reactive	-	Reactive [57]

Note – * Data of USSR or Russia as reference; ** Data of Kyrgyzstan as reference; *** Country Practice Scores. **** Country Value Scores.

3.2.2 Facts for Values Navigation in Kazakh Culture

Influenced by Islamic principles, the Central Asian countries including Kazakhstan have a lot of cultural resemblance featured by high moral standards, good memory, being wordy, loquacious, excitable and sometimes tough. Kazakh people are proud of their past with strong tribal relatedness, rituals, daring nomad traditions, love to horses, physical contests, courage and bravery; they value respect to age and hierarchy, family closeness, friendship, warmth and hospitality to strangers [43].

The nomadic way of life and continuous struggle with a harsh steppe climate made Kazakh people sturdy and adaptive physically and mentally to environment [58]; meantime, they are anxious about the ambiguity that the future holds, relying on social constructions and institutions to help avoid the uncertainty [48]. The free and nomadic Kazakhs enjoy physical proximity, and older people are generally given more than one meter “distance of comfort” instead [43]. There is a preference for private space both at home and offices, because it is considered a reflection of status. Traditionally, there was a strict role distribution between men and women

in their community. It is a common practice to consult on major decisions with elders, who traditionally hold a special role within the community [59].

Kazakh people have a strong sense of “face” or personal dignity. Unspoken rules play an important role in communication [49]. In business, building trust and loyalty with partners and co-workers is a crucial part of interactions leading to success [59]. They carry on social and business activities at a slow pace, and punctuality is not of the essence unless an older, senior person is involved [43]; appointment time is flexible [49]. They tend to do many tasks at a time [43].

Core values and beliefs of Kazakh culture are broadly summarized as below:

Islam
rituals • nomadic traditions
peace • happiness • freedom
sturdy • adaptive • love of horses
loquacious • unspoken rules • excitable
stability • structure • security • tough • resilient
sincerity • loyalty • family closeness • community • respect for age • hierarchy
warm • hospitable • friendship • citizenship and patriotism • tribal affinities
adventuresome • love of physical contests • daring and bravery
physical proximity • slow pace • unpunctuality
generous • jovial • hearty • feast and drink
mixture of masculinity and femininity
dignity • pride (no losing face)
wisdom

3.2.3 Facts for Values Navigation in Chinese Culture

The imperishable Chinese culture has been spreading over many centuries, and its influence is found in dance, pictures, religion, philosophy, architecture, theater, social structure, administration and, more than everything, in their language. Chinese people are hardworking, bona fide, not demanding, and thrifty. They seem to be in a complete harmony with each other and treat other nations with respect and flexibility [43].

Chinese culture is greatly influenced by Confucianism, Taoism, and Buddhism. Confucianism advocates that social stability is based on inequality of rights in five relations among people. Taoism proposes a healthy lifestyle, adequate vegetarianism, generosity of spirit, and paradox - the existence of two opposite states of reality simultaneously. Buddhism asserts that harmony should be attained through meditation [43; 60; 61].

“Guanxi” and “Quanzi” are the typical features of Chinese relationships in social and business life, where the former is the linking of two people with mutual dependence [43], and the latter is a circle of trust, separating “insiders” and “outsiders” [60]. A Chinese person belongs to four basic groups, i.e., the work unit, family, school, and community; the powerful people in the work unit usually help to solve miscellaneous things for the person including disputes, housing, medical care, kindergarten, recreation, and even arranging marriage [43].

The Chinese are courteous and considerate interlocutors; they respect privacy when possible and usually maintain a distance of one meter in conversation. They are extremely punctual and abhor wasting anyone’s time. Mild flattery is appropriate from both sides in communication; confrontation and loss of face (for both sides) must be avoided. Regarding the Chinese language, the speaker must choose words carefully, because complex meanings may be inferred from the context in which words are spoken [43].

Core values and beliefs of Chinese culture are extensively concluded as following:

modesty
Confucianism
Taoism • Buddhism
paradox • fengshui • thrift
filial piety • courtesy • tolerance
• guanxi • quanzi • sincerity • loyalty • trustworthiness • kindness

moderation • patriotism • harmony • bona fide • family closeness • tradition
generosity • adaptability • conscientiousness • self-sacrifice • asceticism • stoicism • tenacity
diligence • learning • respect for age • hierarchy • patience • flexibility
sense of duty • pride (no losing face) • flattery • punctuality
gratitude for favors • high context
undemanding • calm
impartiality • purity
gentleness
wisdom

4. RESEARCH RESULTS

Our analytical analysis discovers the comparative findings shown in Table 4.

Table 4 – Comparative findings between Kazakh and Chinese Culture

Dimensions	Similarities	Differences	
		Kazakhstan	China
Hierarchy - Equality	- Hierarchy. - Loyalty. - High power distance. - Ascription at status.	- Slightly higher power distance. - High gender egalitarianism.	- Inequality, stability, and moderation (Confucianism). - Low gender egalitarianism.
Individualism - Collectivism	- Institutional and In-group collectivism. - Lineal social relations. - High context in communication. - Citizenship and patriotism.	- Nomadic traditions. - Higher in-group collectivism.	- Much higher institutional collectivism. - Sense of duty. - Self-sacrifice.
Mastery - Harmony	- Harmony, outer-directed at man-nature relationship. - Doing at human activities. - Humane orientation; friendship and family closeness.	- Between masculinity and femininity. - Higher humane orientation. - Higher harmony with nature. - Adaptive, sturdy and resilient.	- Much higher masculinity. - Much higher assertiveness. - Higher performance orientation. - Taoism and Buddhism.
Monochronism - Polychronism	- Past time orientation in decision-making; respect traditions. - Polychronic time orientation.	- Medium future orientation. - Multi-active. - Unpunctuality. - Slow pace.	- High long-term orientation. - Reactive. - Punctuality. - Fast pace. - Thrift.
Universalism - Particularism	- High particularism. - Restraint.	- Roots make trees strong; friends make people strong. - High uncertainty avoidance.	- Guanxi and Quanxi. - Flexibility (Taoism). - Stoicism and asceticism (Buddhism). - Low uncertainty avoidance. - Paradox (Taoism).
Physical Space	- Privacy at home and offices.	- Close proxemics. - Nomadic freedom.	- Distant proxemics. - Moderate (Confucianism).
Neutral-Affective		- More emotional at expression. - Affective and excitable.	- Neutral. - Moderate (Confucianism). - Calm.
Specific-Diffuse	- Diffuse at clear integration of various roles.	- Peace and happiness.	- Diligence. - Self-sacrifice. - Sense of duty.
Human nature	- Belief that people are inherently good. - Wisdom. - Dignity and face. - High morality. - Virtue.	- Islam. - Nomadic traditions. - Adventurous. - Tough.	- Confucianism, Buddhism, and Taoism. - Learning and education. - Extremely hard work. - Gratitude for favors. - Undemanding.

Note – compiled by the authors

5. Discussions and Implications

5.1 Interpretation of our findings

Hierarchy-Equality. Both cultures believe that power in the society or organizations should be distributed hierarchically; vertical structure with high power distance is more favored than horizontal structure; people are reluctant to question authority; loyalty is valued and stressed. In comparison, Kazakhstan has even higher power distance; male and female roles are less distinct from one another. In Chinese culture, the belief of inequality for social stability was shaped by Confucianism, and participation of women in the workforce is relatively low.

Individualism-Collectivism. Two cultures both demonstrate strong collectivistic features that value group goals, group membership, participative decision-making, and social harmony; there is priority for relationship-based agreements in business; people tend to communicate subtly and indirectly; citizenship, patriotism, and loyalty are spirits in common. Comparatively speaking, Chinese society shows higher institutional collectivism, typically reflected in their sense of duty and spirit of self-sacrifice for societal interests; while Kazakh culture emphasizes more in-group collectivism in work units and families.

Mastery-Harmony. Two peoples both focus on living in harmony with nature as explained in Chinese Taoism and Buddhism philosophy, and adjusting to the natural and social environment with sturdiness and resilience as displayed in Kazakh traditions; interpersonal relationships are valued over achievement and people tend to be modest, close, and friendly. By comparison, Kazakh people are evenly masculine and feminine, showing a better balance of work and life; Chinese people are much more masculine with stronger ambition in pursuit of personal goals and achievements. Relatively speaking, Kazakh culture values more harmony and humanities, while Chinese culture prioritizes greater mastery and performance.

Monochronism-Polychronism. Two cultures are very similar in respecting traditions and adopting ideas from past experiences in decision-making; they are very much alike in use of time – do many things simultaneously. In comparison, Chinese people have strong propensity to save and invest for the future, they admire dedication, hard work, and thrift, and they are extremely flexible, adaptive, and persistent in achieving results, therefore Chinese culture is highly long-term oriented [50]. Kazakh people tend not to save as willingly as Chinese do, and they are assumed moderately future-orientated based on scores of GLOBE [56]. Kazakhs are multi-active people who are loquacious in communication, plan their priorities according to importance of the tasks, not very concerned about schedules and punctuality, and usually slow-paced; while Chinese people are reactive who are patient in listening first, fast-paced once they have formed their own opinions, and very punctual.

Universalism-Particularism. Both cultures are viewed as highly particularistic in that people emphasize interpersonal relationships and trust, compared with rules and laws; there is much tolerance for rule breaking and informal networks. Kazakh culture believes “friends make people strong”, while Chinese “guanxi” and “qianzi” reveal their strong relationship-based belief and flexibility (Taoism). Both cultures believe that gratification needs to be curbed and regulated by strict norms; moreover, Chinese culture praises inner restraint such as stoicism and asceticism. The two cultures show different attitudes toward uncertainty. Kazakh people are inclined to reduce uncertainty through bureaucratic rules and regulations. Oppositely, Chinese people are comfortable with ambiguity, for instance, the Chinese language is full of ambiguous meanings that can be difficult to follow [50]; paradox (Taoism) is a typical concept for high uncertainty acceptance.

Physical space. There is a preference for private space both at home and offices for both cultures, because it is considered a token of status. Kazakh people who have free and nomadic traditions usually enjoy physical proximity in social and public life, while Chinese people prefer to keep up to one meter in public occasions, which is another example of moderate feature (Confucianism).

Neutral-Affective. Nomadic Kazakh people tend to be affective and excitable; they are more likely to express emotions and feelings openly and freely. On the contrary, Reactive and moderate Chinese people are rather reserved and calm who most of the time refrain from showing emotions or quite often hide feelings.

Specific-Diffuse. Both collectivistic cultures have clear integration of a person’s various roles played in his or her work unit, family, and personal life. Kazakh culture values a good balance between work and life, and pursues peace and happiness for the present; while Chinese people place more emphasis on diligence, self-sacrifice, and sense of duty for happiness in the long run.

Human nature. Both cultures believe that people were born good; people should have high morality and virtue in nature; wisdom and dignity are admired in social life. Kazakh culture is influenced by Islam and nomadic traditions, and people are generally adventuresome and tough. Chinese culture cultivated by Confucianism, Buddhism, and Taoism, generates characteristics of being undemanding, thankful, and gratuitous for other's favors; education and hard work are highly encouraged and appreciated in Chinese society and organizations, which have to a large extent facilitated China's fast economic growth.

5.2 Implications for chinese managers in Kazakhstan

National cultures differ mostly at the level of values, which are quite stable and take generations to be changed [45]. Thus, it is wise to follow their similarities or adjust to their differences rather than attempt to change them, in order to find the best-fits or trade-offs in cross-cultural management. We make some recommendations for Chinese managers.

1) Discrimination and stereotype against each other's culture must be eliminated because cultural diversity if treated properly, is indeed a good reason for firm prosperity. Chinese managers need to be proactive to acquire an in-depth understanding of Kazakh culture.

2) Interact among the workforce as both cultures value harmonious relationships and diffuse roles; reward those who are particularly competent and loyal at work.

3) Kazakhs tend to be more affective at expressing compared to the Chinese who are most likely calm and moderate, so Chinese managers should remember this difference and give due tolerance.

4) Take a participative and collective method during the process of decision making, which allows Kazakh coworkers to feel belongings to their organization and inspire their creativity. Apply a combination of charismatic, transactional, and transformational leadership.

5) Recruit competent Kazakh candidates who match the values stressed in their organization. Chinese managers shall become role models in aspects of diligence, learning skills, and sense of duty in the process of motivating Kazakh employees.

6) The Kazakhs and Chinese are both good group or team players; strict norms and harmony in relationships are both stressed in light of particularism.

7) Set up the in-group language training classes in the range of Russian, Kazakh, Chinese, and English so as to reduce language barriers in communication; face-to-face talks incorporated with body language are indispensable for proper delivery of message in high-context cultures.

8) Rigid hierarchy, though well accepted in both cultures, may also overly limit employees' empowerment and autonomy, therefore femininity and particularism shall be considered in the organizational structure design for improvement of flexibility.

9) Shape a positive organizational culture through practices [45], which emphasizes employees' strengths, rewards more than punishes, and encourages individual vitality and growth [62].

10) Kazakh employees with high uncertainty avoidance and relatively low future orientation tend to be reluctant to change, so Chinese managers shall stimulate a culture of innovation for change and lead them to learn and adapt to the changing environment in the long term.

6. SUMMARY AND CONCLUSION

This paper is focused on the comparative study of national cultures between Kazakhstan and China, which has three originalities: 1) We filled the gap because there is hardly any antecedent work on this subject; 2) We developed an integrative model to study comprehensive features of national cultures; and 3) We tapped into the secondary data from various models, and overviewed values from the social, religious, and historical perspective, to perform the analytical analysis.

We found that the similarities are among seven dimensions, i.e., hierarchy, collectivism, harmony, polychronism, particularism, diffuse, and good human nature; differences are mainly reflected in physical space, and neutral-affective dimensions, where Kazakh culture likes close proxemics and tends to be affective, whereas Chinese cultures distant proxemics and neutral. Some other distinctions are among uncertainty avoidance, gender egalitarianism, long-term orientation, masculinity, assertiveness, and punctuality, in the seven similar dimensions.

Chinese managers in Kazakhstan shall foster a favorable corporate culture, utilize strengths of each culture to its full potential, and choose between trade-offs and best-fits, in their managerial practices.

Limitations of our research include: 1) Some of the secondary data and facts are insufficient and outdated (especially those of Kazakh culture are very few); 2) Data from different sources are not always consistent and are even contradict in some cases, which may cause biases; and 3) Our analytical analysis may incur the lack of reliability and validity in conclusions, which may further impair our implications. For the future research, we suggest to: 1) Conduct empirical studies on the two cultures (Kazakh culture needs more attention); and 2) Undertake case studies in terms of cross-cultural management on Chinese entrepreneurship operating in Kazakh culture.

REFERENCES

1. Predrag T. Managing Cross-culturalism within a Global Company – The Case of Jotun Paints // University of Ljubljana: Faculty of Economics. – 2013. – 73 p.
2. Schnalke M., Mason R. B. The Influence of Culture on Marketing Communications: Critical Cultural Factors Influencing South African and German Businesses // *Anthropology of East Europe Review*. – 2014. – № 12 (1). – P. 172–179.
3. Stead J. G., Stead E. W. Sustainable Strategic Management: second ed. – London, England: M.E. Sharpe, 2014. – P. 178–179.
4. Hofstede G. Cultures and Organizations: Software of the Mind. – London: McGraw-Hill, 1991. – 576 p.
5. Plum E., Achen B., Dræby I., Jensen I. Cultural Intelligence: The Art of Leading Cultural Complexity. – Middlesex: University Press. – 2008. – 261 p.
6. Freedom in the world 2020: Kazakhstan [Electronic source] // Freedom House [web-portal]. – 2020. – URL: <https://freedomhouse.org/country/kazakhstan/freedom-world/2020> (accessed: March 13, 2020).
7. Всемирный банк в Казахстане [Электронный ресурс] // Всемирный банк [web-сайт]. – URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/kazakhstan> (дата обращения: 12.03.2020).
8. Economy of Kazakhstan [Electronic source] // International Monetary Fund [website]. – 2019. – URL: <https://www.imf.org/en/Countries/KAZ> (accessed: March 13, 2020).
9. The World Factbook: Central Asia. Kazakhstan [Electronic source] // Central Intelligence Agency [web-portal]. – 2020. – URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/kz.html> (accessed: March 18, 2020).
10. Ranks of Kazakhstan [Electronic source] // The Legatum Prosperity Index. – 2020. – URL: <https://www.prosperity.com/globe/kazakhstan> (accessed: March 13, 2020).
11. Satubaldina A. Kazakhstan ranks 55th in Global Competitiveness Index, moves up four spots [Electronic source] // The Astana Times [website]. – 2019. – URL: <https://astanatimes.com/2019/10/kazakhstan-ranks-55th-in-global-competitiveness-index-moves-up-four-spots/> (accessed: March 19, 2020).
12. Kazakhstan: Innovation Index [Electronic source] // TheGlobalEconomy.com [web-portal]. – 2019. – URL: https://www.theglobaleconomy.com/Kazakhstan/GII_Index/ (accessed: March 19, 2020).
13. Overview of Kazakhstan [Electronic source] // USNews [web-portal]. – 2019. – URL: <https://www.usnews.com/news/best-countries/kazakhstan> (accessed: March 19, 2020).
14. Kazakhstan [Electronic source] // Environment Performance Index [web-portal]. – 2018. – URL: <https://epi.envirocenter.yale.edu/epi-country-report/KAZ> (accessed: March 19, 2020).
15. Kazakhstan ranks 81st in the global tourism ranking [Electronic source] // The Qazaq Times [web-portal]. – 2020. – URL: <https://qazaqtimes.com/en/article/64870> (accessed: March 19, 2020).
16. WJP Rule of Law Index 2020 [Electronic source] // World Justice Project [web-portal]. – 2020. – URL: <https://worldjusticeproject.org/our-work/research-and-data/wjp-rule-law-index-2020> (accessed: March 19, 2020).
17. Kazakhstan jumps three spots to 25th in World Bank Doing Business Report [Electronic source] // The Astana Times [website]. – 2020. – URL: <https://astanatimes.com/2019/10/kazakhstan-jumps-three-spots-to-25th-in-world-bank-doing-business-report/> (accessed: March 19, 2020).

18. The Shanghai Cooperation Organisation [Electronic source] // The Shanghai Cooperation Organisation [website]. – URL: http://eng.sectesco.org/about_sco/ (accessed: March 19, 2020).
19. A strategic partnership [Electronic source] // Xinhuanet [website]. – 2019. – URL: http://www.xinhuanet.com/english/2019-09/12/c_138384816.htm (accessed: March 19, 2020).
20. Trade summary for Kazakhstan 2018 [Electronic source] // WITS: World Integrated Trade Solution [web-portal]. – URL: <https://wits.worldbank.org/countrysnapshot/en/KAZ> (accessed: February 25, 2020).
21. The 6th meeting of China-Kazakhstan Entrepreneurs Committee held in Beijing [Electronic source] // CGTN [website]. – 2019. – URL: <https://news.cgtn.com/news/2019-09-11/The-6th-meeting-of-China-Kazakhstan-Entrepreneurs-Committee-held-JUBiXgpWSI/index.html> (accessed: March 19, 2020).
22. Guo Q. China-Kazakhstan Relations from the Perspective of China opening to the West. – Modern International Relations. – 2014.
23. Kroeber A. L., Kluckhohn L. Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions. – Cambridge, Massachusetts: The Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology, Harvard University, 1952. – 219 p.
24. Tajfel H. La Catégorisation Sociale // Introduction a la Psychologie Sociale. – 1972. – Vol. 1. – P. 272–302.
25. Levitin T. Values. In Measures of Social Psychological Attitudes. – Survey Research Center, Institute for Social Research, University of Michigan. – 1973. – 750 p.
26. Schein E. H. Organizational Culture and Leadership. – San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 1985. – 437 p.
27. Trompenaars F., Hampden-Turner C. M. Riding the Waves of Culture: Understanding Diversity in Global Business. – Intercultural Management Publishers NV, 1998. – 274 p.
28. Bennett M. J. Basic Concepts of Intercultural Communication: Selected Readings. – Yarmouth, ME: Intercultural Press, 1998. – 288 p.
29. Hofstede G. Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. – London: Sage Publications, 1984. – 328 p.
30. Ying F. A Classification of Chinese Culture // Cross Cultural Management. – 2000. – Vol. 7 (2). – P. 3–10.
31. Ahmed P. K., Loh A. Y. E., Zairi M. Cultures for Continuous Improvement and Corporate Culture Learning // Total Quality Management. – 1999. – Vol. 4-5. – № 10. – P. 426–434.
32. Kluckhohn F., Strodtbeck F. Variations in Value Orientations. – Evanston, IL: Row, Peterson, 1961. – 342 p.
33. Hofstede G. Motivation, Leadership and Organization: Do American Theories Apply Abroad // Organizational Dynamic. – 1980. – Vol. 9(1) – P. 42–63.
34. Hofstede G., Bond M. H. The Confucius Connection: From Cultural Roots to Economic Growth // Organizational Dynamics. – 1991. – Vol. 16 (4). – P. 4–21.
35. Hofstede G., Minkov M. Cultures and Organizations: Software of the Mind: Intercultural Cooperation and Its Importance for Survival. – New York: McGraw-Hill. 2010. – 561 p.
36. Hall E. T. The Silent Language. – New York: Doubleday, 1981. – 242 p.
37. Hall E. T. Beyond Culture. – New York: Doubleday, 1976. – 316 p.
38. Hall E. T., Hall M. R. Understanding Cultural Differences. – Yarmouth, Maine: Intercultural Press, 1990. – 196 p.
39. Trompenaars F. Riding the Waves of Culture: Understanding Cultural Diversity in Business. London: Economists Books, 1993. – 274 p.
40. Schwartz S. H. Universals in the Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries // Advances in experimental social psychology. – 1992. – Vol. 25. – P. 1–65.
41. Schwartz S. H. Beyond Individualism/Collectivism: New Cultural Dimensions of Values // Cross-cultural research and methodology. – 1994. – Vol. 18. – P. 85–119.
42. House R. J., Hanges P. J., Javidan M., Dorfman P. W., Gupta V. & GLOBE Associates. Leadership, Culture and Organizations: The Globe Study of 62 Societies. // Thousand Oaks, CA: Sage. 2004. – 818 p.

43. Lewis R. D. When Cultures Collide: Leading across Cultures. – Boston, MA: Nicholas Brealey, 2005. – 625 p.
44. Nardon L., Steers R. M. Navigating the Culture Theory Jungle: Divergence and Convergence in Models of National Culture // Vlerick Leuven Gent Management School Working Paper Series. – 2006. – Vol. 38. – 43 p.
45. Hofstede G. National Cultures, Organizational Cultures, and the Role of Management // Values and Ethics for the 21st Century, BBVA. – 2012. – P. 385–402.
46. Kainazarov F. Cultural Dimension Differences Related to International Management – Kazakhstan vs. Europe // Faculdade de Engenharia da Universidade do Porto, 2013. – 49 p.
47. Muratbekova M. Kazakh Management Culture: Perception of French Managers // The International Journal of Human Resource Management. – 2002. – Vol. 13. – Issue 2. – P. 213–231.
48. Karina M. A Cross-cultural Comparison of Leadership Choices: Commonalities and Differences among Female Leaders in the United States, Kazakhstan and Sweden // University of Oregon Graduate School, 2012. – 105 p.
49. Yusuf Y., Aibarsha I. Teaching Across Cultures: Considerations for International Language Teachers in Kazakhstan / 13th International Educational Technology Conference // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2013. – P. 900–911.
50. Country comparison [Electronic source] // Hofstede Insights [web-portal]. – URL: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison/> (accessed: February 24, 2020).
51. Sorokowska, A. Preferred Interpersonal Distances: A Global Comparison. // Journal of Cross-Cultural Psychology 2017. – Vol. 48 (4). – 577–592.
52. Luthans F., Doh J. P. International Management: Culture, Strategy, and Behavior (8th ed.). – New York: McGraw-Hill. – 2012. – 674 p.
53. The Seven Dimensions of Culture [Electronic source] // MindTools [web-portal]. – 2020. – URL: <https://www.mindtools.com/> (accessed: February 24, 2020).
54. Global Affairs Canada [Electronic source] // Government of Canada [website]. – 2020. – URL: <https://www.international.gc.ca/gac-amc/index.aspx?lang=eng> (accessed: February 24, 2020).
55. Schwartz S. H. Mapping and Interpreting Cultural Differences around the World. In Vinken, H., Soeters, J., and Ester, P., eds., // Comparing Cultures, Dimensions of Culture in a Comparative Perspective. – Leiden, The Netherlands: Brill, 2004. – P. 43–73.
56. Kazakhstan [Electronic source] // GLOBE: 2020 [web-portal]. – 2020. – URL: <https://globeproject.com/results/countries/KAZ?menu=list#list>; (accessed: February 28, 2020).
57. Lewis R. D. When Teams Collide: Managing the International Team Successfully. Nicholas Brealey, 2012. – 228 p.
58. Dave B. Kazakhstan: Ethnicity, Language and Power. – London: Routledge, 2007. – 242 p.
59. Karibayeva B., Kunanbayeva S. S. Intercultural Business Discourse: Characteristics of Kazakh Context // Proceedings of INTCESS2016 3rd International Conference on Education and Social Sciences. – Istanbul, Turkey, 2016. – P. 154–157.
60. Gannon M. J., Pillai R. K. Understanding Global Cultures: Metaphorical Journeys through 31 Nations, Clusters of Nations, Continents, and Diversity (Fifth Edition). SAGE Publications, Inc, 2012. – 634 p.
61. Mullin G. Buddhism In Mongolia: Three or Five Waves of Cultural Blossoming. Foundation for the Preservation of the Mayahana Tradition in Mongolia. [Electronic source] // My WordPress Blog [web-portal]. – 2014. – URL: <http://www.fpmtmongolia.org/buddhism-in-mongolia/> (accessed: February 28, 2020).
62. Stephen P. R., Timothy A. J. Organizational Behavior (17th Edition). – Pearson Education Limited, 2017. – 582 p.

REFERENCES

1. Predrag, T. (2013), “Managing Cross-culturalism within a Global Company – The Case of Jotun Paints”, University of Ljubljana: Faculty of Economics, 73 p.

2. Schnalke, M. and Mason, R. B. (2014), "The Influence of Culture on Marketing Communications: Critical Cultural Factors Influencing South African and German Businesses", *Anthropology of East Europe Review*, No. 12 (1), pp. 172–179.
3. Stead, J. G. and Stead, E. W. (2014), "Sustainable Strategic Management", second ed., London, England: M.E. Sharpe, pp. 178–179.
4. Hofstede, G. (1991), "Cultures and Organizations: Software of the Mind", London: McGraw-Hill, 576 p.
5. Plum, E., Achen, B., Dræby, I. and Jensen, I. (2008), "Cultural Intelligence: The Art of Leading Cultural Complexity", Middlesex: University Press, 261 p.
6. "Freedom in the world 2020: Kazakhstan" (2020), Freedom House, available at: <https://freedomhouse.org/country/kazakhstan/freedom-world/2020> (accessed: March 13, 2020).
7. "The World Bank in Kazakhstan", The World Bank, available at: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/kazakhstan> (accessed: March 12, 2020).
8. "Economy of Kazakhstan" (2019), International Monetary Fund, available at: <https://www.imf.org/en/Countries/KAZ> (accessed: March 13, 2020).
9. "The World Factbook: Central Asia. Kazakhstan", Central Intelligence Agency, available at: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/kz.html> (accessed: March 18, 2020).
10. "Ranks of Kazakhstan" (2020), The Legatum Prosperity Index, available at: <https://www.prosperity.com/globe/kazakhstan> (accessed: March 13, 2020).
11. Satubaldina, A. (2019), "Kazakhstan ranks 55th in Global Competitiveness Index, moves up four spots", *The Astana Time*, available at: <https://astanatimes.com/2019/10/kazakhstan-ranks-55th-in-global-competitiveness-index-moves-up-four-spots/> (accessed: March 19, 2020).
12. "Kazakhstan: Innovation Index" (2019), TheGlobalEconomy.com, available at: https://www.theglobaleconomy.com/Kazakhstan/GII_Index/ (accessed: March 19, 2020).
13. "Overview of Kazakhstan" (2019), USNews, available at: <https://www.usnews.com/news/best-countries/kazakhstan> (accessed: March 19, 2020).
14. "Kazakhstan" (2018), Environment Performance Index, available at: <https://epi.envirocenter.yale.edu/epi-country-report/KAZ> (accessed: March 19, 2020).
15. "Kazakhstan ranks 81st in the global tourism ranking" (2020), *The Qazaq Time*, available at: <https://qazaqtimes.com/en/article/64870> (accessed: March 19, 2020).
16. "WJP Rule of Law Index" (2020), World Justice Project, available at: <https://worldjusticeproject.org/our-work/research-and-data/wjp-rule-law-index-2020> (accessed: March 19, 2020).
17. "Kazakhstan jumps three spots to 25th in World Bank Doing Business Report" (2020), *The Astana Times*, available at: <https://astanatimes.com/2019/10/kazakhstan-jumps-three-spots-to-25th-in-world-bank-doing-business-report/> (accessed: March 19, 2020).
18. "The Shanghai Cooperation Organisation", The Shanghai Cooperation Organisation website, available at: http://eng.sectsco.org/about_sco/ (accessed: March 19, 2020).
19. "A strategic partnership", (2019), Xinhuanet, available at: http://www.xinhuanet.com/english/2019-09/12/c_138384816.htm (accessed: March 19, 2020).
20. "Trade summary for Kazakhstan 2018", WITS: World Integrated Trade Solution, available at: <https://wits.worldbank.org/countrysnapshot/en/KAZ> (accessed: February 25, 2020).
21. "The 6th meeting of China-Kazakhstan Entrepreneurs Committee held in Beijing" (2019), CGTN, available at: <https://news.cgtn.com/news/2019-09-11/The-6th-meeting-of-China-Kazakhstan-Entrepreneurs-Committee-held-JUBiXgpWSI/index.html> (accessed: March 19, 2020).
22. Guo, Q. (2014), "China-Kazakhstan Relations from the Perspective of China opening to the West", *Modern International Relations*, 2014.
23. Kroeber, A. L. and Kluckhohn, L. (1952), "Culture: A Critical Review of Concepts and Definitions", Cambridge, Massachusetts: The Peabody Museum of American Archaeology and Ethnology, Harvard University, 219 p.
24. Tajfel, H. (1972), "La Catégorisation Sociale", *Introduction a la Psychologie Sociale*, Vol. 1, pp. 272–302.

25. Levitin, T. (1973), "Values. In Measures of Social Psychological Attitudes", Survey Research Center, Institute for Social Research, University of Michigan, 750 p.
26. Schein, E. H. (1985), "Organizational Culture and Leadership", San Francisco: Jossey-Bass Publishers, 437 p.
27. Trompenaars, F., Hampden-Turner, C. M. (1998), "Riding the Waves of Culture: Understanding Diversity in Global Business", Intercultural Management Publishers NV, 274 p.
28. Bennett, M. J. (1998), "Basic Concepts of Intercultural Communication: Selected Readings", Yarmouth, ME: Intercultural Press, 288 p.
29. Hofstede, G. (1984), "Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values", London: Sage Publications, 328 p.
30. Ying, F. (2000), "A Classification of Chinese Culture", Cross Cultural Management, Vol. 7 (2), pp. 3–10.
31. Ahmed, P. K., Loh, A. Y. E. and Zairi, M. (1999), "Cultures for Continuous Improvement and Corporate Culture Learning", Total Quality Management, Vol. 4-5, No. 10, pp. 426–434.
32. Kluckhohn, F. and Strodtbeck, F. (1961), "Variations in Value Orientations", Evanston, IL: Row, Peterson, 342 p.
33. Hofstede, G. (1980), "Motivation, Leadership and Organization: Do American Theories Apply Abroad", Organizational Dynamic, Vol. 9(1), pp. 42–63.
34. Hofstede, G. and Bond, M. H. (1991), "The Confucius Connection: From Cultural Roots to Economic Growth", Organizational Dynamics, Vol. 16 (4), pp. 4–21.
35. Hofstede, G. and Minkov, M. (2010), "Cultures and Organizations: Software of the Mind: Intercultural Cooperation and Its Importance for Survival", McGraw-Hill, New York, 561 p.
36. Hall, E. T. (1981), "The Silent Language", Doubleday, New York, 242 p.
37. Hall, E. T. (1976), "Beyond Culture", Doubleday, New York, 316 p.
38. Hall, E. T. and Hall, M. R. (1990), "Understanding Cultural Differences", Intercultural Press, Yarmouth, Maine, 196 p.
39. Trompenaars, F. (1993), "Riding the Waves of Culture: Understanding Cultural Diversity in Business", Economists Books, London, 274 p.
40. Schwartz, S. H. (1992), "Universals in the Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries", Advances in experimental social psychology, Vol. 25, pp. 1–65.
41. Schwartz, S. H. (1994), "Beyond Individualism/Collectivism: New Cultural Dimensions of Values", Cross-cultural research and methodology, Vol. 18, pp. 85–119.
42. House, R. J., Hanges, P. J., Javidan, M., Dorfman, P. W., Gupta, V. & GLOBE Associates (2004), "Leadership, Culture and Organizations: The Globe Study of 62 Societies", Sage, Thousand Oaks, CA, 818 p.
43. Lewis, R. D. (2005), "When Cultures Collide: Leading across Cultures", Nicholas Brealey, Boston, MA, 625 p.
44. Nardon, L. and Steers, R. M. (2006), "Navigating the Culture Theory Jungle: Divergence and Convergence in Models of National Culture", Vlerick Leuven Gent Management School Working Paper Series, Vol. 38, 43 p.
45. Hofstede G. (2012), "National Cultures, Organizational Cultures, and the Role of Management", Values and Ethics for the 21st Century, BBVA. pp. 385–402.
46. Kainazarov, F. (2013), "Cultural Dimension Differences Related to International Management – Kazakhstan vs. Europe", Faculdade de Engenharia da Universidade do Porto, 49 p.
47. Muratbekova, M. (2002), "Kazakh Management Culture: Perception of French Managers", The International Journal of Human Resource Management, Vol. 13, Issue 2, pp. 213–231.
48. Karina, M. A (2012), "Cross-cultural Comparison of Leadership Choices: Commonalities and Differences among Female Leaders in the United States, Kazakhstan and Sweden", University of Oregon Graduate School, 105 p.
49. Yusuf, Y. and Aibarsha, I. (2013), "Teaching Across Cultures: Considerations for International Language Teachers in Kazakhstan", 13th International Educational Technology Conference, Procedia – Social and Behavioral Sciences, pp. 900–911.

50. “Country comparison”, Hofstede Insights, available at: <https://www.hofstede-insights.com/country-comparison/> (accessed: February 24, 2020).
51. Sorokowska, A. (2017), “Preferred Interpersonal Distances: A Global Comparison”, *Journal of Cross-Cultural Psychology*, Vol. 48 (4), pp. 577–592.
52. Luthans F., Doh J. P. *International Management: Culture, Strategy, and Behavior* (8th ed.). – New York: McGraw-Hill. – 2012. – 674 p.
53. “The Seven Dimensions of Culture” (2020), MindTools, available at: <https://www.mindtools.com/> (accessed: February 24, 2020).
54. “Global Affairs Canada” (2020), Government of Canada, available at: <https://www.international.gc.ca/gac-amc/index.aspx?lang=eng> (accessed: February 24, 2020).
55. Schwatz, S. H. (2004), “Mapping and Interpreting Cultural Differences around the World”, in Vinken, H., Soeters, J., and Ester, P., eds., *Comparing Cultures, Dimensions of Culture in a Comparative Perspective*, Brill, Leiden, The Netherlands, pp. 43–73.
56. “Kazakhstan” (2020), GLOBE: 2020, available at: <https://globeproject.com/results/countries/KAZ?menu=list#list>; (accessed: February 28, 2020).
57. Lewis, R. D. (2012), “When Teams Collide: Managing the International Team Successfully”, Nicholas Brealey, 228 p.
58. Dave, B. (2007), “Kazakhstan: Ethnicity, Language and Power”, Routledge, London, 242 p.
59. Karibayeva, B. and Kunanbayeva, S. S. (2016), “Intercultural Business Discourse: Characteristics of Kazakh Context”, *Proceedings of INTCESS2016 3rd International Conference on Education and Social Sciences*, Istanbul, Turkey, pp. 154–157.
60. Gannon, M. J. and Pillai, R. K. (2012), “Understanding Global Cultures: Metaphorical Journeys through 31 Nations, Clusters of Nations, Continents, and Diversity”, Fifth Edition, SAGE Publications, Inc, 634 p.
61. Mullin G. (2014), “Buddhism In Mongolia: Three or Five Waves of Cultural Blossoming. Foundation for the Preservation of the Mayahana Tradition in Mongolia”, My WordPress Blog, available at: <http://www.fpmtmongolia.org/buddhism-in-mongolia/> (accessed: February 28, 2020).
62. Stephen, P. R. and Timothy, A. J. (2017), “Organizational Behavior”, 17th Edition, Pearson Education Limited, 582 p.

SUMMARY

This paper seeks to identify similarities and differences of national cultures between Kazakhstan and China, based on which implications are drawn for Chinese managers who are leading a cross-cultural workforce in Kazakhstan. The subject, integrative model, and analytical method of this study provide originalities for further research.

ТҮЙІНДЕМЕ

Бұл мақалада Қазақстан мен Қытайдың ұлттық мәдениеттерінің ұқсастығы мен айырмашылықтарын анықтау міндеті қойылады, оның негізінде Қазақстандағы кросс-мәдени ортада жұмыс күшін басқаратын Қытай менеджерлері үшін қорытындылар ұсынылады. Осы зерттеудің пәні, интегративті моделі және аналитикалық әдісі одан әрі зерттеу үшін бастапқы деректерді береді.

РЕЗЮМЕ

В данной статье ставится задача выявить сходства и различия национальных культур Казахстана и Китая, на основе которой представляются выводы для китайских менеджеров, возглавляющих рабочую силу в кросс-культурной среде в Казахстане. Предмет, интегративная модель и аналитический метод данного исследования дают исходные данные для дальнейших исследований.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Юй Тунсинь – докторант Ph.D., Бизнес-колледж Банг, Университет КИМЭП, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: tongxin.yu@kimer.kz

Надим Халид – доктор Ph.D., профессор-исследователь, Бизнес-колледж Банг, Университет КИМЭП, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: nadeem.k@kimer.kz

Ashfaq Ahmad – доктор Ph.D., профессор-исследователь, Центр Менеджмента и коммерции, Университет Сват, Пакистан, e-mail: ashfaq.ahmad@uswat.edu.pk

МРПТИ 06.52.13

JEL Classification: O30

EVALUATION OF REGIONAL COMPETITIVENESS BASED ON THE INDEX APPROACH

G. Dyussebekova¹, D. Bekniyazova², Zh. Kenzhin³

¹S. Toraighyrov Pavlodar State University, Pavlodar, Republic of Kazakhstan

²Innovative University of Eurasia, Pavlodar, Republic of Kazakhstan

³Zhangir khan West Kazakhstan Agrarian-Technical University,
Uralsk, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

Purpose of the research. Comparative analysis and evaluation of the competitiveness of Kazakhstan's regions in modern conditions.

Methodology. The article uses rating model for evaluating competitiveness of Kazakhstan's regions based on indices, developed by Agency for research on investment profitability, operating under National chamber of Entrepreneurs of Kazakhstan (rating of competitiveness of Kazakhstan's regions).

Originality / value. Classification of regions is carried out according to analysis of main socio-economic indicators of Kazakhstan regions, which originates in Concept of regional policy. The authors also calculated main indicators of competitiveness index of Kazakhstan regions according to National chamber of Entrepreneurs of Kazakhstan in order to determine the specifics of regions and identify directions for developing regional strategies.

Findings. Carried out analysis revealed the strengths and weaknesses of the regions of Kazakhstan. It is emphasized that a high level of regional competitiveness cannot be achieved without development of human resources and their rational use. In general, directions of regional policy are determined by chosen development scenario. The approach proposed by authors to methodology for evaluating regional competitiveness has a number of advantages - it reflects the specifics of regions, allows seeing the nearest competitors and determining directions of the region's development strategy.

Keywords: regional competitiveness, regional policy, evaluation of human resources, modernization of the economy

ИНДЕКСТІК ТӘСІЛ НЕГІЗІНДЕ ӨНІРЛЕРДІҢ БӘСЕКЕГЕ ҚАБІЛЕТТІЛІГІН БАҒАЛАУ

Г. С. Дюсембекова¹, Д. С. Бекниязова², Ж. Б. Кенжин³

¹С. Торайғыров атындағы Павлодар мемлекеттік университеті,

Павлодар, Қазақстан Республикасы

²Инновациялық Еуразия университеті, Павлодар, Қазақстан Республикасы

³Жәңгір хан атындағы Батыс Қазақстан аграрлық-техникалық университеті,
Орал, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеу мақсаты. Қазіргі жағдайдағы Қазақстан аймақтарының бәсекеге қабілеттілігін салыстырмалы талдау және бағалау.

Зерттеу әдіснамасы. Мақалада Қазақстан Республикасының Ұлттық Кәсіпкерлер палатасы жанынан әрекет ететін инвестициялардың өтімділігін зерттеу жөніндегі Агенттік (Қазақстан өңірлерінің бәсекеге қабілеттілік рейтингі) әзірлеген индекстердің негізінде Қазақстан өңірлерінің бәсекеге қабілеттілігін бағалаудың рейтингтік үлгісі қолданылды.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы. Өңірлік саясат тұжырымдамасында бастау алатын Қазақстан Республикасы өңірлерінің негізгі әлеуметтік-экономикалық көрсеткіштерін талдауға сәйкес өңірлерді жіктеу жүзеге асырылды. Авторлар өңірлердің ерекшелігін айқындау және өңірлердің стратегиясын әзірлеу бағыттарын анықтау мақсатында Қазақстан Республикасының Ұлттық Кәсіпкерлер палатасының мәліметтері бойынша Қазақстан өңірлерінің бәсекеге қабілеттілік индексінің негізгі көрсеткіштері есептелген.

Зерттеу нәтижелері. Жүргізілген талдау Қазақстан өңірлерінің күшті және әлсіз жақтарын анықтауға мүмкіндік берді. Аймақтың бәсекеге қабілеттілігінің жоғары деңгейіне адам ресурстарын дамытпай және оларды ұтымды пайдаланбай қол жеткізу мүмкін емес екендігі атап өтілді. Тұтастай алғанда, өңірлік саясаттың бағыттары дамудың таңдалған сценарийімен айқындалады. Авторлар ұсынатын өңірлік бәсекеге қабілеттілікті бағалау әдіснамасына көзқарас бірқатар артықшылықтарға ие-өңірлердің ерекшелігін көрсетеді, жақын арадағы бәсекелестерді көруге және өңірдің даму стратегиясының бағыттарын анықтауға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: аймақтардың бәсекеге қабілеттілігі, аймақтық саясат, адам ресурстарын бағалау, экономиканы жаңғырту.

ОЦЕНКА КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНОВ НА ОСНОВЕ ИНДЕКСНОГО ПОДХОДА

Г. С. Дюсембекова¹, Д. С. Бекниязова², Ж. Б. Кенжин³

¹Павлодарский государственный университет имени С. Торайгырова,
Павлодар, Республика Казахстан

²Инновационный Евразийский университет, Павлодар, Республика Казахстан

³Западно-Казахстанский аграрно-технический университет имени Жангир хана,
Уральск, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования. Сравнительный анализ и оценка конкурентоспособности регионов Казахстана в современных условиях.

Методология. В статье использована рейтинговая модель оценки конкурентоспособности регионов Казахстана на основе индексов, разработанная Агентством по исследованию рентабельности инвестиций, действующим при Национальной палате Предпринимателей Республики Казахстан (рейтинг конкурентоспособности регионов Казахстана).

Оригинальность/ценность исследования. Осуществлена классификация регионов согласно анализу основных социально-экономических показателей регионов Республики Казахстан, берущей начало в Концепции региональной политики. Авторами рассчитаны основные показатели индекса конкурентоспособности регионов Казахстана по данным Национальной палаты Предпринимателей Республики Казахстан с целью определения специфики регионов и выявления направлений разработки стратегии регионов.

Результаты исследования. Проведенный анализ позволил выявить сильные и слабые стороны регионов Казахстана. Подчеркнуто, что высокого уровня конкурентоспособности региона невозможно достигнуть без развития человеческих ресурсов и рационального их использования. В целом, направления региональной политики определяются выбранным сценарием развития. Предлагаемый авторами подход к методологии оценки региональной конкурентоспособности, имеет ряд преимуществ - отражает специфику регионов, позволяет увидеть ближайших конкурентов и определить направления стратегии развития региона.

Ключевые слова: конкурентоспособности регионов, региональная политика, оценка человеческих ресурсов, модернизация экономики.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования обусловлена процессами регионализации в Казахстане, сопровождающимися перераспределением властных компетенций, передачей функций от национального на региональный уровень, появлением и развитием институциональных форм, отвечающих новой роли регионов в реализации национальной стратегии развития и сценариев ее выполнения.

В настоящее время существующие методы оценки конкурентоспособности регионов, основанные на использовании отдельных статистических и математических методов, не позволяют выбрать оптимальную траекторию развития регионов в долгосрочной перспективе. В большей мере исследования носят формальный характер, поскольку рассматривают понятие слаборазвитых регионов, факторы возникновения социально-экономических проблем и классические пути их решения. Особенно остро этот вопрос стоит в отношении большинства развивающихся стран [1; 2; 3].

В связи с этим, основная идея исследования заключается в разработке методологии оценки конкурентоспособности регионов, способствующей выбору оптимальной траектории развития региона в долгосрочной перспективе, что напрямую связано с реализацией долгосрочных приоритетов в условиях постоянно действующих ресурсных ограничений и изменяющихся внешних и внутренних условий конкуренции.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

В самом общем виде, конкурентоспособность региона определяется комбинацией разного уровня выраженности экономических, организационных, социальных и других факторов. При этом обобщающий измеритель конкурентоспособности, отражающий ее уровень и позволяющий сравнивать различные регионы, пока не определен, что вызвано в большей степени отсутствием единой методологии оценки конкурентоспособности. Рассматривая конкурентоспособность как интегральную категорию, принято выделить четыре группы показателей, по которым можно вести оценку региональной конкурентоспособности:

1. Показатели наличия и эффективности использования ресурсов региона (экономические показатели);
2. Показатели жизненного уровня населения региона;
3. Показатели инвестиционной привлекательности и активности региона;
4. Показатели инновационной привлекательности региона.

Показатели первой и второй группы в наибольшей степени отражают классический подход к оценке конкурентоспособности, предложенный М. Портером, согласно которому «конкурентоспособность региона — продуктивность использования региональных ресурсов, и, в первую очередь, рабочей силы и капитала, по сравнению с другими регионами, которая результируется в величине валового регионального продукта (ВРП) на душу населения, а также в его динамике». Между тем, Васильева З.А. говорит о том, что методологические подходы, базирующиеся на производительности региональных ресурсов, позволяют только зафиксировать уровень использования региональных ресурсов на данный момент времени, что является свидетельством их способности обеспечивать динамику ВРП, основанную в большей степени на ретроспективных данных [4]. Следовательно, оценка конкурентоспособности через показатели уровня жизни и экономической эффективности использования ресурсов позволяет определить текущее место регионов в конкуренции через призму эффективности в решении тактических задач, но не позволяет судить о конкурентоспособности любого конкретного региона с позиции его стратегического развития.

Авторы Самаруха А. В. и Краснов Г. И. в своей работе отмечают ограничения применения классического подхода М. Портера, предлагая концентрировать внимание на инвестиционном и, в дальнейшем на инновационном потенциале, который они тесно связывают со способностью региона генерировать и воспроизводить знания: «В создании конкурентного преимущества региона немаловажное значение имеют научные знания, образование — и как факторы развития производства, и как факторы формирования инновационного потенциала региона» [5]. В продолжение данной полемики, другие исследова-

тели отдельно выделяют категорию инновационной конкурентоспособности как наиболее актуальную в современных условиях, анализируя факторы, способствующие ее повышению.

Однако предложенная авторами система факторов является довольно сложной для применения. Выделяя факторы, для которых возможна количественная оценка, авторы также включают и факторы, для которых такая оценка не может быть применена, что затрудняет применение предлагаемой авторами системы с позиции стратегического развития регионов.

В связи с этим, ожидаемыми результатами работы является осуществление сравнительного анализа и оценки конкурентоспособности регионов Казахстана на основе индексного подхода, способствующей выбору оптимальной траектории развития регионов в долгосрочной перспективе.

В целом, различный уровень социально-экономического развития регионов зависит от разных факторов (географических, климатических, демографических и др.). В экономической науке актуальной выступает проблема анализа факторов, влияющих на кризисность отдельных территорий, и поиска инструментов, направленных на повышение их конкурентоспособности на национальном и международном рынках. В связи с этим, авторами рассматривается экономическое развитие регионов Республики Казахстан как страны открытого типа, предусматривающей их взаимосвязь и взаимозависимость. Ее локомотивом роста выступает сырьевой сектор. В регионах, богатых природно-сырьевыми ресурсами, наблюдается небольшой экономический подъем и нормальный уровень благосостояния жителей. Обратные процессы характерны для недобывающих территорий с высокой плотностью населения и наличием человеческих ресурсов. Это порождает дифференциацию в развитии территориальных единиц страны. Деление экономического пространства Казахстана на отдельные регионы обусловлено большой протяженностью территории и её неоднородностью. В республике насчитывается 16 территориальных образований: 14 регионов и 2 самостоятельные единицы: г. Нур-Султан (Астана) и г. Алматы.

В рамках региональной политики их распределяют на 6 групп. В основе группировки, берущей начало в Концепции региональной политики, лежит принцип проблемности согласно Концепции региональной политики Республики Казахстан [6]. Такая классификация регионов является актуальной и в современных условиях.

В таблице 1 представлен анализ показателей социально-экономического развития регионов Казахстана.

Таблица 1 – Основные социально-экономические показатели регионов Республики Казахстан (по данным за 2018 год)

Доля региона, (в процентах)	Группа п/п					
	I	II	III	IV	V	VI
в общей численности населения	12	6	21	30	8	23
в ВРП	27	17	21	16	7	12
в производстве	9	30	26	15	10	10
в продукции АПК	1	2	20	30	18	29
во вложениях в основной капитал	18	30	13	18	7	14
Примечание – составлено авторами на основе источника [7]						

Согласно проведенному анализу, в первую группу входят г. Алматы и г. Нур-Султан (Астана) – крупнейшие финансово-экономические и социальные центры. Их отличительными характеристиками являются: высокий уровень обеспечения человеческими ресурсами, стабильный уровень благосостояния граждан, развитый промышленный сектор и наличие научно-технического потенциала. Их региональная политика предусматривает всестороннее развитие инфраструктуры, формирование бизнес-центров и освоение туристических направлений.

Во вторую группу включены две области, богатые минеральными ресурсами, – Атырауская и Мангистауская. Уровень жизни их жителей является самым высоким в Республике Казахстан.

Третья группа представлена тремя областями: Карагандинской, Восточно-Казахстанской и Павлодарской. Их отличает богатство минерально-сырьевых ресурсов. В реальном секторе экономики этих регионов преобладает добывающая и обрабатывающая промышленность, основанная на местном сырье, а также легкая промышленность и машиностроение. Региональная политика в регионах второй и третьей группы ориентирована на развитие сферы транспорта и связи, повышение доли малого и среднего предпринимательства в агропромышленном комплексе (далее – АПК), разработку программ индустриально-инновационного развития в обрабатывающей промышленности. Для сырьевых территорий отдельным направлением региональной политики выступают природоохранные мероприятия, особенно в зоне шельфа Каспийского моря.

В четвертую группу вошли Костанайская, Актюбинская, Жамбылская и Туркестанская области. Общими характеристиками этих территорий являются наличие минеральных ресурсов и сельскохозяйственных угодий. Уровень развития человеческих ресурсов и среднедушевой доход в них ниже, чем в развитых регионах. Ключевым направлением региональной политики определено развитие транспортных и обрабатывающих направлений в сельском хозяйстве, расширение потенциала крупных хозяйственных субъектов.

Пятая группа: Северо-Казахстанская и Западно-Казахстанская области. В структуре их реального сектора экономики преобладает машиностроение и сельское хозяйство.

Незначительно здесь представлена нефтегазовая отрасль. Региональная политика предусматривает модернизацию машиностроения и оборонной промышленности, развитие смежных областей АПК.

Шестая группа включает Алматинскую, Акмолинскую и Кызылординскую области. Основная сфера деятельности регионов связана с развитием сельского хозяйства. По обеспеченности человеческими ресурсами и среднедушевому доходу они серьезно отстают от городов Алматы и Нур-Султан (Астаны), а также регионов второй и третьей группы. Исключение составляет Кызылординская область (зона освоения нефтяного месторождения).

Основные направления региональной политики ориентированы на развитие предпринимательства, обслуживающего сельское хозяйство, а также на освоение новых промышленных производств. Эти мероприятия позволят повысить уровень благосостояния жителей.

Повышение конкурентоспособности в региональной политике основано на экономическом развитии каждого из 16 регионов [8].

Для устранения диспропорций необходимы комплексные подходы к оценке конкурентоспособности регионов и единая политика экономического развития страны с учетом человеческих ресурсов каждой территории [9; 10; 11].

Рассмотрим имеющиеся модели оценки, применяемые на практике. В частности, рейтинговая модель оценки конкурентоспособности регионов Казахстана на основе индексов, разработанная Агентством по исследованию рентабельности инвестиций, действующим при Национальной палате Предпринимателей Республики Казахстан [12]. В основе ранжирования регионов лежит индексный подход. Интегрированный индекс конкурентоспособности рассчитывается путем суммирования средневзвешенных величин по каждой группе показателей.

При определении авторами составляющих индексов конкурентоспособности региона выбраны адекватные показатели, отражающие конкурентные преимущества и инновационность экономики.

Они должны быть статистически достоверными и объективными (субъективное мнение исследователя в интерпретации должно быть сведено к нулю). При выборе показателей учитывается доступность статистических сведений.

В качестве основы для расчета индексов применяется рейтинговая стратегия конкурентоспособности. Она предусматривает аккумуляцию частных показателей в единый интегрированный, характеризующий относительные позиции по исследуемым критериям.

Для упорядочивания показателей, измеряемых в различных единицах, используется шкалирование. Оно предусматривает их перевод в безмерные величины от 0 до 1 (0 характеризует худший результат, 1 – лучший). Шкалирование основано на формулах 1 и 2.

$$K_n^i = Y_n^i - Y_{mini} / Y_{maxi} - Y_{mini} \quad (1)$$

$$K_n^i = 1 - Y_n^i - Y_{mini} / Y_{maxi} - Y_{mini} \quad (2)$$

где, Y_n^i – n -ый показатель i -того региона;

Y_{mini} – минимальное значение показателя по всем регионам из выборки;

Y_{maxi} – максимальное значение показателя по всем регионам.

Формула 1 используется, если максимальное значение соответствует лучшему результату. В противном случае применяется формула 2.

Определим среднюю арифметическую показателей, необходимую для расчета интегрированного коэффициента по формуле 3.

$$K_{\text{ср. ариф.}} = \sum_{n=1}^m K_n^i \quad (3)$$

Полученный результат преобразуем по формуле 4:

$$K_{\text{ср. ариф.}} = K_{\text{ср. ариф. } n}^i - K_{\text{ср. ариф. } mini}^i / K_{\text{ср. ариф. } maxi}^i - K_{\text{ср. ариф. } mini}^i \quad (4)$$

Это преобразование необходимо для шкалирования показателей в диапазоне [0; 1].

Таким образом, лучшему значению показателя будет присвоена 1 в исследовании, худшему – 0. Остальные регионы будут расположены в рассматриваемом диапазоне.

По методологии вышеуказанного Агентства по исследованию рентабельности инвестиций, действующего при Национальной палате Предпринимателей Республики Казахстан, авторами определен индекс конкурентоспособности регионов, представленный на рисунке 1, на основе показателей, представленных в таблице 2.

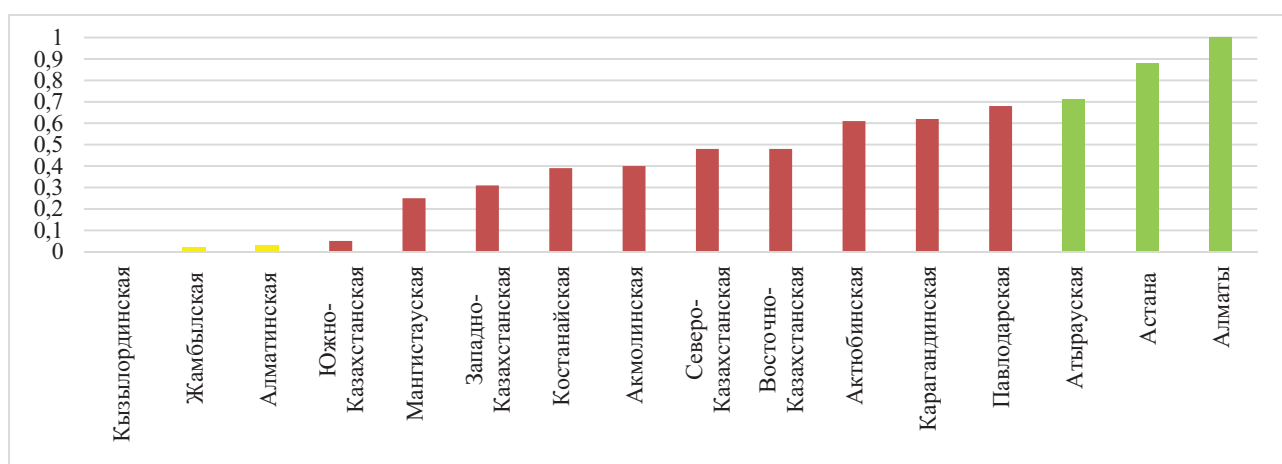

Рисунок 1 – Индекс конкурентоспособности регионов в 2018 году

Примечание – составлено автором на основе данных Национальной палаты Предпринимателей Республики Казахстан [10]

Таблица 2 – Основные показатели индекса конкурентоспособности регионов Казахстана
(по данным за 2018 год)

Наименование региона	ВРП, млрд. долл.	Инвестиции в основные средства, млрд. долл.	Индекс человеческого развития	Объем промышленного производства, млрд. долл.	Число субъектов малого предпринимательства, ед.
Акмолинская	2,81	0,28	0,5	1,06	8994
Актюбинская	5,73	0,32	0,1	4,04	13972
Алматинская	6,09	1,73	0,5	2,01	14101
Атырауская	14,7	1,65	0,6	1,39	8745
Западно-Казахстанская	5,78	1,03	0,3	4,85	8670
Жамбылская	3,34	0,41	0,1	0,95	7675
Карагандинская	10,7	2,1	0,3	5,87	21780
Костанайская	4,52	0,98	0,2	1,93	10345
Кызылординская	3,60	0,61	0,3	1,85	6609
Мангистауская	8,29	1,76	0,1	5,86	11286
Туркестанская	7,88	1,05	0,2	2,2	24300
Восточно-Казахстанская	7,83	1,33	0,2	4,5	18720
г. Нур-Султан (Астана)	14,2	2,4	0,7	1,45	49450
г. Алматы	29,23	1,3	0,8	2,28	99325
Павлодарская	5,92	2,7	0,4	4,5	43316
Северо-Казахстанская	2,75	0,48	0,3	0,61	37340
Примечание – составлено авторами на основе источника [12]					

Преобразования позволили провести ранжирование регионов Республики Казахстан по общему показателю конкурентоспособности и по частным индексам, оценивающим отдельную сферу. По уровню развития конкурентоспособности выделены три группы:

1. Абсолютная конкурентоспособность. Коэффициент принимает значение в диапазоне от 0,66 до 1.
2. Стабильная конкурентоспособность. Индекс варьируется от 0,33 до 0,65.
3. Незначительная конкурентоспособность. Индекс принимает значение от 0 до 0,32.

По данным показателям наиболее конкурентоспособными регионами являются: г. Нур-Султан (Астана), г. Алматы и Атырауская область. Их отличают высокие показатели валового регионального продукта на душу населения, инвестиций в основные средства, количество предприятий малого предпринимательства и высокий уровень развития человеческих ресурсов.

К регионам со стабильной конкурентоспособностью относятся: Павлодарская, Карагандинская, Актюбинская, Восточно-Казахстанская, Северо-Казахстанская, Акмолинская, Костанайская области. Их объединяет развитая энергетическая инфраструктура.

Регионы южной части Казахстана являются менее конкурентоспособными. В их список входят Западно-Казахстанская, Мангистауская, Туркестанская, Кызылординская, Алматинская и Жамбылская и области. Но при этом последние показывают индекс развития человеческих ресурсов выше среднего.

Часто экономисты отмечают, что для повышения конкурентоспособности развивающейся страны в целом необходимо создание кластеров на основе имеющихся ресурсов регионов [13; 14; 15; 16]. Однако, между социально-экономическим развитием отдельных территориальных единиц существуют серьезные диспропорции. 37,5 % регионов обладают низкой конкурентоспособностью. Ни один из них не смог показать высокий уровень производительности, в том числе и регионы с высоким уровнем развития человеческих ресурсов [17].

Другое значимое исследование (Департамент регионального развития Министерства национальной экономики Казахстана), посвященное оценке конкурентоспособности регионов Казахстана, проведено научно-исследовательским центром «САНДЖ» по заказу Департамента регионального развития Министерства национальной экономики Казахстана [18; 19].

Согласно данным научно-исследовательского центра «САНДЖ» авторами проведено ранжирование регионов, которое осуществлялось по ключевым статистическим показателям за 2013–2018 годы (таблица 3). Это позволило определить конкурентные преимущества каждой территориальной единицы и зоны возможного роста и развития. Анализ основан на показателях, находящихся в свободном доступе Комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан [7].

Таблица 3 – Ранжирование регионов Республики Казахстан за 2013–2018 годы

Наименование региона	Итоговое место в рейтинге п/п	Место в рейтинге по экономическому развитию	Место в рейтинге по социальному развитию	Место в рейтинге по инвестициям в образование и здравоохранение
Нур-Султан (Астана)	1	5	1	1
Атырауская	2	1	4	4
Алматы	3	3	7	2
Актюбинская	4	2	9	3
Мангистауская	5	4	2	5
Павлодарская	6	6	11	7
Западно-Казахстанская	7	8	10	7
Карагандинская	8	10	12	6
Алматинская	9	11	3	14
Кызылординская	10	14	6	12
Восточно-Казахстанская	11	7	16	10
Костанайская	12	9	15	9
Северо-Казахстанская	13	13	13	11
Акмолинская	14	12	14	13
Туркестанская	15	15	5	16
Жамбылская	16	16	7	15
Примечание – составлено авторами на основе источника [19]				

Методологическая база представлена 19 показателями, сгруппированными в три категории: экономические, социальные и инвестиции в образование и здравоохранение. Последние, в свою очередь,

являются основой развития человеческих ресурсов. Для приведения результатов к одинаковым единицам измерения они рассматриваются в процентном или долевым отношении. Выстраивание регионов в соответствии с полученными значениями позволяет определить их проблемность по сравнению с другими территориями. Результаты исследования интерпретированы следующим образом:

1-6 место – регионы с хорошей конкурентоспособностью. Вмешательство органов исполнительной власти не требуется.

7-10 место – регионы со стабильной конкурентоспособностью. Исполнительная власть контролирует их социально-экономическое развитие и проводит точечные мероприятия по повышению эффективности в отдельных сферах экономики.

11-16 место – регионы с низкой конкурентоспособностью. Требуется регулярное вмешательство органов власти для повышения эффективности региональной политики.

В ходе исследования было проведено ранжирование регионов в следующие группы (согласно таблицы 3). В первую группу вошли г. Нур-Султан (Астана), г. Алматы, Атырауская, Павлодарская, Актыубинская и Мангистауская области. Они занимают с 1 по 6 место, соответственно. Во вторую группу вошли Алматинская, Западно-Казахстанская, Карагандинская, Кызылординская области. Их место в рейтинге – с 7 по 10 включительно. В третью группу вошли Восточно-Казахстанская, Северо-Казахстанская, Костанайская, Акмолинская, Туркестанская и Жамбылская области (с 11 по 16 место).

В результате, данное ранжирование показало, что высокий уровень инвестиций в образование и здравоохранение, как основных направлений развития человеческих ресурсов, характерен для регионов, занимающих первые места в итоговом рейтинге конкурентоспособности.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ (ВЫВОДЫ)

Проведенный анализ позволяет выявить сильные и слабые стороны. Например, г. Нур-Султан (Астана), не являясь регионом добывающей промышленности, заняла пятое место в рейтинге по экономическому развитию, благодаря показателю инновационного развития и эффективного непроизводственного сектора экономики. Для г. Алматы характерны социальные проблемы: высокий уровень преступности и завышенные цены на продуктовую корзину. Первая проблема связана с большим количеством мигрантов (крупный город приграничной территории), вторая – с превышением спроса на товары и услуги над предложением (вызвано доходами жителей выше среднего). Тем не менее, растущие инвестиции в образование, высокий уровень грамотности и продолжительность жизни выше среднего, позволили городу республиканского значения выйти на первое место в итоговом рейтинге.

Атырауская и Мангистауская области, входящие в ТОП 5 составленного рейтинга, тоже имеют ряд проблем. В основном, они связаны с сырьевой направленностью экономики регионов. Для них характерны невысокие показатели объема промышленности на одного человека и высокие цены.

Самый низкий уровень инвестиций в образование и здравоохранение у Туркестанская и Жамбылской области. Эти же регионы и заняли последние места в итоговом рейтинге конкурентоспособности. Туркестанская область занимает 15 место в конечном рейтинге. Однако по интегрированному социальному показателю она входит в 5-ку лучших, что обусловлено низким уровнем смертности от онкологических заболеваний и положительным приростом населения. На последнем месте находится Жамбылская область, что вызвано, кроме проблем образования и здравоохранения, еще и невысоким уровнем благосостояния жителей, и проблемами в экономическом развитии региона. По уровню преступности она занимает 7 место.

Неравномерность развития регионов наблюдается и по показателям промышленного производства на одного человека, выпуска сельхозпродукции, предоставления услуг и др. В социальных индикаторах оценки регионов Казахстана зафиксирован значительный разрыв. Одним из показателей социально-экономического благополучия населения является номинальная заработная плата в регионе. Среднемесячная заработная плата в Западно-Казахстанской области входит пятерку самых высоких в Казахстане. Размер номинальной заработной платы в Западно-Казахстанской области выше, чем в большинстве других регионов, за исключением Атырауской и Мангистауской областей, г. Нур-Султан (Астана) и г. Алматы. Наибольшая величина оплаты труда характерна для предприятий нефте- и газо-

добычи, сферы переработки нефтепродуктов и машиностроения. Показатель номинальной заработной платы является весьма важным для анализа обеспеченности человеческими ресурсами. Наибольший удельный вес в структуре доходов населения занимает заработная плата. Сфера предпринимательства развита слабо. Замедление развития микро- и малого бизнеса – негативная тенденция, характеризующая снижение конкурентоспособности территории.

Таким образом, высокого уровня конкурентоспособности региона невозможно достигнуть без развития человеческих ресурсов и рационального их использования. В целом, направления региональной политики определяются выбранным сценарием развития.

Многие исследователи сходятся во мнении, что в условиях модернизации экономики в качестве эффективного инструмента выступает структурная политика. Последнее необходимо для отстающих регионов, поскольку для них характерен ряд серьезных проблем:

- дисбаланс между предложением и спросом на человеческие ресурсы;
- нехватка финансовой и материальной базы для воплощения стратегий развития человеческих ресурсов;
- отставание развития человеческих ресурсов от требований, предъявляемых инновационной экономикой;
- несоответствие планов по ускорению развития человеческих ресурсов темпам устойчивого развития.

Выводы проведенного исследования подтверждаются тем, что в современных социально-экономических условиях региональная конкуренция приобретает новые черты: помимо традиционных источников преимуществ все большее значение придается источникам экономического роста, характер которых нематериален. Данные источники заложены в таланте, толерантности и технологиях, «укорененных» в регионе и характеризующих ее креативность как меру оценки привлекательности территории для так называемого креативного класса, вклад которых в экономику значителен. Оценка конкурентоспособности таким образом, ведется через призму креативности, которая объединяет в себе три равнозначных фактора: фактора технологий, таланта и толерантности.

В данном случае, предлагаемый нами подход к методологии оценки региональной конкурентоспособности, имеет ряд преимуществ – он отражает специфику регионов, позволяет увидеть ближайших конкурентов и определить направления стратегии развития региона.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Wright P. M., McMahan G. C. Theoretical Perspectives for Strategic Human Resource Management // *Journal of Management*. – 2016. – № 18(2). – P. 295–320. – DOI: 10.1080/09585192.2017.1380063.
2. Tung R. L. New perspectives on human resource management in a global context // *Journal of World Business*. – 2016. – № 51(1). – P. 142–152. – DOI: 10.1016/j.jwb.2015.10.004.
3. Jacobson W. S., Sowa J. E. Strategic Human Capital Management in Municipal Government: An Assessment of Implementation Practices // *Public Personnel Management*. – 2015. – № 44(3). – P. 317–339. – DOI: 10.1177/0091026015591283.
4. Васильева З. А. Иерархия понятий конкурентоспособности субъектов рынка // *Маркетинг в России и за рубежом*. – 2016. – №2. – С. 35–37.
5. Самаруха А. В., Краснов Г. И. Факторы обеспечения конкурентоспособности региона // *Известия Иркутской Государственной Экономической Академии*. – 2015. – № 6. – С. 20–27.
6. Постановление Правительства Республики Казахстан от 9 сентября 1996 г. № 1097 (утратил силу). Концепция региональной политики Республики Казахстан // Әділет [web-портал]. – 1996. – URL: http://adilet.zan.kz/rus/docs/P960001097_ (дата обращения: 25.01.2020).
7. Регионы Казахстана: статистический ежегодник // Комитет по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан. – 2018. – 134 с.
8. Указ Президента Республики Казахстан от 21 июля 2011 года № 118 (с изменениями от 25.08.2015 г.). Прогнозная схема территориально-пространственного развития страны до 2020 года // Параграф

[web-портал]. – 2015. – URL: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=31039616 (дата обращения: 15.12.2019).

9. Azmi F. T. Strategic Human Resource Management // Cambridge University Press. – 2019. – № 1. – P. 443–478. – DOI: 10.1017/jmo.2019.49.

10. Keegan A. Human Resource Management in Organizational Project Management // Cambridge Handbook of Organizational Project Management. – 2017. – № 4. – P. 153–171. – DOI: <https://doi.org/10.1017/9781316662243.016>.

11. Hollenbeck J. R., Jamieson B. B. Human Capital, Social Capital, and Social Network Analysis: Implications for Strategic Human Resource Management // Academy of Management Perspectives. – 2014. – № 29(3). – P. 370–385. – DOI: 10.5465/amp.2014.0140.

12. Рейтинг конкурентоспособности регионов Казахстана // Национальная палата Предпринимателей Республики Казахстан. – 2018. – 159 с.

13. Neethling J. R. Measurement of the Enabling Developmental Environment: A Comparative Study in a Developing Region // Economics and Sociology. – 2017. – № 3. – P. 67–68. – DOI: 10.14254/2071-789X.2017/10-4/6.

14. Bekniyazova D., Akishev A., Kaliyev I. Innovations as Drivers of Stable Growth of the Kazakh Economy through State Policy in Area of Eco-innovations Implementation // International Journal of Energy Economics and Policy. – 2016. – № 6(3). – P. 602–610. – DOI: 10.17072/1994-9960-2018-3-372-389.

15. Radjenovic T. Measuring Intellectual Capital of National Economies // Management Dynamics in the Knowledge Economy. – 2017. – № 2. – P. 113. – DOI: 10.5937/ekonomika1702031R.

16. Jakobsen S. E. Policy for Evolution of Regional Innovation Systems: The Role of Social Capital and Regional Particularities // Science and Public Policy. – 2017. – № 2. – P. 259. – DOI: 10.1093/scipol/scx064.

17. Bekniyazova D. S., Nurgaliyeva A. A., Korabayev B. S., Dyussebekova G. S. Innovation activity in the Republic of Kazakhstan: state controlling and ways to increase management efficiency // Journal of Internet Banking and Commerce. – 2016. – Vol. 21. – № 3. – P. 1–14. – DOI: 10.1080/09537287.2013.819593.

18. Сагимбеков М., Пшембаева У. Рейтинг конкурентоспособности регионов Казахстана [Электронный ресурс] // АО «Центр маркетингово-аналитических исследований» [web-портал]. – 2014. – URL: <http://www.kaznexinvest> (дата обращения: 18.12.2019).

19. Конкурентоспособность регионов Казахстана // Департамент регионального развития Министерства национальной экономики Казахстана. – Астана: НИЦ «САНДЖ», 2018. – 98 с.

REFERENCES

1. Wright, P. M., McMahan, G. C. (2016), "Theoretical Perspectives for Strategic Human Resource Management", *Journal of Management*, No. 18(2), pp. 295–320. DOI: 10.1080/09585192.2017.1380063.

2. Tung, R. L. (2016), "New perspectives on human resource management in a global context", *Journal of World Business*, No. 51(1), pp. 142–152. DOI: 10.1016/j.jwb.2015.10.004.

3. Jacobson, W. S., Sowa, J. E. (2015), "Strategic Human Capital Management in Municipal Government: An Assessment of Implementation Practices", *Public Personnel Management*, No. 44(3), pp. 317–339. DOI: 10.1177/0091026015591283.

4. Vasileva, Z. A. (2016). "Ierarhija ponjatij konkurentosposobnosti sub'ektov rynka", *Marketing v Rossii i za rubezhom*, No. 2, pp. 35–37 (In Russian).

5. Samarukha, A. V., Krasnov, G. I. (2015). "Faktozy obespechenija konkurentosposobnosti regiona", *Izvestija Irkutskoj Gosudarstvennoj Jekonomicheskoy Akademii*, No. 6, pp. 20–27 (In Russian).

6. "Postanovlenie Pravitelstva Respubliki Kazaxstan ot 9 sentyabrya 1996 g. № 1097 (utratil silu). Konceptsiya regionalnoj politiki Respubliki Kazaxstan" (1996), available at: http://adilet.zan.kz/rus/docs/P960001097_ (Accessed January, 25, 2020) (In Russian).

7. "Regiony Kazaxstana: statisticheskij ezhegodnik" (2018), Komitet po statistike Ministerstva nacionalnoj ekonomiki Respubliki Kazaxstan, Astana, 134 p. (In Russian).

8. "Ukaz Prezidenta Respubliki Kazaxstan ot 21 iyulya 2011 goda № 118 (s izmeneniyami ot 25.08.2015 g.). Prognoznaya sxema territorialno-prostranstvennogo razvitiya strany do 2020 goda" (2015). available at: https://online.zakon.kz/m/document/?doc_id=31039616 (Accessed December 15, 2019) (In Russian).

9. Azmi, F. T. (2019), "Strategic Human Resource Management", *Cambridge University Press*, No.1, pp. 443–478. DOI: 10.1017/jmo.2019.49.
10. Keegan, A. (2017), "Human Resource Management in Organizational Project Management", *Cambridge Handbook of Organizational Project Management*, No. 4, pp. 153–171. DOI: <https://doi.org/10.1017/9781316662243.016>.
11. Hollenbeck, J. R., Jamieson, B. B. (2014), "Human Capital, Social Capital, and Social Network Analysis: Implications for Strategic Human Resource Management", *Academy of Management Perspectives*, No. 29(3), pp. 370–385. DOI: 10.5465/amp.2014.0140.
12. "Rejting konkurentosposobnosti regionov Kazaxstana" (2018), *Nacionalnaya Palata Predprinimatelej Respubliki Kazaxstan*, Astana, 159 p. (In Russian)
13. Neethling, J. R. (2017), "Measurement of the Enabling Developmental Environment: A Comparative Study in a Developing Region", *Economics and Sociology*, No. 3, pp. 67–68. DOI: 10.14254/2071-789X.2017/10-4/6.
14. Bekniyazova, D. S., Akishev, A. and Kaliyev, I. (2016), "Innovations as Drivers of Stable Growth of the Kazakh Economy through State Policy in Area of Eco-innovations Implementation", *International Journal of Energy Economics and Policy*, No. 6(3), pp. 602–610. DOI: 10.17072/1994-9960-2018-3-372-389.
15. Radjenovic, T. (2017), "Measuring Intellectual Capital of National Economies", *Management Dynamics in the Knowledge Economy*, No. 2, pp. 113. DOI: 10.5937/ekonomika1702031R.
16. Jakobsen, S. E. (2017), "Policy for Evolution of Regional Innovation Systems: The Role of Social Capital and Regional Particularities", *Science and Public Policy*, No. 2, p. 259. DOI: 10.1093/scipol/scx064.
17. Bekniyazova, D. S., Nurgaliyeva, A. A., Korabayev, B. S., Dyussebekova, G. S. (2016), "Innovation activity in the Republic of Kazakhstan: state controlling and ways to increase management efficiency", *Journal of Internet Banking and Commerce*, Vol. 21, No. S3, pp. 1-14. DOI: 10.1080/09537287.2013.819593.
18. Sagimbekov, M. and Pshembaeva, U. (2014) "Rejting konkurentosposobnosti regionov Kazaxstana", available at: (Accessed December, 18, 2019) (In Russian).
19. "Konkurentosposobnosti regionov Kazaxstana" (2018), *Departament regionalnogo razvitiya Ministerstva nacionalnoj ekonomiki Kazaxstana*, NIC «SANDZH», Astana, 98 p. (In Russian).

SUMMARY

Issues of evaluating regional competitiveness, search for competitive territories' advantages, especially by improving human resources' quality, remain insufficiently studied. In this regard, in article it is presented existing models for evaluating regional competitiveness in Kazakhstan economy. In addition, in article authors carried out regional classification according to analysis of main socio-economic indicators of Kazakhstan regions, originating in Concept of regional policy. Authors calculated main indicators of Kazakhstan regions' competitiveness according to National chamber of Entrepreneurs of Kazakhstan with aim of determining level of region's competitiveness in comparative perspective.

ТҮЙІНДЕМЕ

Аймақтардың бәсекеге қабілеттілігін бағалау, аумақтардың бәсекелестік артықшылықтарын іздеу мәселелері, әсіресе адам ресурстарының сапасын арттыру есебінен жеткілікті зерттелмеген күйінде қалып отыр. Осыған байланысты мақалада Қазақстан Республикасының экономикасы жағдайында аймақтық бәсекеге қабілеттілікті бағалаудың қолда бар үлгілері берілген. Бұдан басқа, мақалада авторлармен аймақтық саясат тұжырымдамасында бастау алатын Қазақстан Республикасы аймақтарының негізгі әлеуметтік-экономикалық көрсеткіштерін талдауға сәйкес аймақтардың топтастырылуы жүзеге асырылған. Авторлармен Қазақстан Республикасының Ұлттық Кәсіпкерлер палатасының мәліметтері бойынша салыстырмалы аспектіде аймақтың бәсекеге қабілеттілік деңгейін анықтау мақсатында Қазақстан аймақтарының бәсекеге қабілеттілік индексінің негізгі көрсеткіштері есептелген.

РЕЗЮМЕ

Вопросы оценки конкурентоспособности регионов, поиск конкурентных преимуществ территорий, особенно за счет повышения качества человеческих ресурсов, остаются недостаточно изученными. В связи с этим в статье представлены имеющиеся модели оценки региональной конкурентоспособности в условиях экономики Республики Казахстан. Кроме того, в статье авторами осуществлена классификация регионов согласно анализу основных социально-экономических показателей регионов Республики Казахстан, берущей начало в Концепции региональной политики. Авторами рассчитаны основные показатели индекса конкурентоспособности регионов Казахстана по данным Национальной палаты Предпринимателей Республики Казахстан с целью определения уровня конкурентоспособности регионов в сравнительном аспекте.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Дюсембекова Гульсара Сапарбековна – доктор PhD, ассоциированный профессор, Павлодарский государственный университет имени С. Торайгырова, Павлодар, Республика Казахстан, e-mail: gulsara.dyusembekova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2451-4984>

Бекниязова Дана Сайлауовна – доктор PhD, ассоциированный профессор, Инновационный Евразийский университет, Павлодар, Республика Казахстан, e-mail: dana.bekniyazova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2093-3006>

Кенжин Жаксат Болатович – доктор PhD, старший преподаватель, Западно-Казахстанский аграрно-технический университет имени Жангир хана, Уральск, Республика Казахстан, e-mail: jaksat_22@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6085-8349>

МРНТИ 06.81.23

JEL Classification: A1

ASSESSMENT OF INTELLECTUAL POTENTIAL OF THE REGION

G. B. Bermukhamedova

Yessenov University, Aktau, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

Purpose of the research. Is to reveal the essence and significance of the assessment of intellectual potential in the regional economy.

Methodology. Approaches to the formation and use of the intellectual factor of development based on innovative management as a mechanism for effective management are considered.

Originality / value of the research. The author's scheme of a systematic approach to the formation and use of the intellectual factor of development based on innovative management as a mechanism for effective management is proposed.

Findings. The in general the importance of assessing the intellectual potential and the degree of its effectiveness as a factor of economic development on an innovative basis is increasing at the regional level, which makes it imperative to develop scientific research in this direction.

Keywords: intellectual potential, intellectual capital, measuring the impact of intellectual potential on the regional economy, innovation management.

АЙМАҚТЫҢ ЗИЯТКЕРЛІК ӘЛЕУЕТІН БАҒАЛАУ

Г. Б. Бермухамедова

Yessenov University, Ақтау, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеу мақсаты Аймақтық экономикадағы зияткерлік әлеуетті бағалаудың мәнін ашу болып табылады.

Зерттеу әдіснамасы. Тиімді басқарудың механизмі ретінде инновациялық менеджмент негізінде дамудың зияткерлік факторын қалыптастыру және пайдалану тәсілдері қарастырылды.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы. Мақалада инновациялық менеджмент негізінде тиімді басқару тетігі ретінде дамудың зияткерлік факторын қалыптастыру мен пайдалануға жүйелік тәсілдің авторлық схемасы ұсынылады.

Зерттеу нәтижелері. Қорыта келе, зияткерлік әлеуетті және оның инновациялық негізде экономикалық даму факторы ретіндегі тиімділік дәрежесін бағалаудың мәні өңірлік деңгейде одан әрі өседі, бұл осы бағытта ғылыми зерттеулерді дамытудың өзекті қажеттілігін негіздейді.

Түйін сөздер: зияткерлік әлеует, зияткерлік капитал, зияткерлік әлеуеттің аймақтық экономикаға, инновациялық менеджментке әсерін бағалауды өлшеу.

ОЦЕНКА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА РЕГИОНА

Г. Б. Бермухамедова

Yessenov University, Ақтау, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования. Раскрыть сущность, значимость оценки интеллектуального потенциала в региональной экономике.

Методология. Рассмотрены подходы к формированию и использованию интеллектуального фактора развития на основе инновационного менеджмента как механизма эффективного управления.

Оригинальность/ценность исследования. Предлагается авторская схема системного подхода к формированию и использованию интеллектуального фактора развития на основе инновационного менеджмента как механизма эффективного управления.

Результаты исследования. В целом значение оценки интеллектуального потенциала и степени его эффективности как фактора экономического развития на инновационной основе все более возрастает на региональном уровне, что обуславливает насущную необходимость развития научных исследований в этом направлении.

Ключевые слова: интеллектуальный потенциал, интеллектуальный капитал, измерение оценок влияния интеллектуального потенциала на региональную экономику, инновационный менеджмент.

ВВЕДЕНИЕ

Формирование и поддерживающее развитие интеллектуального потенциала общества и человеческого капитала на его основе является в настоящее время основным фактором устойчивого развития многих стран мира. Именно поэтому в мировой практике вопросы и задачи развития интеллектуального потенциала становятся в ряд приоритетных направлений стратегических замыслов и практических действий не только развитых, но и развивающихся стран.

В частности, по оценкам экспертов, доля человеческого капитала в структуре совокупного капитала в мировой экономике возросла с 20-22 % в 1800 г. до 67-69 % – в 1997–1998 гг., или более чем в 3 раза [1, с. 118].

В подобном понимании идея формирования интеллектуальной нации в Казахстане была выражена Первым Президентом страны Н. Назарбаевым в своей статье, посвященной социальной модернизации Казахстана [2]. Ее актуальность и своевременность в особенности возросла именно в настоящий период проведения в Казахстане политики диверсификации экономики и производства на индустриально-инновационной основе.

В своем Послании народу Казахстана от 2 сентября 2019 года Глава государства К. Ж. Токаев призвал, в целях построения развитой и инклюзивной экономики, отказаться от ресурсного менталитета в пользу диверсификации экономики, подчеркнув, что «экономика знаний», повышение производительности труда, развитие инноваций, внедрение искусственного интеллекта стали основными факторами глобального прогресса [3].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Из мирового опыта следует, что без осознанной необходимости полноты учета интеллектуального фактора невозможно развивать инновационно развитую экономику. Если обратиться к отечественному опыту, то следует вспомнить, что во времена плановой экономики не проявилось подобное понимание значимости социальных факторов развития на основе роста производительности общественного труда, финансировавшихся государством по остаточному принципу, и это привело к застою и разрушению плановой экономики.

Вместе с тем, до сих пор в научно-экспертном сообществе не сложилось конкретного сущностного понимания категории «интеллектуальный потенциал», в особенности в его взаимосвязи с концептами «интеллектуальный капитал», «человеческий капитал». В частности, А. Кулакова в обобщенном виде приводит ряд мнений о сущности интеллектуального потенциала, что это:

- мера эффективности инновационной экономики, выражающаяся в ее способности к реализации интеллектуальных возможностей человека и общества в целях социально-экономического развития;
- интегративное понятие, объединяющее науку, образование, технологию, все виды интеллектуальной деятельности и ее субъектов;
- возможность создания, использования и развития инновационных продуктов и технологий путем преобразования знаний и опыта;
- комплексная характеристика уровня развития интеллектуальных, творческих возможностей, ресурсов предприятия;
- прогнозируемая интегральная способность личности или группы лиц (персонала организации, предприятия, населения, региона, страны, нации, человечества) к созданию новых духовных и материальных ценностей;
- сумма знаний всех работников компании, обеспечивающая ее конкурентоспособность;
- возможность накапливать, создавать и использовать новые знания, проекты, идеи, модели и другую семантическую информацию, которая может стать интеллектуальной собственностью региона, способствовать его прогрессивной и международной интеграции как полноправного партнера;
- нематериальный актив, определяющий базовую характеристику стоимости бизнеса [4, с. 3].

Поначалу управление знаниями рассматривалось как сфера, имеющая отношение лишь к тем отраслям и производствам, для которых характерны высокие технологии, изготовление новых образцов продукции непосредственно на базе научных исследований и технических разработок, технологические новации. Однако инновационные процессы – это непрерывное условие развития всех сфер деятельности в эпоху технологической и информационной революции [5, с. 129–130].

В настоящее время общеконцептуально понимаемая экономика знаний в практической плоскости трансформировалась в теорию человеческого капитала, а затем – и в теорию интеллектуального капитала. Последнее ближе к пониманию современных проблем развития творческих сообществ, научных коллективов, занятых созданием новых инновационных технологий и продуктов.

Вполне закономерно, что теория интеллектуального капитала не могла не затронуть классические основы собственности. В этом отношении можем сослаться на Б. Леонтьева, по мнению которого интеллектуальный капитал состоит из двух основных элементов – не отчуждаемых от человека знаний, способностей, опыта, квалификации и отчуждаемых от него результатов его творческой деятельности, права на которые во всем мире называют интеллектуальной собственностью. На наш взгляд, более понятное для нашего дальнейшего исследования разграничение категорий «интеллектуальный капитал» и «интеллектуальная собственность».

Сегодня трудно переоценить значение интеллектуальной собственности как многоуровневого инструмента современной мощной экономики. В сфере международных отношений все экономически развитые государства интеллектуальную собственность используют, прежде всего, как инструмент с зарубежных рынков в бюджеты своих стран и корпораций, продавая нам свои наукоемкие товары, где в цене этого товара более 50, а иногда и 90 % приходится на стоимость интеллектуального капитала [6, с. 26–31].

Другими словами, речь идет в более широком понимании такого феномена как бурное развитие сферы интеллектуальных услуг.

Необходимость на сегодняшний день анализа роста интеллектуального производства вызвана реалиями современного периода. Среди них Э. Агабабян отмечает переход экономики, в развитых странах на режим интенсивного и плодотворного развития, а также для повышения производительности, прежде всего связано за счет наукоемкого производства, его организации и предельно рационального управления [7].

Продуктивность интеллектуального производства является условием экономического выигрыша, и эта тенденция на сегодняшний день усиливается с каждым десятилетием. Роль творческой деятельности в интенсификации экономики и повышении эффективности возрастает, причем с такими темпами, чем у остальных факторов производства. Сегодня отметим именно от эффективности и отдачи интеллектуального производства зависит научно-технический потенциал.

Технологический и организационный прогресс прежде всего основан, на результатах творческого труда как первоисточнике новых производств. Важнейшим элементом на сегодняшний день является механизм внедрения инноваций в репродуктивную сферу деятельности. Обострение на сегодняшний день, конкуренции на мировом рынке и внутренних рынках вызвали к жизни особую тактику и стратегию сегодняшних компаний, для которых накопление, резервирование и своевременное использование инновационной деятельности стало первостепенным орудием в борьбе за рынки.

Теперь их успех зависит не столько масштабом производства, сколько способностью к обновлению номенклатуры изделий в соответствии с состоянием рынка и поведением конкурентов. Наиболее продвинутые на сегодняшний день в плане фирмы имеют собственные опытно-исследовательские структуры, которые нарабатывают определенный запас инноваций, внедряемых в производство в той последовательности и с теми сроками, которые диктуются текущей и перспективной конъюнктурой.

Из сказанного можно сделать вывод, что исходный импульс к обновлению технологий и товарной номенклатуры заложен в сфере интеллектуального производства, которое приобрело на сегодняшний день качество катализатора непрерывного роста мировой экономики [7, с. 25–26].

Экономия средств на сфере интеллектуального производства, по мнению Э. Агабабяна, – одна из худших форм экономии, которая свидетельствует о потере стратегической инициативы между странами, встающими на этот путь. Если в рамках конкретных условий той или иной национальной экономики финансирование данной сферы недостаточно, для этого необходимо немедленно произвести искажение на ее отдаче, что повлечет за собой снижение уровня модернизации и темпов роста репродуктивного воспроизводства. Этому не сможет предотвратить никакая массированная закупка лицензий и ноу-хау за рубежом, к тому же заимствование иностранных лицензий потребует больших средств и довольно продолжительного внедренческого периода. Еще один минус на сегодняшний день такого пути – это потеря инициативы в конкурентном соревновании с другими нациями [7, с. 30].

Вместе с тем, до сих пор в научных кругах идут дискуссии вокруг интеллектуальной собственности. По нашему мнению, это связано, главным образом с тем обстоятельством, что реальная практика постоянно сталкивается с проблемами точной идентификации объектов интеллектуальной собственности.

В этом отношении интересно мнение Г. Родиной о том, что переход на сегодняшний день от старой к новой экономике выявил углубляющееся функциональное расслоение прав собственности, каждое из которых становится относительно самостоятельным объектом присвоения и рыночного оборота, – процесс, который можно обозначить как виртуализацию традиционной собственности.

Смена доминирующих факторов сегодняшнего производства в постиндустриальной общественной системе внесла коррективы в объекты собственности и их расширение пошло по двум направлениям. С одной стороны, заметен инновационный экономический рост, который усилил роль в хозяйстве новых энергетических ресурсов, расширив тем самым понятие «вещественной» собственности (так, к имуществу как к объекту собственности начали относить электроэнергию, газ и другие виды энергии и сырья, выходящие за границы традиционного понимания «вещей»).

С другой стороны, на сегодняшний день появилось «бестелесное» имущество: на место «видимых», осязаемых вещей (капитал и земля) приходит информация в виде кодифицированного теоретического знания и новых технологий, которые становятся ключевыми экономическими ресурсами, тем самым, и объектами собственности; выделился особый блок отношений интеллектуальной собственности при обособлении творчества в самостоятельный объект собственности; улучшилась роль социальных ценностей как специфических неимущественных объектов собственности, что создает на сегодняшний день предпосылки для позитивной социальной динамики. Можно констатировать, – считает Г. Родина, – что интеллектуальная собственность и интеллектуальный капитал, в данной области определяемый воплощенным в человеке знанием, замещают частную собственность и денежный капитал, игравших ключевую роль в индустриальном обществе. В «новой» экономике капитал и работник сливаются, то есть происходит органическое соединение работника со средствами производства [8, с. 21–24].

В. Макаров, А. Козырев и Г. Микерин, например, определяют интеллектуальную собственность как собирательное понятие, применяемое для обозначения прав на результаты интеллектуальной (творческой) деятельности в области литературы, искусства, науки и техники, а также в других областях творчества; на средства индивидуализации участников гражданского оборота товаров и услуг; на защиту от недобросовестной конкуренции.

Существуют и другие трактовки понятия интеллектуальной собственности. Различаются, в частности, представления об интеллектуальной собственности в системе романо-германского права и в системе общего или прецедентного права, распространенного в странах Британского содружества наций и в США [9, с. 14].

Таким образом, мы подошли к пониманию проблемы интеллектуальной собственности, имея в виду прежде всего распределение прав на его владение, распоряжение и реализацию на рынке. При этом важно определить степень прав авторов новых технологий и инновационных продуктов в процессе формирования интеллектуальной собственности, поскольку практика выявляет особенности и трудности в тех случаях, когда исследования осуществляются в государственных учреждениях и предприятиях, либо осуществляются за счет бюджета, что характерно для научных исследовательских коллективов.

В этом отношении В. Макаров и другие авторы ссылаются на мировой опыт, который свидетельствует, что в распределении прав на интеллектуальную собственность роль автора постоянно возрастает. Лишение авторского права на созданный им продукт в рамках организации приводит к подрыву стимулов творить и изобретать, к стремлению скрывать свои изобретения и ноу-хау, продавать их на сторону или усложнять использование полученных результатов.

В законодательствах развитых стран права на интеллектуальные результаты, созданные в государственной организации, распределяются между автором, организацией и государством как таковым по-разному. Например, в США и Японии какие-то права могут закрепляться за федеральными агентствами или за министерствами. В странах континентальной Европы права государства реализуются только через права государственных организаций [9, с. 24].

В эффективных экономических системах эти ресурсы работают в среде, обуславливающей практическое применение и распространение новых знаний в виде новых товаров, технологий и услуг. Эта среда, с одной стороны, работает на экономический рост, а с другой – стимулирует инновационность экономики и общества в целом [10, с.123].

Некоторые исследователи считают первостепенной задачей доведение до завершения процессы создания единой системы управления интеллектуальной собственностью. При этом о ни предлагают систему, включающую четыре уровня управления, в том числе выделение патентоспособных научных результатов, имеющих практическое значение, обеспечение защиты интеллектуального продукта и оформление патента на него, определение объема и источников необходимых дополнительных инвестиций (чтобы разработка стала интересной для потенциальных инвесторов), нахождение адекватного способа коммерциализации [11, с. 816].

Как можно видеть, категория трактуется достаточно широко – от общества в целом до уровня предприятий, групп людей и отдельных личностей, от результатов объединения научной, образовательной, технологической и иных видов интеллектуальной деятельности до нематериальных активов. На наш взгляд, при таком подходе к пониманию сущности интеллектуального потенциала сложнее определиться с сущностью категорий «интеллектуальный капитал» и «человеческий капитал».

В какой-то степени обобщая, можно дать следующее определение сущности интеллектуального потенциала (ИП) – это накопленный и развиваемый на основе научно-технической и технологической, образовательной и иных видов интеллектуальной деятельности потенциал квалификации и знаний, выступающий в форме интеллектуальной собственности субъекта (страна, область, район, предприятие, группа людей и др.) и позволяющий наращивать его конкурентные преимущества.

Данная нами трактовка сущности ИП, на наш взгляд, в большей степени объясняет интеллектуальный капитал как результат практического приложения интеллектуального потенциала в конкретных действиях по развитию конкурентных преимуществ субъекта на инновационных принципах.

В какой-то мере с подобной трактовкой коррелирует мнение отечественных экспертов А. Солтангазинова, М. Омаровой и Ж. Алтайбаевой: «В научной среде в интерпретации этих терминов не имеется общепринятой единой точки зрения. ...Однако, на наш взгляд, несмотря на общность определений этих понятий, человеческий потенциал является базовой основой формирования человеческого капитала и трактуется шире, чем человеческий капитал» [1, с. 118].

Стоит заметить, что при этом упомянутые эксперты несколько ссузили смысл этих категорий до формата отдельной личности, однако понятно, что по мере усложнения формата объекта (большая группа людей, предприятие, район, область и т.д.) фактор человеческого капитала будет все глубже отходить в разряд слагаемых интеллектуально потенциала.

На нынешнем этапе также становится еще более понятным, что экономика страны «будет прирастать регионами». В частности, в своем Послании народу Казахстана Президент страны К. Ж. Токаев провозгласил принцип «сильные регионы-сильная страна», и это означает самое серьезное внимание к вопросам формирования и реализации интеллектуального потенциала регионов Казахстана. Действительно, в современных казахстанских реалиях важно, прежде всего, осознать саму проблему актуальности интеллектуального потенциала не столько для экономики в масштабе страны, что само по себе стало предметом исследований только в последние годы, но сколько для региональной экономики.

Сегодня постепенно приходит понимание неполноты осознанности интеллектуального потенциала как нематериального источника экономического развития, однако, на наш взгляд, на макроуровне, в то время как в настоящее время приходит и понимание значимости региональной экономики как основы социально-экономического и, в принципе, стабильного общественно-политического развития страны.

Вместе с тем надо признать тот факт, что на региональном уровне методология интеллектуального потенциала практически не исследована, имеющие же место работы отдельных исследователей главным образом переносят общие постулаты странового уровня на уровень региона.

Так, к примеру, вышеупомянутый эксперт А. Кулакова полагает, что интеллектуальный потенциал региона – это «системная совокупность научно-технического, инновационного, образовательного и культурного потенциалов, взаимодействие которых друг с другом осуществляется настолько тесно, что рост одного из элементов системы способствует росту и развитию других системных элементов» бизнеса [4, с. 4].

Аналогичный макро-усредненный подход можно видеть во мнении О. Лосевой, которая считает, что интеллектуальный потенциал региона – это «две взаимосвязанные составляющие: ресурсный по-

тенциал, который включает в себя интеллектуальный потенциал работников, а также потенциал условий, возможностей инновационной деятельности, созданных в регионе, и достигнутый потенциал, включающий в себя результаты инновационной деятельности как самих работников, так и самой организации (в виде новых знаний, инноваций, объектов интеллектуальной собственности и прочее), благодаря которым ресурсный потенциал становится интеллектуальным капиталом, имеющим стоимостное измерение» [12, с. 39].

Безусловно, все это проистекает из сложившегося, начиная еще с времен планового хозяйствования, представления о региональной экономике как вторичной на фоне общих проблем развития страны. Вместе с тем, региональная экономика имеет свои особенности в условиях действия целой системы факторов влияния, основные из которых следующие:

- сложившаяся отраслевая структура экономики, с выделением отраслей специализации, что накладывает сильные ограничения на развитие экономики регионов в условиях изменений конъюнктуры на внешних рынках;

- вытекающая из закреплённой специализации неравномерность экономического развития регионов, порождающая, с одной стороны, проблему «регионов-доноров» и «регионов-реципиентов», с другой стороны – проблему значительной дифференциации уровня жизни населения в разрезе регионов;

- проблемы сбалансированности рынка труда с точки зрения спроса и предложения в разрезе кадров специалистов, что связано с открытым характером экономики региона и практически неуправляемой миграции трудовых ресурсов и кадров специалистов, и др.

Однако, общим принципом, вне зависимости от организационно-хозяйственной формы объекта, является то, что интеллектуальный потенциал, применительно к социально-экономическому развитию объекта, является интеллектуальным капиталом, становясь наряду с традиционными факторами – трудом (L) и капиталом (K), – третьей движущей силой и источником развития.

Если же иметь в виду инновационное развитие, то этот фактор, на наш взгляд, выходит на первые роли, и это определяет особые требования к управлению этими процессами, именно с точки зрения все большей актуализации инновационного менеджмента.

К пониманию подобного подхода приводит наше ранее высказанное мнение о том, что инновация в широком смысле слова представляет собой единство процесса и результата, которое воплощается в качественно новое состояние системы.

Поэтому инновациям в широком смысле слова можно дать следующее определение: инновации в широком смысле следует понимать, как прибыльное использование новшеств в виде новых технологий, видов продукции и услуг, организационно-технических и социально-экономических решений финансового, производственного, коммерческого или административного характера.

При этом в текущем исследовании было дано более конкретизированное определение данному термину: инновация – это нововведение, которое осуществляется в рамках определенной системы по отношению к прорывному новшеству, в результате чего происходит существенное изменение состояния обозначенной системы [13].

Исходя из этих посылок, можем предложить следующую схему формирования и реализации интеллектуального потенциала региона (рисунок 1).

Предложенная нами схема в содержательном плане интегрирует материальные и нематериальные активы в интеллектуальный потенциал, который служит мощным фактором эффективного развития региона.

Подобное видение взаимодействия этих двух начал можно увидеть, к примеру, у Е. Щербаковой, по мнению которой «понимание того, что суммирующий эффект двух активов существенно превосходит эффект каждого отдельного компонента в виде их простой суммы, позволяет создавать условия для более полного их взаимодействия. ...Материальные и нематериальные активы подразумевают формирование материального и нематериального потенциала, которые при взаимодействии друг с другом образуют синергетический эффект, способствующий формированию экономического потенциала региона. Однако этот процесс должен быть управляемым с целью обеспечения максимального синергетического эффекта, для чего необходимо разрабатывать механизмы взаимодействия материального и нематериального потенциала» [14, с. 178].

Последний аспект инновационного подхода к проблемам развития региона и в нашей схеме определяется блоком «инновационный менеджмент», в котором на базе повышения профессионального уровня управленческого аппарата формируется система управления с применением самых современных инновационных принципов и управленческих технологий.

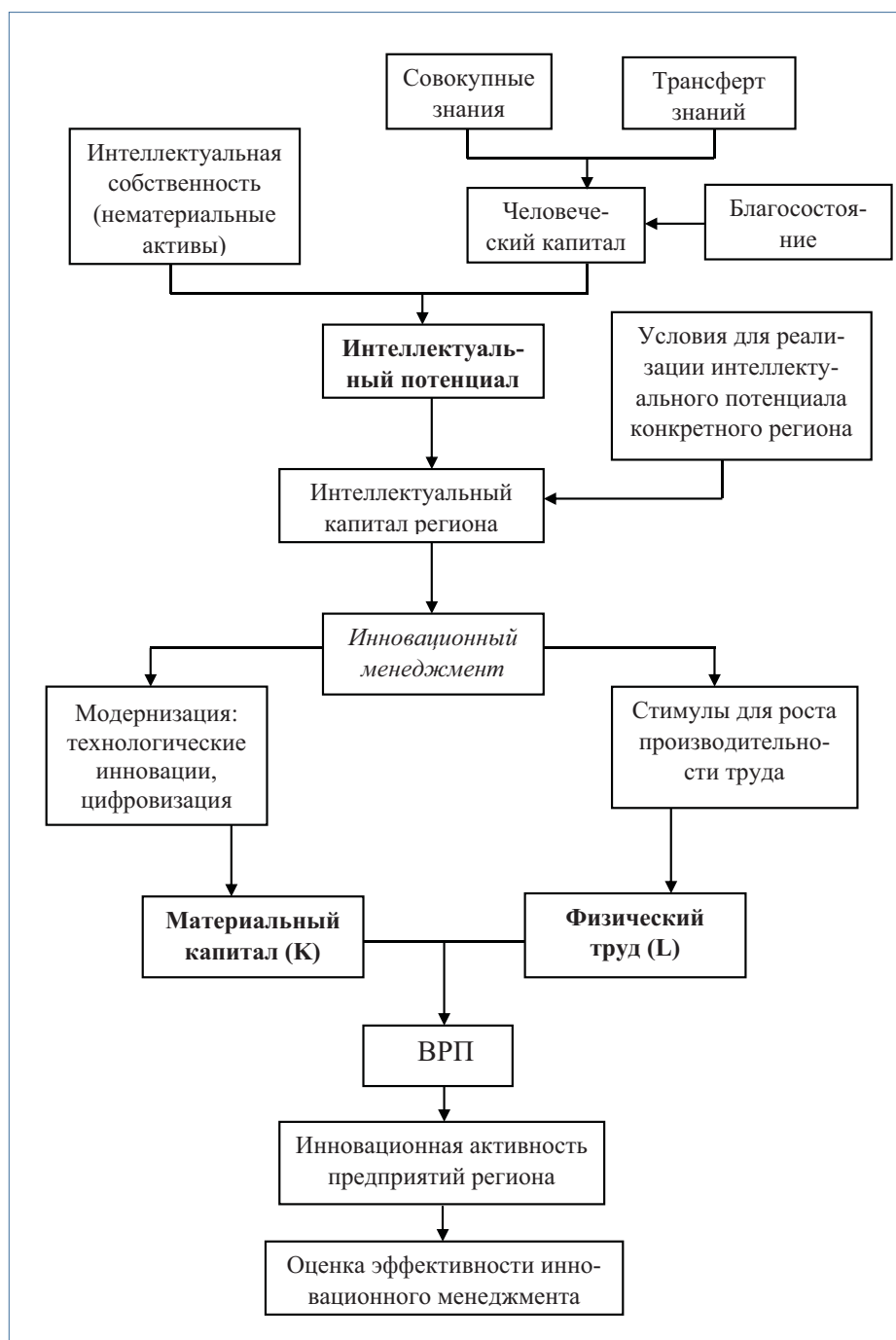

Рисунок 1 – Схема взаимосвязей процессов формирования и использования интеллектуального потенциала в регионе

Примечание – схема разработана автором публикации

Подход с позиций инновационного менеджмента позволит, по нашему мнению, охватить следующие системные направления:

- модернизации производственной базы на основе широкого применения инновационных технологий;
- совершенствование управления производством на основе применения инновационных методов управления, опирающихся на цифровизацию производственных и управленческих процессов;
- встраивание производственных предприятий в местные (региональные) и глобальные (республиканские) цепочки добавленной стоимости, что усиливает позиции регионов в республиканской схеме разделения труда;
- усиление потенциала адаптации к возможным изменениям в структуре производственной базы в связи с изменением отраслевых приоритетов региональной специализации, что может вызываться естественными изменениями в ресурсной базе.

В этой связи нелишне подчеркнуть, что фактор наращивания интеллектуального потенциала важен для традиционно сырьевых регионов, и это связано, с одной стороны, как с процессами истощения запасов сырья как по объемам, так и по качеству, а с другой – с неустойчиво-изменчивой конъюнктурой спроса на сырьевых мировых рынках.

К примеру, уже сегодня в Мангистауской области столкнулись с подобной проблемой. В частности, объем добычи газа в 2018 г. снизился на 1,1 % по сравнению с 2017 г., в 2019 г. – на 1 % по сравнению с 2018 г., и эта тенденция связывается как с наметившимся сокращением запасов, так и с падением пластового давления на действующих газовых месторождениях области;

- реализация принципа обратной связи в управлении, имея в виду принятие мер управленческого характера по ходу оценки итогов развития в части внесения корректив в менеджмент, что предполагает выведения оценок его эффективности.

Последняя функция инновационного менеджмента является, по нашему мнению, исключительно важной для системы управления на основе принятия эффективных решений. Действительно, если по итогам принятых управленческих решений не проводить оценку их эффективности по конечным результатам, и соответственно, не располагать соответствующей информационно-аналитической базой для внесения необходимых изменений в управленческие процессы, то со временем накопление ошибок и просчетов в управлении с неизбежностью приведет к кризисным явлениям в развитии региона.

Таким образом, инновационный подход к управлению, понимаемый нами как инновационный менеджмент, и призван превратить традиционные методы управления в более совершенный управленческий механизм.

Также становится понятным, что необходимо уметь объективно и точно оценивать результаты управленческих действий с учетом фактора интеллектуального потенциала.

Анализ мировой практики менеджмента показывает, что на сегодня известно множество различных подходов, методов и инструментов измерения оценок интеллектуального потенциала и степени его влияния на экономическое развитие. Это и методология DEA, широко используемая в мире, и метод Тобина, и множество других методов, применяемых в развитых странах мира.

Вместе с тем следует и признать, что, с одной стороны, подавляющее большинство этих методов применяется в развитых странах мира на уровне предприятий и организаций, что накладывает сильные ограничения на их применение в масштабах страны, региона, в особенности имея в виду неполноту охвата статистическим учетом всех субъектов хозяйствования в нашей отечественной статистике. С другой стороны, применение этих методов сопровождается анализом сложных информационных конструкторов, что в значительной степени усложняет их применение опять же в наших отечественных условиях по причине узости и неполноты статистической базы.

Тем не менее отдельные отечественные исследователи предпринимают попытки их применения. В частности, были проведены расчеты коэффициента Тобина для девяти казахстанских организаций, входящих в индекс KASE. Данная модель позволяет оценить величину интеллектуального капитала организации на базе соотношения ее рыночной капитализации с ее балансовой стоимостью, вместе с тем, по мнению авторов исследования, этот метод может характеризовать лишь общую оценку ин-

теллектуальности организации и требует разных вычислительных процедур, и это связано с тем, что балансовая стоимость организации отражает принципы бухгалтерского учета, решений и событий, уже произошедших в компании, а рыночная капитализация отражает текущую деятельность и стратегическое положение компании.

Анализ коэффициента Тобина показал его среднее значение для казахстанских организаций 0,27, и это означает, что их балансовая стоимость существенно превышает рыночную стоимость. Для сравнения: значение этого коэффициента для японских компаний составляет в среднем 5, для американских – в среднем 4,2.

Это свидетельствует о том, что исследованные казахстанские организации нерентабельно используют свои активы, а также о том, что они больше вкладывают своих средств в материальные ресурсы [15].

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ (ВЫВОДЫ)

В принципе подобное положение дел с учетом в стоимости компаний нематериальных активов как весомых слагаемых интеллектуального потенциала характерно для подавляющей части казахстанских компаний и организаций. И это в немалой степени связано не только с пониманием особой важности интеллектуального потенциала, но и с отсутствием приемлемых методов его оценки по стоимости, не говоря уже о методах оценки влияния этого фактора на экономическое развитие.

Необходимо также понимать, что на уровне региона все на порядок сложнее, поскольку на этом уровне многие известные методики и инструменты выведения оценок эффективности интеллектуального потенциала, в той или иной степени применимые на страновом обобщенном уровне, не в полной мере применимы, как мы отмечали выше, из-за фактора неполноты или отсутствия соответствующей информационной базы. К этому также следует добавить, что имеет место и неполнота охвата учетом всех хозяйствующих субъектов, и в первую очередь предприятия квазигосударственного сектора и совместные предприятия с участием иностранного капитала.

В целом же необходимо согласиться с обобщенным мнением некоторых экспертов о том, что «на сегодня не существует единой методики оценки интеллектуального капитала. В первую очередь это связано с тем, что нет единого подхода к определению структуры интеллектуального капитала. Кроме того, интеллектуальный капитал невозможно оценить, используя только данные бухгалтерской отчетности, так как она ориентирована, прежде всего, на оценку «прошлой» деятельности, а интеллектуальный капитал направлен на будущее» [16, с. 70].

Тем не менее необходимо подчеркнуть, что значение оценки интеллектуального потенциала и степени его эффективности как фактора экономического развития на инновационной основе все более возрастает на региональном уровне, что обуславливает насущную необходимость развития научных исследований в этом направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Солтангазинов А., Омарова М., Алтайбаева Ж. Сущность человеческого капитала и его роль в модернизации национальной экономики // Экономика и статистика. – 2019. – № 1. – С. 115–119.
2. Назарбаев Н. Социальная модернизация Казахстана: Двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда // Казахстанская правда. – 2012. – № 218-219. – 10 июля.
3. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Конструктивный общественный диалог – основа стабильности и процветания Казахстана» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. – URL: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president (дата обращения: 14.02.2020).
4. Кулакова А. Интеллектуальный потенциал региона: теоретико-методологический подход // Вопросы территориального развития. – 2017. – № 2 (37). – С. 1–7.
5. Мильнер Б. Управление интеллектуальными ресурсами // Вопросы экономики. – 2008. – № 7. – С. 129–140.

6. Леонтьев Б. Интеллектуальная собственность – генетическая основа высокотехнологического бизнеса // Проблемы теории и практики управления. – 2007. – № 2. – С. 26–32.
7. Агабабян Э. Мировая экономика интеллектуальных услуг: состояние, тенденции и регулирование // Проблемы теории и практики управления. – 2003. – № 6. – С. 25–30.
8. Родина Г. Эволюция взглядов на отношения собственности: от «старой» к «новой» экономике // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. – 2006. – № 4. – С. 3–24.
9. Макаров В., Козырев А., Микерин Г. Интеллектуальная собственность: правовые и экономические вопросы формирования // Российский экономический журнал. – 2003. – № 5-6. – С. 14–36.
10. Миндели Л., Пипия Л. Концептуальные аспекты формирования экономики знаний // Проблемы прогнозирования. – 2007. – № 3. – С. 115–136.
11. Заикина Г. А. Регулирование оборота интеллектуальной собственности: актуальные проблемы // Вестник российской академии наук. – 2005. – Том 75. – № 9. – С. 816–817.
12. Лосева О. Интеллектуальный потенциал региона: оценка и механизм управления в инновационной деятельности // Управленческие науки. – № 2. – 2016. – С. 38–47.
13. Бермухамедова Г., Мусылманбеков К. Сущность понятия «инновация» как экономической категории // Научный электронный журнал «Меридиан». – 2020. – № 1 (35). – URL: <http://meridian-journal.ru/site/article?id=2475> (дата обращения: 14.02.2020).
14. Щербакова Е. Взаимодействие материального и нематериального экономического потенциала региона // Вестник РЭУ им. Г. Плеханова. – 2018. – № 2 (98). – С. 171–179.
15. Досманбетова М. С. Классификация методов оценки интеллектуального капитала казахстанских организаций // Вестник КарГУ. – 2015. – URL: <https://articlekz.com/article/13035> (дата обращения: 14.02.2020).
16. Коновалова М., Кузьмина О., Пронина Е. Оценка интеллектуального потенциала региона // Вопросы экономики и права. – 2014. – № 8. – С. 70–74.

REFERENCES

1. Soltangazinov, A., Omarova, M. and Altajbaeva, Zh. (2019), “Sushchnost' chelovecheskogo kapitala i ego rol' v modernizacii nacional'noj ekonomiki”, *Ekonomika i statistika*, No. 1, pp. 115–119 (In Russian).
2. Nazarbaev, N. (2012), “Social'naya modernizaciya Kazahstana: Dvadcat' shagov k Obshchestvu Vseobshchego Truda”, *Kazahstanskaya Pravda*, No. 218-219, July 10 (In Russian).
3. “Poslanie Glavy gosudarstva Kasym-Zhomarta Tokaeva narodu Kazahstana «Konstruktivnyj obshchestvennyj dialog – osnova stabil'nosti i procvetaniya Kazahstana»”, Official site of the President of the Republic Kazakhstan, available at: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president (accessed: February 14, 2020) (In Russian).
4. Kulakova, A. (2017), “Intel'ktual'nyj potencial regiona: teoretiko-metodologicheskij podhod”, *Voprosy territorial'nogo razvitiya*, No. 2 (37), pp. 1–7 (In Russian).
5. Mil'ner, B. (2008), “Upravlenie intellektual'nymi resursami”, *Voprosy ekonomiki*, No. 7, pp. 129–140 (In Russian).
6. Leont'ev, B. (2007), “Intel'ktual'naya sobstvennost' – geneticheskaya osnova vysokotekhnologicheskogo biznesa”, *Problemy teorii i praktiki upravleniya*, No. 2, pp. 26–32. (In Russian).
7. Agabab'yan, E. (2003), “Mirovaya ekonomika intellektual'nyh uslug: sostoyanie, tendencii i regulirovanie”, *Problemy teorii i praktiki upravleniya*, No. 6, pp. 25–30 (In Russian).
8. Rodina, G. (2006), “Evolyuciya vzglyadov na otnosheniya sobstvennosti: ot «staroj» k «novej» ekonomike”, *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika*, No. 4, pp. 3–24 (In Russian).
9. Makarov, V., Kozыrev, A. and Mikerin, G. (2003), “Intel'ktual'naya sobstvennost': pravovye i ekonomicheskie voprosy formirovaniya”, *Rossijskij ekonomicheskij zhurnal*, No. 5-6, pp. 14–36 (In Russian).
10. Mindeli, L. and Pipiya, L. (2007), “Konceptual'nye aspekty formirovaniya ekonomiki znaniy”, *Problemy prognozirovaniya*, No. 3, pp. 115–136 (In Russian).
11. Zaikina, G. A. (2005), “Regulirovanie oborota intellektual'noj sobstvennosti: aktual'nye problem”, *Vestnik rossijskoj akademii nauk*, Vol. 75, No. 9, pp. 816–817 (In Russian).

12. Loseva, O. (2016), “Intellectual'nyj potencial regiona: ocenka i mekhanizm upravleniya v innovacionnoj deyatel'nosti”, *Upravlencheskie nauki*, No. 2, pp. 38–47 (In Russian).
13. Bermuhamedova, G. and Musylmanbekov, K. (2020), “Sushchnost' ponyatiya «innovaciya» kak ekonomicheskoy kategorii”, *Nauchnyj elektronnyj zhurnal «Meridian»*, No. 1 (35), available at: <http://meridian-journal.ru/site/article?id=2475> (accessed: February 14, 2020) (In Russian).
14. Shcherbakova, E. (2018), “Vzaimodejstvie material'nogo i nematerial'nogo ekonomicheskogo potenciala regiona”, *Vestnik REU im. G. Plekhanova*, No. 2 (98), pp. 171–179 (In Russian).
15. Dosmanbetova, M. S. (2015), “Klassifikaciya metodov ocenki intellektual'nogo kapitala kazahstanskih organizacij”, *Vestnik KarGU*, available at: <https://articlekz.com/article/13035> (accessed: February 14, 2020) (In Russian).
16. Konovalova, M., Kuz'mina, O. and Pronina, E. (2014), “Ocenka intellektual'nogo potenciala regiona”, *Voprosy ekonomiki i prava*, No. 8, pp. 70–74. (In Russian).

SUMMARY

The article examines the development of the regional economy based on the full use of such a factor as intellectual potential, which has not yet been sufficiently studied at the regional level, in contrast to the level of enterprises and companies. The author's scheme of a systematic approach to the formation and use of the intellectual factor of development based on innovative management as a mechanism for effective management is proposed. The task of measuring the effectiveness of intellectual potential for the regional economy is set. methodological approaches to solving this problem are still far from perfect and are at the stage of scientific research.

ТҮЙІНДЕМЕ

Мақалада кәсіпорындар мен компаниялар деңгейіне қарағанда, өңірлік деңгейде жеткіліксіз зерттелмеген зияткерлік әлеует сияқты факторды толыққанды пайдалану негізінде өңірлік экономиканы дамыту мәселелері зерттеледі. Инновациялық менеджмент негізінде тиімді басқару тетігі ретінде дамудың зияткерлік факторын қалыптастыру мен пайдалануға жүйелік тәсілдің авторлық схемасы ұсынылады. Аймақтық экономика үшін зияткерлік әлеуеттің тиімділігін бағалауды өлшеу міндеті қойылып отыр, оны шешудің әдістемелік тәсілдері қазіргі уақытта жетілдіруден алыс және ғылыми зерттеулер сатысында тұр.

РЕЗЮМЕ

В статье исследуются вопросы развития региональной экономики на основе полноценного использования такого фактора как интеллектуальный потенциал, пока недостаточно изученного на региональном уровне, в отличие от уровня предприятий и компаний. Предлагается авторская схема системного подхода к формированию и использованию интеллектуального фактора развития на основе инновационного менеджмента как механизма эффективного управления. Ставится задача измерения оценки эффективности интеллектуального потенциала для региональной экономики, методические подходы к решению которой в настоящее время еще далеки от совершенства и находятся на стадии научных исследований.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Бермухамедова Галия Бериковна – кандидат экономических наук, доцент, Yessenov University (бывший Каспийский государственный университет технологий и инжиниринга имени Ш. Есенова), Актау, Республика Казахстан, e-mail: galiya_liya@mail.ru

МРПТИ 06.77.97

JEL Classification: 06.81.23

GENDER GAP IN STEM STUDIES AND WAYS TO OVERCOME THEM: A KAZAKHSTAN CASE

A. Kussaiynkyzy¹, G. Zh. Doskeyeva²

^{1,2}Narxoz University, Almaty, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

Purpose of the research. The study aims to discover factors that predict student's interest in pursuing science, technology, engineering, and mathematics (STEM) fields in relation to their social-economic background. Participants were 109 female students from STEM fields. Expectations and self-efficacy beliefs positively correlate with students choosing STEM fields, but did not differentiate between their interests in the fields of study.

Methodology. The research was carried out using a qualitative approach and involved conducting semi-structured interviews.

Originality / value of the research. To examine this potential effect, self-determination theory was used to frame how the learning context influences the social and motivational outcomes of a STEM program for youth.

Findings. Reinforce the instrumental role of students' positive perceptions of teachers in fostering a more desirable self-determined motivation for STEM program participation. STEM programs must consider and integrate new approaches that mitigate the negative impact of established structures and processes on student motivation for these programs and, potentially, interest in STEM careers.

Keywords: STEM, gender inequality, graduates, motivation, grades, profession.

STEM ДИСЦИПЛИНАЛАРЫНДАҒЫ ГЕНДЕРЛІК АЛШАҚТЫҚ ЖӘНЕ ОЛАРДЫ ЖОЮ ЖОЛДАРЫ: ҚАЗАҚСТАНДЫҚ КЕЙС

A. Құсайынқызы¹, Г. Ж. Доскеева²

^{1,2}Нархоз Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеудің мақсаты. Ғылым, технология, инженеринг және математика (STEM) салаларындағы мамандықтарды қыздардың сирек таңдау себептерін анықтау мен факторларды сыныптау. Сауалнамаға қатысқан техникалық мамандықтарда оқитын 109 қыз студенттердің сауалнамаларының нәтижелеріне сәйкес, респонденттердің STEM саласына қызығушылығы олардың оқу тәжірибесі мен қоршаған ортаның пікіріне тікелей қатысты екендіктерін көрсетті.

Зерттеудің әдіснамасы. Электронды сауалнама және бетпе-бет сұхбат (интервью).

Зерттеудің бірегейлігі /құндылығы. Жұмыстың ерекшелігі инновациялық саладағы әйелдердің жұмыспен қамтылу мәселелерін студенттердің мамандық таңдауымен және мемлекеттік жұмыспен қамту бағдарламаларымен байланыстыра осы саладағы кемшіліктерді анықтау мен мемлекеттік органдарға ұсыныс даярлау.

Зерттеу нәтижелері. Зерттеу нәтижелері мен қорытындысына сәйкес, қазақстандық инновациялық саладағы мамандардың тапшылығы болмас үшін, білім беру саласындағы инновациялық мамандықтарға қыз балаларды тарту бойынша мемлекеттік бағдарламаның қажеттілігін көрсетті.

Түйін сөздер: STEM, гендерлік теңдік, мектеп бітірушілер, ынталандыру, оқу үлгерімі, мамандық.

ГЕНДЕРНЫЙ РАЗРЫВ В ИЗУЧЕНИИ STEM ДИСЦИПЛИН И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ: КАЗАХСТАНСКИЙ КЕЙС

А. Кусайынқызы¹, Г. Ж. Доскеева²

^{1,2} Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования. Изучение факторов, которые предсказывают интерес студентов к изучению областей науки, техники, инженерии и математики (STEM) в зависимости от их социально-экономического положения. Результаты анализа ответов на опрос 109 студентов девушек технических специальностей показывают, что опыт обучения в STEM положительно связан с интересом студентов к изучению областей STEM. Ожидаемые результаты и убеждения в собственной эффективности положительно коррелируют со студентами, вступающими в области STEM, но не различают их интересы в областях обучения.

Методология. С практической точки зрения были использованы самые популярные варианты опросов: анкеты и интервью.

Оригинальность / ценность исследования. Для изучения этого потенциального эффекта была использована теория самоопределения, чтобы определить, как контекст обучения влияет на социальные и мотивационные результаты программы STEM для молодежи с недостаточным уровнем обеспеченности услугами.

Результаты исследования. Усилить инструментальную роль позитивного восприятия учителей студентами в поощрении более желательной самостоятельной мотивации для участия в программе STEM. Кроме того, программы STEM должны учитывать и интегрировать новые подходы, которые смягчают негативное влияние установленных структур и процессов на мотивацию учащихся для этих программ и, возможно, интерес к карьере STEM.

Ключевые слова: STEM, гендерное равенство, выпускники школ, мотивация, успеваемость, профессия.

INTRODUCTION

It is anticipated that in next two years an extra 2.5 million graduates with science, technology, engineering and mathematics (STEM) degrees will be required globally, in spite of the fact is a setback of around 40,000 STEM graduates per year. Several strategies have been suggested to address this deficit, one of which includes providing STEM outreach activities for school, including STEM mentors, STEM workshops, interactive master classes and competitions about STEM careers. However, there has been very little research that examines different perspectives and approaches to enhance the STEM outreach among women [1].

Today we see is a STEM education pipeline with gender gaps, holes, and weak points, from which most students drop out—often at predictable points—due to lack of engagement, interest, support or stereotypes. The recent studies show that a deficit of STEM professionals can negatively affect the economy, research, development and global competitiveness of a state [2].

The subject of gender equality in Kazakhstan became very popular after the President of Kazakhstan Nursultan Nazarbayev has signed legal document “On ratification of the Convention on Equal Treatment and Equal Opportunities for Men and Women Workers: Workers with Family Responsibilities. (ILO Convention 156). However, changes toward equality continue to be slow. Examining micro-level connections at the

meso-levels of society at universities can shed light on the diffusion of egalitarian norms and the institutional mechanisms that constrain or encourage improvements in gender inequality in science.

For generation of young Kazakhstan citizens the subjects of gender affairs is associated only with women status. The international and domestic experts imply such status of society when men and women have approximately equal shares in the social power and equal access to public resources (material, financial, information, cultural, natural, etc.) [3].

The equal rights guaranteed by the Constitution are not reinforced by the guaranteed opportunities.

The gender inequality hinders with formation of the full-fledged types of social activities considering experience of both men and women.

Women's participation in the labor market is 65.4 % compared to 76.7 % of men, while women make up 38.6 % of Kazakhstan's GDP. [4]. The official labor market in Kazakhstan reflects professional segregation that can be seen on the example of traditional "women" sectors, such as education and health where women hold a share of 70 % of the workforce. Other sectors, such as food services, the hospitality industry, financial services and insurance, also account for a high proportion of female workers. It would be much easier to blame school programs and higher education system for not educating enough STEM students, but the problem is more complex that we think. Resolving this STEM phenomenon depends not only on schools and educators, but it requires a larger, more comprehensive solution: an ecosystem of government policies and cultural attitudes that creates the necessary circumstances for students to acquire, seek, and employ STEM skills.

Kazakhstan's average reading and science indicators in 2018 were close to the level observed in 2009, when the country first participated in PISA. On the contrary, in mathematics, average productivity showed significant improvements compared to 2009 levels [6]. The results in mathematics have improved, especially among the most productive students; and the percentage of students who have completed grades 5 or 6 in mathematics has increased by 1 percentage point between 2012 and 2018. At the same time, reading and science rates declined among the highest performing students.

Table 1 – Female share of graduates from STEM in Kazakhstan

Series Name	2016	2017	2018	2019
Female share of graduates from Science, Technology, Engineering and Mathematics (STEM) programmes, tertiary (%)	35.05	33.09	32.87	..
Note – compiled by the authors based on source [7]				

In Kazakhstan gender segregation is also persistent and is especially noticeable in the STEM field [7]. In educational tracks at the universities of applied science, with only 32.87% of girls enrolled in STEM fields in academic year 2018–2019. However, some STEM fields are more strongly gender segregated than others. Socioeconomic status has been a strong predictor of math and science performance in all PISA member countries. This explains the 2 % difference in math's in PISA 2018 in Kazakhstan (compared to 14 % on average for the OECD countries) and 3 % of the differences in academic performance (compared to the OECD average of 13 % differences) [7].

In the course of recent decades, scientists from psychology, economics, sociology and other different disciplines have attempted to comprehend why women are under-represented in STEM field. According to Blau and Kahn, one of the main causes of the gender wage gap is male-female sorting into different degrees also corresponding professions, this is why motivating female students into STEM fields has become a vital policy of our state. Despite the higher education levels of women compared to men, the majority of the female labor force is predominantly concentrated in three low-paid sectors such: an education, health and services. Men are concentrated in STEM fields such as hydrocarbon, transport and energy industries [8].

There is a high share of those who have acquired STEM degrees out of "inadequacy", the lack of other alternatives or the opportunity to study on a state grant. For 34 % of graduate students, 41 % of undergraduate

students and 56 % of parent's choice of their- children's profession was not the main and priority. The reason for this is a low passing score on STEM degrees and low qualification requirements for work.

Students are mostly in their first or second year of university, and the majority of students reported that they have not declared a STEM field as their major, one of the studies shows that 58 % of STEM students are willing to change their field.

In Kazakhstan, at the moment, there are only few studies aimed at revealing the professional motivation of female students at STEM fields. This research allowed to find out why young women choose the profession of STEM fields and what motivates them to stay in it. The results of the research will serve as a basis for the development of scientifically based decisions to increase the attractiveness of the STEM degree, as well as to strengthen the professionalism and support of the STEM fields.

Understanding women's low rates of participation in STEM fields is vital given that the demand for individuals with STEM training has grown recently. Attracting and retaining more women to high-paying fields like STEM may also help narrow the gender pay gap in Kazakhstan. As mentioned above it will be expected that by 2022, an additional 2, 5 million workers trained with STEM skills [9].

Several strategies have been suggested-by policy makers and researchers to tackle this problem, one of them focus on STEM propaganda for school students, including interactive STEM activities, competitions and talks about STEM careers. Mostly, the main subject of gender research in Kazakhstan is the ethical, historical and cultural aspects of the women's role in the development of the society, while their impact in the economic development of the state is being discussed less.

Women and other marginalized groups are underrepresented in STEM fields in most developing countries. Women, for instance, represent just 30 percent of the world's science researchers [10]. According to WorkplaceTrends.com and Saba data, women comprise less than 40 percent of the global workforce in 2018 and the World Economic Forum's Future of Jobs report notes that women hold fewer line roles across multiple industries [10].

For example, in Kazakhstan, only 2,5 women out of ten or only 25 % chose the STEM fields as a workplace. [11].

For example, according to World Bank Gender Statistics data, female share of graduates in Kazakhstan indicated in table 1, which had been decreased from 35 % in 2015 to 32 % in 2018. Indicate that women make up 60.2 % of students in Master's programs and 61.7 % of doctoral students (the OECD reported a slightly higher rate of Master students at 64 % and a slightly lower rate of doctoral students at 58 %) [12].

Following this notion, this study aimed to analyze the gender stereotype of STEM subjects among female students and the impact of gender-science stereotypes on the career aspirations of female students. The ultimate goal of this study is to provide a more comprehensive understanding of gender equity in STEM.

THE MAIN PART OF THE STUDY

Methods of achievement of gender equality differ depending on many social, economic, political and cultural factors, characteristic for this society. Feminists see the reason of a social inequality particularly in the subordinate position of women, in exploiter entity of capitalist or patriarchal systems, i.e. the gender is aspect of class stratification. They believe that only with liquidation of the system, the problem of unequal position will be resolved.

The purpose of this research is to identify the factors influencing the motivation of young women in the STEM fields of Kazakhstan, as well as the factors influencing their decision to continue their professional activities, non-professional activities and prejudices, the status of the STEM profession.

The study included the participation of 1-4 year students and masters of STEM fields, as well as a teachers and parents. For the collection of data in the survey used a mixed method. In the formation of quantitative data, a random selection of respondents was carried out. The target selection is used for the collection of quality data.

Besides, the inclusion in the selection of students of STEM colleges allowed to find the motivation to choose a profession and the desire to stay in another target group and enrich the received data.

Carrying out in-depth research in a specific context allowed understanding what extent the context and climate of this or that University has an impact, the effect is greater understanding of the factors of influence on the motivation of female students to choose STEM profession and to stay in it.

The survey also included the participation of 12 master's program students from among STEM professionals. This category of respondents was included in the analysis for obtaining more complete pictures of opinions about the pros and cons of the STEM profession; in particular, it concerns questions about the conditions of the STEM work and the status of the STEM profession.

The aim of this research:

1. To determine the factors influencing the choice of the profession of STEM as a career for students of 1-4th courses and undergraduates of STEM fields, as well as the degree of influence of the identified factors.
2. Determine the factors influenced by the choice of the profession of a teacher as a career of STEM teachers, as well as the degree of influence of the identified factors.
3. To determine the factors influencing the motivation of 1-4th year students, undergraduates and teachers to continue their professional activity as a STEM teacher.
4. To study the opinion of parents about the factors that influences the choice of young women in the STEM fields and to continue their professional activity.
5. Develop recommendations for resolving identified problems with the aim of increasing the attractiveness of STEM fields and retention of women in the profession, as well as strengthening professionalism and support of the female STEM students of the country.

The subject of this research: factors influencing the choice of young women of Kazakhstan STEM degrees, as well as factors influencing their decision to continue professional activity.

The choice of a person's profession is influenced by individual, as well as external factors, for example, social and economic [13]. Conscious career choice, as a rule, is based on internal motivation and understanding of their needs, interests, capabilities, skills and values.

Understanding the reasons for choosing a profession is critically important. This question acquires even greater importance when it comes to speaking about women in STEM, as teachers play a key role in shaping the future generation [14].

A review of the literature testifies to the fact that motivation affects the type, duration and degree of involvement of women in this or that activity. In this connection, the motivation can determine whether the candidate will go to the profession of STEM, as long as he stays in it, and to what degree he will be focused on his professional activity [15].

Intrinsic, altruistic and external types of motivation are highlighted as the main reasons for choosing STEM degree. Youth can also choose the profession of STEM as a career under the influence of the surrounding people: parents, teachers, peers and so on. Determining the motivation of choosing a profession by teachers and reasons for which they remain in the profession, are an important step in the light of many solutions to problems and challenges, which are faced by women. In this study, three main types of motivation, influencing the choice of the profession of the STEM students and the desire to remain in the profession: altruistic-internal, external motivation and social influence.

Altruistic intrinsic motivation. The analysis of the earlier studies testifies to the fact that altruistic and intrinsic motivations are the main reasons for choosing candidates for the STEM degrees.

The development and formation of altruistic-internal motivation is very important, as it contributes to greater satisfaction of labor. Besides, STEM workers who have this kind of motivation are more likely to stay in the profession [16].

External motivation. Under external motivation is understood the desire to choose the STEM field, based on such external factors as the availability of guaranteed work, more convenient conditions of work [17].

Influence of surroundings. The influence of the people surrounding the choice of profession is also one of the dominant factors influencing the choice of the STEM profession. Under the surrounding people are meant parents, teachers, partners, colleagues and other persons. Daniel and Farrell note that the influence of parents on the choice of children's specialization is reduced. Many studies show that former teachers play a significant role in the selection of candidates for the profession of teacher [18]. This conceptual framework is the basis of the current research. The methodological part of the study is presented in more detail below.

Methodology. The current survey was conducted through a survey of students of 1-4 courses and undergraduates of STEM degrees of universities. Also to get a wider picture of the data conducted interviews with teachers and parents.

Thus, the triangulation of data is carried out at two levels.

In the first place, the triangulation was carried out by studying the views of various interested persons on the factors of influence on the attraction of interest. The purpose of triangulation is to study the question from different angles and perspectives, to prevent misunderstandings in the interpretation of data and to achieve maximum objectivity in the presentation of results.

Second, the triangulation of data is carried out using a mixed method of research – a questionnaire online survey and interview. The benefits of such triangulation include increasing self-confidence in the results of research and ensuring a more detailed understanding of the problem [19]. These benefits are due in large part to the diversity and quantity of data that can be used for analysis.

Population and Sample: The study also included the participation of students from 6 universities (Suleiman Demirel University, Eurasian Technological University, Satbayev University, Kazakh National University, Narxoz University, University of International Business) in Almaty. Selected universities also represent different universities of the country. The online survey involved 97 students of 1-4 courses and 12 undergraduate students.

Research tools (online questionnaires) are developed for the purpose of identifying factors influencing the choice of young women in the STEM field of Kazakhstan, as well as factors influencing their decision to continue their degree.

First of all, there was a review of the literature on the topic under study for the formation of the conceptual framework of the study.

Secondly, for the composition of online questionnaires, there was a review of the tools conducted earlier, the purpose of which was to study the motivation of STEM students to choose their profession and the desire to work in this field. Thus, the tools of this research are based on:

- Questionnaire surveyor OECD TALIS-2018, [20].
- Questionnaires about Factors of trendy occupations (FIT-Choice. Factors of new professions) [21].

The final versions of the questionnaire consist of 27 questions for students and undergraduates and 9 questions for STEM teachers and parents. Within this sample, there were teachers who specialized in a range of subjects including biology, chemistry, physics, informatics and mathematics as a facilitator varied across the sample.

Questionnaires are kept open and closed questions in two languages: Kazakh and Russian. The specific decision on the use of a given language in each case was determined according to the preferences of the respondent.

Analysis and processing of data to achieve statistical objectivity and reliability were carried out taking into account the specifics of the segments of the target audience and the parameters of the selected sample of each segment. The input and processing of the conducted surveys were carried out using special software Statistical Package for the Social Sciences (SPSS).

Interviews with parents and teachers were conducted in Almaty. According to Seidman, the interview is a powerful way to get presentations on education issues through understanding the experiences of people working in this field. Interviews also allow you to improve the interpretation of the data obtained earlier [22]. The survey of the directors of the organizations of secondary education was conducted in the technique of a personal deep structured interview. A total of 5 interviews were conducted with teachers of secondary education and parents. The duration of each interview was no more than 40 minutes.

Analysis of data on the results of the interview was conducted by the method of content analysis.

RESEARCH RESULTS (CONCLUSIONS)

This study focuses only on the motivation of young female students of STEM degrees. Consequently, all the factors identified in the course of the investigation are self-determined, that is, they reflect the opinion and perception of the respondents. Moreover, this restriction is not a public one, as an application of the

opinion polls, revealing the opinion and the voice of the target group, which is widely practiced in international sociological researches.

The questionnaire consisted of 27 questions, including blocks of questions to identify the degree of influence of various factors on the choice of a STEM field – external motivation (material conditions, expectation of an award), motivation coming from the influence of others (family, friends), internal altruistic motivation (the desire to make a contribution to the development of society, the desire to become an engineer, interest in the subject).

- The following are the results of a survey of 1-4-year students in two key areas:
- Factors affecting motivation when choosing STEM degree;
- Factors affecting the desire to continue professional activities as STEM worker.

Table 2 – The proportion of respondents (%) who noted the great influence of the following factors on the choice of specialty.

Factors influencing interest in STEM	%
Altruistic intrinsic motivation	
Views about the future (e.g. educational/career-related goals)	58
Views about STEM subjects (e.g. interest, enjoyment, perceived difficulty of subject).	40
Self-esteem/confidence/ achievements in this field	26
Cognitive preferences	29
Serving to the community	19
Social contribution to the development of our society	11
External motivation	
National or regional level factors (easier to get a grant)	69
Cultural influences (e.g. views about family heritage)	16
High income	58
Stable career growth	23
Labor market demand	53
Optimal balance of time for work and family	39
Influence of surroundings	
Family influences (e.g. sex-stereotyped attitudes about careers or practical advice/encouragement)	41
STEM qualifications are recognized everywhere/ options to immigrate to another country	68
Teachers/other school staff influences	22
Peer influences	11
School-level factors (e.g. school type)	8
Did not enter the grant for the specialty of their first choice	49
Note – compiled by the authors based on findings.	

Cronbach's alpha can be written as a function of the number of items, which shows that the internal consistency of the description of one object [23].

The value of the Cronbach coefficient alpha (α) above .90, means very high reliability; α between .80 - .90 indicates good reliability; α in the range from .70 to .79 indicates that the value is reliable; if the coefficient value falls within the range of .60-.69, then the reliability is minimal; $\alpha < 0.60$ indicates unacceptably low reliability [24]. Thus, the tools used in the survey proved its reliability for determining the motivation of the students surveyed [25].

This means that external motivation and influence of surroundings played a decisive role in motivation when choosing STEM degree by representatives of the female students. The second most important aspect of influence was the altruistic intrinsic motivation.

Intrinsic motivation does not come from the expected result, but from the process, which for the subject itself is a reward. Here, for a person, internal satisfaction from activity, interest, positive impressions are more important [26]. In the case of future STEM workers, this is the perception of STEM professionals as a noble and important profession for society, and the internally high value of this profession for an individual student [27].

“How do I feel about myself” – when making decisions, this question is subconsciously asked by people guided by altruistic motivation. Representatives of this category primarily seek to make a choice that will raise them in their own eyes, as well as in the eyes of society. To a large extent, such people can be called altruists, since the most acceptable act for society, as a rule, is an action aimed at the benefit of other people.

Taking into account the age of school graduates, the eleven-year-old being under the care of school teachers and the general influence of the family on the choice of young people. It is not surprising that international studies have repeatedly noted the weight of the opinions of the immediate environment for the professional choice of applicants [28].

The formation of the external motivation of the subject is mainly affected by the expectation of a reward - the focus is the final result of the activity. The level of external motivation is primarily affected by the perceived attractiveness of the goal (its value) and the level of a person's confidence in the ability to achieve this goal [26]. So, if a person perceives a certain goal as one that she can do, the goal itself will become more attractive to him. In our case, if a student believes that STEM degree will allow her to achieve certain generally recognized goals and believes in her abilities, it is external motivation that will prevail in her decision.

It is no secret that the possibility of obtaining free education is one of the key reasons that both applicants and their parents take into account when choosing a future profession. In particular, it is precisely for STEM degrees that a large share of state grants is allocated annually, which partly motivates applicants from socially vulnerable sectors of the population to choose this particular professional direction. According to one of the respondents' opinion, they also got a combination of circumstances. In general, it was not they chose the profession. The profession chose them - the state grant chose so. Since they didn't apply for their specialty, it turned out that they were going to study. Also, if their daughter didn't get a grant, she would go to another profession, if there is a situation where she gets paid.

According to interview results with parents and teachers, parents (69 %) and teachers (91 %) agree that STEM education do not have high-profile female role models in Kazakhstan. Almost all parents and teachers agreed that professional experience, conversations from sector professionals and success stories from well-known tech women in STEM could help to female students.

Another problem identified during this interview: 35 % of parents and 22 % of teachers say there is no comprehensive information about STEM career opportunities for girls or even states policies do not promote STEM education among girls. Schools and educational institutions are seen as being the most effective in their activities to encourage women into STEM and are seen by young people as those with the responsibility to do this. According to interviews, they see a domino effect: when one boy sees the power in computing, he becomes a role model for his friends and community, but if girls can play in computer much better than boys can, she would be respected by other boys since computer games are for boys. Furthermore, most girls believe that jobs requiring programming are “not for them”.

From interview with informatics teacher in response to a question about the computer games are for boys or girls. According to interviews, respondents' daughter's physics teacher was making her build a rocket ship with some other students, so that she got interested in rocket science a little bit because she liked to build and create. But where she will be working in Baykonur?

It's crucial for fathers not only for mothers to step up their support. Encouragement from fathers has a consistently positive influence on a girl's interest and likelihood to study STEM degrees in the future according to several studies and our research results could prove it.

Girls who are encouraged by their parents and teachers are much more likely to take STEM degrees than girls who had not been encouraged by their parents and teachers.

An even bigger impact is possible when encouragement comes from both parents and school teachers.

One barrier in motivating the next generation of girls to work in STEM fields is not having enough female role models in. It's much easier for Kazakhstani girls to imagine a career in STEM fields if they see successful examples they can relate among tech women, female mathematicians. Having female teachers who encourage and advice girls in STEM subjects can have an even greater impact than support from their parents or state grants.

However, a significant majority of parents and teachers still believe that STEM degrees more closely fit boys' brains and their personalities and hobbies. Furthermore, 60 % of teachers and 45 % of parents perceive

STEM degrees are more geared towards boys and this is why relatively few girls chose STEM degrees. A significant number of both groups believe in stereotypical career paths, such as nursing and teaching, appeal to girls and are promoted to them.

Additionally, over 75 % of parents and teachers think that media, state policy and marketing policies have a huge role to play in changing the gender stereotypes about STEM degrees.

Based on the research results, the following are our recommendations. according to teachers' opinion, we should intervene earlier STEM subjects in the education system to predict or prevent gender gap in STEM degrees and to adjust female assumptions of STEM classes are not boring.

In order to improve parents' influence on girl's choice and promote positive changes about STEM education, parents should educate themselves more about STEM degrees and current labor market changes in Kazakhstan.

Unfortunately, at the present time in Kazakhstan there is lack of system of tracking the work of graduates of STEM degrees directly in different sector. It is from time to time that this layer of data is needed for full-fledged strategic planning in part for the training of future STEM workers.

According to the research results, for 49 % of graduates' the choice of their profession was not the main and priority. The perception of the STEM degree as the most optimal choice for those whose priority is to receive free higher education is preserved. Such a situation is an alarming prerequisite for the deterioration in the quality of the country's STEM workers - after all, an increase in the proportion of applicants for whom STEM degree are a backup option (as opposed to the category of "consciously choosing") suggests their subsequent departure from the profession.

In other words, the results of the study recall that among the country's current STEM students there are a high proportion of those who by accident fell into this profession [29].

While the choice of a profession by most students was influenced by factors of external motivation and influence of surroundings, which can be summarized as a desire to benefit society. Moreover, most female students plan to use the STEM degree as a transitional area to another area of activity, intending to work in it for less than 1 year.

As part of its global commitment to women's economic empowerment, the Kazakhstan should increase its investment in STEM education for girls. Women are largely underrepresented in the information and communications technology (ICT) sector in Kazakhstan due to lack of access to STEM training. As innovation, automation, and new technologies change the global nature of work, girls who acquire the skills necessary to participate in the digital economy will improve their own financial literacy and self-confidence.

In order to tackle stereotypes, greater efforts must be made at school and at the broader national level. Unfortunately, young girls do not get much advice from adults about how computing can enable them to fulfill their aspirations. Steps to attract more women teachers and parents should be accompanied by initiatives to ensure that girls—especially teachers and parents – are better informed about those people who influence, teach and guide high school girls. This could include providing teachers with real-world examples of how computing transforms different industries for their lesson plans. According to our research, having inspiring computer /coding teachers makes girls much more likely to go into computing—and if those inspiring teachers are female, the uplift is even greater. Computer science classrooms, existing public policies do not do enough to adequately measure and address the gender imbalance because they focus almost exclusively on increasing access. However, decades-old stereotypes about who can and should be an informatics scientist still prevent girls from enrolling in courses at this age, regardless of access.

For example, in Finland, STEM development of the institutional framework created in 2007. [30]. Kazakhstan has made considerable progress since the turn of the century in bringing education and labor market policies in line with international standards. In education, efforts show the gradual move away from centrally planned educational governing systems to a greater autonomy of institutions, through advisory governing boards [31].

Women's access and use of public and communicative spaces is often mediated by not only gender inequalities in our society, but also financial-economic factors, traditional divisions of labor market and social norms which exclude girls from equal participation in technology [32]. These norms in Kazakhstan are socially constructed based on historical inequalities built on relationships of domination and subordination, which translate into both the public and private realms nowadays. For example, priority of use of the household

computer or other technologies by fathers, husbands and brothers or censorship of content may prevent access to communicative networks and platforms by women at home.

Given this growing communication capacity gap, the possibility that STEM education could development further rather than diminish hierarchies, be they gender relations or geopolitical, whether at a global, regional, national or local level.

Nevertheless, given that STEM identity is strongly associated with STEM career intentions, researchers, practitioners, and policy makers should pay more attention to the role of talking about science and engaging young students in science media as components of programs that aim to inspire young people to pursue STEM careers. There is a need for more focused research on students' level of science discourse and usage of science media, in particular as these relate to their identity development and specific career goals. Further study should unravel the content and context of these conversations (e.g., at home with family, at museum with a friend) to better identify the characteristics of effective science talk.

Administrative control of educational program has been extricated, supported by a national demonstrate of accreditation of higher instruction, with a slow move from state certification to open and proficient accreditation. Expanded efficiency within the work market has been seen beside a change in coordinating aptitudes with industry needs. Several challenges still torment Kazakhstan's economy, such as a shortage of social inclusion within the work advertise, unequal get to instruction, limited independence and adaptability within the instruction framework and the quality of work.

For STEM education to attain its objectives and goals, tending to the boundaries to STEM instruction ought to begin by settling the issues at the primary, senior and high schools. Instruction encompasses a greater part to play for student's success in STEM field. Proficient advancement ought to be empowered and proceed to prepare instructors in viable classroom administration to upgrade their information within the advanced instructing STEM field.

The results of this research demonstrate that respondents perceived STEM professions as the most challenging area of study for girls. According to our respondent's answers, in middle school and high school, the imbalance among STEM students continues into the university degree. Innovative jobs are the fastest growing jobs in the Republic of Kazakhstan economy and are expected to increase.

In order to tackle stereotypes, greater efforts must be made at school and at the broader national level. Unfortunately, young girls do not get much advice from adults about how computing can enable them to fulfill their aspirations. Steps to attract more women teachers and parents should be accompanied by initiatives to ensure that girls—especially teachers and parents—are better informed about those people who influence, teach and guide high school girls. This could include providing teachers with real world examples of how STEM transforms different industries for their lesson plans. According to our research, having inspiring STEM teachers makes girls much more likely to go into computing – and if those inspiring teachers are female, the uplift is even greater. STEM classrooms, existing public policies do not do enough to adequately measure and address the gender imbalance because they focus almost exclusively on increasing access. However, decades-old stereotypes about who can and should be an informatics scientist still prevent girls from enrolling in courses at this age, regardless of access.

The respondents perceived their personal interest and ability to choose STEM degrees career. On the other side, these findings contradict with some previous studies, which concluded that female students are less motivated and confident to study STEM.

Our study reveals that girls who are interested in studying STEM are less likely to see the subject as just for boys or think it is better for boys than girls. They do not see themselves as not sharp students comparatively with their peers. STEM teachers and other subject teachers are gatekeepers to ensure girls to choose a STEM classes and to ensure that in those classrooms they find welcoming and inclusive environment. Male students are encouraged more often than female students to pursue STEM degrees by their parents or teachers.

While there are still many open questions relating to degree follow-through and career longevity, the results of this study are very encouraging in terms of action ability. Not only do uncontrollable factors play a limited role in explaining the decision of a young woman to pursue a degree in STEM, the most important influencers are the controllable factors of encouragement and exposure.

Through research results, there are immediate and practical steps that state, schools, parents, teachers, NGOs can take to improve girls' engagement with STEM degree. These include next recommendations on promotion of STEM education in Kazakhstan as a state program

- 2020-2022 years increasing awareness of public and interest among students in STEM fields using media promotions and partnership with other parties (state-schools- business);
- 2023-2025 years improving the quantity and quality of STEM fields using the modern versions of curriculum, teacher and mentors training systems, use of integrated and digital learning platforms;
- 2026-2028 years evaluate and verify of the results of the previous two periods and to be open to new ideas from educational centers.

It has been suggested to increase funding toward both research and projects aimed at understanding and promoting conversations between young girls and family/teachers/peers about STEM degrees. In particular, informal science learning institutions, like science exhibitions, expo canters, natural science museums, and scientific libraries, should be leveraged in their capacity to facilitate meaningful parent-child or father-girl and peers conversations around STEM future. These contexts have been shown to engender conversations that help girls to better understand STEM fields.

Furthermore, we should bring attention to the accessibility of "speaking science" as an activity. In general, talking about science with friends and family does not require material resources, and supporting projects that help to foster those types of discussions would not necessarily require great financial investment. These makes promoting science talk amenable to a variety of free choice learning institutions and contexts. Whereas more research needs to be done on what effective science talk sounds like and how institutions can best motivate girls to carry out conversations about science, engendering science talk can be as simple as asking participants a question.

This research was carried out by the Gender Economics Research Center at the Narxoz University. It was funded by Soros Foundation-Kazakhstan (SFK).

REFERENCES

1. Tsupros N., Kohler R., Hallinen J. STEM education: A project to identify the missing components. – Intermediate Unit 1 and Carnegie Mellon, Pennsylvania, 2009. – P. 102–103.
2. Broughton N. In the Balance: The STEM Human Capital Crunch. – London: Social Market Foundation, 2017. – 67 p.
3. Изучение ценностных ориентаций казахстанцев // Институт общественной политики партии «Нур Отан», 2017.
4. Reforming Kazakhstan: progress, challenges and opportunities // OECD Kazakhstan Country Programme (2015-17). – 187 p.
5. Women in Kazakhstan [Electronic source] // Wonder Foundation Insight Report. – 2019. – URL: <https://wonderfoundation.org.uk/wp-content/uploads/2019/08/Women-in-Kazakhstan-Wonder-Foundation-Insight-Report-Digital.pdf> (accessed: February 21, 2020).
6. Kazakhstan country gender assessment [Electronic source] // Asian Development Bank [website]. – 2018. – URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/institutionaldocument/479136/kazakhstan-country-gender-assessment.pdf> (accessed: February 21, 2020).
7. PISA 2018 Database [Electronic source] // OECD. – URL: <https://www.oecd.org/pisa/data/2018database/> (accessed: February 21, 2020).
8. Blau F. D., Kahn L. M. The gender wage gap: Extent, trends, and explanations // Journal of Economic Literature. – 2017. – № 55(3). – P. 789–865.
9. Women Work More, But are Still Paid Less [Electronic source] // International Labour Organisation [website]. – URL: https://www.ilo.org/global/about-the-ilo/newsroom/news/WCMS_008091/lang--en/index.htm (accessed: February 21, 2020).
10. Watt H. M. G., Richardson P. W. Motivational factors influencing as a career choice: development and validation of the FIT-Choice scale // Journal of Experimental Education. 2007. – P. 75–116.

11. Number of women, holding Ministerial positions in the Government of the Republic of Kazakhstan [Electronic source] // Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan Statistics committee [website]. – 2020. – URL: https://gender.stat.gov.kz/page/frontend/detail?id=71&slug=-58&cat_id=9&lang=en (accessed: February 21, 2020).
12. Gender Institutions and Development Database (GID-DB) [Electronic source] // OECD [website]. – 2019. – URL: <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=GIDDB2019> (accessed: February 21, 2020).
13. Evans J. S. B., Over D. E., Manktelow K. I. Reasoning, decision making and rationality // *Cognition*. 1993. – Vol. 49(1–2). – P. 165–187.
14. Ask M., Demir C. E., Daloglu A., Yildirim S., Kiraz, E. Who are the future teachers in Turkey? Characteristics of entering student teachers // *International Journal of Educational Development*. – 2010. – Vol. 30(1). – P. 91–101.
15. Sinclair C., Dowson M., McInerney D. M. Motivations to teach: Psychometric perspectives across the first semester of teacher education // *Teachers College Record*. 2006. – Vol. 108(6). – P. 1132.
16. Balyer A., Özcan K. Choosing STEM profession as a career: Students' reasons // *International Education Studies*. 2014. – Vol. 7(5). – P. 104.
17. Broughton N. In the Balance: The STEM Human Capital Crunch. – London: Social Market Foundation, 2017. – 67 p.
18. Schleicher A. Valuing and Raising their Status: How Communities Can Help, International Summit on the Teaching Profession [Electronic source] // OECD [website]. – 2018. – URL: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264292697-en> (accessed: February 25, 2020).
19. Thurmond V. A. The point of triangulation // *Journal of nursing scholarship*. – 2001. – Vol. 33(3). – P. 253–258.
20. Asian Development Bank Kazakhstan country gender assessment [Electronic source] // Mandaluyong City, Philippines: Asian Development Bank. – 2013. – URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/479136/kazakhstan-country-gender-assessment.pdf> (accessed: February 27, 2020).
21. Balyer A., Özcan K. Choosing STEM profession as a career: Students' reasons // *International Education Studies*. – 2014. – Vol. 7(5). – P. 104.
22. Billingsley B. S., Cross L. H. Predictors of commitment, job satisfaction, and intent to stay: A comparison of general and special educators // *The journal of special education*. – 1992. – Vol. 25(4). – P. 453–471.
23. Cronbach L. J. Coefficient alpha and the internal structure of tests // *Psychometrika*. – 1951. – Vol. 16(3). – P. 297–334. – DOI:10.1007/bf02310555.
24. Broughton N. In the Balance: The STEM Human Capital Crunch. – London: Social Market Foundation, 2017. – 67 p.
25. Carlo A., Michel A., Chabanne J. C., Bucheton D., Demougin P., Gordon J., ... Valette S. Study on policy measures to improve the attractiveness of the profession in Europe / Doctoral dissertation, European Commission, Directorate General For Education and Training. – 2013. – 82 p.
26. Steiner-Khamsi G. Teach or Perish [Electronic source] // The Future of Jobs Report. – 2015. – URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2018.pdf (accessed: February 27, 2020).
27. Lustig D. C., Xu Y. J., Strauser D. R. The influence of family of origin relationships on career thoughts // *Journal of Career Development*. – 2017. – Vol. 44(1). – P. 49–61.
28. European Commission/EACEA/Eurydice. The Profession in Europe: Practices, Perceptions, and Policies [Electronic source] // Eurydice Report. Luxembourg: Publications Office of the European Union. – 2015. – URL: https://eacea.ec.europa.eu/national-policies/eurydice/content/teaching-profession-europe-practices-perceptions-and-policies_en (accessed: February 25, 2020).
29. Henry G. T., Bastian K. C., Smith A. A. Scholarships to recruit the “best and brightest”: Who is recruited, where do they teach, how effective are they, and how long do they stay? // *Educational Researcher*. – 2012. – Vol. 41(3). – P. 83–92.
30. McKernan J. Curriculum action research: A handbook of methods and resources for the reflective practitioner. – Routledge, 2013. – 274 p.

31. Stake R. E. Qualitative case studies / in N. K. Denzin & Y. S. Lincoln (Eds.). – The Sage handbook of qualitative research (3rd ed.). – Thousand Oaks, CA: Sage, 2005. – P. 443–466.

32. World Development Report 2019: The Changing Nature of Work [Electronic source] // World Bank. – 2019. – URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2019> (accessed: February 27, 2020).

REFERENCES

1. Tsupros, N., Kohler, R., and Hallinen, J. (2009), “STEM education: A project to identify the missing components”, Intermediate Unit 1 and Carnegie Mellon, Pennsylvania, pp. 102–103.

2. Broughton, N. (2013) “In the Balance: The STEM Human Capital Crunch”, London: Social Market Foundation, 67 p.

3. “Izuchenie cennostnyh orientacij kazahstancsev” (2017), Institut obshhestvennoj politiki partii «Nur Otan» (In Russian).

4. “Reforming Kazakhstan: progress, challenges and opportunities”, OECD Kazakhstan Country Programme (2015-17), 187 p.

5. “Women in Kazakhstan” (2019), Wonder Foundation Insight Report, available at: <https://wonderfoundation.org.uk/wp-content/uploads/2019/08/Women-in-Kazakhstan-Wonder-Foundation-Insight-Report-Digital.pdf> (accessed: February 21, 2020).

6. “Kazakhstan country gender assessment” (2018), Asian Development Bank, available at: <https://www.adb.org/sites/default/files/institutionaldocument/479136/kazakhstan-country-gender-assessment.pdf> (accessed: February 21, 2020).

7. “PISA 2018 Database”, OECD, available at: <https://www.oecd.org/pisa/data/2018database/> (accessed: February 21, 2020).

8. Blau, F. D. and Kahn, L. M. (2017), “The gender wage gap: Extent, trends, and explanations”, *Journal of Economic Literature*, 55(3), pp. 789–865.

9. “Women Work More, But are Still Paid Less”, International Labour Organisation, available at: https://www.ilo.org/global/about-the-ilo/newsroom/news/WCMS_008091/lang--en/index.htm (accessed: February 21, 2020).

10. Watt, H. M. G., & Richardson, P. W. (2007). Motivational factors influencing as a career choice: development and validation of the FIT-Choice scale. *Journal of Experimental Education*, pp. 75–116.

11. “Number of women, holding Ministerial positions in the Government of the Republic of Kazakhstan” (2020), Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan Statistics committee, available at: https://gender.stat.gov.kz/page/frontend/detail?id=71&slug=-58&cat_id=9&lang=en (accessed: February 21, 2020).

12. “Gender Institutions and Development Database (GID-DB)” (2019), OECD, available at: <https://stats.oecd.org/Index.aspx?DataSetCode=GIDDB2019> (accessed: February 21, 2020).

13. Evans, J. S. B., Over, D. E., & Manktelow, K. I. (1993), “Reasoning, decision making and rationality”, *Cognition*, Vol. 49(1–2), pp. 165–187.

14. Ask, M., Demir, C. E., Daloglu, A., Yildirim, S., & Kiraz, E. (2010), “Who are the future teachers in Turkey? Characteristics of entering student teachers”, *International Journal of Educational Development*, Vol. 30(1), pp. 91–101.

15. Sinclair, C., Dowson, M., & McInerney, D. M. (2006), “Motivations to teach: Psychometric perspectives across the first semester of teacher education”, *Teachers College Record*, Vol. 108(6), p. 1132.

16. Balyer, A., & Özcan, K. (2014), “Choosing STEM profession as a career: Students’ reasons”, *International Education Studies*, Vol. 7(5), p. 104.

17. Broughton, N. (2013), “In the Balance: The STEM Human Capital Crunch”, London: Social Market Foundation, 67 p.

18. Andreas Schleicher (2018), “Valuing and Raising their Status: How Communities Can Help, International Summit on the Teaching Profession”, OECD Publishing, Paris, available at: <http://dx.doi.org/10.1787/9789264292697-en> (accessed: February 25, 2020).

19. Thurmond, V. A. (2001), "The point of triangulation", *Journal of nursing scholarship*, Vol. 33(3), pp. 253–258.
20. "Asian Development Bank Kazakhstan country gender assessment" (2013), Mandaluyong City, Philippines: Asian Development Bank, available at: <https://www.adb.org/sites/default/files/institutional-document/479136/kazakhstan-country-gender-assessment.pdf> (accessed: February 27, 2020).
21. Balyer, A., & Özcan, K. (2014), "Choosing STEM profession as a career: Students' reasons", *International Education Studies*, Vol. 7(5), p. 104.
22. Billingsley, B. S., & Cross, L. H. (1992), "Predictors of commitment, job satisfaction, and intent to stay: A comparison of general and special educators", *The journal of special education*, Vol. 25(4), pp. 453–471.
23. Cronbach, L. J. (1951), "Coefficient alpha and the internal structure of tests", *Psychometrika*, Vol. 16(3), pp. 297–334, doi:10.1007/bf02310555.
24. Broughton, N. (2013), "In the Balance: The STEM Human Capital Crunch", London: Social Market Foundation, 67 p.
25. Carlo, A., Michel, A., Chabanne, J. C., Bucheton, D., Demougin, P., Gordon, J., ... & Valette, S. (2013), "Study on policy measures to improve the attractiveness of the profession in Europe" (Doctoral dissertation, European Commission, Directorate General For Education and Training), 82 p.
26. Steiner-Khamisi, G. (2015), "Teach or Perish. The Future of Jobs Report, available at: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs_2018.pdf (accessed: February 27, 2020).
27. Lustig, D. C., Xu, Y. J., & Strauser, D. R. (2017), "The influence of family of origin relationships on career thoughts", *Journal of Career Development*, Vol. 44(1), pp. 49–61.
28. European Commission/EACEA/Eurydice, (2015), "The Profession in Europe: Practices, Perceptions, and Policies". Eurydice Report. Luxembourg: Publications Office of the European Union, available at: https://eacea.ec.europa.eu/national-policies/eurydice/content/teaching-profession-europe-practices-perceptions-and-policies_en (accessed: February 25, 2020).
29. Henry, G. T., Bastian, K. C., & Smith, A. A. (2012), "Scholarships to recruit the "best and brightest": Who is recruited, where do they teach, how effective are they, and how long do they stay?", *Educational Researcher*, Vol. 41(3), pp. 83–92.
30. McKernan, J. (2013), "Curriculum action research: A handbook of methods and resources for the reflective practitioner", Routledge, 274 p.
31. Stake, R. E. (2005), "Qualitative case studies", in N. K. Denzin & Y. S. Lincoln (Eds.), *The Sage handbook of qualitative research* (3rd ed.). Thousand Oaks, CA: Sage, pp. 443–466.
32. World Bank (2019), "World Development Report 2019: The Changing Nature of Work", available at: <https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2019> (accessed: February 27, 2020).

SUMMARY

Despite great institutional efforts to recruit female students into STEM pipeline, the number of students choosing STEM careers remains low. Using data, we estimated a model graduates choice of STEM-related careers with gender as predictors.

ТҮЙІНДЕМЕ

STEM мамандықтарына студенттерді тарту бойынша үлкен институционалдық жұмыс жүргізілгеніне қарамастан, STEM мамандықтарды таңдаған студенттердің саны әлі де аз. Деректерді қолдана отырып, біз мектеп бітірушілердің STEM-мен байланысты мамандықты таңдаудың моделіне болжам жасадық.

РЕЗЮМЕ

Несмотря на институциональные усилия по набору девушек-студентов в STEM, число студентов, выбирающих профессии в STEM, остается низким. Используя данные, мы оценили модель выбора выпускниками профессии, связанной с STEM.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Айгерим Кусайынқызы – докторант 2-курса по специальности «Государственное и местное управление», Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: aigerim.kussainkyzy@narхоз.kz, ORCID: 0000-0002-9544-0628.

Доскеева Гульшар Жармагамбетовна – доктор экономических наук, профессор, Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: gulashar.doskeeva@narхоз.kz, ORCID:0000-0001-6216-1545.

МРНТИ 73.43.61; 87.51.15

JEL Classification: L92, R41-42

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF LIGHT RAIL TRANSPORT IN ALMATY

D. M. Z. Islam¹, A. Telibayev²

¹Bang College of Business, KIMEP University, Almaty, Republic of Kazakhstan

²KIMEP University, Almaty, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

The purpose of this research. Is to explore, analyze and suggest whether Light Rail Transit (LRT) will be effective in Almaty. Almaty is the biggest city in Kazakhstan. Good public transport is essential in big cities but the current public transport of Almaty is failing due to traffic jam. The city needs a combination of good public transport options.

Methodology. Current research applies qualitative methods including SWOT analysis. For this, data was collected using a questionnaire followed by analysis of data in excel.

Originality / value of the research. The construction of LRT will take less time compared to extension of metro. Also, under the local geological conditions (the city is located in a zone of nine-point seismicity), LRT is much more suitable than the metro. With the introduction of LRT, it is expected that with the availability of improved public transport system, people will gradually change the usage of their private vehicles to public transport.

The findings of this study. Will facilitate Almaty city authority to be convinced about the importance of LRT at the policy and decision making level to achieve modal shift to environment friendly transport options such as LRT.

Keywords: public transport, traffic jam, Almaty, LRT, modal shift to environment friendly transport options.

АЛМАТЫДА ЖЕҢІЛ РЕЛЬСТІ КӨЛІКТІҢ ДАМУ БОЛАШАҒЫ

Д. Мд З. Ислам¹, А. Телібаев²

¹Банг бизнес колледжі, КИМЭП Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

²КИМЭП Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеудің мақсаты. Алматыда жеңіл рельсті транзиттің (LRT) қолдану тиімділігін зерттеу, талдау және ұсыныстар құрастыру. Алматы – Қазақстандағы ең үлкен қала. Үлкен қалаларда жақсы қоғамдық

көлік қажет, бірақ қазіргі таңда Алматыдағы қоғамдық көліктер тиімділігі кептелістерге байланысты сәтсіздікке ұшырап отыр. Қалаға қоғамдық көліктің жақсы нұсқалары қажет.

Зерттеудің әдіснамасы. Ағымдағы зерттеу SWOT талдауды қоса, сапалы әдістерді қолданады. Бұл үшін сауалнаманы пайдалана отырып деректер жиналды, содан кейін Excel-де талданды.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы. LRT құрылысына метроны кеңейтуге қарағанда аз уақыт кетеді. Сондай-ақ, жергілікті геологиялық жағдайларда (қала тоғыз баллдық сейсмикалық аймақта орналасқан) LRT метроға қарағанда анағұрлым қолайлы. LRT енгізу арқылы қоғамдық көлік жүйесінің жетілдірілуі тұрғындардың біртіндеп жеке көліктерін қоғамдық көліктерге алмастырады деп күтілуде.

Зерттеу нәтижелері. Осы зерттеудің нәтижелері Алматы қаласының басшылығына жүргізілетін саясат пен қабылданатын шешімдер барысында LRT сияқты экологиялық таза көлік нұсқаларына ауысудың маңыздылығын негіздеуге көмектеседі.

Түйінді сөздер: қоғамдық көлік, көлік кептелісі, Алматы, LRT, көліктің экологиялық таза нұсқаларына ауысу.

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ЛЕГКОРЕЛЬСОВОГО ТРАНСПОРТА В АЛМАТЫ

Д. Мд З. Ислам¹, А. Телибаев²

¹Колледж бизнеса Банг, Университет КИМЭП, Алматы, Республика Казахстан

²Университет КИМЭП, Алматы, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель данного исследования. Изучить, проанализировать и понять, будет ли легкий железнодорожный транспорт (LRT) эффективным в Алматы. Алматы самый большой город в Казахстане. Для больших городов необходим хороший общественный транспорт, но современный общественный транспорт Алматы не является эффективным из-за пробок. Город нуждается в сочетании хороших вариантов общественного транспорта.

Методология. В современных исследованиях применяется сочетание качественного (например, SWOT-анализ) и количественного методов. Данные были собраны с использованием валидного и надежного вопросника, состоящего из различных типов вопросов из различных ресурсов и проанализированы с использованием Excel.

Оригинальность / ценность исследования. Строительство LRT занимает меньше времени, чем расширение метро. Кроме того, в местных геологических условиях (город расположен в девятиточечной сейсмической зоне), LRT удобнее, чем метро. Ожидается, что улучшение системы общественного транспорта за счет введения LRT постепенно заменит частный транспорт населения общественным транспортом.

Результаты этого исследования – помогут администрации г. Алматы убедиться в важности LRT на уровне политики и принятия решений для достижения логического перехода к экологически чистым вариантам транспорта, таким как LRT.

Ключевые слова: общественный транспорт, дорожные пробки, Алматы, LRT, модальный переход к экологически чистым вариантам транспорта.

INTRODUCTION

Almaty is one of the fast-growing cosmopolitan city in Kazakhstan with the population more than 1,8 million residents [1] which is increasing rapidly. Currently the passenger mobility of the city residents is provided by public transport by bus services (with a total of 1 775 bus stations), metro service with limited stations (9 metro stations), private car, motorbike and bicycle. The issue of big traffic jams is becoming common scenario and increasingly becoming an inescapable problem across the city, from North highway to Saina Street from AL-Farabi to West Highway. In 2018 Yandex has produced a program which evaluates the traffic congestion

based on a following scale: 0-3 points means that the roads are clear; 4-6 means the difficulty rises in roads; 7-10 means there is a serious congestion. There are certain sections (see figure 1) which are almost always marked with red color, such as Rayimbek tract near “Altyn Orda”, Tole bi street, especially close to Sayran lake, Rozybakiyev street near Optovka market. In addition to them, there are also serious congestion with 7+ points in AL-Farabi Ave., Ryskulova – Rayimbek streets, Abay street, Gagarina-Zharokova str., Zhandosov str., Auezov-Manas str., etc. [2].

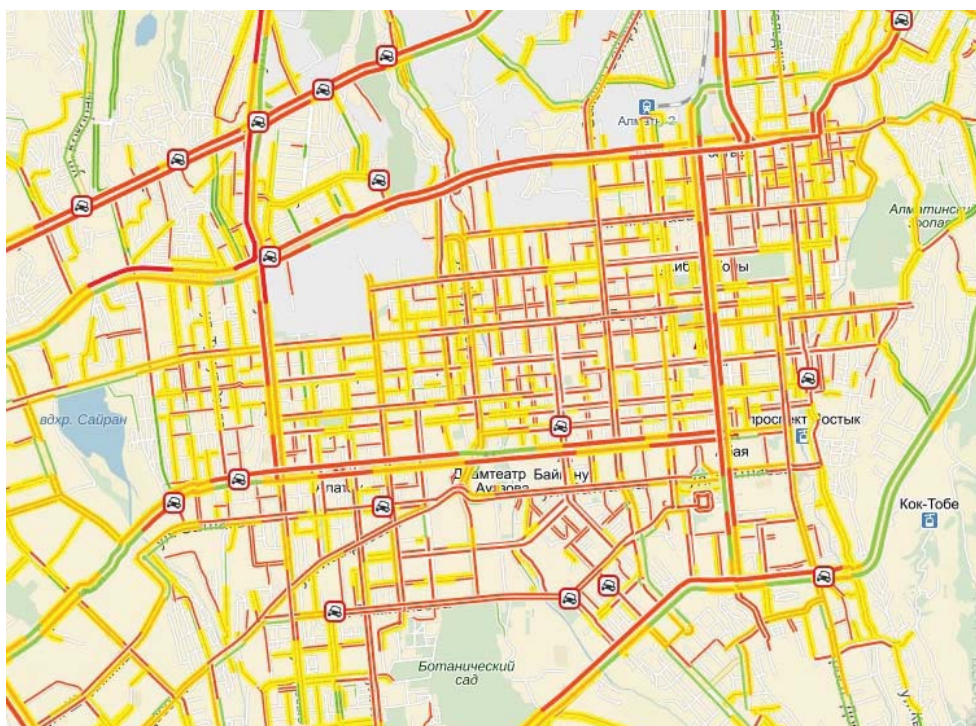

Figure 1 – Traffic situation in Almaty city
Note – The map is produced using Source: [3]
(Red – heavy traffic, yellow – middle traffic, green – free road)

In Almaty, most of working population trying to use private automobiles for 2 major reasons [4]. First, most of working and studying population leaves in suburbs, such as Alatau and Nauryzbai districts that public transport does not serve effectively. The second reason is that private vehicles are more comfortable, fast and flexible to do several tasks like a shopping, visiting taxi community etc. during the trip.

Table 1 – Preferred modes of transportation (%)

	2012	2016
Cars (driver or passenger)	50,0 %	39,8 %
Official taxi	7,0 %	1,5 %
Public transport	31,0 %	39,0 %
Walking	12,0 %	18,7 %
Cycling	0,0 %	1,0 %
Note – Source [4]		

Currently the average traffic speed is 15-17 km/h, decreasing to 12-15 km/h during peak hours [4]. Additionally, expansion of residential development and corresponding population growth focuses mainly in remote areas from city center areas. This requires the authorities to not only properly plan further construction of housing, schools, medical facilities and shopping centers, but also to firmly adopt and implement an integrated approach to deliver reliable, capable and reasonably priced public transport services. Considering this aspect in mind, the current transport systems must be upgraded within the short- and long-term development plans. The short-term plan can include, for example, increase the service frequency of existing bus services, more accessibility to bus services to those areas which are remotely served and improve the efficiency to serve upcoming demands.

The long-term plan can include the expansion of metro service to important areas and introduction and/or establishment of tram system (overland) also known as light rail transit (LRT) service.

Keeping the long terms solution in mind, the current research will analyze the various possible options to improve the public transportation, with a particular focus on the issues and necessities of LRT in the city of Almaty.

THE MAIN PART OF THE STUDY

Literature review

Public transportation represents a sensible, low cost, comfortable for passengers and environmentally friendly (that produces low-emissions) alternative for vehicle drivers [5]. It is an essential element which helps thousands of people to fulfill their daily travel needs. As noted in the introduction section, there are a lot of private cars being used for transport in and around the Almaty city. There are several reasons: firstly, the public transportation in Almaty doesn't work effectively and doesn't fully satisfy people's needs. Secondly, private cars are associated with advanced comfort and higher status. Thirdly, taxes (see Table 2) for private vehicles in Kazakhstan are calculated based on engine capacity, which is not so high for majority of cars. Fourthly, highways are free of charge, in comparison with some other developed countries. These factors lead more people to move to private cars, which result in overloaded streets and increased pollution.

Table 2 – Tax rate against Engine capacity

Engine capacity, Cars	Taxe rate, KZT
< 1 100	2 405
1 100 > 1 500	4 810
1 500 > 2 000	7 215
2 000 > 2 500	14 430
2 500 > 3 000	21 645
3 000 > 4 000	36075
> 4 000	281 385
Note – Data is compiled on base source [6]	

The mobility and suitability of properly designed public transport are the basic requirements for any fast growing and modern megapolis cities like Almaty so that the residents can perform their daily routine tasks. Every modern city around the world is facilitated by efficient and effective public transportation system in response to increasing urban population.

According to the United Nations, more than 54 % of the world's population live in urban areas and in the future it will increase to 67 % by 2050. And these urban hubs are becoming important drivers for national economic growth. The McKinsey Global Institute [7] estimates that the top 100 cities in the world already account for 38 % of total global gross domestic product (GDP), with the top 600 cities generating 60 % of global GDP. City authorities have to develop most available, ecological friendly, social responsible solutions to make city comfortable to live. With proper planning, there are several options for ensuring mobility of transport in cities and suburbs: the launch of LRT; the allocation of lanes on the roads for the Bus Rapid Transit (BRT); or the increase of current public transport on the roads.

Talking about the definition of LRT, the Light rail transit can be defined as a metropolitan electric railway system characterized by its ability to operate single cars or short trains along exclusive right-of-way at ground level, on aerial structures, in subways or, occasionally, in streets, and to board and discharge passengers at track or car-floor level [8].

LRT is a long-term project that will require several years of construction work, but will give positive results for the passenger traffic after the launch of the lines without affecting the vehicles. For example, it took 5 years to develop initial Light rail transit line in Toronto, and it has been used for remaining 62 years till 2016 for further expansion of remaining 75 stations, which rode more than 221 million passengers 2016. Another example is the construction and resumption of light railway systems in Docklands, Melbourne. Its initial station came in operation in 1987, and the LRT system has expanded its 45 stations till 2009, which rode more than 80 million passengers. For LRT it is necessary to allocate one lane on the road, which will lead to a decrease in the capacity for vehicles. Increasing the number of buses on the roads will automatically increase the load on the roads, which will lead to heavy traffic on the roads of the city.

As per European Commission (EC) researches, passenger transport plays important role in contribution to GDP and employment rate: there is a sufficient evidence showing for around 7 % of GDP and for around 5 % of employment in the EU is attributed to transport activities [9]. In USA in 2017 total amount of employed in the transport sector involved for 13.3 million jobs which is 9.1 % of total employment [10]. In Japan in 2006 the total number of employed population was around 63.82 million people, and in the transport sector involved around 3.06 million people (see Table 3) [11; 12].

Table 3 – The transport contribution to the economy expressed in GDP

Countries	Real GDP growth			Projected GDP growth in %		Transport contribution to Real GDP in %		
	2016	2015	Δ15/16	2017	Δ17/15	2016	2015	Δ15/16
EU-27	3,2	1,6	-1,6	1,9	0,3	7	5,9	-1,1
USA	2,7	1,9	-0,8	2,2	0,3	9,8	6,8	-3
Japan	2,0	0,6	-1,4	0,5	-0,1	5,83	4,9	-0,93
China	12,6	4,7	-7,9	4,9	0,2	3,6	1,6	-2
New Zealand	4,47	1,7	-2,8	0,39	-1,31	1,14	1,1	-0,04
Canada	1,4	0,5	-0,9	2,2	1,7	4,2	3,8	-0,4
Russia	8,2	-3,7	-11,9	-1,4	2,3	2,83	1,2	-1,63

Note – compiled by the authors [12]

By improving the transport in a city, the government gives people new opportunities in employment, helps to develop businesses through convenient logistics and increased passenger traffic in transport.

Environmental Issues

“Public transportation development plays an important role in creating a healthier nation. On average, public transportation produces 95 percent less carbon monoxide than the private automobiles” [5]. The development in automobiles industry has played an important role in the economic development in all over the world. However, the emissions from road transport particularly from cars are a main source of greenhouse gases and are assumed to be related to respiratory problems and diseases and leading to global warming in industrial countries [13]. The transportation uses most of fossil energy and burns most of petroleum in the world, thus the issue of environmental impact is a very important aspect. “Increasing environmental awareness is leading many institutions to pursue transport solutions aimed at reducing emission and traffic congestion in densely populated city centers. Clean transport policies fall within the wider environmental aims of the Millennium Development Goals” [14]. According to the forecast data published by the World Bank [14] the expected use of energy in third-world countries will increase the global transport total from 32 percent in 2000 to 46 percent in 2030. These forecasts are mostly related to urban areas, and designed to improve the availability and

effectiveness of urban infrastructure and public transportation. The effective use of energy is important for both improving economic factors and environmental awareness factors.

One of the major factor that gives to LRT services the opportunity to have potential improvements in urban life is the fact that rail is a more efficient mode of transport than road in terms of carbon emissions per ton or passenger-kilometer. As per research data provided by UK Office of Rail Regulations, electrically powered trains emit one-fifth of the carbon dioxide emitted by petrol-using cars (see Figure 2).

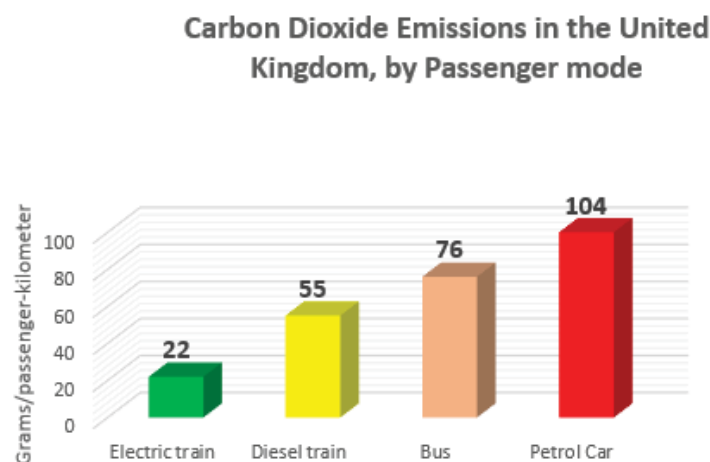

Figure 2 – Carbon dioxide emissions in the UK

Note – source [15]

On the example of Huston, the USA, we can see that there is a drastically change in the environmental situation (see table 4) after using LRT [16].

Table 4 – Summary statistics for carbon monoxide emissions

	Statistics	Before LRT	After LRT	Relative change (%)
Hourly CO (ppmv)	Average	0,497	0,424	-14,7
	N	17,406	17,273	
Daily maximum CO (ppmv)	Average	0,974	0,821	-15,7
	N	730	726	
Note – N denotes the sample size Relative change was computed by formula: (After LRT-Before LRT)/Before LRT				

The summary statistics for the CO concentrations for each of the before and after periods. As the table illustrates, the average hourly CO concentrations and the average daily maximum CO concentrations were reduced roughly by 15 % and 16 %, respectively, after the opening of the LRT.

Garrett [17] argues that Light Rail could be a good enabler to provide a more optimal solution for traffic jam by serving as a marginal reducer of traffic congestion during peak hours. This possibility alone would make the significant reduction in overloaded roads from light rail.

Capacity

According to the report of United Nations Development Programs (UNDP) Project “City of Almaty Sustainable Transport” [18] there were 78 new LRT systems that were commissioned between 2000 and 2015 globally. The research shows that LRT could attract around 30-40 % extra passengers; LRT is 6 times safer than private car and it could carry more than 520 passengers, which replaces 435 cars.

The development of LRT will decrease the traffic on roads. Although LRT requires more space for its operations and stations, it could be effectively used in pedestrian zones and city centers instead of buses. Energy consumption of this urban rail passenger transport is 0.12 kW/h per passenger per kilometer, which is 7 times smaller than the average car consumption in urban conditions. [18]. One opportunities of Light Rail Transit in its huge capacity to carry passengers [19].

The use of public transportation had relatively improved since the opening 7 metro stations at 2011 in Almaty, and additional 2 stations at 2015 in average from 43 % to 59 %. These findings suggest that an introduction of other kind of fast-moving public transports, such as Light rail transit (LRT), Bus rapid transit (BRT) corridors, opening of additional metro stations will lead the majority of working/studying population to shift their preferences towards the usage of public transportation [18].

LRT is very important type of public transportation designated for large cities. The effective operations of LRT bring in many advantages such as environment friendliness, convenience and capacity. We can achieve a lot of benefits from the operations of the light rail:

- Reduction of traffic congestion;
- Improve quality and use of public space
- Reduction of emission of carbon dioxide;
- Available prices for lower level population

Even though it is relatively expensive (i.e. capital cost) to implement new light rail transit routes that should not be a reason that communities abandon this mode of transportation. If a society obtains some clear and significant tangible and intangible benefits from having light rail in its community then one could justify the capital costs. The problem for economists and city planners is that it is very difficult to place a dollar value on these intangible benefits. In addition, light rail should certainly be considered if it will reduce congestion and pollution in the local area, as well as create economic growth. A basic cost-benefit analysis requires that we measure the tangible and intangible benefits and also accurately subtract any subsidies from the economic-development gains.

The main problems of the existing public transport network in Almaty.

The existing scheme of public transport in Almaty suffers from many shortcomings, inherent in the cities of Kazakhstan.

The following can be distinguished:

- Low speed (average 20-40 km/h), not a competitor to cars (average 60-80 km/h).
- Low capacity and low quality of the vehicles themselves.
- Old, morally outdated parks, polluting the environment.
- Low level of a driver control by employers.
- Lack of integration with other types of the public transport.
- Vehicles are not adapted for travel of low-mobile groups of population, such as pregnant, old-aged and disabled people.
- Lack of a developed network of public transport in the suburbs.
- Legislative limitations and non-compliance with EU national standards.
- Lack of a unified system for organizing public transport (tariffs, routes movement, and integrated traffic schedule).

Passenger Transport and Highways Administration of Almaty working to solve these problems:

In 2017, they subsidized 15 routes. In 2018, they subsidized 7.9 million tenge for 44 routes. These are 35-40 percent of routes. Put the requirement for companies to improve: driving culture, frequency of buses, cleanliness, and so on.

The existing state of public transport motivate to buy their own car. Almaty is one of the fastest growing cities in the world with respect to the growth in the number of own cars. At the moment, over 500,000 private cars fill the city every day. In addition, over 200,000 people come to the city every day from the suburbs, 80 % of them by car or taxi.

Research methodology

The current research applies qualitative method that includes desktop research, secondary data collection & analysis and Strength Weakness Opportunity and Threat (SWOT) Analysis. An investigation of phenomena is conducted by collecting quantitative data and then analysis using computational procedures. In the quantitative studies, data can be collected from existing and potential customers using different methods: online survey; questionnaire sent by email etc. The results of the analysis can be presented as numerical data/tables and figures. After careful understanding and critical thinking of these numbers or graphs, the future of the product or service can be predicted and appropriate changes for the company can be made. The study can be divided into three groups:

1. Cross-sectional studies;
2. Before-and-after studies;
3. Longitudinal studies

More suitable to our research is cross-sectional study. It is useful in obtaining an overall ‘picture’ as it stands at the time of the study. As these studies involve only one contact with the study population, they are comparatively cheap to undertake and easy to analyze.

A cross-sectional study is simple in design. A researcher can decide what he/she wants to find out about, identify the study population, select a sample (if needed) and contact respondents through an appropriate data collection tools. This research was prepared in November 2018 in Almaty city.

Information collected from open sources

The existing urban public transport in Almaty is represented by buses and trolleybuses. Out of 1.45 million daily trips in public transport, buses are over 90 %, while trolleybuses serve slightly more than 5 %. The remaining is provided by Metro (daily serves about 45,000 passengers). Although Metro has higher design capacity of carrying passengers, the limited metro service (in terms of routes and stations) may be one important reason (see figure 3) of not being used at a higher rate [18].

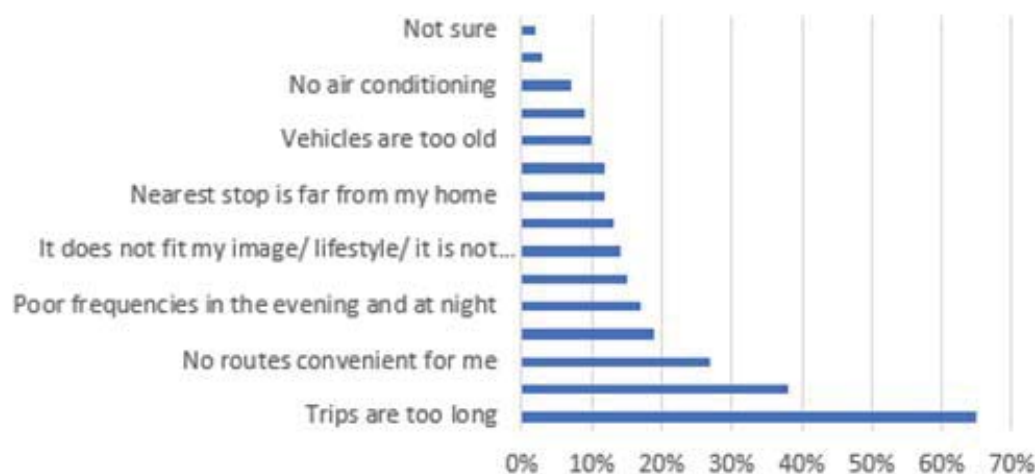

Figure 3 – Reasons for not using public transport

Note – Source: [18]

The annual number of passenger trips exceeds 250 million in Almaty city. The public transportation services are provided by more than 15 large and small operators, who compete incessantly and exercise different approaches to the management of operations, offering rolling stock of varying age, using different types of fuel. The existing practice of maximizing profits hardly facilitates any systematic development of public transport, and the city authorities do not have any substantial levers or influence on the operators.

According to the study of habits of Almaty residents performed in 2016, five main reasons for refusing to travel by public transport are: “trips are too long, crowded buses/trolleybuses, no routes convenient for me, it is dirty onboard, poor frequencies in the evening and at night” [18]. The public transport in Almaty is financed solely by the fares collected from the passengers, and only in 2016 the city administration began to partially subsidize operators for transportation of discounted groups of passengers, and in 2017 – for operating socially significant routes. Other important problems or issues include modernization and technical control of the rolling stock, driver training and enforcement of requirements, adherence to schedule and travel speeds, processing of passenger complaints, not to mention collection of reliable information about the actual amounts of revenues collected. These issues are left to the discretion of the operators.

In addition to urban public transport, there is a growing demand for suburban services, especially from the east (Talgat district) and the west (Kaskelen). In recent years the Akimat of Almaty has started to invest in the public transport sector of the city.

The investments in public transport development have positive dynamics towards an ecological and long-term transport solution; but they may not meet the requirements of the city's economic growth and its development. As a consequence, personal cars are the most dominant mode of transport, covering almost 60 % of all motorized transport trips.

With the current capacity and service level, the public transport cannot meet the growing demand for passenger transportation. Most passengers (over 90 %, according to a survey conducted by [18] using public transport, are unintentional passengers who do not have a different option, but use buses, the exception is the user of the metro.

Data Collection and Analysis

Information collected using questionnaires (see Annex A)

A data collection tool for research method used for gathering data from different groups of respondents to gain information on various topics. Surveys have a variety of resolutions and can be carried out in many ways depending on the methodology chosen and the objectives to be achieved. For the current research, “Google Forms” is used for data collection. The tool is also helpful in analyzing the collected data. Using the Google survey form, we interrogated 21 persons, who live in different districts in Almaty, different ages, genders and wealth.

Figure 4 shows the findings of the data analysis. From the analysis (see figure 4) of collected data through from surveys, we find that most of the respondents use public transport, or alternate with the car. The most popular transport is the bus (16 out of 21 people surveyed). We see that the cost per month for transport is 5 times less than the cost of using road transport. In the future, given the deterioration of the financial situation of the country due to the devaluation of national currency (Tenge), it may have lead people switch to public transport. Since most of the cars in Kazakhstan are foreign-made or foreign brands, all parts and accessories are purchased on foreign markets. Consequently, all prices for parts will increase as the exchange rate increases. Below is a course change from 2010 to 2017.

Chart 1

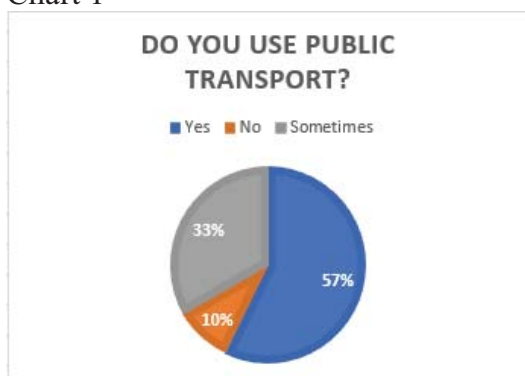

Chart 2

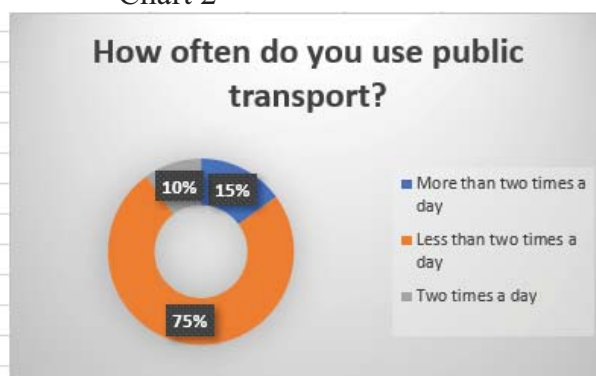

Chart 3

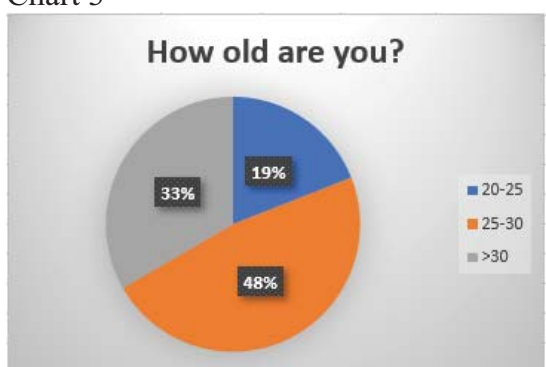

Chart 4

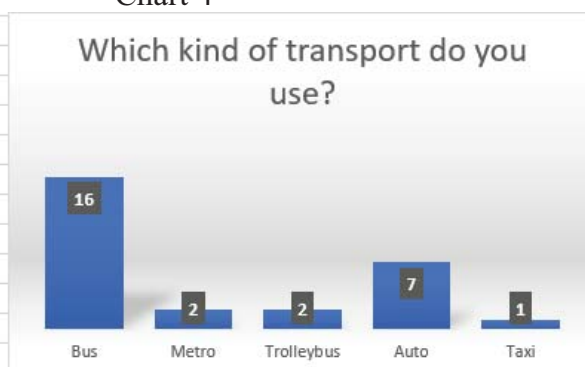

Chart 5

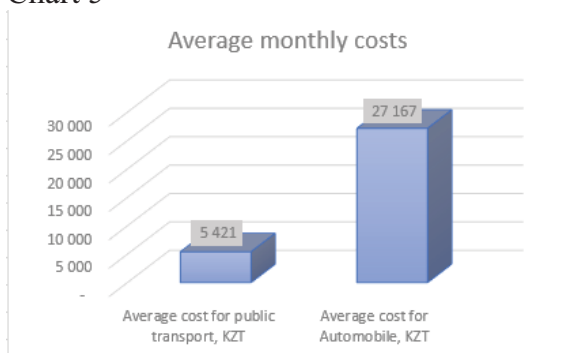

Chart 6

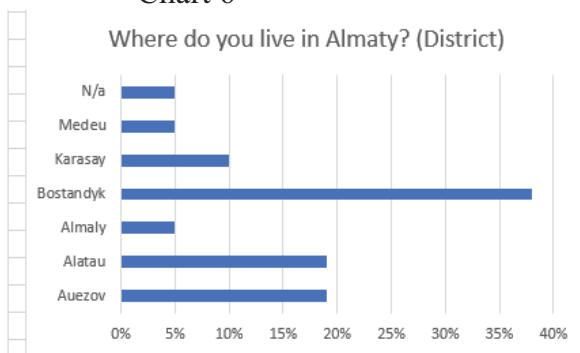

Chart 7

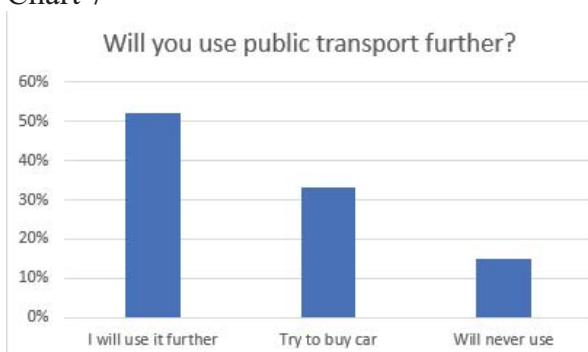

Chart 8

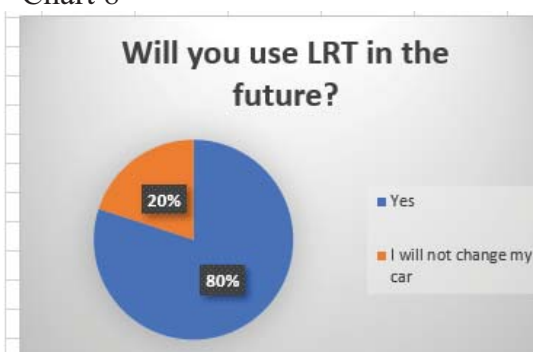

Figure 4 – Charts from the data analysis
Note – compiled by authors on base the results of questionnaire

Necessity of construction of LRT in Almaty

Most bus passengers do not have their own car and use buses despite the poor quality of services. Slightly different findings can be noted here from the study was conducted by [18] that found that up to 30 % of metro passengers used their own car or taxi to get on the subway station. This indicates that residents of Almaty are not tied to their own cars, and can start using other modes of public transport only if they are provided with good services in terms of connectivity, frequency, reliability etc.

With regard to metro and LRT comparison, the optimal solution should be considered separately for each route. Usually the metro is suitable for routes with the daily number of passengers of more than 200,000 people. This does not correspond to most public transport routes in Almaty, with the exception of Abai Avenue, which in the future can attract the large volume of passengers, which can help maintain a large investment in the metro. In addition, the low cost of LRT (usually 20-60 % of the cost of the metro), indicates that the city of Almaty should concentrate on land transport modes. There is limited availability of information related to prices on constructing LRT and metro in developed cities, because prices will vary depend on project, size of the city, land shaft etc. For an understanding we use figure 5 for the comparison of Cost per mile for subway and LRT [20].

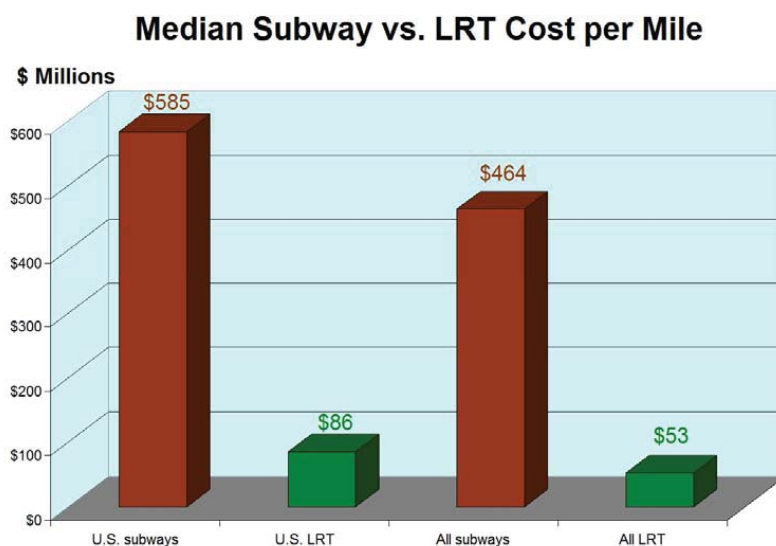

Figure 5– Comparison of Cost per mile for subway and LRT

Note – source [22]

SWOT Analysis on LRT

SWOT (strength, weakness, opportunity and threat) analysis is framework or tool that assesses a company, business, industry, sector, or product what it can and cannot do, for such factors as internal and external. The internal factors refer to its strength and weakness. The external factors refer to that it has an opportunity or potential to achieve in the future and what it will face as threat from outside from other business, company or industry. All together as a framework, we can evaluate a company through the SWOT analysis and determine what assists the firm in completing its aims and objectives and what obstacles it has to overcome or minimize to achieve previously set outcome. In other words, we can safely say that where the company is now and where it can be tomorrow.

Strength Weakness Opportunity and Threat (SWOT) Analysis on LRT

Strengths:

- Fast moving speed
- Low investment amount
- Convenient for the natural and climatic conditions of the city

Weaknesses:

- Not ready infrastructure in the city
- Fixed route which you can't change
- Possible errors in route planning
- Long-term project

Opportunities:

- Government support for reducing emissions and developing urban transport

Threats:

- Change of the general plan of the city of Almaty
- Economic shocks.

RESEARCH RESULTS (CONCLUSIONS)

The current research explored the passenger transport system in Almaty. The current public transport system consists of buses, trolleybuses and metro. The service level of buses and trolleybuses are poor due to many reasons. The service level of metro is good but limited to only few stations. The desktop research suggests that there is a research gap in terms of needs of improved and additional public transport options in Almaty city.

Keeping these facts in mind, qualitative (SWOT) and quantitative methods are applied for this research. Based on the results of our research, we can confidently recommend that LRT is necessary for Almaty city. It will be an appropriate action due to the fact that the construction of LRT will require shorter construction time compared to the extension of current metro. And under our geological conditions, such as location of the city in a zone of nine-point seismicity, LRT is much more suitable than the subway. The construction of the metro in Almaty is complicated due to the complex underground soil and high seismicity in the region. Almaty soil has become a serious obstacle even in the case of using modern technology.

An improvement in public transport condition, its availability and multiple options will mean that people will gradually change their habit of using private vehicles to public transport system. This will help achieving modal shift to environment friendly transport option such as LRT and Almaty will become a city with sustainable transport systems.

REFERENCES

1. Almaty Qalasy [Electronic source] // City Population [web-portal]. – 2018. – URL: <https://www.citypopulation.de/php/kazakhstan-admin.php?adm1id=16>. (accessed: January 10, 2020).
2. Suhorukov, V. Where and at what time there is road congestion in Almaty? [Electronic source] // Kolesa.kz [web-portal]. – 2018. – URL: <https://kolesa.kz/content/articles/gde-i-v-kakoe-vremya-na-dorogah-almaty-samye-probki/> (accessed: January 10, 2020).
3. API (Red – heavy traffic, yellow- middle traffic, green- free road) // Yandex.Map. – 2020.
4. City of Almaty Sustainable Transport // UNDP/GEF. – 2017. – P. 7
5. Marc W. Public Transportation: on the move // New York: Visual Reference Publications, 2005. – P.1–7.
6. Tax rate against Engine capacity [Electronic source] // The Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan Statistics committee [website]. – 2018. – URL: <http://stat.gov.kz/api/getFile/?docId=WC16200032258> (accessed: January 10, 2020).
7. Urban world: Mapping the economic power of cities [Electronic source] // McKinsey Global Institute [website]. – 2011. – URL: https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/featured%20insights/urbanization/urban%20world/mgi_urban_world_mapping_economic_power_of_cities_full_report.ashx (accessed: January 10, 2020).
8. This Is Light Rail Transit, Transportation Research Board, Transportation Research / presented at the 8th Joint Conference on Light Rail Transit November 2000, Dallas, Texas. – 2001.
9. Transport in the European Union Current Trends and Issues [Electronic source] // European Commission Mobility and Transport [website]. – 2018. – URL: <https://ec.europa.eu/transport/sites/transport/files/2018-transport-in-the-eu-current-trends-and-issues.pdf> (accessed: January 10, 2020).

10. TET 2018 - Chapter 4 - Transportation Employment [Electronic source] // US Department of Transport [web-portal]. – 2018. – URL: <https://www.bts.gov/transportation-economic-trends/tet-2018-chapter-4-employment> (accessed: January 10, 2020).
11. Statistical Handbook of Japan [Electronic source] // Ministry of Internal Affairs and Communication, Statistics Bureau, Tokyo [website]. – 2011. – URL: <https://www.stat.go.jp/english/data/handbook/index.html> (accessed: January 10, 2020).
12. Statistical pocketbook 2019 – EU Transport in Figures, European Union [Electronic source] // EU Mobility and Transport. – 2019. – URL: https://ec.europa.eu/transport/facts-fundings/statistics/pocketbook-2019_en (accessed: January 10, 2020).
13. Gwilliam K. Cities on the move. – Washington: World Bank, 2002. – 228 p.
14. Mandri-Perrot C. Private sector participation in LR-LM Transit initiatives. – Washington: The World Bank, 2010. – 324 p.
15. Rail infrastructure, assets and environmental 2015-16 Annual Statistical Release [Electronic source] // UK Office of Rail Regulations [website]. – 2017. – URL: <https://dataportal.orr.gov.uk/media/1116/rail-infrastructure-assets-environmental-2015-16.pdf> (accessed: January 10, 2020).
16. Park E., Sener I. Traffic related air emissions in Houston: Effects of light-rail transit // Science of the Total Environment. – 2018. – Vol. 651. – P.154–161.
17. Garrett T. A. [Electronic source] // The Costs and Benefits of Light Rail. Federal Reserve Bank [website]. – 2004. – URL: <https://www.stlouisfed.org/publications/central-banker/fall-2004/the-costs-and-benefits-of-light-rail> (accessed: February 11, 2020).
18. City of Almaty Sustainable Transport (CAST) [Electronic source] // Paris Process on mobility and climate (PPMC) [website]. – 2016. – URL: <http://www.ppmc-transport.org/city-of-almaty-sustainable-transport-cast-kazakhstan/> (accessed: January 28, 2020).
19. Klayko B Infographic: Light Rail Transit for Dummies [Electronic source] // 2011. – URL: <https://brokensidewalk.com/2011/infographic-light-rail-transit-for-dummies/> (accessed: January 28, 2020).
20. New subway (metro) systems cost nearly 9 times as much as light rail [Electronic source] // Light Rail Now. – 2020. – URL: <https://lightrailnow.wordpress.com/2014/02/13/new-subway-metro-systems-cost-nearly-9-times-as-much-as-light-rail/> (accessed: February 11, 2020).

REFERENCES

1. “Almaty Qalasy” (2018), City Population, available at: <https://www.citypopulation.de/php/kazakhstan-admin.php?admlid=16>. (accessed: January 10, 2020).
2. Suhorukov, V. (2018), “Where ad at what time there is road congestion in Almay?”, Kolesa.kz, available at: <https://kolesa.kz/content/articles/gde-i-v-kakoe-vremya-na-dorogah-almaty-samye-probki/> (accessed: January 10, 2020).
3. Yandex.Map (2020) API (Red – heavy traffic, yellow- middle traffic, green- free road)
4. “City of Almaty Sustainable Transport” (2017), UNDP/GEF, p. 7
5. Marc, W. (2005), “Public Transportation: on the move”, New York: Visual Reference Publications, pp.1–7.
6. “Tax rate against Engine capacity” (2018), The Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan Statistics committee, available at: <http://stat.gov.kz/api/getFile/?docId=WC16200032258> (accessed: January 10, 2020).
7. “Urban world: Mapping the economic power of cities” (2011), McKinsey Global Institute, available at: https://www.mckinsey.com/~media/mckinsey/featured%20insights/urbanization/urban%20world/mgi_urban_world_mapping_economic_power_of_cities_full_report.ashx (accessed: January 10, 2020).
8. “This Is Light Rail Transit, Transportation Research Board, Transportation Research” (2001), presented at the 8th Joint Conference on Light Rail Transit November 2000, Dallas, Texas.
9. “Transport in the European Union Current Trends and Issues” (2018), European Commission Mobility and Transport, available at: <https://ec.europa.eu/transport/sites/transport/files/2018-transport-in-the-eu-current-trends-and-issues.pdf> (accessed: January 10, 2020).

10. “TET 2018 - Chapter 4 - Transportation Employment” (2018), US Department of Transport, available at: <https://www.bts.gov/transportation-economic-trends/tet-2018-chapter-4-employment> (accessed: January 10, 2020).
11. “Statistical Handbook of Japan” (2011), Ministry of Internal Affairs and Communication, Statistics Bureau, Tokyo, available at: <https://www.stat.go.jp/english/data/handbook/index.html> (accessed: January 10, 2020).
12. “Statistical pocketbook 2019 – EU Transport in Figures, European Union” (2019), EU Mobility and Transport, available at: https://ec.europa.eu/transport/facts-fundings/statistics/pocketbook-2019_en (accessed: January 10, 2020).
13. Gwilliam, K. (2002). Cities on the move. Washington: World Bank, 228 p.
14. Mandri-Perrot, C. (2010). Private sector participation in LR-LM Transit initiatives. Washington: The World Bank, 324 p.
15. “Rail infrastructure, assets and environmental 2015-16 Annual Statistical Release” (2017), UK Office of Rail Regulations, available at: <https://dataportal.orr.gov.uk/media/1116/rail-infrastructure-assets-environmental-2015-16.pdf> (accessed: January 10, 2020).
16. Park, E. and Sener, I. (2018), “Traffic related air emissions in Houston: Effects of light-rail transit”, Science of the Total Environment, 651, pp.154–161.
17. Garrett, T. A. (2004), “The Costs and Benefits of Light Rail. Federal Reserve Bank”, available at: <https://www.stlouisfed.org/publications/central-banker/fall-2004/the-costs-and-benefits-of-light-rail> (accessed: February 11, 2020).
18. “City of Almaty Sustainable Transport (CAST)” (2016), Paris Process on mobility and climate (PPMC), available at: <http://www.ppmc-transport.org/city-of-almaty-sustainable-transport-cast-kazakhstan/> (accessed: January 28, 2020).
19. Klayko, B (2011), “Infographic: Light Rail Transit for Dummies”, available at: <https://brokensidewalk.com/2011/infographic-light-rail-transit-for-dummies/> (accessed: January 28, 2020).
20. “New subway (metro) systems cost nearly 9 times as much as light rail” (2020), Light Rail Now, available at: <https://lightrailnow.wordpress.com/2014/02/13/new-subway-metro-systems-cost-nearly-9-times-as-much-as-light-rail/> (accessed: February 11, 2020).

SUMMARY

This study explores the potential of Light Rail Transit (LRT) system in Almaty city. The study applied qualitative research method including SWOT analysis. The study finds that the construction of LRT in Almaty is more cost and time effective than extension of metro and will result in modal shift of passenger transport to more environment friendly transport mode option such as LRT. The city authority needs to convince higher authority (i.e. Ministry) to take action (e.g. for fund allocation) to develop and implement the LRT system in the city.

ТҮЙІНДЕМЕ

Бұл зерттеуде Алматы қаласындағы жеңіл рельсті транспорт (LRT) жүйесінің әлеуеті қарастырылады. Зерттеуде SWOT талдауын қоса зерттеудің сапалық әдісі қолданылды. Зерттеу нәтижесінде Алматыда LRT құрылысы метроны кеңейтуге қарағанда үнемді және уақыт жағынан тиімді, әрі жолаушылар көлігін экологиялық таза көлік режиміне ауыстыруға әсерін тигізетіні анықталды. Қалалық билік жоғары тұрған билікті (яғни, министрлікті) LRT жүйесін қалада дамыту және енгізу үшін шаралар қабылдауға (мысалы, қаражат бөлуге) көндіруі қажет.

РЕЗЮМЕ

В этом исследовании рассматривается потенциал системы легкорельсового транспорта (LRT) в городе Алматы. В исследовании применен качественный метод исследования, включая SWOT-анализ. Исследование показало, что строительство LRT в Алматы является более эффективным с точки зрения затрат и времени, чем расширение метрополитена, и приведет к изменению режима пассажирских перевозок на более безопасный для окружающей среды вид транспорта. Городская власть должна убедить вышестоящую власть (то есть министерство) принять меры (например, для выделения средств), чтобы разработать и внедрить систему LRT в городе.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Деван Мд Захурул Ислам – доктор Ph.D., заместитель декана по программам для выпускников и директор по исследованиям, Бизнес-колледж Банг (BCB), Университет КИМЭП, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: mzidean@gmail.com; mzidewan@kimep.kz

Арман Телибаев – бывший студент МВА, Университет КИМЭП, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: a.telibayev@gmail.com

ANNEX A

Questions in questionnaire

1. How old are you?
2. What is your age?
3. In which district of Almaty do you live?
4. Do you use public Transport?
5. Why don't you use public transport?
6. What do you use public transport for?
7. How often do you use public transportation?
8. Which public transport do you use the most?
9. On average how much do you spend on your travel per month?
10. Your average monthly salary?
11. Will you use public transport further?
12. Will you use LRT in the future?

MPHTI: 06.81.19

JEL Classification: M21

PRODUCTION PROGRAM OPTIMIZATION OF THE BAKERY INDUSTRY ENTERPRISE

R. K. Yelshibayev¹, G. E. Zhunisbekova², S. Bolatkyzy³

^{1,2}Narxoz University, Almaty, Republic of Kazakhstan

³Almaty Technological University, Almaty, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

The purpose of the research. Is to search for promising ways to optimize the production program of the bakery industry enterprises.

Methodology. In the course of writing the paper, the authors used methods of empirical, abstract, systematic and comparative research. Each method is used appropriately for its functionality and resolution capabilities to solve the corresponding types of problems.

Originality / value of research. When conducting the research, the authors used reliable actual statistical data in the form of tabular and illustrative material and diagrams. However, the overall value of the study is as follows:

- the essence of the concept of "production program" is studied and a direct connection with such categories as "production plan", "assortment" and "production rhythm" is established»;
- the list of the main technical and economic indicators of the production program of the bakery industry enterprises is defined;
- the main methods of planning the production program are studied;
- an analysis of the implementation of the production program of the bakery industry, including both internal and external factors that affect its formation;
- an economic assessment of factors affecting the volume of production of bakery products was performed.

Findings. As a result of the research, the authors proposed the following measures:

- optimize the bakery's production program by reducing transportation costs;
- launch the production of semi-finished products as a direction of diversification of bakery activities;
- a project is proposed to create a workshop for the production of pasta.

Keywords: optimization, production program, bakery industry, nomenclature and assortment, production volumes.

НАН ПІСІРУ КӘСПОРНЫНЫҢ ӨНДІРІСТІК БАҒДАРЛАМАСЫН ОҢТАЙЛАНДЫРУ

Р. Қ. Елшібаев¹, Г. Е. Жунисбекова², С. Болатқызы³

^{1,2}Нархоз Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

³Алматы технологиялық университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеудің мақсаты. Нан пісіру кәсіпорнының өндірістік бағдарламасын оңтайландырудың перспективті жолдарын іздеу.

Зерттеудің методологиясы. Зерттеу жүргізу барысында авторлар эмпирикалық, абстрактілік, жүйелік және салыстырмалы зерттеу жүргізу әдістерін пайдаланды. Әдістердің әрқайсысы сәйкес кезеңдік міндеттерді шешу үшін қажетті қабілеттіліктері мен функционалдық мүмкіндіктеріне сәйкес қолданылды.

Зерттеудің құндылығы / бірегейлігі. Авторлар зерттеу жүргізу барысында сенімді, нақты статистикалық мәліметтерді өңдеп, кестелік-бейнелік материал және диаграмма түрінде көрсеткен. Алайда зерттеудің құндылығы келесілермен сипатталады:

- «өндірістік бағдарлама» түсінігінің мәні зерттелді және «өндірістік жоспар», «ассортимент» сияқты категориялармен тікелей байланысы белгіленді;

- нан пісіру кәсіпорындарының өндірістік бағдарламасының негізгі техникалық-экономикалық көрсеткіштерінің тізімі анықталды;

- өндірістік бағдарламаны жоспарлаудың негізгі әдістері зерттелді;

- нан пісіру кәсіпорындарының өндірістік бағдарламасын қалыптастыруға әсер ететін ішкі және сыртқы факторларға, бағдарламаның орындалуына талдау жасалды;

- нан өнімдірі өндірісінің көлеміне ықпал ететін факторларға экономикалық бағалау жүргізілді.

Зерттеу нәтижелері. Зерттеу жүргізу нәтижесінде авторлармен мынадай іс-шаралар ұсынылды:

- көлік шығындарын төмендету жолымен нан пісіру кәсіпорындарының өндірістік бағдарламасын оңтайландыру;

- кәсіпорын қызметін әртараптандыру бағыты ретінде жартылай фабрикат өндірісін іске қосу;

- макарон өнімдерін өндіру бойынша цехты іске қосу жөнінде жоба ұсынылды.

Түйін сөздер: оңтайландыру, өндірістік бағдарлама, нан пісіру өндірісі, номенклатура және ассортимент, өндіріс көлемі.

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПРОГРАММЫ ХЛЕБОПЕКАРНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Р. К. Елшибаев¹, Г. Е. Жунисбекова², С. Болатқызы³

^{1,2}Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан

³Алматинский технологический университет, Алматы, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования. Поиск перспективных путей оптимизации производственной программы хлебопекарного предприятия.

Методология. В ходе написания работы авторы использовали методы эмпирического, абстрактного, системного и сравнительного проведения исследования. Каждый из методов использовался адекватно его функциональным возможностям и разрешающим способностям для решения соответствующих этапных задач.

Оригинальность / ценность исследования. При проведении исследования авторами использовались достоверные фактические статистические данные в виде таблично-иллюстративного материала и диаграмм. Однако, в целом ценность исследования состоит в следующем:

- изучена сущность понятия «производственной программы» и установлена прямая связь с такими категориями, как «производственный план» и «ассортимент»;

- определён перечень основных технико-экономических показателей производственной программы предприятий хлебопекарной промышленности;

- исследованы основные методы планирования производственной программы;

- проведён анализ выполнения производственной программы предприятия хлебопекарной промышленности, который включают как внутренние так и внешние факторы, оказывающие влияние на ее формирование;

- выполнена экономическая оценка факторов, влияющих на объем производства продукции хлебопекарни.

Результаты исследования. В результате исследования авторами предложены следующие мероприятия:

- оптимизировать производственную программу хлебопекарни путем снижения транспортных расходов;
- запустить производство полуфабриката как направление диверсификации деятельности хлебопекарни;
- предложен проект по созданию цеха по производству макаронных изделий.

Ключевые слова: оптимизация, производственная программа, хлебопекарная промышленность, номенклатура и ассортимент, объемы производства.

ВВЕДЕНИЕ

Сегодня многие хлебопекарные предприятия осуществляют свою деятельность под давлением не благоприятного экономического климата. Производственная, сбытовая и финансовая активность предприятий данной отрасли уменьшается со снижением экономического развития потребляющих рынков, поэтому задачи эффективности в использовании экономического потенциала и обеспечение комплексного развития предприятия остаются одними из приоритетных. Решение этих насущных проблем возможно, по мнению авторов за счет максимально полного удовлетворения изменившихся потребностей клиентов и за счет обеспечения соответствия ассортимента продукции современной структуре потребления. Разрабатывая полные продуктовые линии, не концентрируясь только на отдельных продуктах, хлебопекарное производство может выиграть, по крайней мере, по четырем главным направлениям:

- постоянно наращивать свой бизнес;
- оптимально использовать имеющиеся ресурсы;
- закрепить свою позицию на конкурентных рынках;
- в полной мере воспользоваться резервами, скрытыми в жизненном цикле дифференцированной продукции [1, С. 318].

Другими словами, адаптация производственной программы хлебопекарных предприятий к новым экономическим условиям становится наиболее актуальной проблемой в процессе производственного и стратегического планирования.

Значительный вклад в разработку теоретических положений по исходному вопросу внесли работы российских ученых: Сергеев И. В., Бляхман Л. С., Абчук В. А. Решению некоторых практических задач по эффективному формированию производственной программы предприятий посвящены исследования отечественных казахстанских авторов: Закирьянов В. И., Ибрагимов Д., Куатова Д. Я. Значительный научный задел по исследуемому вопросу имеется в работах зарубежных ученых: Г. Грасеца (Guillermo Cruces), Дж. Доси (Giovanni Dosi), Лей Жанга (Lei Zhang) и т.д. Однако в рассмотренных работах недостаточно присутствует современное видение проблемы, формулирование которой является назревшей и актуальной задачей. Такое видение должно исходить из признания приоритета потребительских ожиданий в условиях пандемии и интересов покупателей хлебопекарной продукции.

Существующие на данном этапе методы формирования производственных программ по большей части направлены на оптимизацию использования производственных ресурсов. В них не учитываются факторы изменения структуры потребностей, возможность замены продукции аналогами и различия в объемах потребительского спроса в регионах. Соответственно, можно заключить, что, с одной стороны, наукой и практикой разработано достаточно методов, позволяющих адаптировать производственную программу к всевозможным условиям внешней среды. С другой стороны, в этих методах учитываются только ресурсные факторы, и их применение в конкретной отрасли обусловлено существенной доработкой и определением приоритетных инструментов формирования производственных программ. Перечисленное актуализирует проблему оптимизации производственных программ, которые будут учитывать современные тенденции развития хлебопекарной промышленности.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Производственная программа (план производства и реализации продукции) — это комплексное задание по выпуску и реализации продукции определенного ассортимента и качества в натуральных и

стоимостных показателях, ориентированных на достижение целей организации (предприятия). Заранее утвержденное задание, имеющее своего адресата и обязательное для выполнения в установленные сроки [2, С. 38].

Производственная программа разрабатывается в следующей последовательности:

1. Определяются номенклатура и ассортимент выпускаемой продукции, объем поставок в натуральном выражении согласно заключенным договорам.
2. На основе объема поставок определяется объем производства каждого изделия в натуральном выражении.
3. Объем производства по отдельным видам продукции обосновывается расчетами производственных мощностей.
4. Исходя из натуральных объемов производства и поставок рассчитываются стоимостные показатели: товарная, реализованная; валовая и чистая продукция.
5. Составляется график отгрузки продукции в соответствии со сроками договоров.
6. Производственная программа распределяется по основным подразделениям предприятия.

План производства и реализации продукции составляется в натуральном и стоимостном выражении. Задания в натуральном выражении устанавливаются в различных единицах измерения. Например, выпечка хлебобулочных изделий – в килограммах; выпуск станков – в штуках, заготовка леса – в м³. В ряде случаев объем производства определяется в единицах трудоемкости (нормо-часы) [3, С. 47].

Производственная программа служит базой для разработки следующих планов:

- 1) материально-технического снабжения;
- 2) численности персонала и оплаты труда;
- 3) инвестиций;
- 4) финансового план [4, С. 1660].

Производственная программа состоит из 3 (трех) разделов:

Исходными данными при разработке производственной программы являются:

- уставные виды деятельности предприятия по производству и реализации продукции (работ, услуг);
- результаты фактического выполнения производственной программы за предыдущие периоды;
- данные по спросу на продукцию предприятия;
- сведения о рекламациях, замечаниях по качеству продукции за предыдущий период;
- сведения о долях продукции в общем объеме ее выпуска за предыдущий период по уровням качества;
- сведения об объеме реализации продукции за предыдущий период по его периодам (месяцам, кварталам);
- расчеты производственной мощности предприятия;
- прогрессивные технико-экономические нормы и нормативы;
- решения высших органов управления предприятия о стратегических перспективах его развития

[5, С. 72].

Выполнение плана рассчитывается по следующей формуле:

$$K_p = \sum A_{zi} / \sum A_{pi} \quad (1)$$

где: K_p – коэффициент ритмичности;

A_{zi} – фактический выпуск продукции, зачтенный в выполнение плана;

A_{pi} – плановый выпуск продукции за i -й период в натуральном или стоимостном выражении [6, С. 41].

Объектом исследования является процесс формирования производственной программы хлебопекарной предприятия «Ажар».

Хлебопекарня «Ажар» осуществляет выпуск хлеба, хлебобулочных и кондитерских изделий. Номенклатура готовой продукции предприятия следующая:

1. Хлебобулочные изделия: хлеб гражданский формовой, батоны, хлеб ржаной, лепешки и пряники.
2. Кондитерские изделия: печенье сдобное, печенье овсяное и прочие.

3. Прочие хлебобулочные изделия: калачи, булочки, баранки, кренделя, ватрушки, заварные и т.д.
4. Сухари (пшеничные, ржаные с изюмом и т.д.).
5. Мука разных сортов (высшего первого и второго) [7; 8].

Таблица 1 – Выполнение плана по ассортименту продукции в 2019 г.

Продукция	количество продукции, кг.				выполнение плана, %
	план	факт	в том числе		
			в пределах плана	сверх плана	
Хлебобулочные изделия	188 746	195 775	187 548	8 234	103,7
1. Хлеб гражданский формовой	138 460	146 643	138 460	8 183	105,9
2. Батоны	4 120	3 860	3 860	0	93,7
3. Хлеб ржаной	26 540	25 915	25 915	0	97,6
4. Лепешки	13 120	12 900	12 900	0	98,3
5. Пряники	4 900	4 800	4 800	0	98,0
6. Кондитерские изделия, в т.ч:	1 392	1 403	1 392	11	100,8
печенье сдобное	637	715	637	78	112,2
печенье овсяное	522	541	522	19	103,6
прочие кондитерские изделия	233	147	147	0	63,1
7. Прочие хлебобулочные изделия	30	50	30	20	166,7
8. Тандыр нан	602	709	602	107	118,0
ИТОГО хлебобулочные изделия в % к плану	100	103,7	99,4	4,3	-
Ассортимент сухарей	39 980	40 521	39 746	775	101,4
1. Пшеничные	3 140	3 012	3 012	0	95,9
2. Ванильные	35 640	36 415	35 640	775	102,1
3. Ржаные с изюмом	1 200	1 094	1 094	0	91,2
ИТОГО ассортимент муки в % к плану	100	103,3	99,3	4	-
Примечание – составлена авторами на основе источника [10]					

В целом, динамика показателей хлебопекарни «Ажар» свидетельствует о том, что предприятие развивается и укрепляет свою материально-техническую базу. Однако, на объем производства, а, следовательно, и на выполнение его программы, воздействуют различные экономические категории, такие как ассортимент продукции, издержки производства, ритмичность производства и прочие, анализ которых даст информационную базу для проведения исследования [9, С. 114].

Анализ данных таблицы 1 показывает, что в 2019 г. на предприятии было выработано 8 (восемь) видов хлебобулочных изделий, из которых по 4 (четырем) план был перевыполнен. Так, выпуск гражданского хлеба превысил плановое задание на 8 183 кг. или на 5,9 %.

Выпуск кондитерских изделий увеличился незначительно: только на 11 кг. или на 0,8 %. Это объясняется удорожанием цен на данный вид продукции на рынке. Перевыполнение плана получено за счет выпуска сдобного и овсяного печенья. Выпуск прочих кондитерских изделий был ниже планового уровня на 86 кг.

Ввиду ограниченности необходимого сырья (ржаной муки, маргарина и прочих) против плана снизился выпуск батонов (на 6,3 %), ржаного хлеба (на 2,4 %), лепешек (на 1,7 %) и пряников (на 2,0 %).

Выпуск Тандыр нана в рассматриваемый период увеличился на 18 %, или 38 кг. Таким образом, за счет всех изменений выпуск хлебобулочных изделий разнообразного ассортимента на предприятии увеличился в 2019 году по отчету против плана на 8 234 кг. или на 3,7 %. При этом в пределах плана было выработано 99,4 % всех хлебобулочных изделий, а сверх плана 4,3 %.

Сухарей различного ассортимента по отчету было выработано 40 521 кг., а по плану предусматривалось выпустить 39 980 кг., т.е. план перевыполнен на 775 кг. или на 1,4 %. Это получено главным образом за счет перевыполнения плана по выработке хлебопекарной муки первого сорта. План по ней

выполнен на 102,1 %, т.е. перевыполнение составило 2,1 % или 775 кг. По выпуску пшеничных сухарей и ржаных сухарей с изюмом в рассматриваемом периоде план недовыполнен на 4,1 % и 8,8 %, соответственно.

Судя по рисунку 1 наибольший процент перевыполнения предприятием плановых показателей в 2019 году достигнут по сухарям (18 %). Далее следует печенье сдобное с показателем 112,2 % (процент перевыполнения равен 12,2). За ним Хлеб гражданский формовой со 105,9 %, перевыполнение составляет 5,9 %. Процент перевыполнения плановых показателей по овсяному печенью в 2019 году составил 3,6 %, а по ванильным сухарям – 2,1 %. В целом показатели рисунка подтверждают наличие перевыполнения планового задания по ассортиментным группам, перечисленным выше. При этом одновременно не выполнен план по батонам, ржаному хлебу, лепешкам и пряникам. Это отрицательно отразилось на выполнении плана в ассортименте: недовыполнение составило 1 439 кг. или 0,7 %.

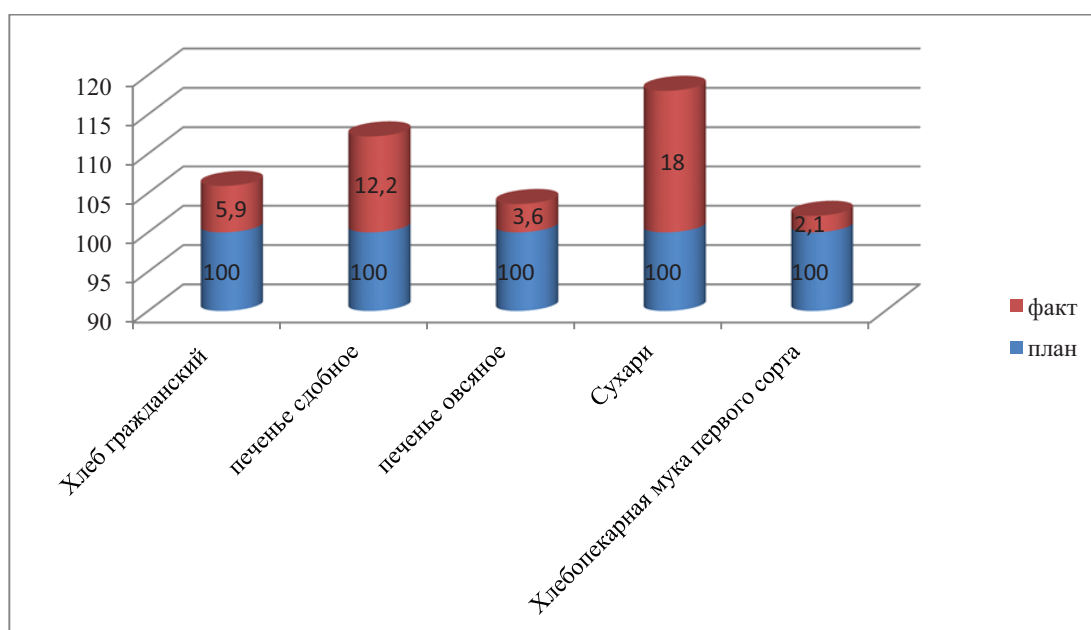

Рисунок 1 – Выполнение плана по ассортименту продукции в 2019 г.

Примечание – составлен авторами по данным таблицы 1 [10, С. 7]

Анализ выполнения хлебопекарней «Ажар» производственной программы и реализации продукции показал, что на предприятии вырабатывается разнообразная продукция, ее выпуск увеличивается, но не всегда выполняется план по ассортименту. Это в первую очередь связано с условиями рынка сбыта и наличием производственных мощностей. Увеличение выпуска продукции в последние в 2018 и 2019 гг. произошло за счет увеличения среднегодовой стоимости основных фондов, материальных затрат и роста производительности труда. Основная причина невыполнения плана по ассортименту заключается в наличии простоев мощностей по той или иной причине. Следовательно, на предприятии имеются резервы для обеспечения выполнения плана по ассортименту, это:

- прием сырья (ржаной муки, маргарина, яиц и т.д.) от сторонних организаций;
- сокращение простоев за счет лучшей организации поставок и материально-технического снабжения;
- повышение уровня механизации труда, сокращение доли ручных работ;
- внедрение новой технологии.

На объем производства, а, следовательно, и на выполнение программы воздействуют различные факторы. Их воздействие может быть как положительным, так и отрицательным. Факторы, воздейст-

вующие на объем производства, подразделяются на три основные группы: труд, средства труда, предметы труда. В каждую из этих групп входят факторы, действие которых взаимообусловлено (таблица 2) [11, С. 1629].

Таблица 2 – Факторы влияющие на объем производства предприятия

Показатели	2018	2019	Отклонение по строке	2019 г. в % к 2018 г.
Товарная продукция (тыс. тг.)	672 200	804 970	+132 770	116,8
Численность ППП (чел.)	17	17	0	100
Производительность труда (тыс. тг.)	16 371,6	16 654,2	+282,6	102
Среднегодовая стоимость основных фондов (тыс. тг.)	1 033 348	2 014 215	+980 867	194,9
Фондоотдача (тг.)	0,65	0,4	-0,25	61,5
Материальные затраты, (тыс. тг.)	201 470	362 842	+161 372	180,1
Материальная отдача (тг.)	3,34	2,22	-1,12	66,7
Примечание – составлена авторами на основе источника [12]				

Анализ приведенных данных показывает, что товарная продукция предприятия в 2019 г. увеличилась против 2018 г. на 132 770 тыс. тг. или на 19,8 %. Это произошло под влиянием разных факторов. Численность рабочих за рассматриваемый период осталась на прежнем уровне (17 человек), а производительность труда увеличилась на 282,6 тыс. тг., или на 2 %.

В результате переоценки основные промышленно-производственные фонды увеличились на 980 867 тыс. тг. Частично это объясняется так же приобретением 2 (двух) двойных ротационных электропечей Revent 723, немецкого производства. Данные таблицы свидетельствуют, что прирост основных фондов произошел на 94,9 %, т.е. почти вдвое. За указанный период фондоотдача снизилась с 0,65 в 2018 г. до 0,4 тг. в 2019 г. на 0,25 тг. или 48,5 %.

В то же время материальные затраты на товарную продукцию увеличились на 161 372 тыс. тг. или на 80,1 %. Здесь оказал влияние социальный фактор. В результате девальвации в Казахстане цены на материалы, сырье и пр. материальные ценности существенно увеличились. Некоторое влияние оказало увеличение выпуска продукции в натуральном измерении [13, С. 89].

В рассматриваемый период материальная отдача снижается с 3,34 тг. до 2,22 тг., т.е. снижение составило 1,12 тг. или 33,3 %. Это говорит о том, что на 1 тенге материальных затрат выпуск продукции снижается, что является отрицательным фактором в работе предприятия.

В целом, рисунок 2 показывает увеличение значений факторов, влияющих на объем производства предприятия. В частности, товарная продукция в 2019 году была увеличена по отношению к показателю 2018 года на 132 770 тыс. тг. или на 16,8 %.

Производительность труда на предприятии в 2019 году была увеличена на 282,6 тыс. тг. или на 2 %.

Наибольшее увеличение в 2019 году демонстрирует среднегодовая стоимость основных фондов. Изменение составляет +980 867 тыс. тг., что в процентном отношении равно 94,9 %.

Материальные затраты предприятия в 2019 году также увеличились на 161 372 тыс. тг. или 80,1 %.

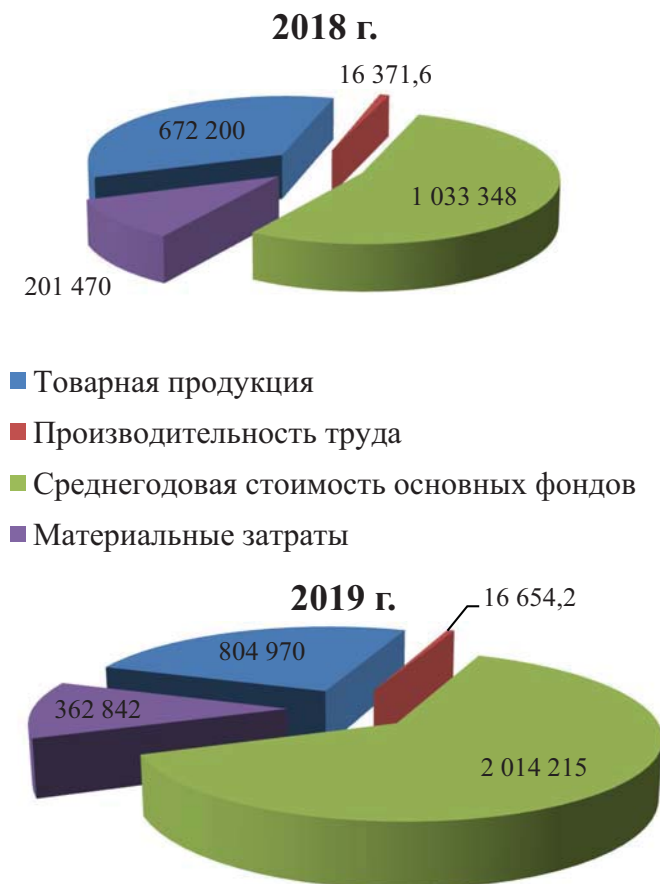

Рисунок 2 – Факторы влияющие на объем производства предприятия
Примечание – составлен авторами по данным таблицы 2 [12, С. 52]

Базируясь на данных таблицы 2 произведем расчеты влияния разных факторов на изменение объема производимой продукции.

Результаты оценки факторов, влияющих на объем производства продукции хлебопекарни показывают, что в 2019 г. на хлебопекарне «Ажар» увеличение выпуска продукции связано с увеличением следующих факторов, влияющих на объем производства:

- производительности труда на предприятии;
- материальных затрат предприятия;
- производственных мощностей хлебопекарни.

Сложившаяся ситуация на предприятии и непростые современные условия рынка предполагают оптимизацию производственной программы хлебопекарни и повышения ее доходности в нескольких стратегических направлениях.

1. Оптимизация производственной программы хлебопекарни путем снижения транспортных расходов.

Если ставить задачу оптимизации производственной программы хлебопекарни «Ажар» путем замены устаревших транспортных средств новыми, что приведет к снижению себестоимости продукции, не влияя на ее качество, а также внешний вид нового транспорта сыграет значительную «рекламную» роль, поддерживая торговую марку хлебопекарни.

На рассматриваемой хлебопекарне используются 2 (два) автомобиля, однако, в настоящее время имеется необходимость замены списанного транспорта на новые и с более экономичным расходом топлива.

В настоящее время в Казахстане, стала популярна установка на автомобили газобаллонного оборудования (ГБО), работающего на более дешевом виде топлива пропан-бутане (Таблица 3). Преимущества такого оборудования:

- цена топлива: 1 литр сжиженного газа стоит всего 70 тг. против 152 тг. бензина марки АИ-92,
- физические свойства: высокое октановое число (102), что исключает детонацию в любом режиме нагрузки при работе двигателя транспортного средства.

Автомобили с установкой газового оборудования могут эксплуатироваться как на бензине так и на газе. Переключение с газа на бензин можно производить прямо из салона машины. Также, благодаря установке ГБО, в 2 (два) раза увеличивается пробег автомобиля на одной заправке газом и бензином.

Кроме явной экономии, еще одним аргументом в пользу газобаллонного оборудования является наименьшая амортизация, ведь при правильной эксплуатации установленного ГБО и его своевременном ремонте, межремонтный период до замены резинотехнических изделий составит более 2 лет.

Таблица 3 – Затраты предприятия на горюче-смазочные материалы (ГСМ)

	Вид топлива	Расход топлива в год, литр.	Цена за литр, тг.	Итого в год, тг.
До	Бензин АИ-92	16 146	152	2 454 192
После	Газ	9 688	70	678 160

Примечание – составлена авторами на основе источника [14].

Расход бензина А-92 на два автомобиля составляет 16 146 литров в год.

Стоимость 1 литра бензина = 152 тг.

Коэффициент расхода сжиженного газа равен 0.6 от расход бензина А-92, что составляет 9 688 литров.

Стоимость 1 литра газа на данный момент составляет 70 тг.

Исходя из этих данных, рассчитаем расход топлива за год:

расход бензина А-92, в год. = 2 454 192 тг.

расход газа, в год = 678 160 тг.

Экономия топлива в год, составляет $2\,454\,192 - 678\,160 = 1\,776\,032$ тг. (Рисунок 3).

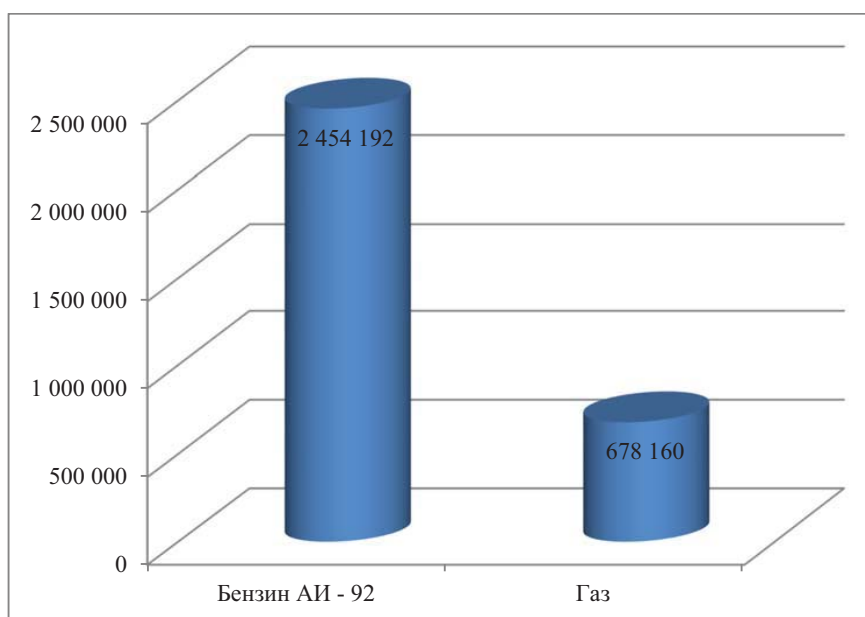

Рисунок 3 – Затраты предприятия на ГСМ

Примечание – составлен авторами на основе таблицы 3 [14, С. 7].

Судя по данным рисунка затраты на газ в 3,5 раза меньше затрат, понесенных предприятием на бензин в 2019 году. В процентном отношении экономия составит 350 %.

2. Производство полуфабриката как направление диверсификации деятельности хлебопекарни

Для благополучного функционирования на рынке и укрепления своей конкурентоспособности предприятию необходимо регулярно вести работу по обновлению ассортимента. Но какое бы большое значение ни имело внедрение свежей продукции для долгосрочного развития предприятия, оно остаётся крайне рискованным делом. Зарубежные экономисты подсчитали, что в среднем удельный вес неуспешных новаций колеблется между 52 и 89 % [15, С. 146].

При выводе новинки на рынок происходят следующие изменения:

- с введением новинки общий объем продаж возрастает;
- объем продаж новой продукции быстро возрастает и не снижается в течение продолжительного времени;
- с введением новинки возрастает общая рентабельность предприятия [16, С. 136].

На основе имеющегося производственного оборудования хлебопекарня «Ажар» имеет возможность расширить ассортимент производством замороженного теста для пиццы и прочей продукцией пользующейся у горожан спросом.

В силу воздействия различных факторов, реальный выпуск в ходе реализации производственной программы, будет отличаться от планового (таблица 4), ведь на этапе планирования не учесть влияние всех факторов, поэтому при расчетах авторы пользуются значением только планового объема выпуска продукции.

Таблица 4 – Плановый объем выпуска по годам

Год	2020	2021	2022	2023	2024
Объемы выпуска, кг.	0	36 000	36 000	36 000	36 000
Примечание – составлена авторами на основе источника [10].					

Для производства полуфабриката, а именно замороженного теста для пиццы не требуется дополнительный набор персонала. Чтобы рассчитать себестоимость готового продукта необходимо определить все затраты в процессе производства. Хлебопекарня «Ажар» будет затрачиваться на приобретение сырья и материалов, выплату, оплату израсходованной электроэнергии, а также нести косвенные затраты, связанные с организацией и осуществлением реализации продукции.

Расчет составляющих себестоимости продукции представлен в таблице 5. Затраты рассчитываются без учета инфляции и их уровень считается постоянным на весь период осуществления проекта.

В таблице ниже приводится расход сырья на единицу изделия (1 кг).

Таблица 5 – Расход сырья на единицу изделия (1 кг.)

Сырье и материалы	Цена за кг., тг.	Расход, гр.	Расход, тг.
Мука	80	860	68,8
Дрожжи	160	6	14,4
Масло растительное	310	9	27,9
Соль	35	9	3,2
Сахар	140	12	16,8
Упаковка			1,5
ИТОГО себестоимость (кг)			132,6
Примечание – составлена авторами на основе источника [10]			

Судя по данным таблицы расход сырья на единицу изделия (1 кг.) равен 132,6 тг. по текущим рыночным ценам.

3. Создание на базе хлебопекарни цеха по производству макаронных изделий.

Все отрасли промышленности обладают определенным производственно-техническим единством. Такая система представляет собой комплекс предприятий, сходных по назначению выпускаемой продукции, используемому сырью, технике и технологии производства, профессиональному составу кадров и условиям работы. Хлебобулочная отрасль входит в состав пищевой промышленности Казахстана [17, С. 117].

Пшеничная мука является основным сырьем для производства хлеба и макаронных изделий. Наряду с мясом животных макароны и хлеб являются традиционными продуктами потребления основной массы населения города и страны. Устойчивый спрос на эту продукцию во многом объясняется уровнем платежеспособности населения. Поэтому на базе хлебопекарни «Ажар» планируется создание цеха по производству макаронных изделий в ассортименте, пользующемся повышенным спросом в регионе.

На предприятии имеются все необходимые помещения и коммуникации для реализации проекта: электроэнергия, вода и прочее. В финансовом положении предприятия наблюдается заметное улучшение (Таблица 6).

Таблица 6 – Ожидаемые результаты от внедрения проекта

№	Показатели	До проекта, тыс. тг.	После проекта	Изменение
1.	Выручка от реализации товаров, работ, услуг (без акцизов и аналогичных обязательных платежей)	6 261,8	9 589,3	+3 327,5
2.	Себестоимость проданных товаров, продукции, работ, услуг	4 560,6	7 282,9	+2 722,3
3.	Чистая прибыль	1 476,6	2 306,4	+829,8
4.	Рентабельность всей реализованной продукции	27,1	29,8	+2,2
Примечание – составлена авторами на основе источника [12].				

На хлебопекарне «Ажар» отмечается низкая текучесть кадров. Трудовые ресурсы предприятия характеризуются наличием квалифицированного персонала [18, С. 3–4].

Рост текущего спроса на товар обусловлен как дефицитными ожиданиями потребителей в условиях пандемии, так и сравнительно высоким ростом цен на альтернативные товары. Сырье и готовая продукция имеют довольно длительные сроки хранения. Это позволяет повысить маневренность предприятия на рынке сбыта.

Для обеспечения устойчивости в работе предприятия необходимо, чтобы оно осуществляло стратегию роста. Поэтому, в качестве одного из перспективных направлений развития, авторами был рассмотрен проект создания цеха макаронных изделий и вермишели. Данные продукты покупает подавляющее большинство населения, независимо от пола, возраста и социального обеспечения.

Также приближение производства к месту продажи дает значительные конкурентные преимущества в качестве.

Во-первых, налаживание идентичного вида производства не требует высокой квалификации специалистов. Обучение персонала производится быстро, что позволяет легко решить проблему с наймом работников. Кроме того, монтаж оборудования также осуществляется за довольно короткий период – до 25 (двадцати пяти) календарных дней.

Во-вторых, продукция пользуется хорошим спросом.

В силу относительно малых объемов производства, у цеха есть возможность регулярно изучать спрос на свою продукцию, производя опрос населения и работников магазинов. В результате этого выявляется предпочтение потребителями тех или иных видов изделий, что опять же увеличивает привлекательность цеха.

Данные таблицы 6 показывают, что после внедрения на предприятии предлагаемого авторами проекта рентабельность производства возрастает на 2,2 %, в свою очередь выручка от реализации уве-

личится на 3 327 500 тг. Внедрение в производство новых видов продукции, даст не только дополнительную прибыль для дальнейшей успешной деятельности, но и повысит конкурентоспособность продукции хлебопекарни «Ажар» (Рисунок 4).

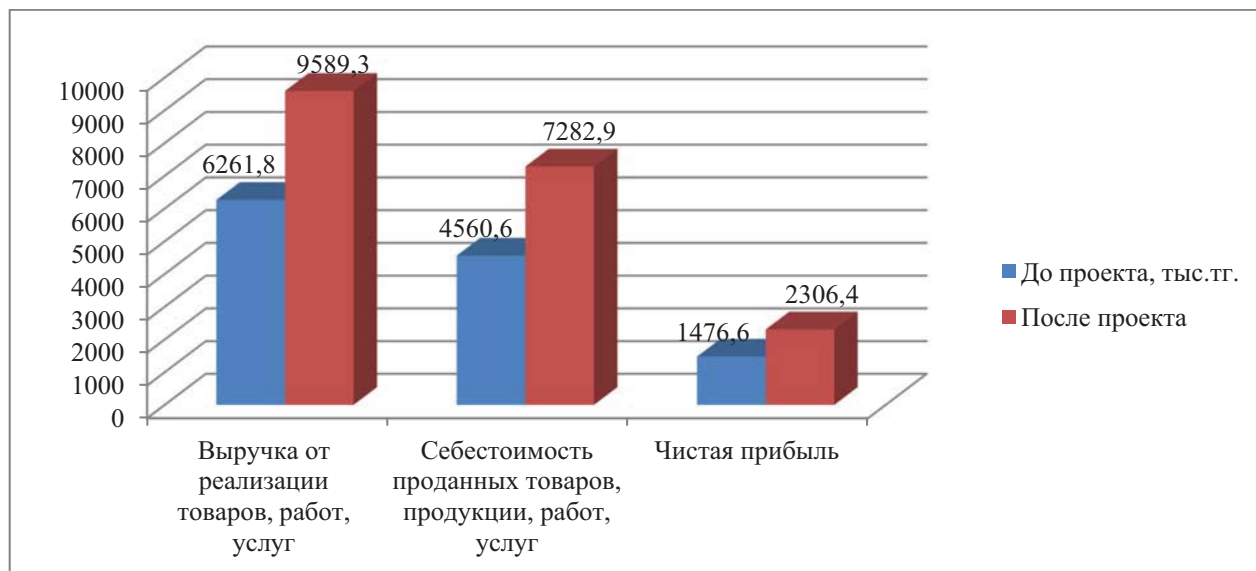

Рисунок 4 – Ожидаемые результаты от внедрения проекта

Примечание – составлен авторами на основе источника [12].

Рисунок 4 показывает общий рост показателей хлебопекарни, в частности:

- выручка от реализации продукции после внедрения проекта возрастет на 53,1 %;
- себестоимость проданной продукции после внедрения проекта возрастет на 59 %;
- чистая прибыль предприятия после внедрения проекта возрастет на 56,2 %.

Вышеприведенные расчеты показывают, что производство макаронных изделий должно быть прибыльным. Хлебопекарня не только сохранит безубыточный график работы, но даже увеличит свою прибыль. А это, соответственно, даст возможность увеличить средства в развитие и расширение производства, внедрить более экономичные и производительные технологии, повысить качество продукции и расширить ее ассортимент.

В целом, исследованные авторами пути оптимизации производственной программы хлебопекарни на примере внедрения нового вида продукции, снижения транспортных расходов и создания цеха по производству макаронных изделий позволят предприятию значительно укрепить свои конкурентные позиции на рынке и выйти на новый уровень доходности.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ (ВЫВОДЫ)

Применение в данном исследовании эмпирически-теоретических методов позволило более детально изучить сущность понятия «производственная программа» и установить его прямую связь с такими категориями, как «производственный план» и «ассортимент», а также разработать перспективные пути оптимизации производственной программы хлебопекарной предприятия.

При освещении теоретических основ исследования применялся метод сбора информации и, частично, метод абстрагирования для эффективного поиска, группировки, обработки и обобщения необходимого материала.

Изучив сущность, порядок разработки и основные технико-экономические показатели производственной программы, автор перешел к применению системного и сравнительного методов проведения исследования, в ходе которых был дан анализ производственной программы хлебопекарной предпри-

ятия «Ажар». Выявлены основные проблемы, которые ввиду «коммерческой чувствительности» интересов частных сторон были отражены в статье в неполном формате. Однако, в целом, анализ объективен и правдив, и имеет практическую значимость для предприятий хлебопекарной промышленности региона.

В заключении, применение метода индукции позволило сформулировать основные выводы исследования. При этом, методом абстрагирования удалось исключить несущественные характеристики объекта исследования и, тем самым сосредоточиться на его наиболее ключевых характеристиках, к числу которых относится относительно диверсифицированный подход к выработке продукции и увеличение объемов ее выпуска.

Между тем, на предприятии не всегда выполняется план по ассортименту. Это в первую очередь связано с условиями рынка сбыта и наличием производственных мощностей. Увеличение выпуска продукции в 2018 и 2019 гг. произошло за счет увеличения среднегодовой стоимости основных фондов, материальных затрат и роста производительности труда. Первые два фактора являются экстенсивными. Положительным является только рост производительности труда. Исходя из этого автором предлагаются следующие стратегические направления оптимизации производственной программы хлебопекарни и повышения ее доходности:

1. Оптимизация производственной программы хлебопекарни путем снижения транспортных расходов.
2. Производство полуфабриката как направление дальнейшей диверсификации деятельности хлебопекарни.
3. Создание на базе хлебопекарни цеха по производству макаронных изделий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bennett E., Wooders M. Income distribution and firm formation // Original Research Article Journal of Comparative Economics. – 2009. – Vol. 3. – Issue 3. – P. 317.
2. Сергеев И. В. Экономика предприятия // учеб. пособие. – М.: Финансы и статистика, 2015. – 304 с.
3. Бляхман Л. С. Экономика фирмы // учеб. пособие. – СПб.: Изд-во Михайлова В.А. – 2014. – 279 с.
4. Patriarca F., Vona F. Structural change and income distribution: An inverted-U relationship // Original Research Article Journal of Economic Dynamics and Control. – 2013. – Vol. 37. – Issue 8. – P. 1658.
5. Ворст Й., Ревентлоу П. Экономика фирмы: Учеб./ Пер. с дат. – М.: Высш. шк., 2018. – 273 с.
6. Абрютин М. С. Анализ финансово-экономической деятельности предприятия. – Москва: Дело и сервис, 2013. – 271 с.
7. Устав предприятия «Ажар». Утвержден Приказом директора. Талдыкорган, 2010 г.
8. Ассортимент выпускаемой продукции // Управленческая отчетность предприятия «Ажар» за 2019 г. – 67 с.
9. Cruces G., Perez-Truglia R., Tetaz M. Biased perceptions of income distribution and preferences for redistribution: Evidence from a survey experiment // Original Research Article Journal of Public Economics. – 2013. – Vol. 98. – P. 112.
10. Выполнение плана по ассортименту продукции // Управленческая отчетность предприятия «Ажар» за 2019 г. – 67 с.
11. Dosi G., Fagiolo G., Napoletano M., Roventini A. Income distribution, credit and fiscal policies in an agent-based Keynesian model // Original Research Article Journal of Economic Dynamics and Control. – 2013. – Vol. 37. – Issue 8. – P. 1625. //
12. Бухгалтерская отчетность предприятия «Ажар» за 2018-2019 гг. – 78 с.
13. Закирьянов В. И. Как заставить говорить о вашем деле: 101 простой и недорогой способ продвинуть свой бизнес. – Вестник КазНУ им. Аль-Фараби (серия Экономическая). – 2019. – № 4. – С. 81–93.
14. Чеки по ГСМ // Регистр бухгалтерского учета предприятия «Ажар» – 38 с.
15. Zhang L. Political economy of income distribution dynamics // Original Research Article Journal of Development Economics. – 2008. – Vol. 87. – Issue 1. – P. 139.

16. Абчук В. А. Курс предпринимательства: Электрон. текстовые дан. – СПб.: Альфа, 2013. – 544 с.
17. Ибрагимов Д. Экономика предприятия АПК: учебник для академического бакалавриата. – Караганда, 2017. – 413 с.
18. Штатное расписание предприятия «Ажар» за 2018, 2019 гг. – 11 с.

REFERENCES

1. Bennett, E. and Wooders, M. (2009), "Income distribution and firm formation", Original Research Article Journal of Comparative Economics, Vol. 3, Issue 3, P. 317.
2. Sergeev, I. V. (2015), "Jekonomika predprijatija", Finansy i statistika, Moscow, 304 p. (In Russian).
3. Bljahman, L. S. (2014), "Jekonomika firmy", Izd-vo Mihajlova V.A., Saint Peterborough, 279 p. (In Russian).
4. Patriarca, F. and Vona, F. (2013), "Structural change and income distribution: An inverted-U relationship", Original Research Article Journal of Economic Dynamics and Control, Vol. 37, Issue 8, p. 1658.
5. Vorst, J. and Reventlou, P. (2018), "Jekonomika firmy", transl. from Danish, Vysshaya shkola, Moscow, 273 p. (In Russian).
6. Abrjutina, M. S. (2013), "Analiz finansovo-jekonomicheskoy dejatel'nosti predprinjatija", Delo i servis, Moscow, 271 p. (In Russian).
7. "Ustav predprijatija «Azhar»" (2010), Utverzhden Prikazom direktora, Taldykorgan (In Russian).
8. "Assortiment vypuskaemoj produkcii" (2019), Upravlencheskaja otchetnost' predprijatija «Azhar» za 2019 g., 67 p. (In Russian).
9. Cruces, G., Perez-Truglia, R. and Tetaz, M. (2013), "Biased perceptions of income distribution and preferences for redistribution: Evidence from a survey experiment", Original Research Article Journal of Public Economics, Vol. 98, p. 112.
10. "Vypolnenie plana po assortimentu produkcii" (2019), Upravlencheskaja otchetnost' predprijatija «Azhar» za 2019 g., 67 p. (In Russian).
11. Dosi, G., Fagiolo, G., Napoletano, M. and Roventini, A. (2013), "Income distribution, credit and fiscal policies in an agent-based Keynesian model", Original Research Article Journal of Economic Dynamics and Control, Vol. 37, Issue 8, P. 1625.
12. "Buhgalterskaja otchetnost' predprijatija «Azhar» za 2018-2019 gg", 78 p. (In Russian).
13. Zakirjanov, V. I. (2019), "Kak zastavit' govorit' o vashem dele: 101 prostoj i nedorogoj sposob prodvinut' svoj biznes", Vestnik KazNU im. Al'-Farabi (serija Jekonomicheskaja), No. 4, pp. 81–93 (In Russian).
14. "Cheki po GSM", Registr buhgalterskogo ucheta predprijatija «Azhar», 38 p. (In Russian).
15. Zhang, L. (2008), "Political economy of income distribution dynamics", Original Research Article Journal of Development Economics, Vol. 87, Issue 1, P. 139.
16. Abchuk, V. A. (2013), "Kurs predprinimatel'stva: Jelektron. tekstovye dan.", Al'fa, Saint-Peterborough, 544 p.
17. Ibragimov, D. (2017), "Jekonomika predprijatija APK: uchebnik dlja akademicheskogo bakalavriata", Karaganda, 413 p.
18. "Shtatnoe raspisanie predprijatija «Azhar» za 2018, 2019 gg.", 11 p. (In Russian).

SUMMARY

The article considers the essence of the concept of "production program" and establishes its direct connection with such categories as "production plan" and "assortment". The author analyzes the production program of the "Azhar" bakery industry enterprise, gives technical and economic characteristics of the bakery, identifies the main problems of its functioning, and develops and economically justifies measures to optimize the bakery production program.

ТҮЙІНДЕМЕ

Мақалада «өндірістік бағдарлама» түсінігінің мәні қарастырылған және оның «өндірістік бағдарлама», «ассортимент» сияқты категориялармен тікелей байланысы белгіленген. Авторлар «Ажар» нан пісіру кәсіпорнының өндірістік бағдарламасына талдау жасаған, нан пісіру өндірісінің техникалық-экономикалық сипаттамасы берілген, оның қызметінің негізгі проблемалары айқындалған, өндірістік бағдарламасын оңтайландыру бойынша іс-шаралар әзірленген және экономикалық негізделген.

РЕЗЮМЕ

В статье рассмотрена сущность понятия «производственная программа» и установлена ее прямая связь с такими категориями, как «производственный план» и «ассортимент». Авторами проанализирована производственная программа хлебопекарной предприятия «Ажар», дана технико-экономическая характеристика хлебопекарни, выявлены основные проблемы ее функционирования и разработаны и экономически обоснованы мероприятия по оптимизации производственной программы хлебопекарни.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Елшибаев Ракымжан Камытбекулы – кандидат экономических наук, ассоциированный профессор, Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: rakymzhan.yelshibayev@bk.ru

Жунисбекова Гульfairуз Еркубековна – кандидат экономических наук, ассоциированный профессор, Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: gullfairuz.j@mail.ru

Болатқызы Салатанат – кандидат экономических наук, Алматинский технологический университет, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: saltab@mail.ru

МРПТИ 06.71.41
JEL Classification: Z11

ISSUES OF STATE SUPPORT AND FINANCE OF CINEMATOGRAPHY IN KAZAKHSTAN

A. B. Manakbaeva

Academy of public administration under the President of the Republic of Kazakhstan,
Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

Purpose of the research. Analysis of current issues of state support and financing of cinema as a separate socio-economic industry

Methodology. The study used methods of theoretical and empirical analysis, including description, synthesis, induction, as well as methods of factor and comparative analysis.

Originality / value of the research. In modern conditions of globalization, cinematography plays an important role in the economy of Kazakhstan as a form of creative industry. Given the importance of the field of cinematography, scientific research is currently relevant for improving the mechanisms of state support and financing of domestic film projects. The study describes the statistical indicators of Kazakhstani cinema and the dynamics of the industry over several years. Taking into account the positive foreign experience, a review of regulatory acts in the field of Kazakhstani cinematography is carried out.

Findings. Currently, in the financing of film projects in Kazakhstan, priority is given to national films. In the article, the author describes the essence and advantages of national films, their specificity as a domestic socially significant product. It also focuses on the basic conditions and requirements for financing national films and the benefits provided to domestic film producers. In addition, the issues of subsidizing a foreign legal entity for the production of a film or its part (episode) on the territory of the Republic of Kazakhstan were considered. At the same time, along with the economic benefits (profitability) of national films, their ideological significance and place in society were described.

Keywords: cinematography, state support, state financing, subsidies, rebate system, national films.

ҚАЗАҚСТАННЫҢ КИНЕМАТОГРАФИЯ САЛАСЫН МЕМЛЕКЕТТІК ҚОЛДАУ ЖӘНЕ ҚАРЖЫЛАНДЫРУ МӘСЕЛЕСІ

А. Б. Манақбаева

Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясы,
Нұр-Сұлтан, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеудің мақсаты. Жеке әлеуметтік-экономикалық сала ретінде кинематографияны мемлекеттік қолдау мен қаржыландырудың өзекті мәселелерін талдау.

Зерттеудің әдіснамасы. Зерттеу барысында теориялық және эмпириялық талдау әдістері, соның ішінде сипаттау, синтездеу, индукция, сондай-ақ факторлық және салыстырмалы талдау әдістері қолданылды.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы. Қазіргі жаһандану жағдайында Қазақстанның экономикасында креативті индустрия түрі ретінде кинематография маңызды рөл атқарады. Бұл орайда, отандық кино-жобаларды мемлекеттік қолдау мен қаржыландыру тетіктерін жетілдіру мақсатында ғылыми зерделеу

жұмыстары қажет. Зерттеу барысында қазақстандық кинематография саласының статистикалық параметрлерін сипаттап, бірнеше жылдағы даму динамикасы көрсетілді. Шетелдік оң тәжірибені ескере отырып, отандық кинематография саласындағы нормативтік-құқықтық актілерге шолу жасалынды.

Зерттеу нәтижелері. Қазіргі кезеңде Қазақстанда киножобаларды қаржыландыру барысында ұлттық фильмдерге көп басымдық беріледі. Мақалада ұлттық фильмдердің мәні мен артықшылықтарына, отандық әлеуметтік-маңызы бар өнім ретіндегі ерекшелігіне сипаттама беріледі. Ұлттық фильмдерді қаржыландырудың негізгі шарттары мен талаптарына назар аударылып, кинематография саласында киножасаушыларға ұсынылатын жеңілдіктер де көрсетілген. Шетелдік заңды тұлғаның Қазақстан аумағында фильмді немесе оның бір бөлігін (эпизодын) түсіруге субсидия беру мәселелері мен тетіктері де сипатталған. Сонымен қоса, ұлттық фильмдердің экономикалық пайдасымен бірге идеологиялық мәні мен қоғам өмірінде алар орны сипатталды.

Түйін сөздер: кинематография, мемлекеттік қолдау, мемлекеттік қаржыландыру, субсидия, рибейт жүйесі, ұлттық фильмдер.

ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ И ФИНАНСИРОВАНИЯ СФЕРЫ КИНЕМАТОГРАФИИ КАЗАХСТАНА

А. Б. Манакбаева

Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан,
Нур-Султан, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования. Анализ актуальных вопросов государственной поддержки и финансирования кинематографа как отдельной социально-экономической отрасли.

Методология. В исследовании использовались методы теоретического и эмпирического анализа, в том числе описание, синтез, индукция, а также методы факторного и сравнительного анализа.

Оригинальность / ценность исследования. В современных условиях глобализации кинематография играет важную роль в экономике Казахстана как вид креативной индустрии. Учитывая важность сферы кинематографии, сегодня актуальными являются научные исследования для совершенствования механизмов государственной поддержки и финансирования отечественных кинопроектов. В исследовании описаны статистические показатели казахстанского кинематографа и динамика развития отрасли за несколько лет. С учетом положительного зарубежного опыта проведен обзор нормативных актов в сфере казахстанской кинематографии.

Результаты исследования. В настоящее время в финансировании кинопроектов в Казахстане отдается приоритет национальным фильмам. В статье автор описывает сущность и преимущества национальных фильмов, их специфику как отечественного социально-значимого продукта. Также акцентируется внимание на основные условия и требования финансирования национальных фильмов и преимущества, предоставляемые отечественным производителям кино. Кроме того, рассмотрены вопросы и механизм субсидирования иностранного юридического лица для производства фильма или его части (эпизода) на территории Республики Казахстан. Вместе с тем, наряду с экономическими выгодами (рентабельностью) национальных фильмов были описаны их идеологическое значение и место в обществе.

Ключевые слова: кинематография, государственная поддержка, государственное финансирование, субсидии, система рибейтов, национальные фильмы.

КІРІСПЕ

Қазіргі Қазақстан қоғамында заман талабына сай, жаһандық үрдістерден қалыспайтын кинонарық қалыптасып келеді. Өзгермелі әлемде бәсекелестік пен сұранысқа ие болатын киноөнімдердің

туындауы – бүгінгі күннің өзекті мәселесі. Экономикалық және әлеуметтік-мәдени сала ретінде киноиндустрияның өнімдеріне, олардың сапасы мен идеологиялық мәніне назар аудару – қоғам мен мемлекеттің ортақ жұмысы.

Көптеген елдерде киноиндустрия экономиканың маңызды саласы ретінде қарқынды дамып келеді. Бүгінгі күні кинематограф – ол көп спектрлі және ауқымды сала: заманауи өнердің бір бағыты, ұлттық экономиканың табысты сегменті, сондай-ақ әлеуметтік институт. Аудиторияның санасын қалыптастыра отырып, қоғам өміріне айтарлықтай әсер ете алады. Жаһандану дәуірінде Қазақстан киноиндустриясының дамуы ұлттық бірегейлікті сақтаудың қажетті шарты болып табылады.

Әрбір мемлекет ұлттық кинематографияны дамытып, оның сол елге экономикалық табыс әкелуіне мүдделі. Кинотеатрларда көрсетілетін кинолардың прокатынан түсетін табыс көлемін ұлғайту – негізгі экономикалық мақсат. Сол себепті көптеген елдер әлемдік аренада фильмдердің премьерасын өткізіп, прокаттан ауқымды қаражат жинауға, пайда табуға ұмтылады. Дүниежүзіндегі дистрибьюторлар қазіргі уақытта фильм көрсететін кинотеатрлардың санын көбейтуде. Әлемдік деңгейдегі брендке айналған халықаралық фестивальдерге қатысуға талпынады. Бұл – кірісті арттыруға мүмкіндік беретін құралдар.

Бұл ретте, экономикалық тиімділік тек кино индустриясымен шектелмейді. Мәдени контент саласы тек өнерге ғана емес, сонымен қатар туризм мен саудаға да әсер етеді. Қазіргі заманда көптеген туристер әлемге танылған әртүрлі фильмдермен байланысты жерлерге (елдерге) барады. Бұдан сол жергілікті мекендегі заттарға сұраныстың артуы байқалады. Кинокартиналардың сәттілігі ұлттық брендтің, елдің имиджінің жоғарылауына әкеледі.

Бүгінгі таңда көптеген дамыған елдердің мәдени әлеуеті өте жоғары. Бұндай деңгей мен мәдени контент экономикалық өсудің жаңа қозғалтқышына айналуы ықтимал. Ол үшін мәдениетті және экономикалық компоненттерді біріктіре қарастырған жөн. Олардың үйлесімді дамуына ықпал ету қажет. Бұл мәселеде ең алдымен кино саласындағы мемлекеттік саясатты іске асырудағы маңызды элемент ретінде мемлекеттік қолдау мен қаржыландырудың тиімді жүйесін түсіну керек.

Қазіргі заман жағдайында мәдениет саласындағы мемлекет саясатының негізгі мазмұны қоғамның құндылықтарын қалыптастыру болып табылады. Осыған байланысты отандық киноөндірісті мемлекеттік қолдау арқылы рухани құндылықтарды сақтау, тарату, дамыту, сондай-ақ өркениеттік даралықты сақтай отырып, тәрбиеге мән беру өзекті бола түсуде.

Әлеуметтік-экономикалық дамудың стратегиялық бағытын негізге ала отырып, қазақстандық киноөндірушілерді мемлекеттік қолдау маңызды міндетке айналууда. Осындай өзекті ғылыми міндетті шешу үшін отандық және шетелдік тәжірибені салыстырмалы талдау, ғылыми еңбектердің негізінде кинематографияны мемлекеттік қолдаудың нысандарын жетілдіру қажет.

Әдебиеттерге шолу

Кинематографияны зерттеудің тұжырымдамалық негіздері оны әртүрлі ғылыми ізденістің тұрғысынан қарастыруға мүмкіндік береді. Әлемдік зерттеу тәжірибесінде кинематографияның әлеуметтік және экономикалық аспектілеріне арналған көптеген ғылыми жұмыстар кездеседі.

Қазіргі кино өнерінің коммерциялануы және экономикасы туралы мәселе бірқатар шетелдік ғалымдардың, соның ішінде Marijke de Valck-тің іргелі зерттеу жұмыстарында толығырақ баяндалады [1]. Маршалл Маклюэн медианы түсінуге қатысты жазған еңбегінде киноны индустриялық алыптың орасан күші екенін атап өткен болатын [2].

Феномен ретінде киноға деген философиялық көзқарастар Ж. Делёздің әйгілі шығармаларында кездеседі. Автор бейнелер, қозғалыс және уақыт сияқты кинематографиялық іргелі түсініктердің логикасын қалыптастырады. Кинематографиялық туындыларды кадр, кескін, камера қозғалысы, композиция, монтаж, жарық, эмоциялар, фигуралар сияқты бөлшектерге бөліп қарастырады [3].

Әлеуметтанулық чикаго мектебінің өкілі Г. Блумер фильмдер американдықтардың өміріндегі ойын-сауықтың негізгі түрлерінің біріне айналғанын және өте үлкен қаржылық құрылымы бар алып индустрияға жол ашқанын баяндады [4]. Осыған сәйкес фильмдер қазіргі өмірге әсер ететін маңызды факторлардың бірі болды деген сенім пайда болды.

Кинематографияның ресейлік моделін зерттеуге М. Жабский [5], А. Евменов, П. Данилов [6], К. Смирнов [7], А. Малышев [8], сияқты ғалымдар үлес қосып жүр.

Кино саласының әртүрлі аспектілерін зерттеу қазақстандық ғалымдардың назарынан да тыс қалған жоқ. Қазақстанда кинематографияның әртүрлі аспектілері өнертану, философия, әлеуметтану, экономика және басқа да қоғамдық ғылымдардың тоғысында зерттелді.

Киноның қоғамдағы рөлі мен идеологиялық, экономикалық, әлеуметтік-мәдени қызметтерінің әсері туралы мәселелер қазіргі заманғы қазақстандық ғалымдардың қызығушылығын оятуда. Қазақ киносының тарихы, кинодағы отбасы образы, гендердің репрезентациясы, қазақ киносындағы салт-дәстүрлер мен құндылықтар сияқты өзекті мәселелерді зерттеген отандық ғалымдардың, кинотанушылардың ішінен Б. Нөгербекті [9], Г. Әбікееваны [10], Б. Қылышбаеваны, О. Борецкийді [11], Ш. Уразбаеваны [12], А. Тұяқбаеваны [13] атап өтуге болады.

Бұдан бөлек, Г. Әбікеева, Е. Тұрсынов, Б. Шүкенов, Г. Сәрсенова, Р. Нугманов, О. Борецкий, Э. Курмашев сияқты киноқауымдастықтың көптеген белсенді өкілдері (танымал кинорежиссерлер, продюсерлер, кино сыншылары, актерлер мен өзге де кино саласының сарапшылары) әртүрлі коммуникация мен пікір-талас алаңдарында, қоғамдық кеңестерде, бұқаралық ақпарат құралдарында, әлеуметтік желілер мен әртүрлі іс-шараларда отандық кинематографтың қазіргі ахуалы мен даму келешегі жөнінде өздерінің құнды ой-пікірлерін білдіруде.

Шетелдік тәжірибеге шолу

Ұлттық фильм өндірушілерін мемлекеттік қолдаудың әдістері мен ерекшеліктері бойынша шетелдік тәжірибені талдау үшін мақала аясында Америка Құрама Штаттары (АҚШ), Франция, Оңтүстік Корея елдері қарастырылды.

АҚШ-ның киноиндустриясы – кинокартиналар мен кассалық жинақ көлемі бойынша әлемдегі көшбасшылардың бірі. Америкалық кинематограф, соның ішінде Голливуд әлемдік кинематографқа, кинопроцестің экономикалық және мәдени аспектілеріне елеулі әсер етуде. АҚШ-ның басты артықшылығы – оның бұл саладағы мол тәжірибесі мен дистрибуциялық инфрақұрылымның болуы. Әлемдік деңгейдегі киножұлдыздардың да шоғырлану факторы да бар.

АҚШ-да кинематографты қаржылық жағынан мемлекеттік қолдау көрсету (дотация жүйесі) жоқ, алайда әртүрлі қолдау көрсететін рибейт жүйесі, салықтық жеңілдіктер, гранттар бөлу сияқты мемлекеттік бағдарламалар бар [14].

Ресей ғалымдарының ғылыми мақалаларында АҚШ-да киноны қолдаудың ең кең таралған шаралары ретінде мыналар көрсетіледі:

- табыс салығынан (tax credit) ішінара босату, ол киностудиялар мен кино өндірумен айналысатын өндірістік компаниялардың салық салығының орташа 20-30 % төмендетуді көздейді;
- ақшаны өтеу (cash rebates), егер киностудиялар осы әкімшілік-аумақтық бірліктің аумағында фильм түсіруді іске асырса, әдетте, пайызбен мемлекет шығындардың бір бөлігін киностудияға заңнамалық негізде қайтарады;
- мамандандырылған ұйымдардың гранттар беруі;
- сату салығын төлеуден босату;
- мемлекеттің аумағында орналасқан түсірілім объектілері мен жерлерді бажсыз қамтамасыз ету (fee-free locations) [15].

Францияда киноиндустрияның дамуы қарқыны төмен емес. Мемлекет кинофильмдерді елдің ішінде, сондай-ақ еуропалық деңгейде шығару мен таратуда шешуші рөл атқарады. Францияда Pathe, Gaumont және UGC ірі компаниялары басқаратын жиынтық кешендер басымдыққа ие [16]. Француз киносының табыстылығы бұрыннан қалыптасқан мемлекеттік қолдау жүйесіне негізделеді. Сонымен қоса, 1946 жылы құрылған Кинематография және анимация ұлттық орталығы (CNC) да маңызды рөл атқарады. Ол Францияның Мәдениет министрлігіне бағынысты мемлекеттік әкімшілік мекеме, сондай-ақ қаржылық автономияға ие заңды тұлға болып табылады. Мәдениет министрінің жетекшілігімен CNC Франция үкіметінің кинематография және басқа да өнер мен индустрия саласындағы, атап айтқанда аудиовизуалды өнер, бейне және мультимедиа, соның ішінде видео ойындар саласындағы саясатының тұжырымдамасы мен жүзеге асырылуын қамтамасыз етеді [17].

Францияда Мәдениет министрлігінің жобалары субсидияланған мемлекеттік бюджет француз

кинематографына қаржылай қолдау көрсетуде рөл атқармайды. Қолдау қоры салықтар есебінен толықтырылды, соның ішінде:

- қосымша құн салығы (TSA), ол билет бағасының 10,72 % құрайды;
- телевидениедегі хабар таратушылар мен дистрибьюторларға салық (TST), ол хабар таратушыларға 5,5 % мөлшерлемесі бойынша, ал дистрибуторларға 0,5 %-дан 4,5 %-ға дейін үдемелі пайыздық мөлшерлемен беріледі;
- видео өнімдерінің кірісіне 2 % мөлшерінде салықтар (DVD, Blu-Ray, сұраныс бойынша видео) және басқа төлемдер (жинақтан аванс және т.б.).

Жинақтарды бақылау CNC-тің маңызды функцияларының бірі болып табылады және ресми (бірыңғай) билет кассасы және залдардағы прокат нәтижелерін есептеу мен таратудың компьютерлік жүйесі арқылы жүзеге асырылады [18], [19].

Сонымен қоса, кино индустриясы саласында CNC француз кинофильмдерін шет елдерге экспорттауды қолдайды. Франция бірлескен өндіріс туралы ең көп келісім жасайды. Грекия, Португалия, Италия, Германия және Канадамен бірлескен фильмдерді қолдау үшін арнайы екіжақты қорлар құрылған. Франция киноиндустриясы экспорт көлемі бойынша екінші орынды иеленеді. Француз киносын шетелде насихаттауда Францияның Еуропа және сыртқы істер министрлігі басым рөл атқарады. Сонымен қоса, елшіліктермен бірлесе отырып, CNC үнемі бірлескен кино өндірісі бойынша семинарлар ұйымдастырады. Олар өз елдеріндегі кино саласының мамандарына кездесулер мен пікірталастар өткізуге мүмкіндік береді. Бұл мәдени әртүрлілікті сақтау және француздық экономикалық дипломатияның динамикасы үшін өте маңызды [20].

Оңтүстік Кореяның да кинематографиясы мен медиа индустриясы бүгінгі күні әлемдік аренада қалыс қалмауда. Оңтүстік Кореяның кинематографиясын қолдау жүйесінде мемлекет тарапынан экономикалық құрал ретінде квоталау жиі тараған. Квоталар кинематографты басқарудағы негізгі экономикалық тетік болып табылады.

Оңтүстік Кореядағы ұлттық киноны қолдаудың басты құралы әрдайым квоталар болып келгенімен, уақыт өте келе олар азая бастады. Қазір Оңтүстік Кореяда субсидиялар да, салықтық жеңілдіктер де жұмыс істейді. Прокаттағы корей киносының үлесі жоғары, отандық фильмдердің жартысынан көбі ең танымал жобаларға айналуға [21].

Қазақстандағы кинематографияны мемлекеттік қолдау жүйесі

Соңғы жылдары Қазақстанның кинематографиясы қарқынды дамып, бірқатар оң өзгерістерге алып келді. Атап айтқанда, киноөндірістің жалпы көлемі, толық метражды қазақстандық фильмдердің, шетелмен бірлесіп түсірген өнімдердің (ко-продукция) саны, елдегі кинотеатрлар мен кинозалдар, көрсетілген сеанстардың саны едәуір артты, сондай-ақ прокаттағы қазақстандық фильмнің үлесі де көбейді.

Қазақстан Республикасы Ұлттық экономика министрлігі Статистика комитетінің статистикалық деректеріне [22] сәйкес, 2019 жылғы көрсеткіш бойынша Қазақстанда 101 кинотеатр бар. Осыдан 10 жыл бұрын олардың саны 83 бірлікті құраған болатын.

Жыл сайын көрсетілген киносеанстардың саны да артып келеді. Мәселен, соңғы үш жылдағы көрсеткіштің өзінде біршама ұлғаю байқалады: 2017 жылы 695 мың киносеанс тіркелген болса, 2018 жылы 746 мыңға ұлғайып, ал 2019 жылы олардың саны 962 мыңға дейін жетті. Ал соңғы 10 жылдағы динамиканы салыстыратын болсақ, 2009 жылдан (243 мың) бастап есептегенде киносеанстардың саны 4 есеге артқан.

2011 жылдан бастап киносеанстардың ішіндегі ұлттық фильмдердің үлесі анықтала басталды (2011 жылы – 28 518 бірлік). Соңғы 10 жылдың ішінде бұл көрсеткіш 5,7 есеге артып, 2019 жылы 164,7 мыңға дейін жетті. Осылайша, киносеанстардың ішіндегі ұлттық фильмдердің үлесі – 17 %. Ал ұлттық фильмдерді көруге келушілердің саны 2011 жылы 852,5 мың адамды құраса, 2019 жылы олардың үлесі 3,9 млн. адамға дейін ұлғайды. Демек, соңғы он жылдың ішіндегі динамика 4,6 есені құрайды.

Ұлттық фильмдердің прокаттағы үлесі мен оған келушілер санының артуы мынадай факторлардың негізінде байқалады:

біріншіден, мемлекеттік саясатты іске асыру барысында ұлттық фильмдерді қолдау және дәріптеуге жіті назар аударылуы;

екіншіден, елдегі қазақстандық киноөндіруші ұйымдар мен жыл сайын өндірістегі фильмдер санының артуы;

үшіншіден, соңғы 10 жылдарда Қазақстанның көптеген қалаларында ірі ойын-сауық орталықтарының салынып, ондағы кинотеатрлар желісі мен кинозалдардың көбею ықпалы мен әсері;

төртіншіден, халықтың отансүйгіштік қасиетінің, отандық өнімді тұтыну тәжірибесінің арта бастауы.

Мұнымен қоса, отандық киноөндірушілердің статистикасына көз жүгіртетін болсақ, қазіргі таңда Қазақстандағы нарықта кинофильмдердің өндірісін іске асыратын 64 ұйым бар. 10 жыл ішінде олардың да саны 3,5 есеге артты (2010 жылы – 18 бірлік). Аталған ұйымдардың шығарған кинофильмдері 2010 жылы 144 болса, 2019 жылы жалпы саны 480 жетті. Мұндағы өсу қарқыны – 3,3 есе.

Жоғарыда көрсетілген статистикалық деректерді мемлекет тарапынан ұлттық фильмдерді қолдауға арналған бюджеттік қаражатпен және кино саласындағы қызметтерден түскен табыс көлемімен толықтыруға болады.

Қазақстан Республикасы Мәдениет және спорт министрлігінің мәліметтеріне сәйкес соңғы жылдары мемлекеттік бюджеттен ұлттық фильмдерді шығаруға бір жылға 8 млрд. теңге шамасында бөлініп отырған (2017 жылы – 8,0 млрд. теңге, 2018 жылы – 8,5 млрд. теңге). 2019 жылы ұлттық фильмдердің өндірісі мен оларды қолдау және ілгерілетуді ұйымдастыру жұмыстарына барлығы республикалық бюджеттен 6,4 млрд. теңге жұмсалды [23].

Ал кино саласындағы қызметтерден түскен табыс көлемі 2019 жылы 21,2 млрд. теңгені құрады. 10 жылдық динамиканы салыстыру барысында (2009 жылы – 4,3 млрд. теңге) бұл табыс көлемі 4,8 есеге артқаны байқалады (1-кесте).

Кино саласындағы қызметтерден түскен қаражаттың біркелкі өсуі ең алдымен еліміздегі кинотеатрларда көрсетілген киносеанстар мен оған келушілер санының арту факторларымен, екі көрсеткіш арасындағы корреляциялық байланыстың болуымен негіздеуге болады.

1-кесте – Кино саласындағы көрсетілген қызметтер бойынша ақпарат

Жылдар	Кинотеатрлар саны, бірлік	Көрсетілген киносеанстардың саны, бірлік	Киносеанстарға келушілердің саны, адам	Көлемі, мың теңге
1	2	3	4	5
2009	83	243 354	7 565 650	4,398,961.3
2010	87	345 431	10 079 389	7,129,478.5
2011	94	360 441	10 933 421	8,480,032.4
2012	97	420 135	13 410 104	10,031,247.0
2013	97	441 745	13 201 461	11,588,027.6
2014	96	537 819	12 795 466	12,339,480.8
2015	93	519 960	11 300 539	10,426,924.0
2016	94	579 882	14 474 924	14,117,640.9
2017	96	695 582	17 606 749	18,522,240.4
2018	96	746 228	17 840 690	18,428,830.4
2019	101	962 294	19 880 485	21,239,675.3

Ескерту – [22] дереккөз негізінде автормен құрастырылған

Талдау барысында қазіргі таңда Қазақстанның кинонарығында 64 киноөндіруші ұйым бар екенін статистикалық көрсеткіштерден айқындалды. Алайда бұл 64 ұйымның жартысынан көбі – 51,5 % Алматы (33 бірлік) және үштен бір бөлігі 31,2 % Нұр-Сұлтан (20 бірлік) қалаларында ғана шоғырланған. Қазақстанның қалған өңірлеріне шаққанда тек 1-3 ұйымнан ғана кездеседі. Бұл өңірлердегі кино түсіру әлеуетінің әлі де салыстырмалы түрде төмен екенін білдіреді. Осы мәселені жалпы республика бойынша 2019 жылы кино саласындағы қызметтерден түскен 21,2 млрд. теңге көлеміндегі табыстың 61,5 % Алматы (8,5 млрд. теңге) және Нұр-Сұлтан (4,5 млрд. теңге) қалалары құрап отырғанынан да байқауға болады [22]. Бұл көрсеткіш бірнеше жылдар бойы жалғасып келеді. Демек, Алматы, Нұр-Сұлтан

қалаларындағы кинобазасының дамуы үлгісіндей Қазақстанның басқа да өңірлерінде киноөндірушілер мен киношығаратын ұйымдардың көбеюі және оларды қолдау мәселесі қолға алынуы тиіс.

Бұл орайда, кинонарықтың негізгі ойыншылары болып табылатын кино өндірушілерді қолдау кино индустриясының сандық көрсеткіштерінің өсуіне және өндірілетін фильмдердің сапасы мен бәсекеге қабілеттілігін арттыруға негіз болады, алайда кинематографияны мемлекеттік реттеу мен қолдау жүйесінің тиімді іске асырылуын ескерген жөн.

Бүгінгі күні Қазақстанда кинематография саласын қолдау мемлекеттің жіті назарында екені белгілі. Қазіргі кезеңде киножобаларды мемлекеттік қолдау және қаржыландыру шаралары заңнамалық және институционалдық негізде пысықталған. Бұның бір дәлелі ретінде 2019 жылы 3 қаңтарда «Кинематография» туралы Қазақстан Республикасының Заңы қабылданды [24]. Осы Заң кинематография саласындағы уәкілетті органның, жергілікті атқарушы органдардың қызметін реттейтін негізгі нормативті-құқықтық акті болып табылады. Аталған Заң фильмдерді шығару, прокаттау және көрсету үрдістері барысында билік өкілдері мен кинематография ұйымдарының арасындағы өзара іс-әрекеттің тәртібін орнатады. Заңның аясында мемлекеттік қолдаудың негізгі бағыттары, қаржыландыру көлемі, талаптары мен шарттары белгіленген. Заңның тиісті баптарын орындау мақсатында 2019 жылы бірқатар нормативтік-құқықтық актілер де қабылданды.

«Кинематография туралы» Заң тәуелсіз Қазақстанның тарихында алғаш рет қабылданды. Ұзақ жылдар бойы кинематография саласындағы қатынастардың реттелуі мәдениет мәселелері жөніндегі заңнаманың аясында бірнеше баптармен ғана шектеліп келді. Бұған дейін қолданыста болған құқықтық тетіктер барынша тиімді болған жоқ. Мәдениет туралы заңнамадағы кинематографияға қатысты ұғымдар бастапқы және толық емес сипатта болды. Қазақстандық киноны өндіру, прокатқа шығару, ілгерілету сияқты процестермен байланысты көптеген құқықтық мәселелерді, саланың бірқатар міндеттерін (құқықтық, ресурстық, ақпараттық-технологиялық, кадрлық қамтамасыз ету) заңнамалық деңгейде реттеу қажеттігі туындады.

Көптеген жылдар бойы кинематографистер қауымы, ғылыми қызметкерлер мен уәкілетті мемлекеттік органдар бірлесіп, елдегі кино саласының жай-күйі мен проблемаларын айқындап, шетелдік тәжірибені зерделеп, ұлттық кинематографияны дамыту, оны жаңа деңгейге шығару үшін дербес заң қажет екенін негіздеді.

Сонымен қоса, бұл басты құжат кинематографияны сақтау мен дамытуға, отандық киноиндустрияны насихаттауға, ұлттық фильмдерді қолдауға бағытталған өзге де іс-шараларға негіз болып табылады.

Кино саласындағы мемлекеттік саясатты жүзеге асыруда мынадай қағидалар (3-бап) негізге алынады:

- ұлттық фильмдердің туындауына, олардың Қазақстанда, сондай-ақ шетелде кеңінен көрсетілуіне және сақталуына жағдай жасау;

- кинематографияның жан-жақты дамуына мемлекет тарапынан қолдау көрсету;

- Қазақстанның аумағында халық үшін кинематография шығармаларына қол жетімділікті қамтамасыз ету;

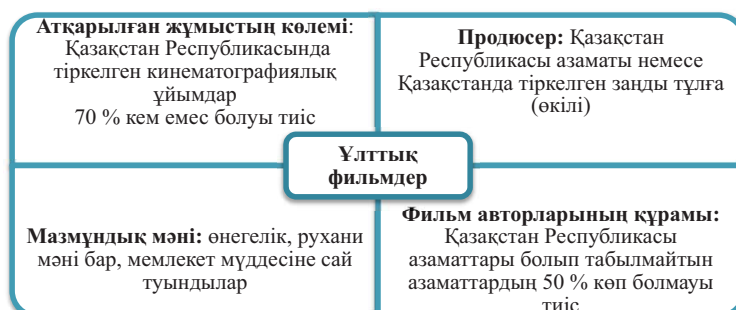
- осы салада мемлекеттік тілдің дамуына және барынша қолданылуына ықпал ету.

Қолданыстағы Заңның 12-бабына сәйкес мемлекеттік қолдау үрдісінде ұлттық фильмдерге және ұлттық фильм деп аталуға үміткер кинотуындыларға (жобаларға) басымдық беріледі. Ұлттық фильмдер деп елдің рухани қажеттіліктерін қанағаттандыра алатын, мемлекеттік мүддеге сай келетін және көркемдік жағынан деңгейі жоғары фильмдерді атайды (14-бап). Ұлттық фильмдер кино өнері арқылы еліміздің танымалдылығы мен оң имиджін қалыптастырады. Бұл санаттағы фильм атану үшін 1-суреттегі негіздерге сәйкес келу керек:

Бұл ретте, «ұлттық фильм» мәртебесі қандай жеңілдік пен мүмкіндік береді? Бұл санаттағы фильмнің куәлігін иемденген киноның жасаушылары фильмді прокаттауға байланысты қазіргі таңда 20 % мөлшерінде белгіленген корпоративтік табыс салығын төлеуден босатылады.

Сонымен қоса, ұлттық фильмдер экономикалық табыс әкелуімен ғана емес, әлеуметтік-мәдени мәнімен де құнды. Ұлттық фильмдер арқылы елдің тарихи оқиғалары, дана ойшылдардың ұлағатты сөздері, ұлттық сана-сезімі мен мәдени ерекшеліктері бүкіл әлемге көрсетіледі. Халықаралық кеңістікте елдің оң имиджін қалыптастыруға өз септігін тигізеді. Мәдениет пен өнердің бір бөлігі ретінде саланың дамуына серпін береді. Кино өнері қоғамның рухани-өнегелік негіздерін қалыптастырады. Сол себепті

зандық негізде Қазақстанның ұлттық киносына өзге елдердің фильмдеріне қарағанда басымдық беру орынды қабылданған шешім. Сондықтан, қазақ халқының өнегелік ерекшелігін көрсететін, рухани және патриоттық мәнге толы фильмдерді қолдауға мән беріледі.

1-сурет – Ұлттық фильмдердің сипаттамасы

Ескерту – [24] дереккөздің негізінде автормен құрастырылды

Қазақстандағы кинематографияны мемлекеттік қаржыландыру

Бүгінгі күні Қазақстанда кинематограф саласын қаржыландыру мемлекет үшін де, кинонарықтағы субъектілер үшін де өзекті мәселе. Әрбір кинокомпания өз жобаларын қаржыландыруды қажет етеді. Әдетте тәжірибеден байқалғандай, фильмнің бюджеті компанияның немесе жеке тұлғаның өз қаражаты, мемлекет және тартылған қаражат (спонсор) сияқты бірнеше құрамдас бөліктерден қосылады. Көптеген кинокомпаниялардың жобаны іске асыру үшін жеткілікті түрдегі өз қаражаты жете бермейді. Қаражат та кез келген киножобаға оңай бермейді, белгілі бір шарттары мен талаптарға негізделеді. Жобаның тақырыптық, мазмұндық, экономикалық құрамдас бөліктері де қаржыландыру үрдісінде елеулі орын алады. Осыған орай, еліміздегі кинематографиялық жобаларды қаржыландыру тетіктерін толығырақ қарастырған жөн.

Қазақстанда 2019 жылдан бастап ұлттық фильмдерді мемлекеттік қаржыландырудағы бірыңғай оператор ретінде Ұлттық киноны қолдау мемлекеттік орталығы (бұдан әрі – Орталық) құрылып, киножобаларды қаржыландыру, қолдау жұмыстарын іске асырады [24]. Бұл Орталықтың негізгі қызметінің бағыттары 2-суретте көрсетілген.

2-сурет – Ұлттық киноны қолдау мемлекеттік орталығының (бірыңғай оператордың) негізгі қызметі

Ескерту – [24] дереккөздің негізінде автормен құрастырылды

Демек, Орталықтың басты қызметі – ұлттық фильмдерді қаржыландыру. Ұлттық фильмдерге үміткер киножобаларды қаржыландыру фильмдердің түрлеріне байланысты әртүрлі көлемде жүзеге асырылады. Қолданыстағы заңда қаржыландыруға үміткер фильмдердің мынадай түрлері көрсетілген:

- *әлеуметтік маңызы бар фильмдер* – тарихи фильмдер, сондай-ақ тәрбиелік, өнегелік мәні бар, халықтың отансүйгіштік қасиетін, мәдени-рухани әлеуетін арттыруға бағытталған кино туындылары;
- *дебют фильмдер* – жас немесе жаңадан бастаған авторлардың шығарған кинолары;
- *оқиғалы фильмдер* – елеулі, әлеуметтік маңызды оқиғаларға, көрнекті тұлғалар мен мерейтойлық, атаулы іс-шараларға арналған фильмдер;

- *ко-продукция* – ортақ фильм шығару мақсатында екі немесе одан көп заңды тұлғалармен (адамдармен немесе кинокомпаниялармен) өзара әрекеттестік негізінде туындайтын фильмдер

- *ойын фильмі* – сценарийде жазылған және актерлік, камералық және басқа да өнердің көмегімен жасалған, режиссермен түсіндірілген сюжет негізінде жасалған жұмыс (көркем фильмдер) [24].

Бұл фильмдердің қаржыландыру көлемі 100 % – әлеуметтік маңызы бар фильмдерге, дебюттік фильмдерге және оқиғалы фильмдерге айқындалған. Кең ауқымды аудиторияға арналған ойын фильмдері үшін қаржыландыру көлемі фильмді шығарудың сметалық құнының белгілі бір пайызынан аспайды. 2021 жылдан бастап – 70 % көлемінде [24].

Қазақстандағы кинематографияны қаржыландыру жүйесінің ерекшелігін байқау үшін көршілес Ресейдің қаржыландыру үлгісімен салыстырып көруге болады. Егер Қазақстанда киножобаларды мемлекеттік қаржыландыру Ұлттық киноны мемлекеттік қолдау орталығы арқылы іске асырылатын болса, Ресейде кинематографияны қаржыландырудың екі дереккөзі бар: Мәдениет министрлігі және Кино қоры (Фонд кино). Басты ерекшелігі – коммерциялық емес фильмдерге (артхаус, деректі фильмдер, дебют фильмдер, балалар фильмдері) Мәдениет министрлігі, ал коммерциялық фильмдерге (жанрлық фильмдер, отбасылық фильмдер, анимациялық фильмдер) Кино қоры қаражат бөледі. Екі елдің қаржыландыру моделінде Сараптамалық кеңестің қызмет ету тәжірибесі кездеседі.

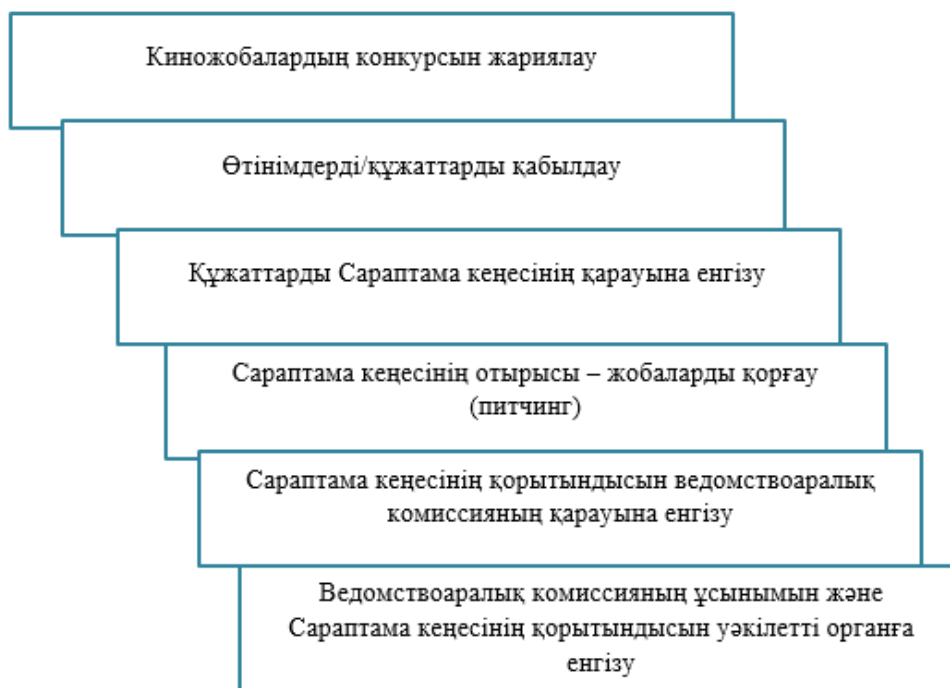
Жалпы, Ресейдің киножобаларды қаржыландыру және қолдаудағы үлгісі ұқсас, алайда сандық көрсеткіштері Қазақстанмен салыстырғанда айтарлықтай жоғары екені айқын. Мәселен, Ресей киносының көрермендері 2019 жылдағы есеп бойынша 57,9 млн. адамды құраған. Ресей киносынан түскен кассалық жинақтың көлемі – 13,8 млрд. руб. Ал кассалық жинақ бойынша ресейлік киноның үлесі – 27,5 % [25]. Ресейдің кинематографиясын мемлекеттік қолдаудың көлемі де жыл сайын артып келеді. Осыдан 10 жыл бұрын қаржыландыру көлемі – 4 453 млн. руб. болса, 2018 жылы 8 989 млн. руб. жеткен [7]. Дегенмен, бұл көрсеткіштердің жоғары болуы ең алдымен елдің аумақтық, әлеуметтік-экономикалық және демографиялық жағынан айырмашылығы есебінен екені белгілі.

Мемлекеттік қаржыландыруды алудағы алгоритм

Қазақстанда киножобаларды ұлттық деп айқындау бойынша ұсынымдарды әзірлеп, тұжырымдау үшін Орталықтың жанынан 2019 жылы Сараптама кеңесі құрылып, оның құрамына еліміздің кино саласындағы білікті, тәжірибелі сарапшылар мен мамандар енді [26]. Сараптама кеңесінің құрамы Орталықтың ресми интернет-ресурсында орналастырылған, Үкіметтің қаулысымен де бекітілген.

Бұдан бөлек, Қазақстан Республикасы Мәдениет және спорт министрлігінің 2019 жылғы 15 наурыздағы бұйрығымен Ұлттық фильмдер деп танылуға үмітті киножобаларды шығару бойынша мемлекеттік қаржылық қолдау көрсету үшін оларды іріктеу қағидалары бекітілген [27]. Аталған қағидаларға сәйкес конкурсқа қатысу үшін үміткер толық құжаттар топтамасын Орталыққа жолдайды. Бекітілген өтінімге сәйкес киножоба туралы толыққанды ақпарат қамтылуы тиіс. Өтінімде кино жобаның атауы мен компаниясы, авторлық құрам (режиссер, продюсер, автор, оператор, суретші, актерлер), жобаны іске асыру мерзімдері, қаржы көздері, қаржылық жоспар, өндіріс (түсірілім өткізілетін жерлер, формат, хронометраж), аудитория – осы сипаттамалардың барлығы толық көрсетіледі.

Аталған қағидаларға сәйкес киножобаларға мемлекеттік қаржылық көмек көрсету заңнамалық тәртіпте 3-суретте көрсетілген ретпен жүзеге асырылады:

3-сурет – Киножобаларға мемлекеттік қаржыландыруды алуудағы алгоритм
Ескерту – [24] дереккөздің негізінде автормен құрастырылды

Қазіргі кезеңде мемлекеттік басқаруда ашықтық қағидаты билікке деген сенім мен құрметті арттыру үшін ғана емес, сондай-ақ мемлекеттік басқару жүйесі мен жалпы саяси жүйенің тұрақты қызметін қамтамасыз ету үшін қажет. Мемлекет басқаруындағы ашықтық – кері байланыс тетіктерінің, қоғам мен мемлекет арасындағы өзара әрекеттестіктің институционалдық негізі [28].

Осы орайда, кино жобаларды ұлттық деп тану және мемлекеттік қаржыландыруға ұсыну бойынша Орталықтың ұйымдастыратын конкурстары (питчингтер) қазіргі таңда ашық сипатта өтеді. Кино саласының қызметкері немесе осы салаға қызығушылық танытқан кез келген адам питчингтің куәсі бола алады. Жобаларды қорғау, оларды талқылау, киножобалардың жанрлық алуандығын, жалпы Сараптамалық кеңестің жұмыс барысы қалай өтіп жатқанын Интернетте онлайн-трансляция арқылы көруге болады. Одан кейін әлеуметтік желілерде, соның ішінде Youtube арнасы арқылы өткізілген питчингтердің жазбасын көріп шығуға да мүмкіндік бар. Бұл дегеніміз қабылданып жатқан шешімдердің ашықтығы мен айқын ұстанымды білдіреді.

2019 жылғы 28 тамызда Ұлттық фильмдерді мемлекеттік қаржылық қолдау мәселелері жөніндегі ведомствоаралық комиссияның отырысында алғаш рет өткізілген бірінші питчингтің қорытындылары жасалынып, нәтижесінде 17 киножоба мемлекеттік қаржыландыруға ие болды. Оның ішінде 11-і әлеуметтік маңызы бар фильмдер («Түркістан: кеше, бүгін, ертең», «Боксшы», «Қажымұқан», «Патриоттар уақыты» және т.б.) [29].

Қазақстанда болып жатқан елеулі оқиғалар және атаулы (мерейтойлық) күндерді ескеріп, 2020 жылы ұлы ойшыл әл-Фарабидің 1150-жылдығына арналған деректі фильм, қазақтың ұлы ақыны Абай Құнанбайұлының 175-жылдығына орайластырылған фильмдер қолдау табады. Ұлы Отан соғысы жеңісінің 75-жылдығы да назардан тыс қалмады.

Сонымен қоса, питчинг кезінде жобаларды іріктеуде қаржыландыру көлемі де басты назарда болатыны белгілі. Аса жоғары сметамен жасалған жобалар бірінші кезекте қысқартуға ұшырайды. Бюджеттен артық шығындарға жол берілмейді. Жалпы алғанда, сарапшылардың пікірінше, картинаны Қазақстанда ішкі нарықта жақсы ілгерілетуді 10-20 миллион теңгеге жасауға болады. Қазір кинофильмдер өндірісіне бюджеттің таралуы келесідей: шамамен 10 миллион теңге – қысқа метражды фильмге;

күрделі қойылымды тарихи фильмінің құны 700-800 миллион теңгені құрайды, қарапайым комедия-мелодрама-детективтік сюжеттің орташа бюджеті – 100-ден 180 млн. теңгеге дейін [30].

Онымен қоса, сарапшылардың пікірі бойынша, Қазақстанда сәтті кинокартина ең көп дегенде прокатта 500 мың АҚШ долларынан 1 млн. АҚШ долларына дейін ғана жинай алады. Ол жиналған қаражаттың жартысынан көбі кинотеатрға, тағы біршамасы дистрибьюторларға, одан кейін маркетинг жұмыстарына кететінін ескерсе, кино өндірушілердің өзіне қомақты қаражат қалмайтыны анықталады. Аз бюджеттің шамасында арнайы сапалы компьютерлік графиканы қажет ететін фэнтези немесе экшн-фильмдерді түсіру отандық киноөндірушілерге қиынға соғады. Осының да салдарынан Қазақстанда комедия, драма жанрларында фильм түсіру жиі тараған [31].

Осылайша, отандық кинематографты мемлекеттік қолдау кино өнерінің басым бағыттарын қамтиды:

- ұлттық фильмдерге бастама беру,
- отандық фильмдердің шетелдік кинонарықтағы кинофестивальдерге қатысуы,
- кино саласындағы мамандардың біліктілігін арттыру,
- кинематография саласында субсидия беру және т.б.

Кинематографияда субсидия беру жүйесі

Қолданыстағы заңда (15-бап) кинематография саласындағы субсидия шетелдік инвесторларға (заңды тұлға немесе оның өкілдігіне) келісім жасасқан негізде, заңнамалық тәртіппен беріледі.

Субсидия берудің негізгі шарттары:

- шетелдік инвестордың (оның филиалы және өкілдігі) болуы;
- инвестиция мөлшері – айлық есептік көрсеткіштің 130 мың еселенген мөлшерінен кем болмауы;
- фильмді (фильмнің бір бөлігін, эпизодын) Қазақстан Республикасының аумағында шығару.

Субсидия елімізде фильм шығарумен (бөлігін немесе эпизодын түсірумен) байланысты тауарлардың, жұмыстар мен қызметтердің 30 %-ына дейін қайтару жолымен (рибейт жүйесі) беріледі. Бұл әлемдік прогрессивті тәжірибе. Сол себепті Қазақстанда да ребейт тетіктерін қолдану бойынша қолдаудың теңдессіз шаралар қабылдануда.

Кинематография туралы Заңның 15-бабын орындау аясында Қазақстанда кинематография саласындағы субсидияларды төлеудің қағидалары мен шарттары да тиісті нормативтік құжатпен (Қазақстан Республикасы Мәдениет және спорт министрінің 2019 жылғы 22 шілдедегі № 206 бұйрығы) бекітіліп, қазіргі кезеңде қолданыс үстінде.

Субсидия бөлу механизмдерінің негізгі құрамдас бөлігі – келісім жасасу. Сол келісімге сәйкес қазақстандық тараптан субсидия төлеуге, ал шетелдік ұйым Қазақстанның аумағында фильм (бөлімін немесе эпизодын) түсіруге міндеттеледі. Субсидияны осы саладағы бірыңғай оператор ретінде Орталық береді.

Заңнамалық тәртіппен бекітілген мерзімге дейін шетелдік ұйым тиісті құжаттар топтамасы мен материалдарын (киножоба туралы мәлімет, шетелдік инвестор туралы құқықтық-ұйымдастырушылық құжаттар және жобаның қаржылық есептері) бірыңғай операторға ұсынуы тиіс.

Аталған келісім өз кезегінде кинематография және мемлекеттік жоспарлау салаларындағы уәкілетті органдармен келісілуі қажет.

Шетелдік инвестор фильмді немесе оның бір эпизодын, бөлігін түсіру барысында қазақстандық актерлерді немесе түсірілім тобын кино түсіру процесіне жұмылдырса, арнайы орынды, ғимаратты, жануарларды немесе көлік құралдарын жалға алса, декорация жасау үшін арнайы тауарларды, материалдарды пайдаланып, гримм жасау сияқты қызметтерді тұтынатын болса субсидия төленеді.

Қазіргі таңда еліміздің табиғи әсем аумағында фильмдер, сондай-ақ сериалдар түсіру үшін Франция, Қытай, Үндістан және Ресей елдерінің кинокомпаниялары қызығушылық білдіріп отыр.

Бұл ребейт жүйесі тек инвестиция тарту, қаражат көздеу ғана емес, еліміз үшін тиімді өзге де жағымды салдарларды тудырады. Ең алдымен, елімізге қызығушылық танытқан туристердің ағынын ұлғайтады. Қазақстанның экономикасына үлесін тигізеді, жаңа жұмыс орындары құрылады. Халықаралық байланыстар нығайып, отандық кинематография саласының мамандарына ұтымды тәжірибе алмасу мүмкіндігі туындайды.

Кинематография саласындағы басқа да өзекті мәселелер

Бүгінгі күні мемлекеттік саясаттың басым бағыттарының бірі экономиканың әртүрлі секторларын цифрландыру болып табылады. Еліміздің көптеген стратегиялық және бағдарламалық құжаттарында (2025 жылға дейінгі стратегиялық даму жоспары, «Цифрлық Қазақстан» мемлекеттік бағдарламасы, Мәдени саясат тұжырымдамасы) бұл жаһандық үрдіске басымдық берілуде. Цифрландыру үрдісі қазір әлемде барлық қызмет салаларында орын алып, жаңа трендке айналууда. Сондай сәтті үлгілердің бірі ретінде киноиндустрия саласындағы цифрландырудың нәтижелерін айтуға болады. Кинокомпаниялар өнімдерін сатуды цифрландырып, онлайн сатулар көбеюде. Кинотеатрларда көрсетілетін фильмдерге қашықтықтан онлайн билет сатып алу мүмкіндігі бар. Қазір әлемнің көптеген елдерінде кинофильмдердің рейтингін, көрсетілімін, кассалық жинақтарды мониторингілеуге, сондай-ақ көп массивті ақпараттың ішінде белгілі бір фильмдер туралы жеңіл ақпарат таба алуға бағытталған көптеген жобалар, онлайн платформалар іске асырылып, мобильді қосымшалар да қолданылып жүр. Германия, Ирландия, Франция, АҚШ сияқты елдерде әртүрлі стартап жобалар да әзірленген. Ресейдің тәжірибесінде Кино қоры (Фонд кино) іске асыратын Бірыңғай автоматтандырылған ақпараттық жүйе бірнеше жылдан бері сәтті іске асырылады. Қазақстан да ашықтық пен цифрландыру саясатын жүзеге асыру барысында кинофильмдерді мониторингілеу мақсатында бірыңғай ақпараттық жүйені іске қосуды көздеп отыр. Бұл ауқымды жұмысты қазіргі таңда уәкілетті мемлекеттік органдармен бірлесіп, Ұлттық киноның қолдау мемлекеттік орталығы пысықтап, жүзеге асыруда.

Бұл ақпараттық жүйе кинотеатрлардың залдарында фильмдерді көпшілікке көрсету туралы ақпаратты жинауға, есепке алуға және өңдеуге бағытталған. Қазіргі таңда кинонарықтағы көптеген киножелілер мен тәуелсіз кинотеатрлар өз қызметінің нәтижелеріне қатысты ақпаратты жасырын ұстайтыны белгілі. Ресми статистикалық мәліметтердің ішінде кассалық жинаққа қатысты толық ақпарат ұсынылмайды. Кино саласындағы қызметтен түскен табыстың көлемі ғана берілген. Кассалық жинақ бойынша қазақстандық киноның үлесі қандай екені де көрсетілмейді. Осының салдарынан картиналардың прокаттағы нәтижелеріне талдау жүргізу көп жағдайда қиынға соғады. Осы себепті бүгінгі күнге дейін барлық алаңдарда кинокөрсетілімдер мен көрермендер санын мониторингілеудің жоқтығы өзекті мәселелердің бірі болып келді. Ақпараттық жүйенің арқасында кинотеатрлар нарығы ашық сипатта болып, отандық киноның дамуына жақсы серпін береді.

Алайда қазіргі таңда бүкіл әлемде болып жатқан пандемиялық дағдарыс жағдайында кинотеатрлардың, кино саласындағы мамандардың қаржылық түрде зардап шеккені белгілі. Барлық елде кинотүсірілім процестері тоқтап қалды немесе баяу қарқынмен жұмыс істеп, көзделген мерзімдерден алыстап жатыр. Бұл дағдарыс Қазақстанның да кино саласындағы қызметкерлердің қаржылық шығындары сияқты әлеуметтік-экономикалық салдарларға алып келді. Бірнеше ай бойы кинотеатрлардың, киноөндірушілердің, дистрибуциялық компаниялардың жұмыс істемеуі есебінен жұмыс орындары босап, жұмыссыздық туындап жатыр. Көптеген премьералар мен түсірілім мерзімдері кейінге шегерілуде. Бұл салдарлар алдағы уақытта экономикалық жағдай біршама түзеліп, кинотеатрлар жұмыстарын жандандырған кезде билет бағасын арттыруы ықтимал. Соның есебінен кинотеатр мен прокатшылар қаржылық шығынның орнын толтыруға ұмтылады.

Қазақстандық киноиндустриядағы тағы бір өзекті проблемалық мәселе – отандық кинофильмдердің қаржылық түрде қайтарымдылығының жоқтығы немесе өте төмен болуы. Мемлекеттік бюджетке түсірілген киноларға қарағанда жекеменшік кино өндірушілердің фильмдері прокатта көбірек пайда табады. Соңғы 10 жылда мемлекеттік бюджетке 85 жуық фильм түсірілсе, оның 3-еуі ғана («Жау жүрек мың бала», «Шал», «Сказ о розовом зайце») қайтарымға ие болды. Мемлекет қаржыландыруда тарихи оқиғалы, балаларға арналған және әлеуметтік маңызды фильмдерге басымдық береді. Сарапшылардың пікірінше, қаржылық қайтарымның жоқтығы елдегі кино нарықтың кең ауқымды болмауынан және көрерменнің аздығынан деп пайымдайды. Бұл мәселені халықаралық деңгейге шығу арқылы шешуге болатынын айтады [32].

Қорытынды

Қазіргі таңда жеке экономикалық-әлеуметтік дербес сала ретінде кинематографты мемлекеттік қолдау, қаржыландыру бүкіл әлемдік қауымдастық үшін оны дамытудың негізгі факторы болып табылады. Кинематографияны мемлекеттік қолдаудың тетігі – бір-бірімен өзара байланысқан элементтер мен басқару құралдарының, әдіс-тәсілдерінің жиынтығы. Отандық кинематограф күн сайын тек өнердің бірегей түрі ғана емес, бизнес ретінде де қызығушылыққа ие болуда, ал оның басты міндеті табыс табу болып табылады. Қазіргі кезеңде бұл саладағы көптеген кино компаниялар, кәсіпорындар жобаны іске асыруға бағытталған табыс алудың барлық көздерін қарастыруда.

Жоғарыда баяндалған мәселелерді қорытындылай келе, отандық кинематография саласын мемлекеттік қолдау мен қаржыландыру тетіктерінің негізгі ерекшеліктерін тұжырымдай кетуге болады:

1. 2019 жылы Қазақстанда кино саласындағы қатынастарды реттейтін «Кинематография» туралы Заң қабылданып, бүгінгі күні оның іске асырылуы өз нәтижелерін беруде. Бұған дейін болмаған осы басты құжат отандық кинематографияның өзекті мәселелерін қамти отырып, саланың бұдан әрі дамуына серпін беруге негізделген. Заңның белгілі бір баптарын орындау мақсатында бірнеше нормативтік-құқықтық актілер қабылданып, тәжірибеде көптеген шаралар атқарылуда.

2. Қазіргі таңда отандық киноиндустрия өз бетінше тәуелсіз экономикалық секторға айналып кеткен жоқ. Мемлекеттің қолдауынсыз бүгінгі күні сапалы, маңызды жоба жасау қиын. Сол себепті мемлекеттік қолдау және қаржыландыру мәселесі – мемлекеттің жіті назарында. Кино саласындағы мемлекеттік қолдауды, соның ішінде қаржыландыруды «Кинематография туралы» Заңды жүзеге асыру мақсатында құрылған Ұлттық киноны қолдау мемлекеттік орталығы іске асырады. Бұл орталық киножобаларды қаржыландырудағы бірыңғай оператор қызметін атқарады. Ұлттық фильмдерге үміткер киножобалардың қаржыландыруы туралы қорытынды пікірді бұл саладағы арнайы консультативтік-кеңесші органдар – Орталықтың жанындағы Сараптама кеңесі мен Ведомствоаралық комиссияның ұжымдық жұмысы шешеді.

3. Мемлекеттік қаржыландыру мен қолдаудың негізгі нысаны – ұлттық фильмдер мен оларға үміткер кинолар. Ұлттық фильм атану үшін киножобаларға қойылатын арнайы талаптар мен оларға берілетін жеңілдіктер де қарастырылған. Мемлекет қаржыландыру үшін тарихи оқиғалы, әлеуметтік маңызы бар және балаларға арналған жобаларға басты назар аударады. Сонымен қоса, комиссия мүшелері ойын фильмі, авторлық фильм, анимация сияқты әртүрлі жанрдағы киноны қарастырады. Бұл киножобаларды іріктеу барысындағы процесті объективті және әділ етіп көрсетеді. Онлайн өткізілетін питчингтер арқылы бұл іріктеу процестері ашық сипатта өтуде.

4. Кинематография туралы заңда назар аударатын өзекті мәселенің бірі – шетелдік кинопродюсерге субсидия беру. Субсидия Қазақстан аумағында фильм түсіргенде тауарларды немесе қызметтерді пайдалану кезіндегі құнын 30 %-ға дейін қайтару арқылы беріледі. Оның мөлшері мен талаптары Заңда айқын көрсетілген. Ең алдымен қазақстандық тарап пен шетелдік ұйым келісім жасасуы тиіс. Субсидия беруді бірыңғай оператор заңнамалық тәртіппен бекітілген ретпен ұсынады. Кинематография саласында көзделген субсидиялар елімізге шетелдік инвесторларды тарту, әлемдік трендтерді ұстану, халықаралық ынтымақтастықты дамыту мақсатында іске асырылады.

5. Қазіргі кезеңде Қазақстанда фильмдерді бақылаудың бірыңғай автоматтандырылған ақпараттық жүйесін іске қосу жөнінде жұмыстар жүргізілуде. Бұл ақпараттық жүйе елдегі кинотеатрларда көрсетілген фильмдердің, көрермендердің статистикасы бойынша талдамалық ақпарат алуға, олардың жүйелі мониторингін жүргізуге ықпал етеді. Осы арқылы елдегі кино нарықтағы ахуалды бақылап, ақпараттық-талдамалық қамтамасыз етуге қол жеткізуге болады.

6. Қазақстандық кинонарықтағы тенденция қарқынмен дамып келеді. Жыл сайын киносанстар мен келушілердің саны, оның ішінде ұлттық фильмдердің үлесі ұлғаюда. Отандық кино өндіруші компаниялар мен ұйымдардың саны көбеюде. Дегенмен, олардың басым көпшілігі Алматы, Нұр-Сұлтан қалаларында көп кездеседі. Бұл мәселе өңірлік кинонарықты дамыту қажеттігін тудырады. Саланың статистикалық көрсеткіштерінен жағымды өсу қарқыны байқалғанымен, қазіргі таңда пандемиялық дағдарыстық жағдайдың салдарынан Қазақстанда бірнеше айдан бері түсірілім процесі, прокат және көрсетілімдер тоқтап тұр. Кинонарықтың өкілдері елдегі әлеуметтік-экономикалық хал-ахуалдың дұрысталып, бұрынғы қалыпқа қайта оралуын күтуде.

7. Отандық кинематография саласындағы мамандар мен олардың бастамаларын қолдау шараларын бұдан кейін де жалғастыру қажет. Алдағы уақытта Қазақстанның киноиндустриясын дамыту, жаңа деңгейге көтеру бұл саладағы барлық азаматтардың жұмыла атқарған парасатты жұмысының арқасында болады.

ӘДЕБИЕТТЕР ТІЗІМІ

1. Marijke de Valck. Supporting art cinema at a time of commercialization: Principles and practices, the case of the International Film Festival Rotterdam // *Poetics*. – 2014. – № 42. – P. 40–59.
2. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2003.
3. Делёз Ж. Кино. 1983. – 318 с.
4. Blumer H. *Movies and conduct*. – N.Y., Macmillan, 1933. – 257 p.
5. Жабский М. И. Кинопроизводство в постсоветской России: семь факторов инвестиционного риска // *Социологические исследования*. – 2018. – № 4. – С. 127–138.
6. Евменов А. Д., Данилов П. В. Проблемы и перспективы развития российского кинообразования // *Петербургский экономический журнал*. – 2016. – № 1. – С. 6–11.
7. Смирнов К. Б. Совершенствование форм государственной поддержки отечественных производителей кинопродукции / дис. на канд. эконом. наук. – СПб., 2019. – 197 с.
8. Малышев А. В. Киноиндустрия как сектор «креативных индустрий»: задачи диверсифицированного подхода // *Креативная экономика*. – 2019. – Том 13. – № 7. – С. 1401–1410.
9. Ногербек Б., Ногербек Б. Казахское игровое кино: экранно-фольклорные традиции и образ героя // *Монография*. – Алматы. 2014. – 422 с.
10. Абикеева Г. Кино Центральной Азии (1990-2001). – Алматы. 2001. – 342 с.
11. Кылышбаева Б. Н., Борецкий О. М. Методологические подходы в изучении социокультурной реальности в зеркале казахстанского кино // *Вестник КазНУ. Серия психологии и социологии*. – 2019. – Том 69. – № 2. – С. 143–151.
12. Уразбаева Ш. Н. Заманауи қазақ киносындағы гендердің репрезентациясы (1991-2016) / *Философия докторы (PhD) дис.* – Алматы, 2018. – 145 б.
13. Туякбаева А. Ш. Қазақ кино өнеріндегі салт-дәстүрлер мен рухани құндылықтардың көрінісі / *Философия докторы (PhD) дис.* – Алматы, 2018. – 136 б.
14. Седых И. Киноиндустрия России [Электронды ресурс]. – 2017. – URL: <https://dcenter.hse.ru> (қарау уақыты: 07.05.2020).
15. Данилов П. В., Ртищева Т. В. Особенности государственного регулирования развития кинематографии в странах Северной Америки // *Петербургский экономический журнал*. – 2015. – № 4. – С. 48–55.
16. Антонов П. Кинобизнес в США и России: стратегия, история и перспективы // *Экономический журнал*. – 2009. – С. 134–142.
17. Кинобизнес [Электронды ресурс] // Информационный портал для профессионалов кинобизнеса [web-портал]. – URL: <https://www.proficinema.ru/guide/index.php> (қарау уақыты: 20.05.2020).
18. Захарова М. В. Государственная политика Франции как инструмент сохранения национального медиапродукта в эпоху глобализации и цифровой революции // *Медиаскоп*. – 2018. – Вып.1. – URL: <http://mediascope.ru/2412> (қарау уақыты: 21.05.2020).
19. С кого взять налог на кино? Инициатива Украины и опыт Франции, Польши, Чехии [Электронды ресурс] // *Media Resources Management [web-сайт]*. – URL: <https://mrm.ua/ru/article/193> (қарау уақыты: 21.05.2020).
20. Экспорт французской кинопродукции и поддержка кинематографа других стран [Электронды ресурс]. // Министерство Европы и иностранных дел Франции [Ресми сайт]. – URL: <https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/politique-etrangere/sotrudnichestvo-v-oblasti-kul-tury/les-domaines-d-action-de-la-diplomatie-culturelle/article/exporter-le-cinema-francais-et-soutenir-les-cinemas-du-monde> (қарау уақыты: 21.05.2020).

21. Головецкий Н. Я., Туманов А. И. Государственный протекционизм в сфере кинематографии России // Вестник Евразийской науки. – 2018. – № 3. Том 10. – С. 15.
22. Кино көрсетуді жүзеге асыратын ұйымдар қызметі [Электронды ресурс]. // Қазақстан Республикасының Ұлттық экономика министрлігінің Статистика комитеті [Ресми сайт]. – 2019. – URL: <https://stat.gov.kz/official/industry/21/statistic/7> (қарау уақыты: 25.05.2020).
23. Динамика расходов государственного бюджета за 2017-2019 годы [Электронды ресурс] // Қазақстан Республикасы Мәдениет және спорт министрлігінің [Ресми сайт]. – URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mcs/documents/details/28951?lang=ru> (қарау уақыты: 01.07.2020).
24. «Кинематография туралы» Қазақстан Республикасының 2019 жылғы 3 қаңтардағы Заңы [Электронды ресурс]. // Әділет [web-портал]. – 2019. – URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1900000212> (қарау уақыты: 15.04.2020).
25. Культура в России 2012-2019 [Электронды ресурс] // Министерство культуры Российской Федерации [web-сайт]. – URL: <https://www.mkrf.ru/activities/reports/index.php> (қарау уақыты: 02.07.2020).
26. Қазақстан Республикасы Үкіметінің 2019 жылғы 15 наурыздағы № 113 қаулысы. Ұлттық киноны қолдау мемлекеттік орталығын құру туралы [Электронды ресурс]. // Әділет [web-портал]. – 2019. – URL: <http://adilet.zan.kz/kaz/docs/P1900000113> (қарау уақыты: 15.04.2020).
27. Қазақстан Республикасы Мәдениет және спорт министрінің м.а. 2019 жылғы 15 наурыздағы № 64 бұйрығы. «Ұлттық фильмдер деп танылуға үмітті киножобаларды шығару бойынша мемлекеттік қаржылық қолдау көрсету үшін оларды іріктеу қағидаларын бекіту туралы» [Электронды ресурс]. // Әділет [web-портал]. – 2019. – URL: <http://adilet.zan.kz/kaz/docs/V1900018405> (қарау уақыты: 16.04.2020).
28. Нисневич Ю. А. Открытость, прозрачность и подотчетность государственного управления [Электронды ресурс] // Национальный исследовательский институт: Высшая школа экономики [web-сайт]. – URL: <https://www.hse.ru/data/2010/11/09/1223230150/%.pdf> (қарау уақыты: 14.04.2020).
29. 2019 жылы мемлекет тарапынан қаржыландыру үшін мақұлданған киножобалар [Электронды ресурс] // Ұлттық киноны мемлекеттік қолдау орталығы [web-сайт]. – URL: <https://kazakhcinema.kz/kz/memleketik-oldau/2019-zhyly-memleket-tarapynan-arzhylandyru-shin-maldanan-kinozhobalar/> (қарау уақыты: 14.04.2020).
30. Как карантин «режет» бюджеты казахстанских кинокартин [Электронды ресурс] // Республиканский деловой еженедельник Курсив [web-сайт]. – URL: <https://kursiv.kz/news/biznes/2020-04/kak-karantin-rezhet-byudzhety-kazakhstanskikh-kinokartin> (қарау уақыты: 25.05.2020).
31. Как зарабатывает киноиндустрия в Казахстане [Электронды ресурс] // Информационное агентство «Капитал» [web-сайт]. – URL: <https://kapital.kz/business/80476/kak-zarabatyvayet-kinoindustryia-v-kazakhstane.html> (қарау уақыты: 03.07.2020).
32. Оправдываются ли потраченные деньги налогоплательщиков на отечественное кино [Электронды ресурс] // «Хабар» агенттігі [web-сайт]. – URL: <https://khabar.kz/ru/news/obshchestvo/item/125517-opravdyvayutsya-li-potrachennye-dengi-nalogoplatelshchikov-na-otechestvennoe-kino>. (қарау уақыты: 03.07.2020).

REFERENCES

1. Marijke de Valck. (2014), “Supporting art cinema at a time of commercialization: Principles and practices, the case of the International Film Festival Rotterdam”, *Poetics*, No. 42, pp. 40–59
2. Maklyuen, M. (2003), “Ponimanie media: vneshnie rasshireniya cheloveka. Moscow (In Russian)
3. Delyoz, Zh. (1983), “Kino”, 318 p. (In Russian)
4. Blumer, H. (1933), “Movies and conduct”, N.Y., Macmillan, pp. 257 p.
5. Zhabskiy, M. I. (2018), “Kinoproizvodstvo v postsovetsoi Rossii: sem’ faktorov investicionnogo riska”, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, No. 4, pp. 127–138 (In Russian).
6. Evmenov, A. D. and Danilov, P. V. (2016), “Problemy i perspektivy razvitiya rossiiskogo kinoobrazovaniya”, *Peterburgski ekonomicheski jurnal*, No.1, pp. 6–11 (In Russian).

7. Smirnov, K. B. (2019), “Sovershenstvovanie form gosudarstvennoi podderjki otechestvennyh proizvoditelei kinoprodukcii”, dis. na kand. ekonom. nauk. Cpb. (In Russian), 197 p.
8. Malyshev, A. V. (2019), “Kinoindustria kak sektor «kreativnyh industrii»: zadachi diversifitsirovannogo podhoda”, *Kreativnaia ekonomika*. Vol. 13, No. 7. Pp. 1401–1410 (In Russian).
9. Nogerbek, B. and Nogerbek, B. (2014), “Kazahskoe igrovoe kino: ekrano-folklornye tradicii i obraz geroia”. Monograph, Almaty, 422 p. (In Russian).
10. Abikeeva, G. (2001), “Kino Centralnoi Azii (1990-2001)”, Almaty, 342 p. (In Russian).
11. Kylyshbaeva, B. N. and Boreski, O. M. (2019), “Metodologicheskie podhody v izuchenii sotciokulturnoi realnosti v zerkale kazhstanskogo kino”, *Vestnik KazNU. Seria psikhologii i sotsiologii*, Vol. 69, No. 2, pp. 143–151 (In Russian)
12. Urazbaeva, Sh. N. (2018), “Zamanaui qazaq kinosyndagy genderdin reprezentasiyas (1991-2016)”, *Filosofia doktory (PhD) dis.*, Almaty, 145 p. (in Kazakh)
13. Tuyakbaeva, A. Sh. (2018), “Qazaq kino onerindegi salt-dasturler men ruhani qundylyqtardyn korinisi”, *Filosofia doktory (PhD) dis.*, Almaty, 136 p. (in Kazakh)
14. Sedyh, Y. (2017), “Kinoindustria Rossii”, available at: <https://dcenter.hse.ru> (Accessed: May 07, 2020) (In Russian).
15. Danilov, P. V. and Rtishcheva, T. V. (2015), “Osobennosti gosudarstvennogo regulirovaniya razvitiya kinematografii v stranah Severnoi Ameriki”, *Peterburgskii ekonomicheskii zhurnal*, No. 4, pp. 48–55 (In Russian).
16. Antonov, P. (2009), “Kinobiznes v SShA i Rossii: strategiya, istoria i perspektivy”, *Ekonomicheskii zhurnal*, pp. 134–142 (In Russian).
17. “Kinobiznes”, *Informatsionnyi portal dlya professionalov kinobiznesa*, available at: <https://www.profcinema.ru/guide/index.php> (Accessed: May 20, 2020) (In Russian).
18. Zaharova, M. B. (2018), “Gosudarstvennaya politika Fransii kak instrument sohraneniya national'nogo mediaprodukta v epohu globalizatsii i tsifrovoy revoliutsii”, *Mediascope*, Vol. 1, available at: <http://mediascope.ru/2412> (Accessed: May 21, 2020) (In Russian).
19. “S kogo vzjat' nalog na kino? Initsiativa Ukrainy i opyt Francii, Pol'shi, Chehii”, *Media Resources Management*, available at: <https://mrm.ua/ru/article/193> (Accessed: May, 21, 2020) (In Russian).
20. “Eksport frantsuzskoi kinoprodukcii i podderzhki kinematografa drugih stran”, available at: <https://www.diplomatie.gouv.fr/ru/politique-etrangere/sotrudnichestvo-v-oblasti-kul-tury/les-domaines-d-action-de-la-diplomatie-culturelle/article/exporter-le-cinema-francais-et-soutenir-les-cinemas-du-monde> (Accessed: May, 21, 2020) (In Russian).
21. Goloveski, N. Ia. and Tumanov A. I. (2018), “Gosudarstvennyi proteksionizm v sfere kinematografii Rosii”, *Vestnik Evraziiskoi nauki*, Vol. 10, No 3, p. 15 (In Russian).
22. “Kino korsetudi juzege asyratyn uymdar qyzmeti”, available at: <https://stat.gov.kz/official/industry/21/statistic/7> (Accessed: May, 25, 2020) (In Kazakh).
23. “Dinamika rashodov gosudarstvennogo byudzhetza za 2017-2019 gody”, *Qazaqstan Respublikasy Madeniet jane sport ministriginin resmi internet-resursy*, available at: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mcs/documents/details/28951?lang=ru> (Accessed: July, 1, 2020) (In Russian).
24. “«Kinematografia turaly» Qazaqstan Respublikasynyń 2019 jylgy 3 qantardaǵy Zańy” (2019), available at: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1900000212> (Accessed April, 15, 2020) (In Kazakh).
25. “Kul'tura v Rossii 2012-2019”, *Ministerstvo kul'tury Rossijskoj Federacii*, available at: <https://www.mkrf.ru/activities/reports/index.php> (Accessed: July, 2, 2020) (In Russian).
26. “Qazaqstan Respublikasy Ukimetin 2019 jylgy 15 nauryzdagy № 113 qaulysy. Ulttyq kinony qoldau memlekettik ortalygyn quru turaly (2019)”, available at: <http://adilet.zan.kz/kaz/docs/P1900000113> (Accessed: April, 15, 2020) (In Kazakh).
27. “Qazaqstan Respublikasy Madeniet jane sport ministrinin m.a. 2019 jylgy 15 nauryzdagy № 64 buirgy. «Ulttyq filmdar dep tanylyu umitti kinojobalary shygaru boiynsha memlekettik qarjylyq qoldau korsetu ushin olardy iriktu qagıdalaryn bekıtu turaly»” (2019), available at: <http://adilet.zan.kz/kaz/docs/V1900018405> (Accessed: April, 16, 2020) (In Kazakh).

28. Nisnevich, Iy. A., “Otkrytost’, prozrachnost’ i podotchetnost’ gosudarstvennogo upravleniya”, available at: <https://www.hse.ru/data/2010/11/09/1223230150/%.pdf> (In Russian).

29. “2019 zhyly memleket tarapynan qarzhylandyru ushin makuldangan kinozhobalar”, Ulttyq kinony memlekettik qoldau ortalygynyn resmi internet-resursy, available at: <https://kazakhcinema.kz/kz/memlekettik-oldau/2019-zhyly-memleket-tarapynan-arzhylandyru-shin-maldanan-kinozhobalar/> (Accessed: April, 14, 2020) (In Kazakh).

30. “Kak karantin «rezhet» byudzhety kazakhstanskih kinokartin”, Respublikanskii delovoi ezhenedel’nik Kursiv, available at: <https://kursiv.kz/news/biznes/2020-04/kak-karantin-rezhet-byudzhety-kazakhstanskih-kinokartin> (Accessed: May, 25, 2020) (In Russian).

31. “Kak zarabatyvaet kinoindustriya v Kazakhstane”, Informatsionnoe agentstvo «Kapital», available at: <https://kapital.kz/business/80476/kak-zarabatyvayet-kinoindustriya-v-kazakhstane.html> (Accessed: July, 3, 2020) (In Russian).

32. “Opravdyvayutsya li potrachennyye den’gi nalogoplatel’shchikov na otechestvennoe kino”, «Habar» agenttigi, available at: <https://khabar.kz/ru/news/obshchestvo/item/125517-opravdyvayutsya-li-potrachennyye-dengi-nalogoplatelshchi-kov-na-otchestvennoe-kino>. (Accessed: July, 3, 2020) (In Russian).

SUMMARY

In the article the author considers the importance and topical issues of state support and financing of the development of Kazakhstan’s cinematography. The need for the development of cinematography as a sector of the economy, the expansion of the share of domestic films in the film market was justified.

ТҮЙІНДЕМЕ

Мақалада автор қазақстандық кинематографияны дамытудағы мемлекеттік қолдау мен қаржыландырудың маңызы мен өзекті мәселелерін қарастырады. Экономиканың бір саласы ретінде кинематографияны дамытудың, кинонарықтағы отандық фильмдердің үлесін арттырудың қажеттілігі негізделеді.

РЕЗЮМЕ

В статье автор рассматривает важность и актуальные вопросы государственной поддержки и финансирования развития казахстанского кинематографа. Обоснована необходимость развития кинематографии как сектора экономики, увеличения доли отечественных фильмов на кинорынке.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Манақбаева Айгерім Бөкейханқызы – докторант Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан, Нур-Султан, Республика Казахстан, e-mail: aigerim_mb@mail.ru

MPHTI 06.71.57

JEL Classification: Z32

SACRED TOURISM IN THE HOSPITALITY INDUSTRY OF KAZAKHSTAN

A. Uaisova¹, S. D. Ussubaliyeva², S. S. Rakymshanova³

^{1,3}Kazakh Ablai khan University of International Relations and World Languages,
Almaty, Republic of Kazakhstan

²Narxoz University, Almaty, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

The purpose of the study. Is to reveal the significance of sacred tourism in reviving the spirituality of society, educating the younger generation, and to show the place of sacred tourism in the general system of tourist services. This is due to the fact that the demand for tourism services and the desire to meet personal needs provokes the development of entrepreneurship in the tourism industry, as well as tourism infrastructure and suprastructure.

Methodology. The work used methods such as system analysis, synthesis, logical grouping and assumptions, on the basis of which conclusions were drawn about the further development of sacred tourism.

The originality / value of the research. Lies in the study of the development of sacred tourism in Kazakhstan, which has not been sufficiently studied in theory and practice, and is also not fully represented in official publications.

The article shows the current state of sacred tourism and related infrastructure. The study of the development of sacred tourism in Kazakhstan is based on an analysis of the state and possibilities of sacred tourism diversification. The solution to the development of sacred tourism should contribute to the further economic, historical and cultural development of the country.

The results of the study. Give grounds to draw conclusions showing the importance of sacred tourism in the development of the spirituality of society and the younger generation, its problems and prospects for diversification.

Keywords: archaeological heritage, international tourism, sacred tourism, sacred places, sacral.

ҚАЗАҚСТАННЫҢ ҚОНАҚЖАЙЛЫЛЫҚ САЛАСЫНДАҒЫ КИЕЛІ ТУРИЗМ

A. Уайсова¹, С. Д. Усубалиева², С. С. Рақымжанова³

^{1,3}Абылай хан атындағы Қазақ халықаралық қатынастар және әлем тілдері университеті,
Алматы, Қазақстан Республикасы

²Нархоз Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеудің мақсаты. Қасиетті туризмнің қоғамның рухани жаңғыруындағы, жас ұрпақты тәрбиелеудегі маңыздылығын ашып көрсету, қасиетті туризмнің жалпы туристік қызмет жүйесіндегі орнын көрсету. Бұл туристік қызметтерге деген сұраныс пен жеке қажеттіліктерді қанағаттандыруды туризм индустриясындағы кәсіпкерліктің, сондай-ақ туристік инфрақұрылым мен инфрақұрылымның дамуына түрткі болатындығына байланысты.

Әдіснамасы. Жұмыста жүйелік талдау, синтез, логикалық топтау және болжамдар сияқты әдістер қолданылды, соның негізінде қасиетті туризмнің одан әрі дамуы туралы қорытынды жасалды.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы. Теория мен практикада жеткілікті зерттелмеген, сонымен қатар ресми басылымдарда толық ұсынылмаған Қазақстандағы қасиетті туризмнің дамуын зерттеуге негізделген.

Мақалада қасиетті туризмнің және онымен байланысты инфрақұрылымның қазіргі жағдайы көрсетілген. Қазақстандағы киелі туризмнің дамуын зерттеу қасиетті туризмнің жағдайы мен әртараптандыру мүмкіндіктерін талдауға негізделген. Қасиетті туризмді дамыту мәселесі елдің одан әрі экономикалық, тарихи және мәдени дамуына ықпал етуі керек.

Зерттеу нәтижелері. Қасиетті туризмнің қоғам мен өскелең ұрпақтың рухани дамуындағы маңыздылығын, оның проблемалары мен әртараптандыру перспективаларын көрсететін қорытынды жасауға негіз береді.

Түйін сөздер: археологиялық мұра, халықаралық туризм, қасиетті туризм, қасиетті орындар, сакральдық.

САКРАЛЬНЫЙ ТУРИЗМ В ИНДУСТРИИ ГОСТЕПРИИМСТВА КАЗАХСТАНА

А. Уайсова¹, С. Д. Усубалиева², С. С. Рақымжанова³,

^{1,3}Казахский университет международных отношений и мировых языков имени
Абылай хана, Алматы, Республика Казахстан

²Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Целью исследования является раскрытие значения сакрального туризма в возрождении духовности общества, воспитании подрастающего поколения, и показать место сакрального туризма в общей системе туристских услуг. Это связано с тем, что спрос на туристские услуги и желание удовлетворения личных потребностей провоцирует развитие предпринимательства в отрасли туризма, а также туристской инфраструктуры и супраструктуры.

Методология. В работе использовались такие методы, как системный анализ, синтез, логическая группировка и предположения, на основании которых были сделаны выводы о дальнейшем развитии сакрального туризма.

Оригинальность / ценность исследования. заключается в исследовании развития сакрального туризма в Казахстане, которое недостаточно изучено в теории и практике, а также не в полной мере представлено в официальных публикациях.

В статье показано современное состояние сакрального туризма и сопутствующей инфраструктуры. Исследование развития сакрального туризма в Казахстане основано на анализе состояния и возможностей развития сакрального туризма. Решение вопросов развития сакрального туризма должно способствовать воспитанию нового поколения и историко-культурному развитию страны.

Результаты исследования дают основание сделать выводы, показывающие значение сакрального туризма в развитии духовности общества и подрастающего поколения, его проблемы и перспективы диверсификации.

Ключевые слова: археологическое наследие, международный туризм, сакральный туризм, сакральные места, сакрал.

ВВЕДЕНИЕ

Основная идея статьи заключается в раскрытии роли и воздействия сакрального туризма на духовное и историческое развитие народа и всего мирового сообщества.

Значение исследования можно обозначить как изучение вопросов развития сакрального туризма, которое актуально для Казахстана, который только с обретением независимости смог возродить национальные традиции и сформировать мультинационального историко-культурного наследия.

Развитие туризма, в том числе сакрального, имеет важное значение для историко-культурного развития страны, воспитания нового поколения, консолидации жителей регионов, а также повышения занятости, населения, приток инвестиций для создания и поддержания инфраструктуры [1].

Помимо этого, сакральный туризм является инструментом исторического и культурного возрождения, которое проявляется посредством популяризации археологических раскопок и памятников старины.

Диверсификация сакрального туризма должна производиться с использованием новейших технологий, в числе которых цифровизация, информатизация и интернетизация [2].

Вышеуказанные аспекты определяют актуальность темы исследования, а также формируют задачи, которые должны быть рассмотрены в статье.

Для исследования вопросов развития сакрального туризма были поставлены следующие задачи:

- Раскрыть роль и значение сакрального туризма для духовного развития граждан, а также развития разветвленной инфраструктуры регионов;

- Определить цели развития и диверсификации сакрального туризма;

- Охарактеризовать основные проблемы Казахстана в развитии сакрального туризма;

- Обозначить перспективы диверсификации сакрального туризма.

Сакральный туризм занимает особое место в общей сфере туризма, так как рассчитан на определенную группу почитателей сакральных мест или памятников. В то же время, сакральный туризм представлен историческими и архитектурными памятниками и раритетами, которые могут заинтересовать всех людей, не являющихся адептами сакральности [3].

Для этих целей необходимо формирование «сакральной географии» страны, вокруг который будет формироваться туристский кластер со всеми службами обеспечения. Формирование туристского кластера с целью экономического развития необходимо для развития культурного, исторического потенциала, с целью дальнейшего включения исторических и архитектурных памятников в список культурного наследия ЮНЕСКО, воспитательное значение для подрастающего поколения, наверно это более актуально для данного вида туризма.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Сакральный туризм является одним из направлений рынка туристических услуг, который дает возможность сохранять историко-культурное наследие за счет туризма.

Термин «сакрал» или «сакральное» произошло от английского слова «sacral» и латинского «sacrum», что переводится как священное, имеющее отношение к божественному, религиозному, иррациональному, мистическому.

К сакральному, во-первых, относится все, отличающееся от обыденных вещей, понятий, явлений.

С другой стороны, понятие сакральное появилось не в религиозном, а в научном лексиконе и используется при описании всех религий, в том числе язычество, верования и мифология.

Следующее понятие сакрального объединяет все, что создает, восстанавливает или подчеркивает связь человека с потусторонними явлениями.

Существует несколько позиций, с которыми связано понятие сакрального, в числе которых основными являются [4-9]:

нуминозность,

хтоническое,

индифферентное отношение к системе знакового обмена,

несоответствие идее количественного,

неартикулированный и скрытый характер,

представление о сакральном как о Другом.

Понятие «сакральный туризм» является современным, хотя само явление известно с древних времен. Сакральный туризм является разновидностью религиозного туризма, к которому также относятся паломничество и эзотерический туризм [10].

Людей всегда привлекали необъяснимые возможности некоторых мест на Земле, которые связаны с мистическими явлениями или целительными свойствами этих мест. В прошлые эпохи люди посвящали себя поискам сакрального и невидимой магической энергии, так как полагали, что эти места являются жилищами духов или богов. Для почитания неведомых сил люди возводили храмы или обиталища, которые до сих пор вызывают определенный интерес и вопросы.

Практически каждая страна предлагает особые достопримечательности, имеющие сакральный характер, которые развивались на протяжении многих столетий и даже тысячелетий. Сакральный туризм в Казахстане развивается около 30-50 последних лет, так как в предыдущие периоды общественно-политический и экономический уклад жизни не способствовал интересу к сакральным местам.

К объектам сакрального туризма относятся:

- Сакральные объекты природного происхождения;
- Сакральные объекты, имеющие археологическое и архитектурное значение;
- Сакральные объекты, являющиеся местами поклонения;
- Сакральные объекты, связанные с историческими личностями;
- Сакральные объекты, связанные с историческими и политическими событиями.

В борьбе с неведомым люди опирались на силы природы, и поэтому старались жить в гармонии с окружающей средой. Определенные места способствовали спокойной и комфортной жизни, в других – люди излечивались от ран и болезней, в результате чего определялись «особые» места. Постепенно к таким местам стали приходить страждущие в исцелении и помощи, создавались легенды, мифы и сказания, в которых приводились данные о необычных свойствах этих мест [11].

Сакральное место или пространство, объединенное понятием иеротопия, что означает в переводе с древнегреческого, «священное место или пространство, представляет собой определенный вид творчества и историко-культурных исследований, в который входят святые места, архитектурные комплексы, города и даже целые государства [12].

Изучению сакрального посвящены работы ученых, историков, археологов и теологов Мирча Элиаде [13], Рудольфа Отто [14], Павла Флоренского [15] и других.

Понятие «сакрального» не является религиозным в чистом виде, а больше используется в научном лексиконе для определения явлений природы, земли и неба [16].

Многие путешественники руководствовались интересами к сакральным местам с необычными феноменальными явлениями и характеристиками [17]. Многие сакральные памятники превратились со временем в культы религиозного поклонения, хотя изначально имели небесное или земное происхождение, например, метеориты, памятники древних цивилизаций или необычные творения людей [18].

Поклонение святыням носило религиозный характер, но имело сакральный и паломнический смысл, так как предполагало, что люди должны пройти через определенные трудности для очищения души [19].

Общим для сакрального туризма является то, что люди ищут места, где они могут излечить свое тело и душу, познать себя и мир через призму истории и общество [20].

Основные элементы инфраструктуры для обслуживания сакрального туризма базируются на удовлетворении основных потребностей людей, причем с учетом предпочтений туристов (рисунок 1). Для учета предпочтений туристов следует проводить дополнительные исследования, учитывая половозрастные группы и экономические возможности клиентов. Половозрастные группы формируются только по пожеланиям туристов, но необходимо учитывать их физические и моральные качества. Отдельная категория туристов предпочитает аскетизм и наибольшее приближение к природе на грани экстрима. Другие туристы хотят окунуться в природу, но с максимальным комфортом и так далее.

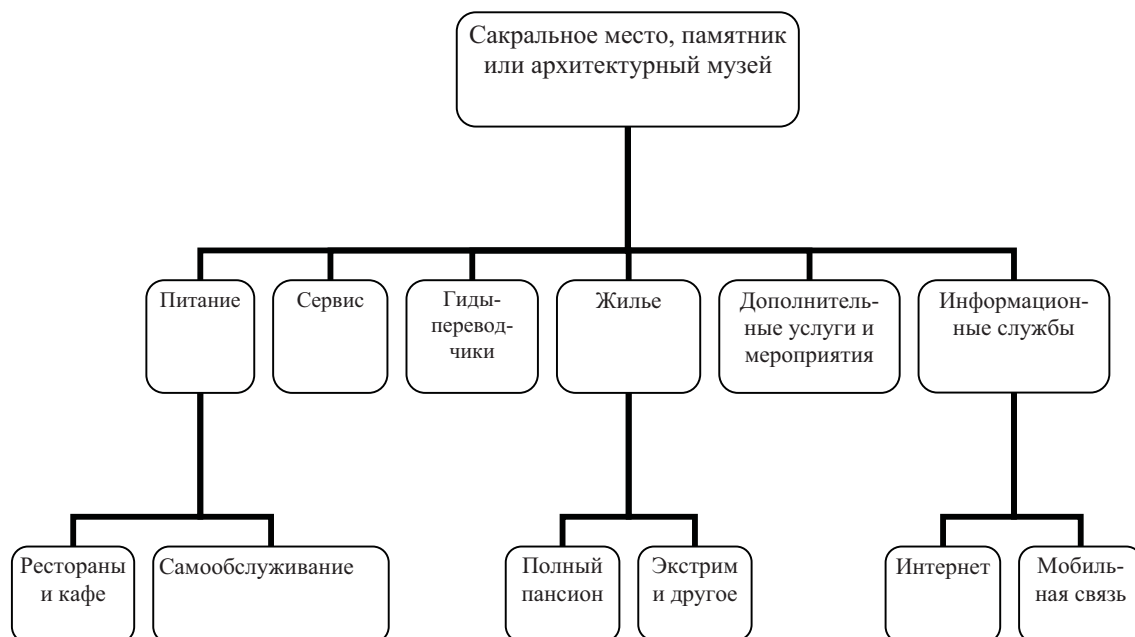

Рисунок 1 – Инфраструктура сервиса сакрального туризма

Примечание – составлено авторами

Исследуя предпочтения туристов, следует делать корреляцию от минимума к максимуму для создания соответствующей инфраструктуры (рисунок 2).

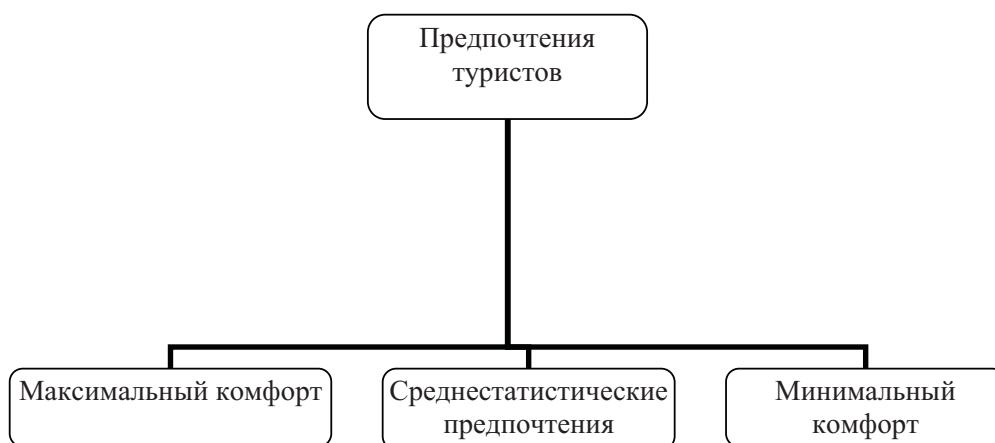

Рисунок 2 – Корреляция предпочтений туристов для создания инфраструктуры

Примечание – составлено авторами

Как правило, сакральные объекты располагаются далеко от крупных городов и даже населенных пунктов, особенно, учитывая расстояния в Казахстане. Эта проблема требует рациональной транспортно-логистической системы для доставки туристов в сакральные места и вывоза их в определенные сроки. Все это следует рассчитать и определить с использованием хронометража для расчета пассажиропотока. На объектах сакрального туризма необходимо периодически пополнять запасы предметов первой необходимости, сопутствующих товаров и сувенирной продукции. Для этого следует рассчитать объем и периодичность грузоперевозок.

На крупных объектах сакрального туризма возможно содержание своего транспорта для пассажи-ро- и грузоперевозок, что даст возможность регулировать движение транспорта в соответствии с на-плывом туристов.

Туристы, как правило, приобретают сувенирную и сакральную продукцию в сакральных местах, в связи с чем, вероятно развитие малого и среднего бизнеса по изготовлению амулетов, сувениров, фото-графий и буклетов. Также перспективно открытие кафе и ресторанов национальной кухни, максималь-но приближенной к эпохе открытия сакрального места. В таких местах туристы из других стран могут попробовать кумыс и шубат, которые производятся в ограниченном количестве стран. В Германии и Австрии запатентовано производство ферментированного сухого кумыса, а также проводится фести-валь кумыса, которые опосредованно служат популяризации Казахстана [21].

Также представляют интерес особенности многонациональной кухни Казахстана, которые имеют особенности и местный колорит. Немаловажно использование при приготовлении национальных на-питков и пищи экологически чистого продукта без генетически модифицированного организма (ГМО) и химикатов. Вследствие увеличения потребности в продуктах питания в туристских центрах возника-ет потребность в развитии кооперации с сельскохозяйственными производствами, в том числе эколо-гического направления.

Сувенирная продукция в Казахстане издревле производилась из отходов мясо-молочной промыш-ленности и агрокультур. Наряду с таким природным сырьем для производства сувениров, как сере-бро, полудрагоценные камни, дерево, казахи издревле использовали для изготовления сувениров кожу, войлок и другое сырье растениеводства, животноводства и рыболовства. Таким образом, возможно, наладить безотходное производство и обеспечить занятость местного населения.

На пути следования к сакральным местам должны быть оборудованы места остановок, так как рас-стояние может быть достаточно большим, что занимает много времени. Туристам необходимо справ-лять естественные потребности, для которых транспорт не всегда приспособлен. В таких местах также могут быть оборудованы заправки, туалет, минимаркеты и прочие пункты сервиса.

В настоящее время практически все люди пользуются гаджетами, которые требуют подзарядки. Для этих целей в экскурсионных автобусах или транспорте дальнего следования могут быть оборудованы гнезда для подключения зарядных и прочих устройств, желательно на каждом пассажирском месте. То есть, следует учитывать максимум требований для комфортного путешествия и пребывания в сакраль-ных местах [22].

Таким образом, развитие сакрального туризма, как любого сектора будет способствовать развитию сопутствующих услуг и производств, так как путешествующим необходима социальная инфраструкту-ра для восстановления сил после длительного, как правило, путешествия, а также сувениры – на память и др. Все это может обеспечить занятость населения, развитие региональной экономики.

Кроме исторических памятников на территории Казахстана много археологических памятников, раскопки на которых проводились активно со времен СССР. В конце 1970-х годов на территории Ис-сыкского кургана был найден молодой воин в богатом убранстве, которого стали называть «золотой человек», а с 1990-х годов он стал символом независимости Казахстана.

Археологические раскопки последних десятилетий показывают сохранность курганов, что свиде-тельствует о духовности народов страны, которые сберегли устные предания, захоронения предков и народные сказания.

Истоки происхождения народа, населявшего территорию Казахстана возможно восходят к эпохе ариев, живших здесь во II веке до нашей эры (до н.э.). Затем последующий сакский период в I веке до н.э., более известный по периоду царствования Томирис, давшей отпор войскам Кира. Следующий период великой гуннской эры охватывает период с IV века до н.э. и до господства тюрков, знамени-тельный походом гуннов под предводительством Аттилы в Европу.

Немаловажное значение при развитии сакрального туризма имеет возрождение туризма по «Вели-кому Шелковому пути», который протекает по Алматинской, Жамбылской, Кызылординской и Южно-Казахстанской областям. Далее путь протекает по Восточно-Казахстанской, Мангистауской и Кара-гандинской областям, которые имеют рекреационные и исторические возможности для привлечения туристов [23].

Формирование сакральной карты страны увязывается с комплексами памятников вокруг Улытау, Туркестана, Тараза и Семиречья. Консолидация сакральных мест на территории Казахстана представляет собой сложный процесс, так как находится на грани мистического и духовного. Это могут быть знаковые исторические или мифологические места, важные для этногенеза.

Многие сакральные места создаются стихийно, посещаются туристами по рекомендации друзей и знакомых, а информация передается людьми друг другу устно. Отдельные памятники старины, имеющие сакральное значение, охраняются государством и по мере надобности реставрируются. При этом происходит градация памятников старины и сакральных мест по степени важности для государства и значимости для истории, археологии.

Многие сакральные места овеяны легендами или сказаниями, историческая достоверность которых не всегда очевидна, но для людей они являются святыми.

Улытау, пик Аулиетау (Акмешит) или вершина гор Улытау является одним из таких известных сакральных мест. С казахского языка «Улытау» переводится как «великая гора» или «большая гора», хотя горы эти фактически не очень высокие. Название имеет скорее сакральный смысл, так как эти горы почитаются с древних времен и хранят святыни кочевников.

Легенды гласят, что в этих горах родился пророк Заратустра (Зараостра), а в средние века были захоронены ханы-чингизиды и другие выдающиеся люди. Также с этими горами связана древняя легенда о шести алашских племенах, которые являлись предками казахского народа. Издревле все исторические решения казахские ханы принимали возле массива Улытау, так как народ сакрализировал это место и поклоняется до сих пор.

Недалеко от Улытау находится Пик Едыге, на вершине которого находится место захоронения уважаемого бия Едыге и хана Золотой Орды Тохтамыша (Токтамыса). Они считаются основателями Ногайской орды в XIV–XV веках, что является историческим фактом, а их имена и деяния упоминаются в эпосах многих тюркских народов. Сведения о Тохтамыше и Едыге впервые приводятся в трактатах арабского писателя ибн Арабшаха.

С именем Тамерлана связана гора Алтын шоқы («Золотая пика»), на пике которой ханом был установлен огромный каменный памятник. Легенда гласит, что Тамерлан приказал каждому воину принести камень на вершину горы и, расплавив метеоритные камни, сделать надпись. Этот артефакт находится в музее г. Санкт-Петербург и состав сплава до сих пор не раскрыт.

В Центральном Казахстане располагается урочище Теректы, в котором создан историко-археологический комплекс Теректы Аулие (Святой Тополь). Комплекс представляет собой галерею наскальных рисунков-петроглифов, стоянки древних людей эпохи неолита, некрополей эпохи бронзы, курганов железного века и остатков штолен, в которых добывалась руда и минералы. Этот исторический памятник представляет интерес не только для туристов, но и для ученых различных стран, так как демонстрирует уклад жизни древних людей различных эпох.

Древняя легенда гласит, что во времена Алтын орды вдоль реки Сарысу располагались исторические мавзолеи Жубан ана, Болган ана, Белген ана, к которым совершались паломничества. Помимо сакрального интереса эти мавзолеи отличает уникальная архитектура со сложными строительными приемами купольно-центрического сооружения. Особенно знаменит мавзолей Жубан ана (Жуан аулие), построенный в XI веке и почитаемый как «аулие мола».

Одним из крупнейших и древних сооружений из камня Казахстана доисламского периода (времен гуннов) является Мавзолей Домбауыл, датируемый VIII–IX веками. Существуют различные версии легенды про Домбауыла, в которых говорится, что он был музыкантом и его имя упоминается в тюркском эпосе «Огуз-наме». Ученые предполагают, что Домбаул скорее всего собирательный образ, фольклорный персонаж, а не историческая личность [24].

Одним из самых знаменитых и выдающихся памятников казахского зодчества монгольского периода является памятник архитектуры XII–XIII вв. Мавзолей сына Чингисхана Жошы хана (Джучи-хана). Ставка Жошы хана находилась у подножья гор Улытау в степях Дешт-и-кыпчака.

Мавзолей Алаша-хана построен в X–XI веках в честь Алаша хана, который напрямую связан с появлением трех жузов казахского народа [25, С. 391–393]. Алаша (Алаш) хан по легенде, является

прародителем шести основных племен «Шести алашей», последовавших за шестью сыновьями Огуза (таблица 1).

Таблица 1 – Исторические и сакральные памятники Карагандинской области, имеющие республиканское назначение

Геолокация	Название памятника или сакрального места
с. Актогай	захоронение Бегазы
п. Жана-Арка	Комплекс захоронений Айдарлы, захоронение Сангыру 2, захоронение Айшырака
г. Каркаралы	захоронение Мади Бапи-улы Кызылкентский дворец
с. Улытау	мавзолей прославленных людей: Айранбая, Алаша, Аяхамыра, Болган-ана, Джучи, Жуздена, Кетebая, Лабака, Маката раскопки городища Баскамыр
с. Шеты	Захоронения Талды 1 и Бугулы 2
Примечание – составлено автором по данным источника [25]	

На юге Казахстана наиболее почитаем Мавзолей Айши биби, датируемый XII веком и не имеющий аналогов в архитектуре Казахстана. Мавзолей олицетворяет памятник любви и скорби, согласно многочисленным легендам, и является местом паломничества женщин, мечтающих иметь детей [25, С. 273-276].

Чуть позже рядом был возведен Мавзолей Бабаджа Хатун, которая была преданной няней Айша биби и после ее смерти была смотрителем мавзолея своей любимицы. Мавзолей Айша биби и Бабаджа Хатун находятся в двадцати шагах друг от друга [26, С. 179-181]. Сегодня к двум мавзолеям приходят женщины просить о супружеском счастье, о потомстве и верности. Особенностью мавзолея Бабаджи хатун является уникальный 16-реберный купол-шатер, установленный на 16-реберном звездчатом барабане (таблица 2). Второй мавзолей с 16-реберным шатром Мавзолей Кумбез Манаса возведен в XV веке и относится к монгольскому периоду.

Таблица 2 – Исторические и сакральные памятники Жамбылской области, имеющие республиканское назначение

Геолокация	Название памятника или сакрального места
г. Тараз	городище, мавзолей знаменитых исторических личностей, таких как Карахан, Тектурмас, Шамансур, мечети Абдукадыра, Айлие ата, Наметбая
Байзак	Несколько городищ: Барсхан (Тортколь), Костобе, Оххум, Туймекент
Джамбульский район	Мавзолей Айша-биби и Бабаджи хатун, Архитектурный и археологический комплекс Акыртас, Жалпактобе
с. Жуалын	Захоронение Берккара
с. Мерке	Археологический город Мерке
с. Сарысу	захоронение Шокай Датка
с. Талас	Несколько стоянок: Акколь, Бориказган, Танирказган, а также мечети Каракожа и Абдулла Ишан
с. Турара Рыскулова	городища Кулан и Орнек
с. Шу	Актобе городище
Примечание – составлено автором по данным источника [26]	

На востоке Казахстане также много сакральных мест, одним из которых является пещера Коныр-Аулие в горе Актас. Пещера является популярным сакральным местом для туристов и паломников, так как это место имеет оптимальную температуру. В пещере также имеется уникальный водоем с пресной водой [27].

Много уникальных и необычных сакральных мест туристы посещают в Алматинской области и в г. Алматы, из которых 17 макрообъектов включены в список общенациональных сакральных объектов и 41 микрообъект включен в список региональных сакральных объектов Казахстана [28].

Таблица 3 – Памятники истории и культуры республиканского значения в Алматинской области

Сакральное место	Краткое описание	Расположение
Археологический комплекс Тамгалы	В комплекс Тамгалы входят древние поселения, наскальные рисунки петроглифы. Имеются захоронения людей бронзового и железного веков.	Джамбульский район
Иссыкские курганы	В кургане возле с. Иссык был найден «Золотой человек», а также различные виды вооружения и утварь. Все предметы находятся в музее, а Золотой человек стал символом независимости и древней культуры страны	с. Иссык
Пик Хан Тенгри	Хан Тенгри является наивысшей точкой в Казахстане высотой 7010 метров.	с. Раимбек
Каньон Чарын	Каньон Чарын является уникальным памятником природы, имеющий аналог в Северной Америке, который называется Великий каньон. Ниже по течению реки Чарын находится реликтовая Ясенева роща, которая входит в состав Памятников природы	с. Кеген
Койлык	Это городище находится в Саркандском районе Алматинской области и являлся культурно экономическим центром 13-14 веков.	г. Сарканд
Тамшы-Булак	Источник Тамшы-Булак находится в с. Капал и считается священным. Вода родника применялась для лечения человека.	с. Аксу
Примечание – составлено автором по данным источника [28]		

С 27 июня 2019 г. Чарынский каньон был включен в карту сакральных мест Казахстана. Во всемирное культурное наследие ЮНЕСКО входят 4 объекта из Казахстана:

1. С 2003 года уникальный мавзолей Ходжа Ахмед Яссауи в г. Туркестан.
2. С 2004 года петроглифы Тамгалы в Алматинской области.
3. С 2008 года степи и озера Сары-Арка.
4. С 2014 года маршрут Тянь-Шанского Шелкового пути.

Еще 13 объектов на территории Казахстана включены в предварительный список Всемирного наследия ЮНЕСКО [29].

Таким образом, сакральный туризм и сакральные места являются объектами пристального внимания ученых различных специальностей, туристов и жителей данных регионов, интересующихся историей, национальной культурой, так как развитие туризма и сохранение уникальных сакральных мест являются задачей всех людей.

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ (ВЫВОДЫ)

Представленное исследование было предпринято с целью раскрытия роли сакрального туризма в возрождении духовности общества и подрастающего поколения, а также в развитии туризма. Развитие сакрального туризма предназначено не только для привлечения туристов, но и для удовлетворения духовных потребностей людей.

Основной целью развития и расширения услуг сакрального туризма является удовлетворение духовных потребностей людей, повышение культурного уровня, знаний и сохранения душевного здоровья населения

Определенная градация предполагает следующее деление сакральных объектов по уровням:

- государственный уровень для исторически достоверных памятников,
- региональный, общезначимый, не обязательно исторически достоверный, но имеющий сакральный смысл для посетителей;
- местного значения, не имеющие исторического значения.

Проблемы развития сакрального туризма в Казахстане можно обозначить следующим образом:

- недостаточная поддержка научных исследований в области сакрального туризма;
- отсутствие санитарно-гигиенических помещений недоступность сакральных мест ввиду отсутствия качественных дорог и транспорта;
- низкое качество сервиса и безопасности туристских услуг.

Основными перспективами развития сакрального туризма в Казахстане являются:

- Информатизация и цифровизация туристской отрасли и сакральных мест;
- Открытие новых археологических памятников и парков для посещения туристами;
- Развитие градообразующих туристских центров и развитие инфраструктуры в сельских районах и отдаленных регионах для обеспечения занятости населения.

Для достижения целей и задач исследования необходима популяризация сакрального наследия Казахстана в средствах массовой информации, в социальных сетях. Также следует подавать заявки для увеличения количества национальных памятников в культурном наследии ЮНЕСКО.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аубакирова Ж. Я., Айтбембетова А. Б., Сидоренко Е. Н. Конкурентоспособность туристской отрасли Казахстана в условиях технологической модернизации // Вестник КазНУ. – № 4 (126). – 2018. – С. 190–201.
2. Зиядин С. Т., Сүйеубаева С. Н., Кайдарова С. Е., Сарманова Ж. А. Цифрлы экономика негізінде туризм индустриясының жағдайы мен болашағы // Вестник КазНУ. – № 2 (124). – 2018. – С. 176–185.
3. Сакральная любовь к Родине // Sputnik Kazakhstan [web-сайт]. – 2017. – URL: <https://ru.sputniknews.kz/analytics/20170510/2212805/sakralnaya-lyubov-k-rodine.html> (дата обращения: 08.04.2020).
4. Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. – СПб.: СПбГУ, 2008. – 274 с.
5. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. – М.: ОГИ, 2003. – 296 с.
6. Васильева Е. Феномен женского и фигура сакрального Архивная копия от 7 января 2017 на Wayback Machine // Теория моды: тело, одежда, культура, –2017. – № 42. – С. 160–189.
7. Tarot C. Le symbolique et le sacré: Théones de la religion, Édi tions de la Découverte. – M.A.U.S.S., 2008. – 860 p.
8. Ямпольский М. Сакральное и воображение Архивная копия от 8 января 2017 на Wayback Machine // Новое литературное обозрение. – 2012. – № 118. – С. 35–40.
9. Зенкин С.. Небожественное сакральное: Теория и художественная практика. – М.: РГГУ, 2012. – 537 с.
10. Кляп М. П., Шандор Ф. Ф. Сучасні різновиди туризму. – К.: Знання, 2011. – 334 с.
11. Tsuji Sh. Creating an Iconic Space. The transformation of Narrative Landscape // сборник «Пространственные иконы. Перформативное в Византии и Древней Руси». – М.: «Индрик», 2011. – С. 627–642.
12. Isar N. Vision and Performance: A Hierotopic Approach to Contemporary Art // Иеротопия. Сравнительные исследования сакральных пространств. – М.: «Индрик», 2009. – С. 341–375.
13. Элиаде М. Посулы равноденствия. Мемуары. Т. I (1907—1937). – М.: Критерион, 2008. – 464 с.
14. Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным (1917) / Пер. Руткевича А.М. — СПб: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 2008. – 274 с.
15. Флоренский П. А. Обратная перспектива // Флоренский П. А., священник. Соч. в 4-х тт. – Т. 3 (1). – М.: Мысль, 1999. – С. 46–98.
16. Кайуа Р. Миф и человек. Человек и сакральное. – М.: ОГИ, 2003. – 296 с.
17. Ямпольский М. Сакральное и воображение. Архивная копия от 8 января 2017 на Wayback Machine // Новое литературное обозрение. 2012. – №118. – С. 35–40.
18. Зенкин С. Небожественное сакральное: Теория и художественная практика. – М.: РГГУ, 2012. – 156 с.

19. Селезнёв А. Г. Исламские культовые комплексы как иеротопии: сакральные пространства и религиозная идентичность. // *Вестник археологии, антропологии и этнографии*. – 2013. – № 2 (21). – С. 111 *Архивная копия* от 2 апреля 2015 на *Wayback Machine*.
20. Levent A., Paraskevas A. Jang S.C. (S.) *Planning Research in Hospitality and Tourism* (2nd edition), Routledge, 2016. – 332 p.
21. Настоящий кумыс made in Germany. Как азиатские традиции прижились на немецкой земле [Электрон. ресурс] // Настоящее время [web-портал]. – 2017. – URL: <https://www.currenttime.tv/a/28522512.html> (дата обращения: 08.04.2020).
22. Bhatia A. K. *The Business of Tourism: Concepts and Strategies*. – Sterling Publishers Pvt. Ltd., 2006. – 233 p.
23. Кудербаева М. К. Управление гостиничным бизнесом Казахстана // *Вестник КазНУ*. – № 4 (46). – 2010. – С. 121–126.
24. Сейтжанов М. Средневековые дворцы и поселения Улытау. Посвящается 800-летию образования Улуса Жошы. 2019. – 210 с.
25. Сакральная география Казахстана: Реестр объектов природы, археологии, этнографии и культовой архитектуры / Под общ. ред. Б. А. Байтанаева. – Алматы: Институт археологии им. А. Х. Маргулана, 2017. – 904 с.
26. Ошанов О. Ж. Тараз – Жемчужина Шёлкового пути (Краткая история города Тараз: от Гуннской Орды до Республики Казахстан). – Алматы: Таймас, 2014. – 296 с.
27. Биданова А. Таинственная пещера Коныр-Аулие // *Казахстанская правда*. – 2016. – С. 2.
28. Проект «Сакральная география». Сакральные места Алматинской области [Электронный ресурс] // Управление культуры, архивов и документации Алматинской области [офиц. сайт]. – 2017. – URL: <http://kultura.zhetisu.gov.kz/info/cat-3/2/> (дата обращения: 18.04.2020).
29. Объекты всемирного культурного наследия ЮНЕСКО в Казахстане [Электронный ресурс] // QAZAQSTAN TARIHY [web-сайт]. – 2017. – URL: https://e-history.kz/ru/contents/view/obekti_vsemirnogo_kulturnogo_naslediya_unesco_v_kazahstane__5258 (дата обращения: 18.04.2020).

REFERENCES

1. Aubakirova, Zh. Ja., Ajtbembetova, A. B. and Sidorenko, E. N. (2018), “Konkurentosposobnost' turistskoj otrasli Kazahstana v uslovijah tehnologicheskoy modernizacii”, *Vestnik KazNU*, No. 4 (126), pp. 190-201 (In Russian).
2. Zijadin, S. T., Syjeubaeva, S. N., Kajdarova, S. E. and Sarmanova, Zh. A. (2018), “Cifrlı jekonomika negizinde turizm industriyasynyn zhagday men bolashagy”, *Vestnik KazNU*, No. 2 (124), pp. 176–185 (In Kazakh).
3. “Sakral'naja ljubov' k Rodine” (2017), Sputnik Kazakhstan, available at: <https://ru.sputniknews.kz/analytics/20170510/2212805/sakralnaya-lyubov-k-rodine.html> (accessed: April 08, 2020) (In Russian).
4. Otto, R. (2018), “Svjashhennoe. Ob irracional'nom v idee bozhestvennogo i ego sootnoshenii s racional'nym (1917)”, Saint-Peterborough, 2008, 274 p. (In Russian).
5. Kajua, R. (2003), “Mif i chelovek. Chelovek i sakral'noe”, OGI, Moscow, 296 p. (In Russian).
6. Vasil'eva, E. (2017), “Fenomen zhenskogo i figura sakral'nogo Arhivnaja kopija ot 7 janvarja 2017 na Wayback Machine”, *Teorija mody: telo, odezhda, kul'tura*, No. 42, pp. 160–189 (In Russian).
7. Tarot, C. (2008), “Le symbolique et le sacré: Théones de la religion, Édi tions de la Découverte”, M.A.U.S.S., 2008, 860 p.
8. Jampol'skij, M. (2012), “Sakral'noe i voobrazhenie Arhivnaja kopija ot 8 janvarja 2017 na Wayback Machine”, *Novoe literaturnoe obozrenie*, No. 118, pp. 35–40 (In Russian).
9. Zenkin S. (2012), “Nebozhestvennoe sakral'noe: Teorija i hudozhestvennaja praktika”, RGGU, Moscow, 537 p. (In Russian).
10. Kljap, M. P. and Shandor, F. F. (2011), “Suchasni riznovidi turizmu”, Znannja, Kiyev, 334 p. (In Ukrainian).

11. Tsuji. Sh. (2011), “Creating an Iconic Space. The transformation of Narrative Landscape”, “Prostranstvennye ikony. Performativnoe v Vizantii i Drevnej Rusi”, Indrik, Moscow, pp. 627–642.
12. Isar N. (2009), “Vision and Performance: A Hierotopic Approach to Contemporary Art”, Ierotorija. Sravnitel'nye issledovanija sakral'nyh prostranstv, Indrik, Moscow, pp. 341–375.
13. Eliade M. (2008), “Posuly ravnodenstvija. Memuary. T. I (1907—1937)”, Kriterion, Moscow, 464 p. (In Russian).
14. Otto, R. (2008), “Svjashhenoe. Ob irracional'nom v idee bozhestvennogo i ego sootnoshenii s racional'nym (1917)”, transl. by Rutkevich A. M., Izd-vo Sankt-Peterburgskogo un-ta, Saint-Peterborough, 274 p. (In Russian).
15. Florenskij, P. A. (1999), “Obratnaja perspektiva”, Ch. 3 (1), Mysl', Moscow, p. 46–98 (In Russian).
16. Kajua, R. (2003), “Mif i chelovek. Chelovek i sakral'noe”, OGI, Moscow, 296 p. (In Russian).
17. Jampol'skij, M. (2012), “Sakral'noe i voobrazhenie. Arhivnaja kopija ot 8 janvarja 2017 na Wayback Machine”, Novoe literaturnoe obozrenie, No. 118, pp. 35–40 Kajua, R. (2003), “Mif i chelovek. Chelovek i sakral'noe”, OGI, Moscow, 296 p. (In Russian).
18. Zenkin, S. (2012), “Nebozhestvennoe sakral'noe: Teorija i hudozhestvennaja praktika”, RGGU, Moscow, 156 p.
19. Seleznjov, A. G. (2013), “Islamskie kul'tovyje kompleksy kak ierotropii: sakral'nye prostranstva i religioznaja identichnost'”, Vestnik arheologii, antropologii i jetnografii, No. 2 (21), p. 111, Arhivnaja kopija ot 2 aprelja 2015 na Wayback Machine Kajua, R. (2003), “Mif i chelovek. Chelovek i sakral'noe”, OGI, Moscow, 296 p. (In Russian).
20. Paraskevas, A., Levent A., and Jang, S.C. (S.), (2016), “Planning Research in Hospitality and Tourism”, 2nd edit., Routledge, 332.
21. “Nastojashhij kumys made in Germany. Kak aziatskie tradicii prizhilis' na nemeckoj zemle” (2017), available at: <https://www.currenttime.tv/a/28522512.html> (accessed: April 18, 2020) (In Russian).
22. Bhatia, A. K. (2006), “The Business of Tourism: Concepts and Strategies”, Sterling Publishers Pvt. Ltd., 233 p.
23. Kuderbaeva, M. K. (2010), “Upravlenie gostinichnym biznesom Kazahstana”, Vestnik KazNU, No. 4 (46), pp. 121–126 (In Russian).
24. Sejtzhanov, M. (2019), “Srednevekovye dvorcy i poselenija Ulytau. Posvjashhaetsja 800-letiju obrazovanija Ulusa Zhoshy”, 210 p. (In Russian).
25. “Sakral'naja geografija Kazahstana: Reestr ob'ektov prirody, arheologii, jetnografii i kul'tovoj arhitektury” (2017), edit. by B. A. Bajtanaeva, Institut arheologii im. A. H. Margulana, Almaty, 904 p. (In Russian).
26. Oshanov, O. Zh. (2014), “Taraz – Zhemchuzhina Shjolkovogo puti (Kratkaja istorija goroda Taraz: ot Gunnskoj Ordy do Respubliki Kazahstan)”, Tajmas, Almaty, 296 p. (In Russian).
27. Bidanova, A. (2016), “Tainstvennaja peshhera Konyr-Aulie”, Kazahstanskaja Pravda, Nur-Sultan, p. 2 (In Russian).
28. “Proekt «Sakral'naja geografija». Sakral'nye mesta Almatinskoj oblasti” (2017), Upravlenie kul'tury, arhivov i dokumentacii Almatinskoj oblasti, available at: <http://kultura.zhetisu.gov.kz/info/cat-3/2/> (accessed: April 18, 2020) (In Russian).
29. “Ob'ekty vseмирnogo kul'turnogo nasledija UNESCO v Kazahstane” (2017), available at: https://e-history.kz/ru/contents/view/obekti_vseмирnogo_kulturnogo_naslediya_unesco_v_kazahstane_5258 (accessed: April 18, 2020) (In Russian).

SUMMARY

The article “Research on the development of sacred tourism in Kazakhstan” presents the results of studying the role and characteristics of sacred tourism. The study is related to the analysis of the current state of sacred tourism in Kazakhstan. The development of sacred tourism is relevant in connection with the opening of monuments of archeology and history of the country and the expansion of tourism in Kazakhstan and the world.

ТҮЙІНДЕМЕ

«Қазақстандағы киелі туризмнің дамуы туралы зерттеу» мақаласында қасиетті туризмнің рөлі мен сипаттамаларын зерттеу нәтижелері келтірілген. Зерттеу Қазақстандағы киелі туризмнің қазіргі жағдайын талдаумен негізделді. Қасиетті туризмнің дамуы археология мен тарихи ескерткіштердің ашылуына және Қазақстанда және әлемде туризмнің кеңеюіне байланысты өзекті болып табылады.

РЕЗЮМЕ

В статье «Исследование развития сакрального туризма в Казахстане» представлены результаты изучения роли и характеристики сакрального туризма. Проведенное исследование связано с анализом современного состояния сакрального туризма в Казахстане. Развитие сакрального туризма актуально в связи с открытием памятников археологии и истории страны и расширением туризма в Казахстане и мире.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Уайсова Амина – магистр, Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: amina.uaysova.74@mail.ru

Усубалиева Салтанат Джумадиловна – ассоциированный профессор, Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: salta-74@mail.ru

Ракымжанова Салтанат Сержановна – магистр, Казахский университет международных отношений и мировых языков имени Абылай хана, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: matkarimovna@mail.ru

МРПТИ код: 06.52.45
JEL Classification: D24

TRANSFORMATION OF THE BANKRUPTCY INSTITUTION IN KAZAKHSTAN

G. K. Uashov¹, S. M. Zhanbyrbayeva²

¹Narxoz University, Almaty, Republic of Kazakhstan

²Almaty Management University, Almaty, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

The main purpose of the research. Is to collect and analyse data reflecting the consequences of the economic crisis and the use of crisis management tools to overcome negative consequences, and as a result, affecting the bankruptcy institution development in the Republic of Kazakhstan.

Methodology. In the course of the study, general scientific methods such as analysis, synthesis, induction, deduction and comparison have been applied. A special method of quantitative analysis, including grouping of primary data and statistical observation, is also actively used.

Originality / value of the research. The scientific value of this work is due to the growth in the economy of Kazakhstan caused by the global crisis and as a consequence of the bankruptcy institution evolution and the crisis management methods development on the enterprises of the country.

Findings. As a result of the research were highlighted the bankruptcy institutions development trends in the Republic of Kazakhstan, which affects for the development of the country's economy.

Keywords: bankruptcy, insolvency, crisis diagnosis, liquidation of enterprises.

ҚАЗАҚСТАНДАҒЫ БАНКРОТТЫҚ ИНСТИТУТЫНЫҢ ТРАНСФОРМАЦИЯСЫ

Г. К. Уашов¹, С. М. Жанбырбаева²

¹Нархоз Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

²Алматы Менеджмент Университеті, Алматы, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеудің мақсаты. Жүргізілген зерттеудің басты мақсаты –экономикалық дағдарыстың салдарын көрсететін және нәтижесінде кәсіпорындарды дағдарысқа қарсы басқару әдістерін теріс салдарларды жеңу құралдарының бірі ретінде пайдаланудың Қазақстан Республикасында банкроттық институтының дамуына әсер ететін мәліметтерін жинау және талдау.

Зерттеудің әдіснамасы. Зерттеу барысында талдау, синтез, индукция, дедукция және салыстыру сияқты жалпы ғылыми әдістер қолданылды. Сондай-ақ бастапқы деректерді топтастыруды және статистикалық бақылауды қамтитын сандық талдаудың арнайы әдісі де белсенді қолданылады.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы. Бұл жұмыстың ғылыми құндылығы дүниежүзілік дағдарыс туындаған Қазақстан Республикасының экономикасындағы проблемалардың өсуімен және банкроттық институтының қалыптасуының және отандық кәсіпорындарында дағдарысқа қарсы басқару әдістерінің дамуымен байланысты.

Зерттеу нәтижелері. Зерттеу барысында ел экономикасын дамыту үшін үлкен маңызы бар Қазақстан Республикасындағы банкроттық институтының даму тенденциялары ерекшеленген.

Түйін сөздер: банкроттық, төлеуге қабілетсіздік, дағдарысты диагностикалау, кәсіпорындарды тарату.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА БАНКРОТСТВА В КАЗАХСТАНЕ

Г. К. Уашов¹, С. М. Жанбырбаева²

¹Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан

²Алматы Менеджмент Университет, Алматы, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования. Главная цель проведенного исследования заключается в сборе и анализе данных, отражающих последствия экономического кризиса и использования методов антикризисного управления предприятиями как инструмента преодоления негативных последствий, и как следствие отражающаяся на развитии института банкротства в Республике Казахстан.

Методология. В процессе исследования применены общие научные методы, такие как анализ, синтез, индукция, дедукция и сравнение. Также активно задействован специальный метод количественного анализа, включающий группировку первичных данных и статистическое наблюдение.

Оригинальность / ценность исследования. Научная ценность данной работы обусловлена ростом проблем в экономике РК, вызванных глобальным кризисом, и как следствие становлением института банкротства и развитием методов антикризисного управления на предприятиях страны.

Результаты исследования. В результате исследования выделены основные тенденции развития института банкротства в Республике Казахстан, которое имеет большое значение для развития экономики страны

Ключевые слова: банкротство, неплатежеспособность, диагностирование кризиса, ликвидация предприятий.

КІРІСПЕ

Банкроттық институты оның жұмыс істеуінің сөзсіз және объективті негізделген нәтижесі ретінде нарықтық экономиканың табиғи бөлігі болып табылады. Ол кредиторлардың, сондай-ақ нарықтың ортақ реттеушісі ретінде мемлекеттің экономикалық мүдделеріне кепілдік бере отырып, кәсіпорындардың тиімді жұмыс жасауын қуатты ынталандырушының қызметін атқарады.

Банкроттықтың өзі дағдарысты жағдай болып табылады және оны еңсеру қаржылық-экономикалық басқарудың арнайы әдістерін талап етеді. Нарықтық экономика банкроттықты диагностикалаудың қаржылық әдістерінің кең жүйесін және банкроттық қаупі туындаған жағдайда басқарушылық шешімдер қабылдаудың бірқатар құралдарын әзірледі. Бұл құралдар дағдарыс айқын болған және тұрақтандыру жөнінде шұғыл шаралар қабылдау қажет болған жағдайларға ғана емес, нарықтық жағдайларда жұмыс істейтін барлық кәсіпорындарға да арналуы тиіс, өйткені оның ерекшелігі кәсіпорын дамуының жағымсыз факторларын ерте кезеңде анықтауға және жоюға бағытталуы тиіс.

Дағдарысқа қарсы басқару тиімділігінің проблемаларын зерделеу саласында кәсіпорын банкроттығының мәні мен рәсімдері сияқты экономикалық және құқықтық мәселе ерекше өзекті болып отыр. Фирмалардың банкроттығы, көбінесе ұзақ уақыт бойы шығындарды жабу көзі болмаған кезде олардың шығыстары кірістерден асып түсетіндіктен туындайды. Қарызды өтеу үшін мүлкін сата отырып, кәсіпорын таратылуы да мүмкін.

Соңғы шешімді қабылдау үшін кәсіпорындағы істердің жағдайын терең талдау әдістері қолданылады. Алайда менеджер жағдайды мониторингтеу үшін, қандай жағдайда да өзінің фирмасының төлемге қабілетсіз болуына жол бермеу үшін қаржылық талдаудың шұғыл әдістерін меңгеруі тиіс. Қазіргі экономикалық ғылымның өз иелігінде қаржылық көрсеткіштерді болжаудың әртүрлі тәсілдері мен әдістері, оның ішінде ықтимал банкроттықты бағалау жоспары өте көп. Алыс шетелдерде ұйымдарда банкроттықтың басталу ықтималдығын диагностикалаудың көптеген әдістері мен математикалық модельдері бар (Р. Лис, Д. Фулмер, Г. Спрингейт, Р. Таффлер, Ж. Конан және М. Гольдер, У. Бивер, Д. Дюранның модельдері), алайда көптеген ресейлік авторлар атап өткендей, Тәуелсіз мемлекеттер

достастығы (ТМД) елдерінде банкроттықты болжаудың шетелдік модельдерін қолданудың көптеген талпыныстары айтарлықтай нақты нәтижелер әкелмеді. Банкроттықтың ықтималдығын болжаудың ресейлік әдістемелерінің арасынан Л. В. Донцованың, Е. С. Стоянованың, Р. С. Сайфулиннің және Г. Г. Кадыкованың, О. П. Зайцеваның, В. В. Ковалевтің, Г. В. Савицкаяның модельдерін атап өтуге болады [1; 2].

Қазіргі уақытта дәрменсіздікті мемлекеттік реттеу дамыған елдердегі заңнаманың белсенді дамып келе жатқан саласы болып табылады. Елдің табысты экономикалық дамуы және кәсіпорынның банкроттығы тәжірибесі тұрақты жаңартуды және нормаларды жетілдіруді талап етеді [3; 4; 5; 6; 7; 8].

ЗЕРТТЕУДІҢ НЕГІЗГІ БӨЛІМІ

Әлемдік практикада банкроттық жүйелері қарама-қарсы екі идеяға бөлінеді: олардың бірі борышкердің мүдделеріне бағдарланған, екіншісі – кредиторларға бағдарланған. Көптеген елдер құқық иелері мен борышкерлердің арасындағы теңгерімді анықтауға мүмкіндік беретін екі бағыттағы элементтерді қамтитын аралас модельді қолдану туралы қорытындыға келіп жатыр. Жоғарыда айтылғандарды ескере отырып, сарапшылар бірнеше кезеңге бөлетін Қазақстан Республикасындағы банкроттық институтының қалыптасу үдерісі өте қызықты болып табылады.

Қазақстан Республикасында банкроттық институты 1992 жылы экономикадағы нарықтық реформаларға байланысты қалыптаса бастады, оның сөзсіз бірқатар жағымсыз жақтары бар, олардың бірі экономикадағы дағдарыс, атап айтқанда 1992 жылдың басында пайда болған және әрі қарай тереңдей түскен төлемеу дағдарысы. Кәсіпорындардың едәуір санының шаруашылық қызметі сол кезде тиімсіз болды. Осыған байланысты нақты банкроттық жағдайында болған кәсіпорындар қызметінің проблемасын да қарау қажеттігі туындады.

1992 жылы 14 қаңтарда Қазақстанда «Банкроттық туралы» Заңның қабылдануымен енгізілген Банкроттық институты – қарқынды дамып келе жатқан құқықтық институттардың бірі болып табылады. Банкроттық туралы алғашқы заң үш жыл бойы қолданылды және 1995 жылы 7 сәуірде «Банкроттық туралы» заң күші бар Қазақстан Республикасы Президентінің Жарлығының қабылдануына байланысты жойылды.

Қазақстан Республикасы Министрлер Кабинетінің 1995 жылғы 29 наурыздағы N 359 қаулысымен Оңалту банкі құрылады, ал 1997 жылы Қазақстан Республикасы Үкіметінің Қаулысымен алдымен «Мемлекеттік мүлік және жекешелендіру комитеті» жанынан кейіннен Қазақстан Республикасының Мемлекеттік кіріс министрлігіне берілген «Кәсіпорындарды қайта ұйымдастыру және тарату жөніндегі агенттік» ашық акционерлік қоғамы (ААҚ) құрылады. Одан әрі Қазақстан Республикасы Үкіметінің Қаулысымен 2001 жылы Қазақстан Республикасы Мемлекеттік кіріс министрлігінің жанынан оның аумақтық бөлімшелерімен, бұдан әрі Қазақстан Республикасы Қаржы министрлігінің жанынан Дәрменсіз борышкерлермен жұмыс жөніндегі комитет құрылды.

Қазақстанда дәрменсіздік (банкроттық) тұжырымдамасы осы институт енгізілген сәттен бастап елеулі өзгерістерге ұшырады. Заң шығарушының дәрменсіздік ұғымына, борышкерді банкрот деп тану негіздеріне, банкроттық рәсімдеріне және т.б. көзқарасы өзгерді. Егер 1992 жылы Банкроттық туралы заң және 1995 жылы Банкроттық туралы жарлық банкроттықтың негізін айқындау кезінде төлемсіздік өлшеміне негізделсе, онда 1997 жылы Банкроттық туралы заң – төлемге қабілетсіздік өлшеміне негізделді. Өртүрлі заңнамалардағы дәрменсіздікті анықтаудың барлық тәсілдерін екі нұсқаға келтіруге болады: борышкерді банкрот деп тану негізінде оның төлемге қабілетсіздігі қағидасы (қарсы ақша ағындарын талдауды негізге ала отырып) немесе төлемсіздігі қағидасы (борышкердің теңгерімі бойынша активтер мен пассивтердің арақатынасын негізге ала отырып) көзделеді.

Мәні бойынша, бұл екі нормативтік-құқықтық акт – 1992 жылғы «Банкроттық туралы» заң және 1995 жылғы Жарлық, осы нормативтік құжаттарда көзделген рәсімдердің іс жүзінде қолданылмайтындығына қарамастан, жаңа экономикалық жағдайларда банкроттық институтын қалыптастыру үшін негіз болды.

Онда банкроттық институтының қазақстандық ерекшелігі көрініс тапты, оның санаттық аппараты 1997 жылғы «Банкроттық туралы» Заңның 1-бабында тұжырымдалған. Өзгертмелі экономикада банкроттық тетігінің тиімді жұмыс істеуі үшін Қазақстан заңнамалық базаны жетілдіруге әрекет жаса-

ды. Осылайша, 1997 жылы Банкроттық туралы заң қабылданған сәттен бастап оның күші жойылғанға дейін осы заңға 28 рет өзгертулер мен толықтырулар енгізілді.

2014 жылды заңнамалық базада түбегейлі өзгерістер орын алған жыл деп санауға болады, осы жылы бұлзаңның атауы түбегейлі өзгерді, бұл үшін осы заңнамалық актінің эволюциясын төменде 1-кестеде көрсетілген төрт кезеңде ұсынған экономикалық реформалар негіз болды.

1-кесте – Қазақстан Республикасындағы экономикалық реформалар кезеңдері

Кезеңдер	Экономикалық реформалар кезеңдері	Кезеңдердің сипаттамалары
1-кезең	1992-1993 жылдары экономиканы түбегейлі реформалаудың басталуына байланысты	Қазақстан Республикасының 1992 жылғы «Банкроттық туралы» Заңы қабылданды
2-кезең	1993-1997 жж. Ұлттық валюта теңгенің енгізілуіне байланысты	Қазақстан Республикасының 1995 жылғы «Банкроттық туралы» Заңы қабылданды
3-кезең	1997-2014 жж. Ұлттық экономиканың дамуына байланысты	Қазақстан Республикасының 1997 жылғы «Банкроттық туралы» Заңы қабылданды
4-кезең	2014 ж. кейін Ұлттық экономиканың жедел дамуына және әлемнің дамыған экономикаларының «отыздығының» қатарына енуіне байланысты	Қазақстан Республикасының 2014 жылғы «Оңалту және банкроттық туралы» Заңы қабылданды
Ескерту – авторлармен құрастырылған		

Кез келген жіктеу сияқты, кестеде қарастырылған нұсқа белгілі бір шартты дәрежеге ие болады. Бірақ, сонымен қатар ол Қазақстан экономикасында банкроттық институтының пайда болуын арнайы экономикалық құбылыс ретінде түсінуді жеңілдетеді.

Қазақстанда дәрменсіздік (банкроттық) тұжырымдамасы осы институт енгізілген сәттен бастап елеулі өзгерістерге ұшырады. Заң шығарушының дәрменсіздік ұғымына, борышкерді банкрот деп тану негіздеріне, банкроттық рәсімдеріне және т.б. көзқарасы өзгерді. Егер 1992 жылы Банкроттық туралы заң және 1995 жылы Банкроттық туралы жарлық банкроттықтың негізін айқындау кезінде төлемсіздік өлшеміне негізделсе, онда 1997 жылы Банкроттық туралы заң – төлемге қабілетсіздік өлшеміне негізделді. Қазақстан Республикасы Жоғарғы Сотының азаматтық және әкімшілік істер жөніндегі қадағалаушы сот алқасы қараған 2013-2014 жылдары қозғалған қадағалау іс жүргізулерін талдау жергілікті соттардың сот актілерінің күшін жоюдың негізгі себебі – материалдық және іс жүргізу құқығының нормаларын дұрыс қолданбау, сондай-ақ дәлелдемелерді заңдық тұрғыдан дұрыс бағаламау екенін көрсетті [9].

Бұл жағдайлар 2013 жылдан бастап 2015 жылға дейінгі кезеңде төмендегі 2-кестеде банкрот деп танылған борышкерлер санының күрт төмендеуімен түсіндіріледі, сол сияқты дағдарысты басқару деңгейін көтеру, бірақ 2016-2018 жылдар аралығында банкрот деп танылған борышкерлер санының көбеюін түсіндіретін кәсіпорынның стратегиясын және персоналды басқаруды жетілдірусіз негізгі қаржылық көрсеткіштерді жақсартуға бағытталған басқа жағдайлар да бұған себеп бола алады.

2-кестеден байқағанымыздай, 2014 жылы банкрот деп танылған борышкерлер санының төмендеуі байқалады, одан кейін 2016 жылдан бастап өсуі орын алған. Мемлекеттік кірістер комитеті мұны 2014 жылғы наурызда «Оңалту және банкроттық туралы» жаңа заңның енгізілуімен түсіндіреді. Оған сәйкес борышкер төлемге қабілетсіздігінің басталғаны туралы білген немесе білуге тиіс болған кезден бастап алты ай ішінде оны банкрот деп тану туралы сотқа жүгінуге міндетті. Егер талаптар сақталмайтын болса, міндеттеріне осы талаптарды орындау кіретін борышкердің лауазымды тұлғалары бірлесіп және субсидиарлық жауапкершілікке тартылады.

Сонымен қатар, мемлекеттік кірістер органдарымен басталған банкроттық туралы іс жүргізудің алдыңғы кезеңдермен салыстырғанда үлес салмағының төмендеуі байқалады. Кәсіпорынның банкроттық рәсімін жүзеге асырған кезде, атап айтқанда, әлеуметтік аспектіні қарастырған кезде бір ерекшелікті атап өту қажет, себебі кәсіпорында болып жатқан кез келген дағдарысты құбылыстар бір жағынан жұмысшыларға әсер етеді, ал кәсіпорын үшін білікті кадрларды жоғалту өте ауыр жағдай болып табылады, өйткені оларсыз дағдарысты еңсеру мүмкін емес.

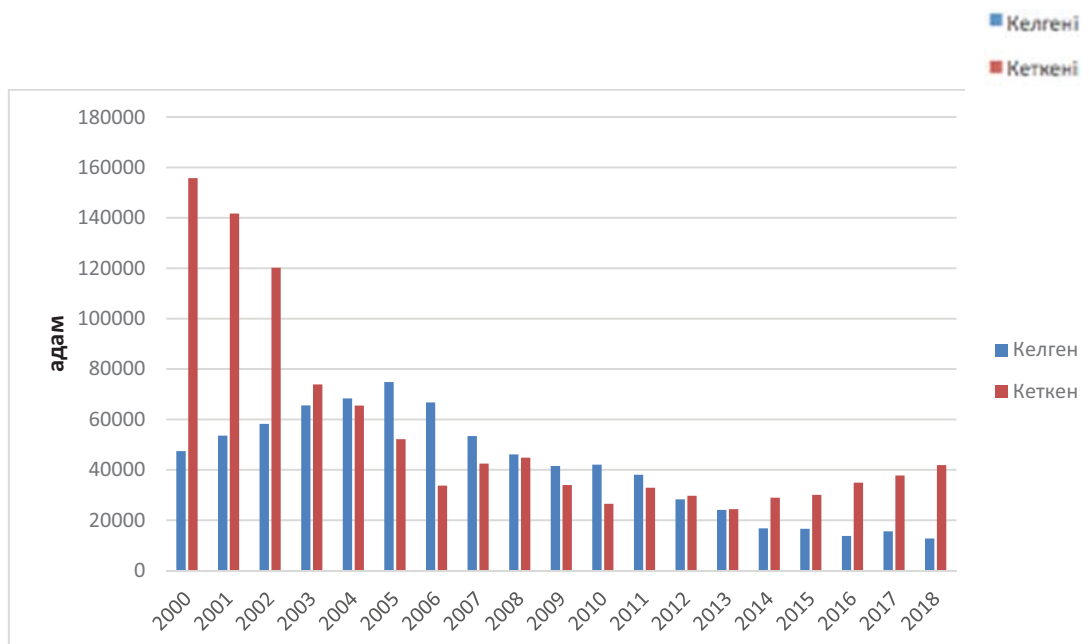
2-кесте – Қазақстан Республикасында борышкерлерді соңғы 9 жылда банкрот деп тану статистикасы

№	Кезең	Есепті кезеңде банкрот деп танылған борышкерлердің саны		
		Барлығы	Салық органдарының талап-тары бойынша	%
1	2010	758	402	53,0
2	2011	1148	682	59,4
3	2012	1314	849	64,6
4	2013	1180	817	69,2
5	2014	671	278	41,4
6	2015	773	296	38,3
7	2016	2155	502	24,7
8	2017	2397	479	19,9
9	2018	3146	569	18,1

Ескерту – [10] дереккөзі негізінде авторлармен құрастырылған

Негізгі қызметкерлерді ұстап тұру дағдарыстың осы кезеңіндегі менеджменттің негізгі міндеттерінің бірі болып табылады. Алайда көптеген кәсіпорындардың басшылары осы факторға тиісті көңіл бөлмей келеді. Бұл, ең алдымен, басшылардың дағдарыс жағдайында қызметкерлерді ынталандыру мен тиімді жұмысында проблемалар болмауы керек деген қате пайымдамауларымен байланысты, себебі қызметкерлер мыңдаған жұмыстан босатылған адамдардың жалақыларының аздығына қарамастан жұмыс істеуге дайын екенін түсінеді [11].

Көші-қон шығындары еңбек әлеуеті сапасының теріс өзгерістерін туындатады және кәсіпорынның дағдарысқа қарсы басқаруының тиімділігін төмендетеді. 1-суретте Қазақстан Республикасындағы халықтың 2000-2018 жылдар аралығындағы сыртқы көші-қоны динамикасы көрсетілген.

1-сурет – Қазақстан Республикасындағы халықтың 2000-2018 жылдар аралығындағы сыртқы көші-қоны, адам

Ескерту – [12] дереккөзі негізінде авторлармен құрастырылған

Қарастырылып отырған кезеңде көші-қон сальдосының өзгеруінде 3 толқынды атап өтуге болады. 2013 жылдан бастап соңғы толқын көші-қонның теріс сальдосының жағымсыз үрдісімен сипатталады. Бұл теріс үрдіс 2019 жылы да сақталады. 2019 жылдың бірінші тоқсанында Қазақстаннан 8,4 мың адам кеткен, бұл өткен жылдың сәйкес кезеңімен салыстырғанда 22 %-ға көп. Сонымен қатар 3,2 мың адам келген – бұл өткен жылмен салыстырғанда 8,4 %-ға көп. Бұл сыртқы көші-қонның теріс сальдосын 3,4 мыңнан 5,2 мың адамға дейін арттырды.

Қазақстаннан көбіне қала тұрғындары кетіп жатыр. Ағымдағы жылдың үш айының ішінде олардың саны 7,1 мың адамды құрады. Елдегі қалаларға 1,8 мыңнан сәл асатын адам келді, бұл қалалар бойынша 5,3 мың адамға теріс сальдоны құрап отыр. Сонымен қатар ауыл тұрғындарының арасынан 1,2 мыңнан астам адам кетіп, 1,3 мыңнан астам адам келген, ауылдық жерлердегі сыртқы көші-қонның сальдосы 112 адамды құрады.

16 жастан бастап зейнеткерлік жасқа дейінгі адамдарда жас топтары бойынша халықтың сыртқы көші-қонының ең үлкен теріс сальдосы – 3,7 мың адам. 15 жасқа дейінгі балалар бойынша теріс сальдо 1,4 мың адамды, зейнеткерлер бойынша – тек 27 адамды құрады. ТМД елдерімен ең үлкен теріс сальдо – 4,8 мың адам, басқа елдерге тек 419 адам келеді.

Эмигранттардың арасында жоғары, аяқталмаған жоғары және арнаулы орта білімі бар адамдардың үлесі 2006 жылы 39 %-ды, 2012 жылы 46,5 %-ды, 2016 жылы 42,5 %-ды, 2017 жылы 37 %-ды және 2018 жылы 29,2 %-ды құрады [13]. Ал мұндай санатты адамдар ағыны аз. Осылайша, елде «ақыл-ой иелерінің жылыстауы», білікті жұмысшылардың, мамандардың кету үрдісі тұрақты қалыптасып келеді. Ерекше көші-қон шығындарын республиканың солтүстік, батыс және шығыс аймақтары көтеріп жатыр. Бұл проблема қоршаған тұрақсыздық жағдайында және экономиканың барлық салаларында көптеген қызметкерлердің жұмыстан босауы, қызметкерлерге еңбекақының төленбеуі немесе еңбекақыны төлеудің кідіруі, жұмыс күні режимінің тұрақсыздығы, жұмыс орындарының босауы сияқты көріністерден байқалады. Әлбетте, қызметкерлердің табыс табуының қиындығы, көбіне банкроттық немесе борышкерді тарату рәсімдерімен байланысты, атап айтқанда:

- банкрот деп танылған борышкердің мүлкін сату процесінің уақыты бойынша ұзақтығымен;
- борышкерде жалақы бойынша берешекті өтеу үшін жеткілікті өтімді активтердің болмауымен;
- іс жүзінде қызметкерлер көбінесе ұйымдасқан жұмысшыларға қарағанда жұмыс берушінің қаржылық-шаруашылық қызметін кредиттейтін банктерден, сауда компанияларынан қарызды талап ете алмайды [14].

Осылайша, банкроттық рәсімін іске асыру экономиканың дамуы үшін де, тұтастай алғанда да, Қазақстанның жекелеген аймақтары үшін де өте маңызды деп айтуға болады. Банкроттық рәсімінің басталуы мен кәсіпорынды тарату арасындағы уақыт мерзімінің едәуір уақыт аралығын алып жатқанын атап өту қажет.

Нәтижелерді талқылау. Зерттелетін компанияның дағдарыстан шығуы оның пайда болу себептерін жойған кезде ғана мүмкін болады. Ол үшін сыртқы және ішкі ортаға мұқият және жан-жақты талдау жүргізу, кәсіпорын үшін басым мәнге ие компоненттерді бөлу, әрбір компонент бойынша ақпарат жинау, сондай-ақ кәсіпорынның нақты жағдайын бағалау қажет. «ҚазБанкрот» ЖШС компаниясы сарапшыларының пікірі бойынша, орын алған жағдайлардың 80 %-ында қазақстандық компаниялардың банкроттыққа ұшырауының негізгі себебі олардың өзгеріп жатқан қоршаған орта мен ішкі жағдайларға бейімделуінің әлсіздігі болып табылады.

Инфляцияның деңгейі Қазақстан экономикасына және әрбір жеке шаруашылық субъектісіне әсер ететін маңызды факторлардың бірі болып табылады. 2015 жылы қазақстандық ұлттық валюта – теңге – өзгермелі айырбас бағамын енгізу есебінен 45 %-ға құнсызданды. Алайда, бұл шешім 2016 жылы инфляция деңгейін Ұлттық банктің ақша-кредит саясатында анықталған 8,5 % деңгейінде ұстап тұруға мүмкіндік берді. Теңгенің өзгермелі бағамын енгізудің негізгі экономикалық салдарының бірі тұтынушылық сенімнің төмендеуі салдарынан халықтың тұтыну деңгейінің азаюы болды. 2018 жылдың бірінші тоқсанында 3,7 мың шағын заңды тұлға таратылды, бұл өткен жылдың сәйкес кезеңіне қарағанда 2,5 есе көп, яғни 1,5 мыңды құрады. Негізінен шаруашылық серіктестіктері өз қызметін тоқтатты, бір жыл ішінде олардың саны 1,9 мыңға азайды [15].

3-кесте – Таратылған шағын заңды тұлғалар, бірлік

	2018/1	2017/1	Өсімі (%)
Шаруашылық серіктестіктер	3049	1153	164,4
Мемлекеттік кәсіпорындар	63	34	85,3
Акционерлік кәсіпорындар	48	13	269,2
Басқа ұйымдық-құқықтық нысандар	518	279	87,7
Жиынтығы	3678	1476	149,2
Ескерту – [16] дереккөзі негізінде авторлар әзірлеген			

Өңірлер тұрғысынан алып қарастырғанда, 2018 жылдың I тоқсанында шағын бизнестен ең көп кету Алматы қаласында тіркелген – бір жыл бұрынғыға қарағанда 324 компанияға 1,7 мың компаниядан келген. Одан әрі Оңтүстік Қазақстан облысы – 290 шағын кәсіпорын таратылған, бір жыл бұрын бұл көрсеткіш 124 құраған. Антилидерлердің үштігін Шығыс Қазақстан облысы тәмамдады – 2018 жылдың қаңтар-наурыз айларында 236 шағын заңды тұлға таратылған (2017 жылғы қаңтар-наурыз айларында – 147 компания). Сондай-ақ елордада да таратылатын шағын кәсіпорындар саны артты – олардың саны 213-ке азайды және бұл 2017 жылмен салыстырғанда 30 таратылған кәсіпорынға көбірек. Таратылған шағын заңды тұлғалардың саны 2017 жылғы 40 компаниямен салыстырғанда, тек Атырау облысының өзінде 31 компанияға азайды. Шағын заңды тұлғалардың негізгі кетуі көтерме және бөлшек сауда, автомобильдер мен мотоциклдерді жөндеу сегментінде шоғырланған – 1,4 мың (38,4 %). Одан әрі, құрылыс саласында – 290 компания (7,9 %). Кәсіби, ғылыми және техникалық қызмет және өңдеу өнеркәсібі салаларында таратылған шағын кәсіпорындардың саны 262 және 252 құрады, тиісінше үлес салмағы – 7,2 % және 6,9 %. Аталған бес сектордың үлесіне 66,1 % немесе 2,4 мың таратылған шағын кәсіпорын тиесілі.

Бұрын таратылған шағын заңды тұлғалардан басқа, таратылып жатқан 4,8 мың шағын кәсіпкерлік бар (бір жыл бұрын – 4,3 мың). Алматыда шағын бизнестен кететін кәсіпкерлердің ең көп саны шоғырланған – 825. Алайда, бір жыл ішінде олардың саны қысқарды, себебі бір жыл бұрын таратылу барысында 929 шағын заңды тұлға болды. Қостанай облысында, керісінше, шағын кәсіпкерлік қызметінен бас тартқысы келетіндердің саны артып келеді, өткен жылмен салыстырғанда 670 компанияға қарама-қарсы 727 компания. Антилидерлердің үштігін Қарағанды облысы тәмамдап отыр, 513 шағын кәсіпорын таратуды күтіп отыр, бір жыл бұрын олардың саны 670 бірлікті құрады [16].

ЗЕРТТЕУ НӘТИЖЕЛЕРІ

Фирмада банкроттықтың басталуын болжауға мүмкіндік беретін модельдер мен әдістемелердің көп болғанына қарамастан, бұл салада банкроттықты болжаудың проблемалары өте көп. Банкроттықты болжаудың белгілі әдістері дағдарыстардың сан алуан түрлерін анықтайды, сондықтан олардың көмегімен алынатын бағалар бір-бірінен қатты ерекшеленеді. Бірақ дағдарыстың кез келген түрі ұйымды таратуға әкелуі мүмкін [17].

Жоғарыда айтылғандарға байланысты, ресейлік мамандар жүргізген кәсіпорынның банкроттығын болжау диагностикасын мысал ретінде келтіру қажет. Осы проблеманың аясында олар кәсіпорындардың бірінің мысалында кәсіпорынның қаржылық жай-күйіне талдау және ықтималдығын бағалау жүргізді. Зерттеу жүргізілген кезеңнің ішінде кәсіпорын капиталының құны 5 %-ға төмендеді, бұл кәсіпорынның операциялық қызметі ауқымының қысқаруымен байланысты. Бұған қаржылық дағдарыс себеп болады, оның нәтижесінде төлемге қабілетті сұраныстың төмендеуіне байланысты компания өнімдерін сату көлемін төмендеп, соның салдарынан таза пайда азаяды. Қаржылық жағдайды талдау нәтижелері бойынша компанияның дағдарыс алдында тұрғандығы анықталды, бұған:

- кәсіпорынның төлемге қабілеттілігі деңгейінің төмендігі (төлемге қабілеттілігі коэффициенттерінің мәні нормативтік деңгейден төмен);
- меншікті айналым қаражатының тапшылығы;
- рентабельділік көрсеткіштерінің төмендеуі айғақ бола алады.

Зерттеу аясында шетелдік және ресейлік әдістемелердің көмегімен кәсіпорындардың бірінің банкроттық ықтималдығына бағалау жүргізілді. Нәтижесінде, ресейлік ғалымдар әртүрлі нәтижелер алды. Екі факторлы модельдің және О. П. Зайцеваның моделінің көмегімен бағалау жүргізу барысында кәсіпорын банкроттығының төмен ықтималдығы анықталды. Э. Альтманның моделін қолдана отырып жүргізілген бағалау нәтижелері банкроттықтың орташа ықтималдығын көрсетеді, ал У. Бивердің, Р. С. Сайфулиннің және Г. Г. Кадыковтың модельдері және заңнамамен белгіленген критерийлер бойынша – банкроттықтың жоғары ықтималдығын көрсетеді [18, 19].

Осылайша, іс жүзінде банкроттықты болжаудың әмбебап әдістемесі жоқ деген қорытындыға келуге болады, сондықтан нәтижелік көрсеткіштердің динамикасын олардың бірнешеуі бойынша қадағалаған жөн. Нақты әдістемелерді таңдау ұйым жұмыс істейтін саланың ерекшеліктеріне және оның қызметінің жеке ерекшеліктеріне негізделуі тиіс. Компанияны дағдарыстан шығару үшін шығындарды төмендету, сатуды ынталандыру, ақша ағындарын оңтайландыру, дебиторлармен жұмысты жетілдіру және кредиторлық берешекті қайта құрылымдау сияқты әмбебап құралдарды қолдануға болады. Өз кезегінде, дағдарысты еңсерудің жылдамдығы мен әдістері көбіне оның қандай себептерден пайда болатынына және оның қалай тез анықталатынына байланысты болады.

ӘДЕБИЕТТЕР ТІЗІМІ

1. Анохин С. А. Обзор методик предсказания банкротства. – М.: Финансы и статистика, 2008. – 572 с.
2. Рубан Т. Е., Байдаус П. В. Анализ методик прогнозирования банкротства на основе использования финансовых показателей. – М.: ЮНИТИ, 2008. – 942 с.
3. Степанов В. Несостоятельность (банкротство) в России, Франции, Англии, Германии. – М.: Статут, 1999. – 204 с.
4. Kücher A., Mayr S., Mitter C., Duller C., Feldbauer-Durstmüller B. Firm age dynamics and causes of corporate bankruptcy: age dependent explanations for business failure [Электронный ресурс] // Review of Managerial Science. – 2018. – pp 1–29. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11846-018-0303-2> (дата обращения: 20.12.2019).
5. Vezanones D., Severin E. The Impact of Earnings Management on Bankruptcy Prediction Models: An Empirical Research The Impact of Earnings Management on Bankruptcy Prediction Models: An Empirical Research [Электронный ресурс] // SSRN – 2017. – URL: <https://ssrn.com/abstract=2980144> (дата обращения: 15.11.2019).
6. Jones S. Corporate bankruptcy prediction: a high dimensional analysis [Электронный ресурс] // Review of Accounting Studies. – 2017. – Vol. 22. – Issue 3. – P. 1366–1422. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s1142-017-9407-1> (дата обращения: 17.11.2019).
7. Lahmiri S., Bekiros S. Can machine learning approaches predict corporate bankruptcy? Evidence from a qualitative experimental design [Электронный ресурс] // Quantitative Finance. – 2018. – Vol. 19. – Issue 9. – P. 1569–1577. – URL <https://doi.org/10.1080/14697688.2019.1588468> (дата обращения: 30.11.2019).
8. Tkhasapso R., Kuter M. Retrospective Analysis of Institute of Bankruptcy in Russia [Электронный ресурс] // The 2018 International Conference on Digital Science. – 2018. – Digital Science. – P. 296–305. – URL: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-02351-5_34 (дата обращения: 17.11.2019).
9. Уашов Г. К. Проблемы развития института банкротства в Казахстане // ҚР ҰҒА хабаршысы. Вестник НАН РК. – 2016. – № 6. – С. 180–186.
10. Список банкротов, в отношении которых решения суда о признании их банкротами вступили в законную силу [Электронный ресурс] // Портал «Открытые данные» Электронного правительства РК [web-портал]. – 2019. – URL: <https://data.egov.kz> (дата обращения: 30.10.2019).
11. Ali P., O'Brien L., Ramsay I. Bankruptcy, Social Security and Long Term Poverty: Results from a Survey of Financial Counsellors and Consumer Solicitors [Электронный ресурс] // Australian Business Law Review. – 2016. – Vol. 44. – No. 2. – P. 144–151. – URL https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2773960 (дата обращения: 10.12.2019).

12. Қазақстан Республикасы Ұлттық экономика министрлігі Статистика комитеті бойынша ресми статистикалық мәлімет // Қазақстан Республикасы Ұлттық экономика министрлігі Статистика комитеті [Офиц. сайт]. – 2019. – URL: <https://clck.ru/LxAem> (дата обращения: 30.10.2019).
13. Брусницына Н., Пронин Р. Особенности защиты прав трудящихся при несостоятельности организации работодателя в современных условиях // Экономика и управление. – 2010. – № 2 (63). – С. 178–182.
14. Uashov G. K. Trends of small and medium-sized business development in Kazakhstan/ Reports of National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. – 2018. – Volume 4. – № 320. – P. 33–38.
15. В Казахстане банкротами чаще всего становятся строительные компании [Электронный ресурс] // Zakon.kz [web-портал]. – 2019. – URL: <https://www.zakon.kz/4450735-v-kazakhstane-bankrotami-chashhe-vsego.html> (дата обращения: 15.12.2019).
16. Отчет о ликвидации предприятий в Республики Казахстан за 2018 год [Электронный ресурс] // Комитет по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан [Офиц. сайт]. – 2019. – URL: http://stat.gov.kz/faces/homePage?_afLoop=2670091383117641#%40%3F_afLoop%3D2670091383117641%26_adf.ctrl-state%3Dghh4withbk_25 (дата обращения: 30.10.2019).
17. Уашов Г. К. Қазақстандағы ұйым персоналын бейбағдарыстық басқару // Доклады Национальной Академии Наук Республики Казахстан. – 2017. – Том 2. – № 312. – С.124–128.
18. Дуйсембаева А. Проблемы регулирования несостоятельности (банкротства) предприятий в Казахстане / Экономика и статистика. – 2013. – № 3. – С. 123–134.
19. Хачатурова Т. О., Ярыгина Н. А. Основные аспекты прогнозирования банкротства предприятий // Вектор науки ТГУ. – 2013. – № 4. – С. 178–180.

REFERENCES

1. Anyukhin, S. A. (2008) “Obzor metodik predskazaniya bankrotstva”, Finansy i statistika, Moscow, 572 p. (In Russian).
2. Ruban, T. E. and Baidaus, P. V. (2008), “Analiz metodik prognozirovaniya bankrotstva na osnove ispol'zovaniya finansovykh pokazatelei”, YuNITI, Moscow, 942 p. (In Russian).
3. Stepanov, V. (1999), “Nesostoyatel'nost' (bankrotstvo) v Rossii, Frantsii, Anglii, Germanii”, Statut, Moscow, 204 p. (In Russian).
4. Kücher, A., Mayr, S., Mitter, C., Duller, C. and Feldbauer-Durstmüller, B. (2018), "Firm age dynamics and causes of corporate bankruptcy: age dependent explanations for business failure", Review of Managerial Science, pp. 1–29, available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11846-018-0303-2> (accessed: December 20, 2019).
5. Veganzones, D. and Severin, E. (2017), "The Impact of Earnings Management on Bankruptcy Prediction Models: An Empirical Research", SSRN, available at: <https://ssrn.com/abstract=2980144> (accessed: November 15, 2019).
6. Jones, S. (2017), "Corporate bankruptcy prediction: a high dimensional analysis", Review of Accounting Studies, Vol. 22, Issue 3, pp. 1366–1422, available at: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11142-017-9407-1> (accessed: November 17, 2019).
7. Lahmiri, S. and Bekiros, S. (2018), "Can machine learning approaches predict corporate bankruptcy? Evidence from a qualitative experimental design", Quantitative Finance, Vol. 19, Issue 9, pp. 1569–1577, available at: <https://doi.org/10.1080/14697688.2019.1588468> (accessed: November 30, 2019).
8. Tkhangapso, R. and Kuter, M. (2018), "Retrospective Analysis of Institute of Bankruptcy in Russia", The 2018 International Conference on Digital Science, pp. 296–305, available at: https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-3-030-02351-5_34 (accessed: November 17, 2019).
9. Uashov, G. K. (2016), "Problemy razvitiya instituta bankrotstva v Kazakhstane", Vestnik NAN RK, Vol. 6., pp.180–186 (In Russian).
10. “Spisok bankrotov, v otnoshenii kotorykh resheniya suda o priznanii ikh bankrotami vstupili v zakonnuyu silu” (2020), available at: <https://data.egov.kz> (accessed: October 30, 2019) (In Russian).

11. Ali, P., O'Brien, L. and Ramsay, I. (2016), "Bankruptcy, Social Security and Long Term Poverty: Results from a Survey of Financial Counsellors and Consumer Solicitors", *Australian Business Law Review*, Vol. 44., No. 2., pp. 144–151, available at: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2773960 (accessed: December 10, 2019).
12. "Ofitsial'naya statisticheskaya informatsiya Agentstva Respubliki Kazakhstan po statistike" (2019), Website of Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan Statistics committee, available at: <https://clck.ru/LxAem> (accessed: October 30, 2019) (In Russian).
13. Brusnitsyna, N. and Pronin, R. (2010), "Osobennosti zashchity prav trudyashchikhsya pri nesostoyatel'nosti organizatsii rabotodatelya v sovremennykh usloviyakh", *Ekonomika i upravlenie*, Vol. 2 (63), pp. 178–182 (In Russian).
14. Uashov, G. K. (2017), "Qazaqstandagy uyim personalyn beidagdarystyk basqaru", *Doklady Natsional'noi Akademii Nauk Respubliki Kazakhstan*, Vol. 2, No. 312, pp.124–128.
15. "V Kazakhstane bankrotami chashche vsego stanovyatsya stroitel'nye kompanii" (2019), available at: <https://www.zakon.kz/4450735-v-kazakhstane-bankrotami-chashhe-vsego.html> (accessed: December 15, 2019) (In Russian).
16. "Otchet o likvidatsii predpriyatii v Respubliki Kazakhstan za 2018 god", available at: <https://clck.ru/LxAfG> (accessed: October 30, 2019) (In Russian).
17. Uashov, G. K. (2018), "Trends of small and medium-sized business development in Kazakhstan", *Reports of National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan*, Vol. 4., No. 320, pp. 33–38.
18. Duisembaeva, A. (2013), "Problemy regulirovaniya nesostoyatel'nosti (bankrotstva) predpriyatii v Kazakhstane", *Ekonomika i statistika*, No. 3, pp. 123–134 (In Russian).
19. Khachaturova, T. O., Yarygina N. A. (2013), "Osnovnye aspekty prognozirovaniya bankrotstva predpriyatii", *Vektor nauki TGU*, № 4, pp. 178–180 (In Russian).

SUMMARY

This article analyzed the trends in the bankruptcy institute development and attempts to determine the necessary direction in the use of methods of diagnostics of insolvency of enterprises in Kazakhstan.

The authors presented an analysis of the specifics of the institute of bankruptcy in Kazakhstan and classified the main stages of its development. The impact of changes in bankruptcy procedure on the change in the structure of the labour potential of the country have been researched. the number of liquidated enterprises and banktrots, as well as the relationship between bankruptcy proceedings and methods used to diagnose bankruptcy on the dynamics of liquidated enterprises and bankruptcy.

ТҮЙІНДЕМЕ

Бұл мақалада Қазақстандағы банкроттық институтының даму тенденциялары зерделеген және кәсіпорындардың төлем қабілетсіздігін диагностикалау әдістерін қолданудың қажетті бағытын анықтауды талпыныс жасалады.

Авторлар Қазақстандағы банкроттық институтының ерекшеліктеріне талдау көрсетіп, оның дамуының негізгі кезеңдерін сипаттады. Банкроттық рәсіміндегі өзгерістердің елдің еңбек әлеуетінің құрылымын өзгертуге, сондай-ақ банкроттық рәсімі мен банкроттықты диагностикалауда қолданылатын әдістердің, таратылатын кәсіпорындар мен банкроттықтардың динамикасына байланысы зерттелді.

РЕЗЮМЕ

В данной статье проанализированы тенденции развития института банкротства и попытки определения необходимого направления в использовании методов диагностирования несостоятельности предприятий в Казахстане.

Авторами представлен анализ специфики института банкротства в Казахстане и выделены основные этапы его развития. Исследовано влияние изменений процедуры банкротства на изменение структуры трудового потенциала страны, а также взаимосвязь процедуры банкротства и методов, применяемых для диагностики банкротства, на динамику ликвидированных предприятий и банкротов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Уашов Гилад Камбарович – кандидат экономических наук, доцент, академик Международной академии информатизации, Университет Нархоз, Алматы, Республика Казахстан, gilash.uashov@narхоз.kz

Жанбырбаева Саним Мамановна – кандидат экономических наук, доцент, Алматы Менеджмент Университет, Алматы, Республика Казахстан, sssss777@mail.ru

МРПТИ 06.73.55

JEL Classification G20; G21; G332

ASSESSMENT OF THE PROBABILITY OF KAZAKHSTAN BANKS BANKRUPTCY ON THE BASIS OF THE «BANKOMETER» MODEL

A. Shakbutova¹, A. Shopasheva²

^{1,2}University of International Business, Almaty, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

Purpose of the research is to conduct a “Bankometer” model test (S-score) for applicability in the banking sector of Republic of Kazakhstan, its ability to faithfully and accurately predict the probability of bank failure.

Methodology. During the research, bankruptcy forecasting model “Bankometer” was chosen as a methodological toolkit. To determine the predictive ability of the model, financial indicators of bankrupt banks (Kazinvestbank, Delta Bank, Qazaq Banki, Eksimbank Kazakhstan, Astana Bank) for 2 time periods were taken: approximately 2 years and 1 year before the date of deprivation of the license.

Originality / value of the research. According to the results of the study, the previously formulated hypothesis about the ability of the “Bankometer” model to reliably predict the bankruptcy of Kazakhstani second-tier banks (STBs) was refuted, since, as part of the S-score analysis, results demonstrate financial stability of these banks.

Findings. As part of improving this model, it seems appropriate to change the normative values of the coefficients X1, X2, X3, as well as the integral indicator «S» for classifying a bank as financially stable and solvent. Also, it is important to review the structure of the equation for calculating the S-score. In addition, for completeness of the analysis, this calculation should be supplemented with other equally important indicators, for example, liquidity ratios, net interest margin, and risk sensitivity.

Keywords: «Bankometer» model, assessment of the bank bankruptcy probability, financial stability of a bank.

«БАНКОМЕТР» МОДЕЛІ НЕГІЗІНДЕ ҚАЗАҚСТАН БАНКТЕРІНІҢ БАНКРОТҚА ҰШЫРАУ ЫҚТИМАЛДЫҒЫН БАҒАЛАУ

А. Ж. Шакбутова¹, А. С. Шопашева²

^{1,2}Халықаралық бизнес университеті (UIB), Алматы, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеудің мақсаты. "Bankometer" моделін Қазақстан Республикасы банк секторына қолдану мүмкіндігін анықтауға, оның банктің банкроттығы ықтималдығын дұрыс және дәл болжау қабілетін сынау болып табылады.

Зерттеудің әдіснамасы. Зерттеу жүргізу кезінде әдіснамалық құрал ретінде "Bankometer" банкроттықты болжау моделі таңдалды. Модельдің болжамдық қабілетін анықтау үшін 2 уақыт кезеңіне банк-банкроттардың (Казинвестбанк, Delta Bank, Qazaq Banki, Эксимбанк Қазақстан, Астана Банк) қаржылық көрсеткіштері алынды: шамамен 2 жыл бұрын және лицензиядан айыру күніне дейін 1 жыл бұрын.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы. Зерттеу қорытындысы бойынша Bankometer моделінің қазақстандық екінші деңгейдегі банкердің (ЕДБ) банкроттығын шынайы болжау мүмкіндігі туралы бұрын тұжырымдалған гипотеза жоққа шығарылды, өйткені S-score техникасы бойынша жүргізілген талдау шеңберінде нәтижелер көрсетілген банкердің қаржылық тұрақтылығын көрсетті.

Зерттеу нәтижелері. Аталмыш модельді жетілдіру шеңберінде X1, X2, X3 коэффициенттерінің, сондай-ақ банкті қаржылық орнықты және төлем қабілетті ретінде жіктеу мақсатында "S" интегралдық көрсеткішінің нормативтік мәнін өзгерту орынды болып табылады. Сонымен қатар, S-score есептеу үшін теңдеудің құрылымын қайта қарау маңызды. Сондай-ақ, талдаудың толықтығы үшін осы есептеуді басқа да маңызды көрсеткіштермен, мысалы, өтімділік коэффициенттерімен, таза пайыздық маржамен, тәуекелге сезімталдықпен толықтыру қажет.

Түйін сөздер: «Bankometer» моделі, банктің банкроттық ықтималдығын бағалау, банктің қаржылық тұрақтылығы.

ОЦЕНКА ВЕРОЯТНОСТИ БАНКРОТСТВА КАЗАХСТАНСКИХ БАНКОВ НА ОСНОВЕ МОДЕЛИ «BANKOMETER»

А. Ж. Шакбутова¹, А. С. Шопашева²

^{1,2}Университет Международного Бизнеса (UIB), Алматы, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования состоит в проведении тестирования модели «Bankometer» на предмет применимости к банковскому сектору Республики Казахстан, ее способности верно и точно прогнозировать вероятность банкротства банка.

Методология исследования. При проведении исследования в качестве методологического инструментария была выбрана модель прогнозирования банкротства «Bankometer». Для определения прогностической способности модели были взяты финансовые показатели банков-банкротов (Казинвестбанк, Delta Bank, Qazaq Banki, Эксимбанк Казахстан, Астана Банк) на 2 временных периода: приблизительно за 2 года и за 1 год до даты лишения лицензии.

Оригинальность/ценность исследования. По итогам исследования была опровергнута ранее сформулированная гипотеза о способности модели Bankometer достоверно прогнозировать банкротство казахстанских банков второго уровня (БВУ), так как в рамках проведенного анализа по технике S-score результаты демонстрируют финансовую устойчивость указанных банков.

Результаты исследования. В рамках совершенствования данной модели представляется целесообразным изменить нормативные значения коэффициентов X_1 , X_2 , X_3 , а также интегрального показателя «S» для классификации банка в качестве финансового устойчивого и платежеспособного. Кроме этого, важно пересмотреть структуру уравнения для расчета S-score. Также для полноты анализа следует дополнить данный расчет другими не менее важными показателями, например, коэффициентами ликвидности, чистой процентной маржой, чувствительностью к риску.

Ключевые слова: модель «Bankometer», оценка вероятности банкротства банка, финансовая устойчивость банка.

ВВЕДЕНИЕ

Вопрос сохранения устойчивости и поддержания стабильности коммерческих банков представляется одним из наиболее важных для экономики Казахстана. Прежде всего, потому, что развитие банковского сектора в стране опережает другие сегменты финансового рынка, здесь сосредотачивается значительный объем финансового капитала. Это, соответственно, обуславливает его тесную связь с общей экономической ситуацией в стране. Примечательно, что возникшие финансовые проблемы одного конкретного банка могут оказать негативное влияние на положение других банковских учреждений, и, соответственно, повлечь за собой осложнение ситуации в банковской системе в целом.

Актуальность данной темы также подтверждается тем фактом, что в настоящее время в казахстанской банковской практике наблюдается ряд случаев банкротства, аннулирования лицензий банков второго уровня. Ухудшение финансового состояния отдельных банков привело к необходимости оказания им государственной поддержки в рамках Программы оздоровления. Кроме этого, данная тенденция дала толчок процессу слияний и поглощений в банковском секторе.

В таких условиях вопрос выбора эффективного и адекватного метода прогнозирования банкротства, который был бы применим к реалиям казахстанской банковской практики, представляется значимым как для самих банков, так и для всей экономики страны в целом.

Объектом исследования выступают казахстанские банки-банкроты, которые в период с 2016 года по настоящее время были лишены лицензий на осуществление деятельности, и впоследствии ликвидированы, а именно: Казинвестбанк, Delta Bank, Qazaq Banki, Эксимбанк Казахстан, Астана Банк.

Цель данного исследования состоит в проведении тестирования модели «Bankometer» (S-score) на предмет применимости к банковскому сектору Республики Казахстан, ее способности верно и точно прогнозировать вероятность банкротства банка.

Задачи исследования:

1. Изучение методологии прогнозирования банкротства банков по модели «Bankometer» (S-score).
2. Анализ модели «Bankometer» на предмет применимости к банковскому сектору Республики Казахстан, ее способности безошибочно и точно определять вероятность банкротства банка.
3. Выявление достоинств и недостатков указанной модели.

Теоретической и практической базой для проведения исследования послужили: научные труды зарубежных и отечественных авторов, статистические данные Национального Банка Республики Казахстан (НБРК), аудированная финансовая отчетность объектов исследования.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Обзор литературы

Вопросу прогнозирования дефолта коммерческих организаций посвящены научные труды таких зарубежных исследователей как: Р. Де Янг и К. П. Роланд [1], А. Клэр и Р. Пристли [2], Б. Паола, Л. Лавин и Г. Маджони [3], К. Кан и Н. Папаниколау [4], П. Мейер и Х. Пайфер [5]. Методологии расчета вероятности несостоятельности российских банковских учреждений рассмотрели в своей работе С. А. Головань, А. М. Карминский, А. В. Копылов и А. А. Пересецкий [6]. Авторскую комплексную методику прогнозирования банкротства банков предложил М. В. Плещицер, в которой учитываются как количественные показатели, так и качественные характеристики, например, возраст руководства, местоположение банка на территории Российской Федерации [7].

К распространенным и часто используемым методикам анализа финансовой устойчивости коммерческих банков и оценки вероятности их банкротства относятся: CAMELS-рейтинг, Z-счет Альтмана, Модель Таффлера, модель Сайфуллина-Кадыкова и рейтинг Кромонава.

Еще одним инструментом является модель Bankometer, или ее еще называют S-score, которая была разработана в соответствии с рекомендациями Международного валютного фонда (МВФ). Она была сформирована на основе CAMELS-рейтинга и стресс-теста CLSA, коэффициенты которых были объединены и модифицированы в части удельного веса каждого показателя и нормативных значений и лимитов.

В процессе обзора наиболее свежих и актуальных исследований, посвященных данной проблематике, обнаружено, что модель Bankometer (S-score) широко используется авторами из разных стран для оценки стабильности банковских систем их государств и предсказания риска несостоятельности банков.

Применимость модели Bankometer продемонстрирована в работе Л. А. Африка, которая утверждает, что данная методика может быть использована для анализа финансовых результатов деятельности, прогнозирования возникновения финансовых проблем шариатских банков в Индонезии и дальнейшей разработки стратегии предотвращения нестабильности исламских банков [8].

Данную модель, в качестве надежного инструмента прогнозирования банкротства коммерческих банков Индии, использовали такие авторы как: П. Чаухан и С. Кумар, которые в своей работе дали оценку состоянию банков в стране за период 2009-2018 гг. [9], а также К. Абирами, целью которого было проанализировать надежность отдельных банков государственного и частного секторов в Индии в течение десяти лет (с 2005-06 по 2014-15 г.г.) [10].

Модель S-score также была использована в труде И. К. Каттель, посвященном анализу и оценке финансовой устойчивости совместных банков и банков частного сектора в Непале за период, охватывающий 2007–2012 годы [11].

В одном из исследований, в котором анализировалось финансовое положение Банка Папуа за период с 2003 по 2011 год, дается сравнительная оценка моделей Альтмана и Банкометра. Выявлено, что результаты последнего совпадают с оценкой CAMEL, что свидетельствует о его точности [12].

Пакистанскими авторами была предпринята попытка протестировать рассматриваемую методологию на способность предсказать уязвимость банка к будущим финансовым затруднениям. Для этого авторы применили Банкометр к анализу отдельных банков Пакистана за период 1999-2002 гг. Подсчитанные расчеты были сопоставлены с CAMEL и CLSA стресс-тестом. Согласно результатам, банки, которые ранее находились в состоянии стресса, также классифицируются как неплатежеспособные с использованием процедур Банкометра, в то время как надежные банки также были оценены в качестве платежеспособных. Таким образом, полученные выводы подтвердили пригодность модели [13].

Среди казахстанских трудов можно также выделить исследование А. Болат, целью которого было определение наиболее подходящего подхода для оценки финансовых показателей банков. Используя выборку из 23 казахстанских банков второго уровня (БВУ), автор тестирует прогностическую способность моделей S-score и Альтмана к оценке вероятности банкротства банков. Результаты анализа подтвердили гипотезу о том, что для прогноза банкротства целесообразнее использовать именно Банкометр [14].

Примечательно, что данная научная статья также рассматривает применимость модели S-score к банковскому сектору Республики Казахстан. Однако следует отметить, что исследование А. Болат охватывает временной период с 2011 по 2015 гг. А, как известно, с 2016 года по настоящее время в Казахстане были лишены лицензий уже 5 банков: Казинвестбанк, Delta Bank, Qazaq Banki, Экси-мбанк Казахстан, Астана Банк. При этом, три случая произошли всего за несколько месяцев в 2018 году. Таким образом, сложившиеся обстоятельства и череда банкротств на казахстанском банковском рынке вызывают глубокий интерес в отношении проверки методологии прогнозирования дефолта «Bankometer», а также степени соответствия полученных результатов модели реальной действительности.

Методология

В рамках поставленных задач данного исследования в качестве методологического инструментария была выбрана модель прогнозирования банкротства S-score (Bankometer), которая заключается в расчете интегрального показателя «S» (Solvency score), отражающего степень платежеспособности, устойчивости коммерческого банка. Его расчет включает анализ шести коэффициентов. В таблице 1 представлен пример расчета каждого коэффициента, по каждому из которых определены нормативные лимиты и вес показателя в общем уравнении.

Таблица 1 – Система показателей в модели прогнозирования банкротства банка «Bankometer» (S-Score)

Элементы модели	Коэффициент	Формула расчета	Норматив	Вес коэф-та
X 1	Capital-to-Assets Ratio	Собственный капитал / Активы	$X1 \geq 4\%$	1,5
X 2	Equity-to-Assets Ratio	Акционерный капитал / Активы	$X2 \geq 2\%$	1,2
X 3	Capital Adequacy Ratio	Нормативный капитал / Активы, взвешенные с учетом риска	$40\% \leq X3 \leq 8\%$	3,5
X 4	Non-performing Loans-to-Loans Ratio	NPL 90+ / Ссудный портфель	$X4 \leq 15\%$	0,6
X 5	Cost-to-Income Ratio	Операционные расходы / Операционный доход	$X5 \leq 40\%$	0,3
X 6	Loans-to-Assets Ratio	Ссудный портфель / Активы	$X6 \leq 65\%$	0,4
Примечание – составлено авторами на основе источника [15]				

Как можно видеть из вышеприведенной таблицы, данная модель в целом базируется на следующих группах показателей, характеризующих достаточность (адекватность) собственного капитала, качество активов, а также доходность банка.

Далее результаты каждого коэффициента подставляются в следующее уравнение:

$$S = 1,5 \cdot X1 + 1,2 \cdot X2 + 3,5 \cdot X3 + 0,6 \cdot X4 + 0,3 \cdot X5 + 0,4 \cdot X6 \quad (1)$$

Дальнейшая интерпретация полученного результата интегрального показателя представлена на рисунке 1:

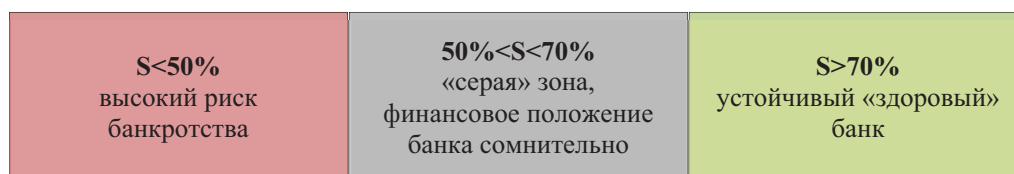

Рисунок 1 – Интерпретация интегрального показателя S-score по модели Bankometer

Примечание – составлена авторами

- a) $S < 50$: высокий риск банкротства, банк испытывает финансовые трудности;
b) $50 < S < 70$: банк находится в «серой» зоне, финансовое положение банка сомнительно;
c) $S > 70$: устойчивый «здоровый» банк.

Для того чтобы проверить насколько достоверно модель S-score может спрогнозировать будущее банкротство, были взяты финансовые результаты казахстанских банков-банкротов на 2 периода (таблица 2):

- приблизительно за 2 года до лишения лицензии;
- приблизительно за 8 месяцев – 1 год до лишения лицензии.

Таким образом, появится возможность оценить прогностические возможности данного инструмента: то есть понять, способна ли модель за 2 года и за 1 год заранее предсказать будущее банкротство банка (в данном случае берется дата лишения лицензии как временная точка случая банкротства).

Таблица 2 – Временные данные по казахстанским банкам-банкротам, необходимые для расчета S-score

№	Наименование банка	Дата лишения лицензии	Дата, взятая за базу в анализе и прогнозировании банкротства	
			приблизительно за 2 года до лишения лицензии	приблизительно за 8 месяцев – 1 год до лишения лицензии
1	Казинвестбанк	27 декабря 2016 г.	01.01.2015	01.01.2016
2	Delta Bank	3 ноября 2017 г.	01.01.2016	01.01.2017
3	Qazaq Banki	28 августа 2018 г.	01.01.2017	01.01.2018
4	Банк Астаны	18 сентября 2018 г.	01.01.2017	01.01.2018
5	Эксимбанк	28 августа 2018 г.	01.01.2017	01.01.2018
Примечание – составлено авторами на основе источника [16]				

Авторами выдвигается предварительная гипотеза о том, что модель Bankometer (S-score) способна достоверно спрогнозировать банкротство казахстанских банков второго уровня.

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ (ВЫВОДЫ)

Результаты и обсуждение

В ходе расчета коэффициентов и показателя S-score были получены следующие результаты, приведенные в таблицах 3 и 4:

Таблица 3 – Результаты расчета S-score по казахстанским банкам-банкротам на дату, приблизительно за 2 года до лишения лицензии

Банк / Коэф-т	X1	X2	X3	X4	X5	X6	S
	Капитал/ Активы	Акц.кап / Активы	Норм.кап. / Активы взв. по риску	NPL90+ / Кредиты выд.	Опер.расх/ Опер.дох.	Кредиты выд. / Активы	
вес коэф.	1,5	1,2	3,5	0,6	0,3	0,4	
норматив	$X1 \geq 4\%$	$X2 \geq 2\%$	$X3 \geq 8\%$	$X4 \leq 15\%$	$X5 \leq 40\%$	$X6 \leq 65\%$	$S \geq 70\%$
Казинвест	12,31%	15,31%	15,90%	10,15%	78,35%	74,21%	152%
Delta	11,59%	7,65%	13,2%	0,39%	71,43%	82,79%	127%
Qazaq	8,43%	7,45%	10,80%	2,80%	71,79%	71,11%	111%
Банк Астаны	10,32%	9,64%	10,90%	4,03%	83,16%	50,40%	113%
Эксим	16,46%	12,50%	17,60%	2,09%	86,06%	70,71%	157%
Примечание – составлено автором на основе источников [17], [18], [19], [20], [21]							

Таблица 4 – Результаты расчета S-score по казахстанским банкам-банкротам на дату, приблизительно за 8 месяцев – 1 год до лишения лицензии

Банк / Коэф-т	X1	X2	X3	X4	X5	X6	S
	Капитал/ Активы	Акц.кап / Активы	Норм.кап. / Активы взв. по рisku	NPL90+ / Кредиты выд.	Опер.расх/ Опер.дох.	Кредиты выд. / Активы	
вес коэф.	1,5	1,2	3,5	0,6	0,3	0,4	
норматив	$X1 \geq 4\%$	$X2 \geq 2\%$	$X3 \geq 8\%$	$X4 \leq 15\%$	$X5 \leq 40\%$	$X6 \leq 65\%$	$S \geq 70\%$
Казинвест	7,77%	8,02%	13,90%	13,97%	42,83%	36,47%	106%
Delta	13,31%	8,67%	13,00%	0,37%	89,53%	83,84%	136%
Qazaq	11,52%	9,86%	11,00%	5,04%	158,57%	78,04%	149%
Банк Астаны	12,44%	12,39%	11,90%	4,37%	92,76%	52,89%	127%
Эксим	14,86%	11,30%	15,70%	0,64%	89,97%	58,11%	141%
Примечание – составлено авторами на основе источников [17], [18], [19], [20], [21]							

Приведем более подробную характеристику приведенных коэффициентов:

X1 (Capital-to-Assets Ratio): рассчитывается, как отношение капитала к активам. Измеряет степень финансирования активов за счет собственного капитала банка. Более высокий коэффициент указывает на то, что большая часть активов покрыта собственными средствами, следовательно, банк в большей степени защищен. В данном случае, важно понять, что именно подразумевается под капиталом: весь собственный капитал банка по балансу (включая резервные фонды и фонды переоценки) или сумма акционерного капитала и фонда нераспределенной прибыли. Учитывая указанный достаточно невысокий норматив, в числителе целесообразнее брать последнее. Согласно проведенному анализу, данный норматив соблюдается рассматриваемыми банками на оба временных периода.

X2 (Equity-to-Assets Ratio): рассчитывается, как отношение акционерного капитала к активам. Чем выше этот коэффициент, тем надежнее финансовое положение банка в долгосрочной перспективе, поскольку большее количество активов может финансироваться за счет собственных средств, и в меньшей степени банк зависит от внешнего финансирования. Согласно проведенному анализу, данный норматив соблюдается рассматриваемыми банками на оба временных периода.

X3 (Capital Adequacy Ratio): коэффициент адекватности капитала, который рассчитывается, как отношение нормативного (регуляторного) капитала к активам, взвешенным с учетом рисков. Нормативный капитал, в свою очередь, состоит из капитала 1-го уровня и 2-го уровня. Высокий коэффициент означает, что банк устойчив и может выполнить свои финансовые обязательства. Норматив, предлагаемый в данной модели ($X3 \geq 8\%$), практически идентичен установленным минимальным требованиям НБРК по достаточности капитала. Так, достаточность собственного капитала ($k2$) согласно пруденциальным нормативам, применяемым Национальным Банком Республики Казахстан в отношении регулирования банков второго уровня, составляет [22]:

- с 1 января 2015 года: 7,5 %
- с 1 января 2017 года: 8 %.

Согласно проведенному анализу, данный норматив соблюдается рассматриваемыми банками на оба временных периода.

Следует отметить, что в целом, больший вес (влияние) в расчете интегрального индикатора «S» имеют именно показатели достаточности капитала, что примечательно, поскольку проблема капитализации является ключевой в вопросе устойчивости банков. Мировой финансовый кризис 2008 года выявил недостатки в системе финансового регулирования, которые послужили причиной переосмысления принципов регулирования банковской деятельности. Поэтому в 2010 году Базельский комитет разработал новые стандарты банковского регулирования «Базель III». В рамках дальнейшего повышения устойчивости банков к потенциальным шокам и угрозам, расширения их способности абсорбировать

потери в целях обеспечения нормального и бесперебойного функционирования банковского сектора, Национальным Банком Республики Казахстан также было принято решение о приведении государственного регулирования в соответствии с положениями «Базеля III». Новая концепция банковского надзора и регулирования большое внимание отводит собственному капиталу банков, ужесточив требования не только к достаточности капитала, но и его структуре и качеству. Вводятся новые понятия в области капитальной базы, увеличиваются новые минимальные нормативные требования, исключаются из состава капитала инструменты, не отвечающие установленным требованиям, дополнительно создаются два буфера капитала (консервационный и контрциклический), а также внедряется показатель леввериджа [23]. Данные меры указывают на необходимость поддержания и наращивания капитальной базы банками второго уровня. Это обосновано тем, что собственный капитал выступает своеобразной «подушкой безопасности», которая в периоды спада способствует поглощению возможных убытков и абсорбации шоков, повышает надежность банка, сокращает излишний риск для кредиторов и вкладчиков, уменьшает вероятность банкротства.

X4 (Non-performing loans-to-Loans Ratio): рассчитывается, как отношение неработающих займов к общей сумме выданных банком кредитов. В данном случае к неработающим относятся займы с просрочкой платежей по основному долгу и процентам на 90 дней и выше (NPL 90+). Высокие показатели коэффициента указывают на низкое качество ключевого актива банка – качество ссудного портфеля. Согласно проведенному анализу, данный норматив соблюдается рассматриваемыми банками на оба временных периода. Только по Казинвестбанку за год до лишения лицензии наблюдается близкое к пороговому нормативу значение.

Менее оптимистичная картина наблюдается по следующим двум показателям.

X5 (Cost-to-Income Ratio): рассчитывается, как отношение операционных расходов банка к его операционному доходу. Чем ниже данный коэффициент, тем выше прибыль банка. На оба временных периода данный норматив был нарушен всеми анализируемыми банками, что говорит о достаточно высоком объеме операционных расходов по отношению к операционным доходам.

X6 (Loans-to-Assets Ratio): рассчитывается, как отношение выданных кредитов к общей сумме активов. Таким образом, вычисляется доля активов банка, направленных на выдачу кредитов клиентам. В данной модели для снижения риска несостоятельности данный коэффициент следует сохранять на уровне меньше 65%. Если показатель превышает данный лимит, это указывает на проведение более агрессивной кредитной политики, что можем привести к проблеме с ликвидностью и платежеспособностью. Нормативное значение подразумевает умеренную кредитную активность. Однако низкий показатель может означать, что банк придерживается более консервативной политики, что снижает возможности для генерирования прибыли. Согласно результатам расчетов за 2 года до банкротства норматив был соблюден только по Банку Астаны. Через год еще два банка (Казинвестбанк и Эксимбанк) продемонстрировали улучшение в рамках данного коэффициента, не нарушая нормативное значение.

Переходя к главной части проведенного исследования, можно сразу отметить, что согласно модели Bankometer все банки на оба временных периода имеют значение S больше 70 %, что означает их финансовую устойчивость, что, конечно, не соответствует реальности. Стоит понять, в чем проблема и по каким причинам модель дала искаженные результаты.

В первую очередь, примечательно, что по первым трем показателям все 5 банков соблюдают установленные нормативы. X1, X2, X3 напрямую отражают степень капитализации компании, что является одним из наиболее важных факторов в устойчивости банка, и подтверждается Базельскими положениями. Можно сделать вывод, что предлагаемые нормативные значения достаточно занижены, особенно в отношении коэффициентов X1 и X2. Спорная ситуация складывается по нормативу третьего коэффициента (X3) и вопросу его повышения, поскольку, как уже было упомянуто ранее, он практически соответствует пруденциальным нормативам по достаточности собственного капитала (k2). А пруденциальные нормативы Национального Банка Республики Казахстан, в свою очередь, априори являются бенчмарком для исследования и прогнозирования финансовой нестабильности банка. Однако не стоит игнорировать тот фактор, что здесь возможен риск некорректного представления и искажения финансовой отчетности данными банками, в целях соблюдения пруденциальных нормативов. Как по-

казывает практика, такой вариант возможен, как, например, в случае даже такого крупного банка как Казкоммерцбанк, у которого нормативы по достаточности капитала, предшествующие покупке банка, были соблюдены. Однако впоследствии, при проведении Халык Банком due diligence, было обнаружено, что из-за большого объема просрочек, фактически капитал Казкома был отрицательным. Таким образом, можно сделать предположение, что по этой причине данная модель могла не сработать и дать искаженные результаты. Учитывая данный момент, в целом, корректировка нормативного значения X3 в сторону повышения также представляется необходимой мерой.

Кроме этого, для повышения объективности модели стоит значительно пересмотреть нормы по интегральному показателю S, и соответственно, разбалловку по трем типам банков (устойчивые, банкрот, «серая зона»). Согласно модели, минимальное значение «S» для классификации банка как устойчивого составляет 71 % ($S > 70\%$). При этом, если теоретически взять по каждому коэффициенту критические показатели, то S будет равняться 83,4 % (таблица 5). Возникает небольшое противоречие. Поскольку норматив S-параметра слишком заниженный, в результате все банки оцениваются как здоровые и финансово стабильные.

Таблица 5 – Пробный расчет S-score с критическими показателями шести коэффициентов

Коэффициент	Критические значения	Вес коэффициента	Результаты
X 1	4	1,5	6
X 2	2	1,2	2,4
X 3	8	3,5	28
X 4	15	0,6	9
X 5	40	0,3	12
X 6	65	0,4	26
S	-	-	83,4
Примечание – составлено авторами			

Наконец, неоднозначно и само уравнение для расчета итогового показателя «S». Данная модель утверждает, что чем больше значение S-score, тем более устойчивым является банк. Но следует учитывать тот факт, что если по X1, X2, X3 критические значения представляют собой минимальные пороги и желательно, чтобы они были выше, то по последним трем коэффициентам X4, X5, X6 напротив, предпочтительнее, чтобы показатели были низкими, а установленные нормативы являются максимально допустимыми. Однако, учитывая структуру общего уравнения, которое представляет собой простую сумму произведений весов и полученных значений X-коэффициентов, в случае, если X4, X5, X6 по конкретному банку имеют недопустимо высокие показатели (что является негативным моментом), то при подстановке значений в уравнение это только приведет к увеличению «S» (что, наоборот, является положительным результатом). Данная несоответствие опять-таки привело в рассматриваемом примере к завышению S-score и расцениванию банков как «здоровых» и стабильных. Поэтому математически целесообразнее в уравнении изменить знак с плюса (+) на минус (-) по коэффициентам X4, X5, X6, как в приведенной ниже формуле. Таким образом, чем выше (хуже) будут показатели X4, X5, X6, тем меньше агрегированный индикатор S.

$$S = 1,5 \cdot X1 + 1,2 \cdot X2 + 3,5 \cdot X3 - 0,6 \cdot X4 - 0,3 \cdot X5 - 0,4 \cdot X6 \quad (2)$$

Таким образом, учитывая перечисленные недостатки Банкометра и приведенные рекомендации по его совершенствованию, предлагается рассмотреть следующие изменения в существующей модели (таблица 6):

- повысить нормативы по коэффициентам X1, X2, X3;
- изменить формулу уравнения для расчета S-показателя;

- классифицировать банк, как финансово устойчивый, в случае соблюдения следующего условия:
 $S \geq 44$.

Таблица 6 – Предлагаемый вариант модификации модели S-score (Bankometer)

Коэффициент	Критические значения	Вес коэффициента	Результаты
X 1	<u>10</u>	1,5	15
X 2	<u>5</u>	1,2	6
X 3	<u>20</u>	3,5	70
X 4	15	0,6	9
X 5	40	0,3	12
X 6	65	0,4	26
S	-	-	<u>44</u>
$S = 1,5 \cdot X1 + 1,2 \cdot X2 + 3,5 \cdot X3 - 0,6 \cdot X4 - 0,3 \cdot X5 - 0,4 \cdot X6$			
Примечание – составлено авторами			

Опираясь на предлагаемые изменения, был проведен новый расчет по казахстанским пяти банкам-банкротам, а также дополнительно по двум другим банкам – Халык и ВТБ, которые на рассматриваемый период демонстрировали стабильное функционирование (таблица 7).

Таблица 7 – Результаты нового расчета S-score на дату, приблизительно за 8 месяцев – 1 год до лишения лицензии

Банк / Коэф-т	X1	X2	X3	X4	X5	X6	S
	Капитал/ Активы	Акц.кап / Активы	Норм.кап. / Активы взв. по риску	NPL90+ / Кредиты выд.	Опер.расх/ Опер.дох.	Кредиты выд. / Активы	
вес коэф.	1,5	1,2	3,5	0,6	0,3	0,4	
норматив	$X1 \geq 10\%$	$X2 \geq 5\%$	$X3 \geq 20\%$	$X4 \leq 10\%$	$X5 \leq 40\%$	$X6 \leq 65\%$	$S \geq 44\%$
Казинвест	7,77%	8,02%	13,90%	13,97%	42,83%	36,47%	34%
Delta	13,31%	8,67%	13,00%	0,37%	89,53%	83,84%	15%
Qazaq	11,52%	9,86%	11,00%	5,04%	158,57%	78,04%	-14%
Банк Астаны	12,44%	12,39%	11,90%	4,37%	92,76%	52,89%	24%
Эксим	14,86%	11,30%	15,70%	0,64%	89,97%	58,11%	40%
Халык	10,91%	1,64%	18,90%	7,56%	30,81%	29,92%	59%
ВТБ	10,71%	17,88%	24,29%	7,92%	72,51%	54,64%	74%
Примечание – составлено авторами на основе отчетных данных банков [17], [18], [19], [20], [21]							

Анализируя полученные данные в приведенной таблице, наблюдается, что итоговый показатель «S» дал корректные результаты. Фактически обанкротившиеся банки имеют S меньше порогового значения (44), в то время как Народный Банк и ВТБ банк (Казахстан) классифицируются, как финансово устойчивые. Обобщая, можно сказать, что предложенные рекомендации способствовали улучшению модели.

Конечно, не стоит игнорировать тот факт, что данная модель не включает многие другие важные показатели устойчивости банка:

- коэффициенты ликвидности, которые отражают способность банка покрывать свои текущие обязательства краткосрочными активами;
- коэффициенты прибыльности, затрагивающие именно процентные доходы (например, показатель, рассчитывающий отношение чистой процентной маржи к активам, приносящим доход);
- оценку чувствительности банка к риску.

Кроме этого, в идеале в модели, прогнозирующей банкротство банка, важно рассматривать и макроэкономические факторы, а также такие качественные характеристики как, например, качество корпоративного управления. Хотя это и усложняет процесс расчетов, а также имеет определенные ограничения в получении необходимой информации и последующей правильной оценке данных, но это может существенно повысить качество прогностической способности инструмента.

Резюмируя, можно сказать, что полученные результаты на данном этапе исследования могут послужить базой для дальнейшей разработки новой улучшенной модели на основе методов финансового моделирования. А это, в свою очередь, предполагает написание последующих фундаментальных научных трудов, которые будут нацелены на применение методов финансового моделирования при прогнозировании банкротства банков Казахстана.

Научный вклад данной статьи состоит в проверке модели «Bankometer» (S-score) на предмет применимости к банковскому сектору Республики Казахстан и последующем опровержении гипотезы о том, что данный инструмент является адекватным и точным при прогнозировании банкротства банков. Данное исследование позволило обнаружить конкретные недостатки в рассматриваемой модели, и впоследствии предложить соответствующие рекомендации по ее совершенствованию.

Заключение

Используя методологию Bankometer, был проведен анализ финансовых показателей пяти казахстанских банков-банкротов (Казинвестбанк, Delta Bank, Qazaq Banki, Эксимбанк Казахстан, Астана Банк). По итогам исследования была опровергнута ранее сформулированная гипотеза о применимости упомянутой модели и достоверности ее прогноза банкротств казахстанских БВУ. В рамках проведенного анализа по технике S-score результаты демонстрируют финансовую устойчивость указанных банков, что в корне не соответствует действительности, поскольку все 5 банков были позже признаны банкротами.

В рамках совершенствования данной модели представляется целесообразным изменить нормативные значения коэффициентов X_1 , X_2 , X_3 , а также интегрального показателя «S» для классификации банка в качестве финансового устойчивого и платежеспособного. Кроме этого, важно пересмотреть структуру уравнения для расчета S-score. Также следует дополнить в данный расчет другие не менее важные показатели, например, коэффициенты ликвидности, чистая процентная маржа, чувствительность к риску.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. DeYoung R., Roland K. P. Product mix and earnings volatility at commercial banks: evidence from a degree of total leverage model // *Journal of Financial Intermediation*. – 2001. – № 10. – P. 54–84.
2. Clare A., Priestley R. Calculating the probability of failure of the Norwegian banking sector // *Journal of Multinational Financial Management*. – 2002. – № 12. – P. 21–40.
3. Paola B., Laeven L., Majnoni G. How good is the market at assessing bank fragility? A horse race between different indicators // *Journal of Banking and Finance*. – 2002. – № 26. – P. 1011–1028.
4. Kahn C., Papanikolaou N. What problem banks reveal about future financial distress: Evidence from the late 2000s financial crisis. – 2011.
5. Meyer P., Pifer H. Prediction of bank failures // *The Journal of Finance*. 1970. – № 4. – P. 853–868.
6. Головань С. А., Карминский А. М., Копылов А. В., Пересецкий А. А. Модели вероятности дефолта российских банков / Предварительное разбиение банков на кластеры. – М.: РЭШ, 2003. – 49 с.
7. Плещицер М. В. Комплексная методика прогнозирования банкротства банков // *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. – 2011. – № 14. – С. 40–45.
8. Africa L. A. Determination of Bankometer and RGEC Models to Predict Financial Distress on Sharia Banks in Indonesia // *Proceedings of the Proceedings of the 1st International Conference on Business, Law And Pedagogy, ICBLP 2019, 13-15 February 2019, Sidoarjo, Indonesia*. 2019.
9. Chauhan P., Kumar S. Analysis of Scheduled Commercial banks: Bankometer Model // *International Journal of 360 Management Review*. – 2019. – Vol. 07. – Issue 01. – P. 30–45.

10. Abirami D. K. Financial Soundness of Indian Banking Industry: Bankometer Analysis // International Journal of Applied Research. – 2018. – № 4 (3). – P. 357–362.
11. Kattel I. K. Evaluating the financial solvency of selected commercial banks of Nepal: An application of bankometer // Journal of Advanced Academic Research. – 2015. – Vol. 1(1). – P. 88–95.
12. Erari A., Salim U., Syafie Idrus M., Djumahir. Financial Performance Analysis of PT. Bank Papua: Application of Cael, Z-Score and Bankometer // IOSR Journal of Business and Management. – 2018. – Vol. 7 (5). – P. 8–16.
13. Hussain Sh. A., Shah M. A., Jamali H. Performance Evaluation of Banking Sector in Pakistan: An Application of Bankometer // International Journal of Business and Management. – 2010. – Vol. 5 (9). – P. 81–86.
14. Bolat A. Evaluating the current financial state of banking sector in Kazakhstan using Altman's Model, Bankometer Model // Revista Espacios. – 2017. – Vol. 38. – No. 48. – 4 p.
15. Ouma M. O., Kirori G. N. Evaluating the Financial Soundness of Small and Medium-Sized Commercial Banks in Kenya: An Application of the Bankometer Model // International Journal of Economics and Finance. – 2019. – Vol. 11. – No. 6. – P. 93–100.
16. Показатели банков второго уровня [Электронный ресурс] // Национальный банк Республики Казахстан [офиц. сайт]. – URL: <https://nationalbank.kz/index.cfm?docid=3227&switch=russian&view=list&organization=&organizationid=&organizationtypeid=1&kindid=&typeid=7&npatypeid=&startdate=&enddate=> (дата обращения: 12.04.2020).
17. Аудированная финансовая отчетность АО «Казинвестбанк» за 2015 год [Электронный ресурс] // KASE [web-сайт]. – URL: https://kase.kz/files/emitters/KIBN/kibnf6_2015_rus.pdf (дата обращения: 12.04.2020).
18. Аудированная финансовая отчетность АО «Delta Bank» за 2015 год [Электронный ресурс] // KASE [web-сайт]. – URL: https://kase.kz/files/emitters/NFBN/nbfnf6_2015_rus.PDF (дата обращения: 12.04.2020).
19. Аудированная финансовая отчетность АО «Qazaq Banki» за 2017 год [Электронный ресурс] // Qazaq Banki [офиц. сайт]. – URL: http://qazaqbanki.kz/pdf_viewer.php/? (дата обращения: 12.04.2020).
20. Аудированная финансовая отчетность АО «Банк Астаны» за 2017 год [Электронный ресурс] // Банк Астаны [офиц. сайт]. – URL: <https://www.bankastana.kz/uploads/content/files/> (дата обращения: 12.04.2020).
21. Аудированная финансовая отчетность АО «Эксимбанк Казахстан» за 2017 год [Электронный ресурс] // KASE [web-сайт]. – URL: https://kase.kz/files/emitters/EXBN/exbnf6_2017_rus.pdf (дата обращения: 12.04.2020).
22. Постановление Правления Национального Банка Республики Казахстан от 13 сентября 2017 года № 170. Об установлении нормативных значений и методик расчетов пруденциальных нормативов и иных обязательных к соблюдению норм и лимитов, размера капитала банка и Правил расчета и лимитов открытой валютной позиции [Электронный ресурс] // Zakon.kz [web-портал]. – URL: <https://zakon.uchet.kz/rus/docs/V1700015886> (дата обращения: 12.04.2020).
23. Пресс-релиз № 239 касательно концептуального видения Агентства Республики Казахстан по регулированию и надзору финансового рынка и финансовых организаций по внедрению требований к достаточности собственного капитала банков согласно последним рекомендациям Базельского комитета по банковскому надзору [Электронный ресурс] // Национальный банк Республики Казахстан [офиц. сайт]. – URL: <https://nationalbank.kz/cont/kfn/9/22/publish22-158090664.pdf> (дата обращения: 12.04.2020).

REFERENCES

1. DeYoung, R. and Roland, K. P. (2001), “Product mix and earnings volatility at commercial banks: evidence from a degree of total leverage model”, *Journal of Financial Intermediation*, No. 10, pp. 54–84.
2. Clare, A. and Priestley, R. (2002), “Calculating the probability of failure of the Norwegian banking sector”, *Journal of Multinational Financial Management*, No. 12, pp. 21–40.

3. Paola, B., Laeven, L. and Majnoni, G. (2002), "How good is the market at assessing bank fragility? A horse race between different indicators", *Journal of Banking and Finance*, No. 26, pp. 1011–1028.
4. Kahn, C. and Papanikolaou, N. (2011), "What problem banks reveal about future financial distress: Evidence from the late 2000s financial crisis".
5. Meyer, P. and Pifer, H. (1970), "Prediction of bank failures", *The Journal of Finance*, No. 4, pp. 853–868.
6. Golovan', S. A., Karminskij, A. M., Kopylov, A. V. and Pereseckij, A. A. (2003), "Modeli verojatnosti defolta rossijskikh bankov", *Predvaritel'noe razbienie bankov na klasteri*, Moscow: RJeSh, 49 p.
7. Pleshchic, M. V. (2011), "Kompleksnaja metodika prognozirovanija bankrotstva bankov", *Finansovaja analitika: problemy i reshenija*, No. 14, pp. 40–45.
8. Africa, L. A. (2019), "Determination of Bankometer and RGEC Models to Predict Financial Distress on Sharia Banks in Indonesia", *Proceedings of the Proceedings of the 1st International Conference on Business, Law And Pedagogy, ICBLP 2019, 13-15 February 2019, Sidoarjo, Indonesia*.
9. Chauhan, P. and Kumar, S. (2019), "Analysis of Scheduled Commercial banks: Bankometer Model", *International Journal of 360 Management Review*, Vol. 07, Issue 01, pp. 30–45.
10. Abirami, D. K. (2018), "Financial Soundness of Indian Banking Industry: Bankometer Analysis", *International Journal of Applied Research*, No. 4 (3), pp. 357–362.
11. Kattel, I. K. (2015), "Evaluating the financial solvency of selected commercial banks of Nepal: An application of bankometer", *Journal of Advanced Academic Research*, Vol. 1(1), pp. 88–95.
12. Erari, A., Salim, U., Syafie Idrus M. and Djumahir (2018), "Financial Performance Analysis of PT. Bank Papua: Application of Cael, Z-Score and Bankometer", *IOSR Journal of Business and Management*, Vol. 7 (5), pp. 8–16.
13. Hussain, Sh. A., Shah, M. A. and Jamali, H. (2010), "Performance Evaluation of Banking Sector in Pakistan: An Application of Bankometer", *International Journal of Business and Management*, Vol. 5 (9), pp. 81–86.
14. Bolat, A. (2017), "Evaluating the current financial state of banking sector in Kazakhstan using Altman's Model, Bankometer Model", *Revista Espacios*, Vol. 38, No. 48, 4 p.
15. Ouma, M. O. and Kirori, G. N. (2019), "Evaluating the Financial Soundness of Small and Medium-Sized Commercial Banks in Kenya: An Application of the Bankometer Model", *International Journal of Economics and Finance*, Vol. 11, No. 6, pp. 93–100.
16. "Pokazateli bankov vtorogo urovnja", *Nacional'nyj bank Respubliki Kazahstan*, available at: <https://nationalbank.kz/index.cfm?docid=3227&switch=russian&view=list&organization=&organizationid=&organizationtypeid=1&kindid=&typeid=7&npatypeid=&startdate=&enddate=> (accessed: April 12, 2020) (In Russian).
17. "Audirovannaja finansovaja otchetnost' AO «Kazinvestbank» za 2015 god", KASE, available at: https://kase.kz/files/emitters/KIBN/kibnf6_2015_rus.pdf (accessed: April 12, 2020) (In Russian).
18. "Audirovannaja finansovaja otchetnost' AO «Delta Bank» za 2015 god" KASE, available at: https://kase.kz/files/emitters/NFBN/nfbnf6_2015_rus.PDF (accessed: April 12, 2020) (In Russian).
19. "Audirovannaja finansovaja otchetnost' AO «Qazaq Banki» za 2017 god", Qazaq Banki, available at: http://qazaqbanki.kz/pdf_viewer.php/? (accessed: April 12, 2020) (In Russian).
20. "Audirovannaja finansovaja otchetnost' AO «Bank Astany» za 2017 god", Bank Astany, available at: <https://www.bankastana.kz/uploads/content/files/> (accessed: April 12, 2020) (In Russian).
21. "Audirovannaja finansovaja otchetnost' AO «Jeksimbank Kazahstan» za 2017 god", KASE, available at: https://kase.kz/files/emitters/EXBN/exbnf6_2017_rus.pdf (accessed: April 12, 2020) (In Russian).
22. "Postanovlenie Pravlenija Nacional'nogo Banka Respubliki Kazahstan ot 13 sentjabrja 2017 goda № 170. Ob ustanovlenii normativnyh znachenij i metodik raschetov prudencial'nyh normativov i inyh objazatel'nyh k sobljudeniju norm i limitov, razmera kapitala banka i Pravil rascheta i limitov otkrytoj valjutnoj pozicii", *Zakon.kz*, available at: <https://zakon.uchet.kz/rus/docs/V1700015886> (accessed: April 12, 2020) (In Russian).
23. "Press-reliz № 239 kasatel'no konceptual'nogo videnija Agentstva Respubliki Kazahstan po regulirovaniju i nadzoru finansovogo rynka i finansovyh organizacij po vnedreniju trebovanij k dostatochnosti sobstvennogo kapitala bankov soglasno poslednim rekomendacijam Bazel'skogo komiteta po bankovskomu

nadzoru”, Nacional'nyj bank Respubliki Kazakhstan, available at: <https://nationalbank.kz/cont/kfn/9/22/publish22-158090664.pdf> (data obrashhenija: 12.04.2020) (accessed: April 12, 2020) (In Russian).

SUMMARY

The article considers the “Bankometer” (S-score) model for applicability to the banking sector of the Republic of Kazakhstan, its ability to correctly and accurately predict the probability of bank failure. According to the Bankometer methodology, an analysis of the financial indicators of Kazakhstan bankrupt banks was carried out, specific shortcomings of the model under consideration were found, and appropriate recommendations for its improvement were proposed.

ТҮЙІНДЕМЕ

Мақалада "Bankometer" (S-score) моделінің Қазақстан Республикасы банк секторына қолданылуы, оның банктің банкроттығы ықтималдығын дұрыс және дәл болжай алу қабілеті қарастырылған. Bankometer әдістемесі бойынша қазақстандағы банкрот болған банктердің қаржылық көрсеткіштеріне талдау жүргізілді, қарастырылып отырған үлгінің нақты кемшіліктері анықталды және оны жетілдіру бойынша тиісті ұсыныстар ұсынылды.

РЕЗЮМЕ

В статье рассмотрена модель «Bankometer» (S-score) на предмет применимости к банковскому сектору Республике Казахстан, ее способность верно и точно прогнозировать вероятность банкротства банка. По методологии Bankometer проведен анализ финансовых показателей казахстанских банков-банкротов, обнаружены конкретные недостатки рассматриваемой модели, и предложены соответствующие рекомендации по ее совершенствованию.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Шакбутова Алия Жанузаковна – кандидат экономических наук, доцент, Университет Международного Бизнеса, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: ashakbutova@mail.ru

Шопашева Александра Сайрановна – магистрант специальности «Финансовый менеджмент», Университет Международного Бизнеса, Алматы, Республика Казахстан, e-mail: a_shopasheva@mail.ru

МРПТИ 68.75

JEL Classification: Q13

ECONOMIC ASPECTS OF THE KAZAKHSTANI AGRICULTURE DIGITALIZATION

H. Kusainov¹, B. Khusainov²

¹Aktobe regional state University named after Zhubanova,
Aktobe, Republic of Kazakhstan

²West Kazakhstan agrarian and technical University named after Zhangir Khan,
Uralsk, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

The purpose of the study. Is to consider topical issues related to the digitalization of agricultural production, the ease of doing business rating, and subsidies for the development and implementation of research and development projects.

Methodology. In the process of scientific research, almost all General scientific and economic-statistical methods were used, such as analysis, synthesis, deduction, comparison, historical, logical, and modeling.

Originality / value of the research. Due to the study of elements of digital technologies, international experience in digitalization of agricultural production according to the rating of ease of doing business, the availability of state subsidies for the development and implementation of innovations in agriculture.

Findings. Continuous improvement of economic aspects related to the digitalization of agricultural production in the Republic of Kazakhstan will allow all public and private enterprises in the agricultural sector to make the most reliable use of advanced scientific achievements of high-tech companies in the world.

Keywords: digitalization, agriculture, demographics, ease rating, doing business, subsidies, investments, innovations.

ҚАЗАҚСТАННЫҢ АУЫЛ ШАРУАШЫЛЫҒЫН ЦИФРЛАНДЫРУДЫҢ ЭКОНОМИКАЛЫҚ АСПЕКТІЛЕРІ

Х. Х. Құсайынов¹, Б. М. Хусаинов²

¹Жұбанов атындағы Ақтөбе өңірлік мемлекеттік университеті,
Ақтөбе, Қазақстан Республикасы

²Жәңгір хан атындағы Батыс-Қазақстан аграрлық-техникалық университеті,
Орал, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Зерттеудің мақсаты. Ауыл шаруашылығы өндірісін цифрландыруға, бизнесті жүргізу жеңілдігі рейтингіне, ғылыми-зерттеу және тәжірибелік-конструкторлық әзірлемелерді даярлау мен енгізуге арналған субсидияларға қатысты өзекті мәселелерді қарастырудан тұрады.

Әдіснамасы. Ғылыми зерттеу барысында талдау, синтез, дедукция, салыстыру, тарихи, логикалық, моделдеу сияқты барлық жалпы ғылыми және экономикалық-статистикалық әдістер қолданылды.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы. Сандық технологиялар элементтерін, бизнесті жүргізу жеңілдігі рейтингі бойынша ауыл шаруашылығы өндірісін цифрландырудағы халықаралық тәжірибені зерделеумен, ауыл шаруашылығына инновацияларды әзірлеуге және енгізуге мемлекеттік субсидиялардың болуына негізделеді.

Зерттеу нәтижелері. Қазақстан Республикасында ауыл шаруашылығы өндірісін цифрландыруға байланысты экономикалық аспектілерді үнемі жақсарту аграрлық саланың барлық мемлекеттік және жеке кәсіпорындарына әлемнің жоғары технологиялық компанияларының озық ғылыми жетістіктерін барынша шынайы пайдалануға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: цифрландыру, ауыл шаруашылығы, демография, жеңілдік рейтингі, бизнесті жүргізу, субсидиялар.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА КАЗАХСТАНА

Х. Х. Кусаинов¹, Б. М. Хусаинов²

¹Актюбинский региональный государственный университет имени Жубанова,
Актобе, Республика Казахстан

²Западно-Казахстанский аграрно-технический университет имени Жангир хана,
Уральск, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Цель исследования. Состоит в рассмотрении актуальных вопросов, касающиеся цифровизации сельскохозяйственного производства, рейтинга легкости ведения бизнеса, субсидий на разработку и внедрение научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок.

Методология. В процессе научного исследования были практически использованы все общие научные и экономико-статистические методы, такие как анализ, синтез, дедукция, сравнение, исторический, логический, моделирование.

Оригинальность / ценность исследования. Обусловлена изучением элементов цифровых технологий, международного опыта в цифровизации сельскохозяйственного производства по рейтингу легкости ведения бизнеса, наличию государственных субсидий на разработку и внедрение инноваций в сельское хозяйство.

Результаты исследования. Постоянное улучшение экономических аспектов, связанных с цифровизацией сельскохозяйственного производства в Республике Казахстан позволит всем государственным и частным предприятиям аграрной отрасли максимально достоверно использовать передовые научные достижения высокотехнологичных компаний мира.

Ключевые слова: цифровизация, сельское хозяйство, демография, рейтинг легкости, ведение бизнеса, субсидии.

ВВЕДЕНИЕ

Во всех странах мира наблюдается бурное продвижение информационных и коммуникационных технологий, которые оказывают существенное влияние на инновационный рост и развитие всех отраслей экономики, в том числе финансовые аспекты цифровизации сельскохозяйственного производства в Республике Казахстан.

В настоящее время по всей Республике Казахстан усиленными темпами идет запланированное правительством научно-обоснованное применение цифровых технологий в агропромышленном комплексе страны.

Так, увеличение в течение 5 лет производительности труда в агропромышленном комплексе и экспорта переработанной продукции как минимум в 2,5 раза в большей степени будет обеспечено за счет цифровизации сельскохозяйственного производства.

В декабре 2017 года в стране была принята и эффективно действует Государственная программа «Цифровой Казахстан».

Так, начиная с 2018 по 2022 годы, в стране планируется провести работу по 5 основным направлениям: цифровизация отраслей экономики, переход на цифровое государство, реализация «Цифрового шелкового пути», развитие человеческого капитала, строительство инновационной экосистемы.

На базе основных направлений развития по программе будет постепенно реализовано на практике действующих предприятий 17 конкретных задач и 120 проектов [1].

Существуют противоречия между повсеместным внедрением управленческой технологии проектного менеджмента в Республике Казахстан, и недостаточным его распространением в государственном управлении.

Следует выполнять адаптацию стандартов проектного менеджмента с тем, чтобы сэкономить материальные, временные и трудовые ресурсы [2].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

По данным Министерства сельского хозяйства страны, в рамках цифровизации будет создано не менее 20 цифровых и 4000 продвинутых ферм по всей республике и обеспечена стопроцентная автоматизация процессов и государственных услуг.

Опыт эффективного ведения менеджмента мировых брендов IBM, Ford, Shell и других компаний показывает, что отдельно взятый субъект или стратегическое управление, подготовка управленческого решения и мотивация работников дает направление развития специальной концепции или предлагает теоретические модели решения проблемы [3].

Согласно глобальным прогнозам экспертов ООН, общая численность населения в мире будет неизменно расти в течение следующих нескольких десятилетий и увеличится с текущих 7,7 млрд. до 8,5 млрд. человек в 2030 году и до 9,7 млрд. – в 2050 году.

В Республике Казахстан, по официальным прогнозам международных источников и отечественных специалистов по демографии, также ожидается достоверный рост численности населения страны, которое к началу 2050 года достигнет 24 млн. человек.

Установлено, что для реализации эффективной стратегии предприятия, на основе определенного поведения сотрудников и адекватных действий с применением четких методов необходимо ожидание положительных результатов [4].

Известно, что на 1 января 2019 года на территории Республики Казахстан фактически проживало 18,4 млн. человек, что на 1,3 % больше по сравнению с данными 2018 года или соответственно 18,2 млн. человек, из которых почти половина – это сельские жители.

За последние 10 лет демографический показатель среднего роста численности населения в нашей стране значительно поднялся и фактически составил 1,5 % в год.

Цифровизация будет ориентирована на самого фермера, как объекта управления, и дальнейшего упрощения его производственной и коммерческой деятельности от начала предпосевных работ до эффективного сбыта и реализации готовой продукции.

Известно, что четвертая индустриальная революция породила в современном цифровом мировом рынке основной связующий мост между физической и виртуальной реальностью – это так называемый Интернет вещей или же Интернет всех изделий [5].

В процессе роста и развития цифровых технологий агропромышленного комплекса Республики Казахстан государством планируется использовать многолетний международный опыт таких развитых стран, как:

1. Австралия – по кратковременным планам сельскохозяйственных работ и полным технологическим картам, среднему и долгосрочному планированию урожая,
2. Германия – по сложным фундаментальным вопросам, касающимся качественного агрохимического анализа почвенного плодородия,
3. Канада – по сбалансированному мониторингу цен, вопросам ценообразования на сельскохозяйственную продукцию,
4. Турция – по достоверному метеорологическому прогнозу погоды на весь вегетационный и генеративный периоды,

5. США – по быстрым онлайн-займам финансовых средств с целью эффективного ведения сельскохозяйственной деятельности,

6. Франция – по космическому мониторингу местности и конкретного земельного участка в частности, детальной аэрофотографической съемки.

Решающим фактором является то, что общий рост численности населения будет естественно сопровождаться неуклонным поступательным возрастанием доли пожилых людей, как во всем мире, так и в Казахстане.

Так, например, если сейчас в мире проживает 702,9 млн. человек в возрасте старше 65 лет, при этом их доля составляет 9 % от общей численности населения – 7,7 млрд. человек, то в перспективе к 2050 году их численность достигнет 1,5 млрд. человек, или 16 %.

Креативные бренды и высокотехнологичные корпорации в цифровом мире должны правильно понимать важность цифровизации производства и развивать инновационную деятельность, потому что это их основной стратегический элемент [6].

Достоверным фактом является то, что в Казахстане данная тенденция хорошо заметна, так, если в 2014 году граждане страны пенсионного возраста старше 65 лет составляли 6,8 % от общей численности населения, то на начало 2019 года повысился до 7,5 %.

В стране, по статистическим данным, будет наблюдаться постоянное увеличение доли пожилых людей от 65 лет и старше, с текущих цифр в 7,5 % до 14,1 % к 2050 году.

Установлено то, что ученые на основании исследований Всемирной организации здравоохранения отметили, что по возрастной шкале ООН население Республики Казахстан считается старым, особенно в сельской местности в связи с оттоком молодежи в города.

Эффективным предоставлением услуг, связанных с перевозкой пассажиров занимаются высокотехнологичные компании мира со своей постоянной строго таргетированной клиентурой, размещенной в мобильно-коммуникации и поэтому должны создавать необходимые условия для продуктивного общения [7].

В соответствие с этими демографическими трендами ученые-биологи констатируют тот факт, что также параллельно ожидается рост продолжительности жизни в Казахстане.

Так, например, в 2014 году продолжительность жизни в стране с момента рождения составляла 71,44 лет, а уже в конце 2018 года данное значение увеличилось до 73,15 года.

Поэтому, значительный рост ожидаемой продолжительности жизни за короткий промежуток времени обусловлен, помимо всего прочего, ростом качества жизни населения.

В этой связи, важным является качественное знание всеми руководителями, специалистами и сельскохозяйственными работниками полной цифровой информации о структуре рождаемости и смертности в Республике Казахстан (таблица 1).

Таблица 1 – Структура рождаемости и смертности в Республике Казахстан, 2009-2018 гг.

Показатели	Единица измерения	2009	2014	2015	2017	2018
1	2	3	5	6	7	8
Средняя продолжительность жизни	лет	68,33	71,01	71,95	72,95	73,15
Рождаемость	на 1000 исследованных	22,45	23,14	22,72	21,68	21,77
Смертность	на 1000 исследованных	8,9	7,63	7,52	7,15	7,14
Естественный прирост	на 1000 исследованных	13,55	15,51	15,2	14,53	14,63
Материнская смертность	на 1000 живорожденных	36,8	15,7	15,8	14,8	16,0
Младенческая смертность	на 1000 живорожденных	18,23	9,76	9,39	7,93	8,03
Примечание – составлено авторами на основе источника [8]						

Как видно из таблицы 1, средняя продолжительность жизни в стране за период с 2009 по 2018 годы увеличилась с 68,33 до 73,15 лет, тем самым граждане стали жить дольше, это произошло за счет снижения смертности в этот период с 8,9 до 7,14 на 1000 исследованных.

Установлено, что национальные экономики государств сильно отличаются друг от друга уровнем развития трансграничной торговли и инвестиционными заслонами, расстоянием между странами, часовыми поясами и языками общения, состоянием государственного регулирования, самобытной культурой и разделенными бизнес системами, особенно в сравнении с независимыми субъектами прошлого века и мировое направление далеко уходит вперед благодаря цифровизации [9].

Известно, что внешняя среда жизнедеятельности человека развивается в киберсообщество, которое в сравнении имеет сильный мотив к росту, поэтому его воздействие на нашу цивилизацию, особенно на нашу психологию необходимо детально изучать, благодаря этому в будущем многое сможем узнать и решить актуальные проблемы [10].

Планируется посредством автоматизации решать трудности, возникающие у фермера на начальном этапе деятельности:

1. со сбором необходимой информации;
2. получением научно-обоснованных консультаций;
3. качественным обучением.

Изменяя даже самую малую систему, проекты закладывают предпосылки для перемен в вышестоящих системах, вплоть до самых больших [11].

Установлено то, что объемы валовой продукции агропромышленного комплекса Республики Казахстан с учетом цифровых технологий демонстрируют устойчивую тенденцию к постоянному росту:

1. Сельскохозяйственная продукция государственных и частных аграрных предприятий – возросла в два раза с уровня 1089,4 млрд. тенге в 2007 году до 2286 млрд. тенге в 2018 году.

2. Переработанная продукция промышленных и перерабатывающих предприятий – также показывает рост с уровня 490,8 млрд. тенге в 2007 году, до 828 млрд. тенге в 2018 году.

Как видно, за последние десятилетие темп роста объемов валовой продукции сельского хозяйства в среднем составил 20 %, а производства продуктов питания – 12,2 %.

При этом ученые-экономисты отмечают тот факт, что среднегодовой валовой объем производства ключевых продуктов промышленной переработки составил более 650 млрд. тенге.

Статистические данные показывают, что в 2018 году в сельском хозяйстве Республики Казахстан было занято 2 196,1 тыс. человек или 26 % от общего числа занятых, из них:

1. наемных работников – 604,8 тыс. человек или 27,5 % от общего количества занятых,
2. самостоятельно занятых работников – 1591,3 тыс. человек или порядка 72,5 % от общего количества занятых в секторе.

В растениеводческой отрасли складывается следующая ситуация, посевные площади в Республике Казахстан в 2018 году значительно увеличились в сравнении с прошлым годом и в совокупности составили более 21083 тысячи гектаров.

В 2019 году начал внедряться пилотный проект по запуску онлайн-кредитования весенне-полевых работ, а в 2021 году процесс будет полностью автоматизирован.

На сегодняшний день процесс получения земли сельскохозяйственного назначения на биржевых торгах и финансовых аукционах не автоматизирован, к тому же отсутствует открытая карта земельных участков.

Министерством сельского хозяйства с 1 июля 2019 года запущено в отдельных областях в пилотном режиме предоставление земли только в электронном виде, а с 2021 года планируется запустить процесс полностью.

К концу 2019 года правительством была создана открытая карта земельных участков в стране.

За счет автоматизации также будут решены трудности, с которыми сталкивается фермер на этапе производства:

1. по получению государственных субсидий,
2. отсутствию данных по агрохимическому анализу почв,
3. нехватка информации по космическому мониторингу,
4. несвоевременность при получении точных метеорологических данных.

Так, например, под основную сельскохозяйственную культуру страны – яровую и озимую пшеницу было занято около 65,7 % или 13 848,9 тысячи гектаров всех посевных площадей.

Поэтому, под все зерновые колосовые культуры – ячмень, кукурузу, рис и овес в 2018 году было отведено 11,2 % или 2 370,5 тысяч гектаров всех посевных площадей.

В Республике Казахстан наибольшее количество занятых в малом и среднем предпринимательстве приходится на сферу торговли, в тоже время для страны важно развитие различных видов промышленности.

Интересен подход, реализуемый в Китае, где для переориентации с ресурсоемких производств в экономическую сферу высокотехнологичных предприятий используются налоговые льготы, в том числе освобождаются от уплаты налогов предприятия, сферой интересов которых являются инновации и новые производства [12].

С 2020 года планировалось запустить практику ведения различными специалистами по сельскому хозяйству онлайн-консультаций для фермеров:

1. по вопросам предпринимательства на селе,
2. по эффективному ведению сельскохозяйственного производства,
3. по аспектам агрономической науки,
4. по правильному семеноводству сельскохозяйственных культур,
5. по решению проблем животноводства и селекции животных.

В отрасли животноводства страны на начало 2019 года наблюдался постепенный рост общей численности поголовья скота всех видов, которое составило соответственно:

1. 18,1 млн. голов мелкого рогатого скота,
2. 5,7 млн. голов крупного рогатого скота,
3. 1,6 млн. голов лошадей,
4. 1,2 млн. голов свиней,
5. 0,17 млн. голов верблюдов,
6. 32,9 млн. голов птиц различных видов.

Установлено то, что в глобальном рейтинге Всемирного банка 2018 года по целевой категории «Ведение бизнеса» Республика Казахстан занимает достойное 25-е место среди 190 стран мира.

Достигнутые гражданами за 28 лет успехи страны во внутренней политике с внедрением цифровизации и во внешней экономической деятельности позволили получить определенные результаты в работе:

- Доля малого и среднего бизнеса в ВВП значительно возросла и составляет 27 %.
- Доходы населения в долларовом эквиваленте в совокупности увеличились в 9 раз.
- Уровень бедности среди населения был планомерно сокращен в 10 раз и доведен до 4,6 %.
- Привлечено в экономику страны более 320 млрд. долл. США прямых иностранных инвестиций.

Так, с 2020 года запускается онлайн-обучения работников с привлечением частных информационно-технологических компаний, при наличии высокоскоростного доступа в Интернет, это позволит фермеру:

1. проходить краткосрочное обучение с выбором компетентного преподавателя,
2. отобрать конкретные технологические курсы, в зависимости от потребности,
3. участвовать в домашних условиях без приезда в учебный центр,
4. достаточно снизить затраты времени и транспортные расходы.

Действительно то, что на начало 2019 года настоящий финансово-экономический показатель сельскохозяйственного производства, такой как убыток в деятельности предприятий составил порядка 49,3 млрд. тенге, из них:

1. Потери финансового сектора страны от девальвации национальной валюты – 55 %.
2. Потери собственной денежной наличности в банках второго уровня, подвергшихся дефолту – 45 %.

По данным Министерства сельского хозяйства Республики Казахстан, в рамках создания электронных карт полей, являющихся одним из элементов точного земледелия, проведена оцифровка 23,7 млн.

гектаров сельскохозяйственных земель, или 98,8 % от общей посевной площади, планируется завершить полную оцифровку полей по пашням.

Для анализа применения точного земледелия Казахским агротехническим университетом имени Сейфуллина в 9 пилотных хозяйствах в Северо-Казахстанской, Акмолинской, Карагандинской и Костанайской областях осуществлены следующие мероприятия:

1. ревизия технологических возможностей сельскохозяйственной техники,
2. дифференцированное внесение органических и минеральных удобрений,
3. скрупулезно созданы электронные карты полей в каждом хозяйстве,
4. тщательно проведен агрохимический анализ почвы,
5. составлены общие карты засоренности посевов, в том числе злостными и карантинными сорняками.

Установлено, что в отношении проведения фискальной политики следует обратить внимание на опыт Сингапура.

Для предприятий малого и среднего бизнеса здесь используется льготное налогообложение, цель которого заключается в привлечении инвестиций.

В свою очередь, государство является гарантом безопасности денежных средств, привлеченных в экономику естественным путем [13].

Новый топ-менеджмент аграрной отрасли страны обозначил три основных направления концентрации организационных усилий для решения проблемы убыточности и низкой эффективности предприятий:

1. Разработка управленческих решений и принятие срочных мер по стабилизации финансового положения.
2. Оптимизация основных производственных ресурсов на всех сельскохозяйственных предприятиях.
3. Автоматизация и бизнес-процессов в соответствии с нормативами по цифровизации экономики.

Установлено то, что в настоящее время сельское хозяйство нашей страны сильно интегрировалось в мировые конкурентные рынки продовольствия и активно участвует в формировании торгового баланса.

Однако, на мировом продовольственном рынке сформировалась высокая зависимость нашей страны от импорта зарубежных товаров, особенно по многим основным видам продукции перерабатывающих предприятий агропромышленного комплекса.

Министерство сельского хозяйства Казахстана разработало превентивные меры по полному замещению импорта социально значимых товаров, в частности планируется в среднесрочной перспективе к 2024 году отказаться от завоза молока, мяса птицы и яблок.

Установлено то, что сейчас в Республике Казахстан в перечень социально-значимых товаров входит 19 наименований продукции, из которых только по 6 товарам имеется импортная зависимость:

1. Сахар – 57,3 % завозится зарубежной продукцией.
2. Мясо птицы – 49 %.
3. Творог – 46,5 %.
4. Сыр – 46,5 %.
5. Колбасные изделия – 39 %.
6. Яблоки – 31,5 %.

Поэтому, правительством страны для обеспечения к 2024 году внутренних потребностей населения в мясе птицы, колбасных изделиях, сырах, твороге, яблоках и сахаре планируется открытие промышленных молочно-товарных ферм, птицефабрик, яблоневых садов, строительство и модернизация сахарных заводов.

Установлено, что данные комплексные мероприятия государственного и частного партнерства позволят насытить внутренний рынок до 80 % местными товарами из сельской глубинки, а в дальнейшем на долгосрочную перспективу и до 100 % отечественной сельскохозяйственной продукцией, с привлечением в аграрный сектор порядка 770 млрд. тенге прямых инвестиций в основной капитал.

Реальные исследования показывают, что рациональное использование существующих производственных факторов, в том числе и цифровизации позволяет статистически составить рейтинг легкости ведения бизнеса по регионам страны (таблица 2).

Таблица 2 – Рейтинг легкости ведения бизнеса по регионам Республики Казахстан, 2017-2019 гг.

Регион	Легкость ведения бизнеса		
	Рейтинг	2019 год	2017 год
1	2	3	4
г. Алматы	1	83,74	80,64
Мангистауская область	2	83,04	80,08
Актюбинская область	3	81,67	78,46
Кызылординская область	4	81,52	79,45
Павлодарская область	5	81,36	76,90
Атырауская область	6	81,32	77,20
Северо-Казахстанская область	7	80,77	79,00
Костанайская область	8	80,75	78,41
Ақмолинская область	9	80,48	79,09
г. Нур-Султан	10	80,38	72,09
Западно-Казахстанская область	11	80,27	72,70
г. Шымкент	12	80,18	73,49
Туркестанская область	13	80,08	71,80
Алматинская область	14	80,06	71,08
Карагандинская область	15	79,40	73,58
Восточно-Казахстанская область	16	79,16	76,33
Жамбылская область	17	78,92	70,90
Примечание – составлено авторами на основе источника [14]			

Как видно из таблицы 2, наиболее высокая легкость ведения бизнеса или совокупный рейтинг наблюдается в следующих регионах – первое место занял г. Алматы – 83,74, второе место Мангистауская – 83,04 и третье место – Актюбинская область – 81,67.

Обучение фермеров использованию новых технологий проходит на базе полигонов точного земледелия:

1. агропарка «Каскелен»;
2. научно-производственного центра зернового хозяйства имени А. Бараева;
3. ТОО «Заречный»,
4. Казахского национального аграрного университета.

До конца года будут определены хозяйства, с которыми планируется проводить работы по их развитию до уровня цифровых ферм мясного и молочного направления, а также рассматриваются перспективы создания электронных карт пастбищ.

Установлено, что тектонические изменения, происходящие в нашей повседневной жизни, напрямую связаны с бурным развитием цифровой экономики.

Поэтому, сегодня в Google 7,7 млрд. спрашиваемых поисков, в системе Skype зарегистрировано 152 млн. звонков, в Twitter 58 млн. сообщений, в Amazon 36 млн. покупок, это все составляет 2,3 млрд. гигабайт информации в сети Интернет.

Каждую минуту, каждый день по электронной почте отправляются более 204 млн. писем, в системе Facebook размещается 2,4 млн. сообщений, причем в Youtube 72 часа видеoinформации, в Instagram выставляется более 216 тысяч фотографий [15].

В рамках внедрения точного земледелия определены три уровня ферм, для которых определен набор необходимых элементов:

1. цифровая ферма,
2. продвинутая ферма,
3. базовая ферма.

Дальнейшая работа будет направлена на повышение фермером своего технологического и финансового уровня через меры государственной поддержки.

Эволюционное развитие, начиная от традиционных крестьянских хозяйств до цифровой фермы, будет обеспечен базовый уровень через электронную программу «Е-АПК» путем постепенной оцифровки всех посевных площадей, а также посредством актуализации карт агрохимического состояния почв.

Цель базового уровня перейти в продвинутый уровень, а продвинутому крестьянскому хозяйству постепенно стать цифровой фермой.

Вся цепочка так называемой «цифровой эволюции» уже разработана и может применяться фермерами.

С развитием цифровых технологий в сельском хозяйстве и комплексный набор элементов будет значительно дополняться.

По замещению импорта молока и молочной продукции разработан четкий план ввода в действие ежегодно не менее 25 промышленных молочно-товарных ферм в сельской местности.

Для замещения импорта мяса птицы необходимо дополнительно ввести птицефабрики с мощностью 200 тыс. тонн, сейчас уже на этапе проектирования и реализации находится 12 проектов.

Для полного замещения импорта яблок необходимо дополнительно разбить сады на площади 12,5 тыс. гектар, которые дадут возможность произвести 105 тыс. тонн яблок.

По насыщению внутреннего рынка сахар сырцом и рафинированным сахаром необходимо построить 2 новых завода и провести полную модернизацию 3 действующих сахарных заводов, а также обеспечить увеличение посевов сахарной свеклы.

Благодаря запланированным мерам в течение 3–5 лет должны полностью обеспечить население всеми социально значимыми товарами, исключив зависимость от импорта.

Поэтому, все это оказывает воздействие на последовательное ухудшение фундаментальных экономических показателей производственной и коммерческой работы отечественных предприятий, что стало следствием нескольких объективных факторов:

1. Высокая турбулентность экономики – наблюдается на финансовом рынке Казахстана в период с 2013 по 2017 годы, что является следствием низких мировых стабилизационных процессов.

2. Девальвация национальной валюты тенге – при этом многие сельскохозяйственные холдинги и компании занимали в банках в долларах США и евро.

3. Дефолт в банковской сфере – несколько коммерческих банков второго уровня, непосредственно кредитующих предприятия агропромышленного комплекса (АПК) оказались в форс-мажоре.

Цифровые технологии неразрывно связаны с менеджментом персонала и мотивацией работников к труду, поэтому в HR-менеджменте выделяются пять основных сфер деятельности: обеспечение человеческими ресурсами, продуктивный менеджмент, вознаграждение за труд, обучение и развитие, отношение работников [16].

До настоящего времени государство поддерживало АПК через 47 видов бюджетных субсидий общим объемом 292 млрд. тенге, которые направлялись преимущественно на поддержание финансово-экономической доходности сельскохозяйственного производства.

В целях дальнейшего стимулирования роста и развития аграрной сферы с 2020 года отменяется ряд неэффективных и вводятся новые субсидии, ориентированные на замещение импорта и повышение производительности агропромышленного комплекса.

При этом правительством предлагается градировать действующие меры государственной поддержки с отменой неэффективных субсидий и заменой их на субсидии, ориентированные на результат.

Установлено то, что правительство с начала 2020 года начнет возмещать аграрным предприятиям расходы на проведение научных исследований и внедрение инноваций.

Для оживления взаимного интереса аграрного бизнеса и ученых-аграриев друг к другу Министерство сельского хозяйства Республики Казахстан внесло изменения в профильное законодательство, которые вводят новую субсидию для предприятий – «на разработку и внедрение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ».

В новом 2020 году начнет свою работу соответствующая законодательная норма, а сейчас правительство согласовывает проект правил субсидирования затрат предприятий на научные исследования, в котором будет определен размер компенсации фермерам.

Пока точно определено, что государственная помощь покроет 80 % расходов сельскохозяйственных товаропроизводителей на приобретение услуг научных организаций.

В таком случае, оставшееся финансирование из личных денежных средств фермеров – конкретных получателей государственных субсидий составит всего лишь 20 %.

Научно доказано, что данное новшество обеспечит интеграцию бизнеса и сельскохозяйственной науки, а также сделает инвестирование в научные исследования очень привлекательным для аграриев.

Внедрение продуктовых инноваций в сельское хозяйство получит мультипликационный коммерческий эффект за счет востребованных для бизнеса новых научных открытий и разработок.

В последнее время большую популярность получил цифровой маркетинг, благодаря таким компаниям как Amazon, GEICO, PriceLine.

Это взаимодействие с тщательно таргетированными частными потребителями и потребительскими ассоциациями с целью получения немедленной реакции от потребителя и установления с ним долгосрочных отношений [17].

Установлено, что на всех этапах деятельности современного фермера планируется упрощать процедуры получения государственных услуг путем их полной автоматизации.

И поэтому, по данным научных исследований, на сегодняшний день с сельскохозяйственным производством напрямую связана 101 государственная услуга, из них:

- 61 услуга, согласно статистических данных, является частично автоматизированной,
- и только 1 услуга по оформлению является полностью автоматизированной системой.

Полученные данные свидетельствуют о том, что проведена оптимизация 98 государственных услуг.

В результате этого, уже в ближайшее время планируется оптимизировать оставшиеся 3 государственные услуги.

При этом, до начала 2019 года планировалось полностью автоматизировать 16 государственных услуг, и в дальнейшем к 2022 году все государственные услуги перевести на цифровой формат.

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ (ВЫВОДЫ)

Следует отметить, что в последние годы горизонтальные и вертикальные связи между крестьянскими фермерскими хозяйствами и учеными-аграриями сильно ослабли:

1. Фермеры не готовы платить за современные научные исследования, и работают со старыми разработками и технологиями – из-за этого страдает вся отрасль сельского хозяйства, отстающая по уровню внедрения актуальных инноваций.

2. Хроническая и плохая востребованность научных исследований отечественных ученых – поскольку бизнес не покупает новые разработки, а финансовой поддержкой ученых-аграриев занимается только государство.

Поэтому, Министерство сельского хозяйства Республики Казахстан определяет темы научных исследований и делает это зачастую без учета реальных потребностей аграрного бизнеса, особенно в цифровых технологиях.

Проанализировав ситуацию нашли решение и разработали Закон «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам регулирования агропромышленного комплекса», в котором предусмотрена помощь отечественным фермерам в виде возмещения части затрат на финансирование научно-исследовательских работ, данная поправка вступила в законную силу с 6 января 2020 года.

Целесообразно отметить, что ожидаемый экономический эффект от внедрения цифровизации в агропромышленном комплексе должен быть значительным, это позволит улучшить благосостояние граждан страны.

Так, в соответствии с Государственной программой развития агропромышленного комплекса на 2017-2021 годы за счет системных мероприятий планируется увеличить прирост ВВП Республики Ка-

захстан свыше 3 трлн. тенге, в котором эффект от цифровизации сельскохозяйственного производства составит 30 %, или около 1 трлн. тенге.

Поэтому, постоянное улучшение экономических аспектов, связанных с цифровизацией сельскохозяйственного производства в Республике Казахстан позволит всем государственным и частным предприятиям аграрной отрасли максимально достоверно использовать передовые научные достижения высокотехнологичных компаний мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Цифрлық Қазақстан: заманауи технологиялар арқылы трансформациялау [Электронный ресурс] // официальный информационный ресурс Премьер-министра Республики Казахстан. – URL: <http://primeminister.kz/kz/news/> (дата обращения: 25.02.2020)
2. Тумасова Н. В. Особенности формирования национальной модели проектного менеджмента в Республике Казахстан // Economics. – 2016. – № 10 (19). – С. 25–30.
3. Гриффин Р. Менеджмент / Р. Гриффин. – 12-басылым. – Алматы: "Ұлттық аударма бюросы" қоғамдық қоры, 2018. – 768 б.
4. Гэмбл Д. Э. Стратегиялық менеджмент негіздері: бәсекелік артықшылыққа ұмтылу: оқулық / Д. Э. Гэмбл, М. Питерефф, А. А. Томпсон. – 5-басылым. – Алматы: "Ұлттық аударма бюросы" қоғамдық қоры, 2019. – 536 б.
5. Шваб К. Төртінші индустриялық революция / К. Шваб. – Алматы: Ұлттық аударма бюросы, 2018. – 200 б.
6. Куратко Д. Ф. Кәсіпкерлік: теория, процесс, практика / Д. Ф. Куратко. – 10-басылым. – Алматы: Ұлттық аударма бюросы, 2018. – 480 б.
7. Бове К. Л. Қазіргі бизнес-коммуникация / К. Л. Бове, Д. В. Тилл. – 14-басылым. – Алматы: "Ұлттық аударма бюросы" қоғамдық қоры, 2019. – 736 б.
8. Структура рождаемости и смертности в Республике Казахстан [Электронный ресурс] // Комитет по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан [Офиц. сайт]. – URL: <https://stat.gov.kz/api/getFile/?docId=ESTAT220583> (дата обращения: 14.05.2020).
9. Хилл Ч. Халықаралық бизнес: Жаһандық нарықтағы бәсеке: оқулық / Ч. Хилл, Т. Халт. – 12-басылым. – Алматы: "Ұлттық аударма бюросы" қоғамдық қоры, 2019. – 720 б.
10. Уоллейс П. Интернет психологиясы / П. Уоллейс. – Алматы: "Ұлттық аударма бюросы" қоғамдық қоры, 2019. – 356 б.
11. Евразийский путь управления проектами. Отчет об исследовании. – М.: Евразийский центр управления проектами, 2008. – 248 с.
12. Мусостова Д. Ш., Бисаева Д. И. Государственная поддержка МСБ в Китае [Электронный ресурс] // Экономика и менеджмент инновационных технологий [web-сайт]. – URL: <http://ekonomika.snauka.ru/2016/01/10707> (дата обращения: 14.03.2020)
13. Тамбовцев В. Л., Нурмаганбетов А. С. Развитие государственной поддержки предпринимательства. Зарубежный и казахстанский опыт [Электронный ресурс] // Article.kz [web-портал]. – Вестник Каргу. – 2017. – URL: <http://articlekz.com/article/17845> (дата обращения: 06.05.2020).
14. Уилтон Н. HR-менеджментке кіріспе: оқулық / Н. Уилтон. – 3-басылым. – Алматы: "Ұлттық аударма бюросы" қоғамдық қоры, 2019. – 532 б.
15. Рейтинг легкости ведения бизнеса по регионам Республики Казахстан // Комитет по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан [Офиц. сайт]. – URL: <https://stat.gov.kz/search/item/WC16200011247> (дата обращения: 06.05.2020).
16. Hamilton Daniel S. The Transatlantic Digital Economy 2017: How and Why it Matters for the United States, Europe and the World. – Washington, DC: Center for Transatlantic Relations, 2017. – 128 p.
17. Котлер Ф. Т. Маркетинг негіздері: оқулық / Ф. Т. Котлер, Г. Армстронг. – 17-басылым. – Алматы: "Ұлттық аударма бюросы" қоғамдық қоры, 2019. – 736 б.

REFERENCES

1. “Sıfrlyq Qazaqstan: zamańaýı tehnologıalar arqyly transformasıalay”, Ofisialnyı informasionnyı resýrs Premier-ministra Respýblıkı Kazahstan, available at: <http://primeminister.kz/kz/news/> (accessed: February 25, 2020) (in Kazakh).
2. Týmasova, N. V. (2016) “Osobennosti formirovaniya natsionalnoi modeli proektnogo menedjmenta v Respýblıke Kazahstan”, Economics, No. 10 (19), pp. 25–30 (in Russian).
3. Griffin R. (2018), “Menedjment”, 12-basylym, Almaty: "Ulttyq aýdarma búrosy" qoǵamdyq qory, 768 p. (in Kazakh).
4. Gembl, D. E., Pitereff, M. and Tompson A. A. (2019), “Strategialyq menedjment negizderi: básekelik artyqshylyqqa umtyly”, 5-basylym, Almaty: "Ulttyq aýdarma búrosy" qoǵamdyq qory, 536 p. (in Kazakh).
5. Shvab, K. (2018), “Tórtinshi indýstrialyq revolúsiya”, Almaty: Ulttyq aýdarma búrosy, 200 p. (in Kazakh).
6. Kýratko, D. F. (2018), “Kásipkerlik: teoria, proses, praktika”, 10-basylym, Almaty: Ulttyq aýdarma búrosy, 480 p. (in Kazakh).
7. Bove, K. L. and Tıl, D. V. (2019), “Qazirgi biznes-komýnikasiya”, 14-basylym, Almaty: "Ulttyq aýdarma búrosy" qoǵamdyq qory, 736 p. (in Kazakh).
8. “Strýktýra rojdaemosti i smertnosti v Respýblıke Kazahstan”, Komitet po statistike Ministerstva natsionalnoi ekonomiki Respýblıkı Kazahsta, available at: <https://stat.gov.kz/api/getFile/?docId=ESTAT220583> (data obrasheniya: 14.05.2020) (in Russian).
9. Hill, Ch. and Halt T. (2019), “Halyqaralyq biznes: Jahandyq naryqtaǵy báseke”, 12-basylym, Almaty: "Ulttyq aýdarma búrosy" qoǵamdyq qory, 720 p. (in Kazakh).
10. Ýolleis, P. (2019), “Internet psihologiasy”, Almaty: "Ulttyq aýdarma búrosy" qoǵamdyq qory, 356 p. (in Kazakh).
11. “Evraziyskii pýt úpravleniya proektami” (2008), Ochet ob issledovanii, Moscow, Evraziyskii sentr úpravleniya proektami, 248 p. (in Russian).
12. Mýsostova, D. Sh. and Bısaeva, D. I. “Gosýdarstvennaia podderjka MSB v Kıtai”, Ekonomika i menedjment innovatsionnyh tehnologi, available at: <http://ekonomika.snauka.ru/2016/01/10707> (accessed: March 14, 2020) (in Russian).
13. Tambovsev, V. L. and Nýrmaganbetov, A. S. (2017), “Razvitiye gosýdarstvennoi podderjki predprinimatelstva. Zarýbejnyı i kazahstanskii opyt”, Vestnik Kargý, available at: <http://articlekz.com/article/17845> (accessed: May 06, 2020) (in Kazakh).
14. Ýılton N. (2019), “HR-menedjmentke kirispe: oqýlyq”, 3-basylym, Almaty: "Ulttyq aýdarma búrosy" qoǵamdyq qory, 532 p. (in Kazakh).
15. “Reitiń legkosti vedeniya biznesa po regionam Respýblıkı Kazahstan”, Komitet po statistike Ministerstva natsionalnoi ekonomiki Respýblıkı Kazahstan, available at: <https://stat.gov.kz/search/item/WC16200011247> (accessed: May 06, 2020) (in Russian).
16. Hamilton S., Daniel (2017), “The Transatlantic Digital Economy 2017: How and Why it Matters for the United States, Europe and the World”, Washington, DC: Center for Transatlantic Relations, 128 p.
17. Kotler, F. T. and Armstrong, G. (2019), “Marketiń negizderi”, 17-basylym, Almaty: "Ulttyq aýdarma búrosy" qoǵamdyq qory, 736 p. (in Kazakh).

SUMMARY

The article deals with issues related to the digitalization of agricultural production, ease of doing business rating, subsidies for the development and implementation of research and development projects.

ТҮЙІНДЕМЕ

Мақалада ауылшаруашылығы өндірісін цифрландыруға, бизнесті жүргізудің жеңілдігі рейтингіне, ғылыми-зерттеу және тәжірибелік-конструкторлық әзірлемелерді әзірлеу мен енгізуге арналған субсидияларға қатысты мәселелер қарастырылған.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с цифровизацией сельскохозяйственного производства, легкостью ведения бизнес-рейтинга, субсидиями на разработку и реализацию научно-исследовательских проектов.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Кусаинов Халел Хаймуллович – доктор экономических наук, профессор, Актюбинский региональный государственный университет имени Жубанова, Актобе, Республика Казахстан, email: Kusainov-X@mail.ru

Хусаинов Берик Мергалиевич – кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, Западно-Казахстанский аграрно-технический университет имени Жангир хана, Уральск, Республика Казахстан, email: BMHUS@rambler.ru

МРНТИ 06.54.31

JEL Classification: 031

BLOCKCHAIN TECHNOLOGY AS A TOOL FOR REAL ESTATE REGISTRATION

Y. Akhmetbek

Academy of public administration under the President of the Republic of Kazakhstan,
Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan

ABSTRACT

The article is devoted to the study of the «Blockchain» technology, the essence and principles of its operation, as well as the prospects and possibilities of using this technology in registration and real estate transactions in Kazakhstan.

The purpose of the paper. Is the study of the possibilities of practical application of the «Blockchain» technology in registration and transactions with real estate and identification of barriers to its implementation, both in technical and legal nature. To achieve this goal are the following tasks:

1. Clarification of the meaning of the basic concepts, terms and principles of the «Blockchain» technology.
2. Conducting a comparative analysis of the advantages and disadvantages of the «Blockchain» technology.
3. Studying foreign experience of using the «Blockchain» technology in real estate registration.
4. Analysis of legal regulation of digital technologies in Kazakhstan.
5. On the basis of the conducted research, develop a conceptual model of registration and real estate transactions based on the «Blockchain» technology.

Methodology. In this work, along with theoretical methods of information research, such as analysis and synthesis of information were used historical, formal-logical, comparative and legal research methods, as well as the modeling method. In addition was applied statistical method of economic analysis of prices for real estate registration services.

Originality / value of the research. The research described is the primary information and is published by the author for the first time.

Findings. Studied and described the nature and operation of the technology «Blockchain». Analyzed the advantages and disadvantages of this technology. Reviewed and presented the experience of foreign countries,

where projects have been implemented for the registration of real estate using «Blockchain» technology. Based on data on the properties, technology and work principles Blockchain practical examples developed a new model and registration of real estate transactions. An assessment of possible risks in the implementation of the «Blockchain» technology was carried out in the field of real estate registration. Developed some recommendations in terms of amendments and changes to the existing legislation regarding the regulation of digital technologies, including Blockchain, smart-contract and others. The research results can be used in drawing up a concept for the implementation of Blockchain technology in the field of real estate registration and in the development of legislative amendments related to Kazakhstani regulation of digital technologies, including Blockchain technology.

Keywords: blockchain, registration of real estate on the blockchain, legal regulation of the blockchain, smart contract, tokenization, decentralized platform.

БЛОКЧЕЙН ТЕХНОЛОГИЯСЫ ҚҰРЫЛЫС МҮЛІКТІ ТІРКЕУ ҚҰРАЛЫ РЕТІНДЕ

Е. Е. Ахметбек

Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Мемлекеттік басқару академиясы,
Нұр-Сұлтан, Қазақстан Республикасы

АНДАТПА

Мақала «Блокчейн» технологиясын, оның жұмысының мәні мен қағидаларын, сонымен қатар Қазақстанда жылжымайтын мүлікті тіркеу кезінде осы технологияны қолдану перспективалары мен мүмкіндіктерін зерттеуге арналған.

Зерттеудің мақсаты. «Блокчейн» технологиясын тіркеуде және жылжымайтын мүлікпен жасалатын мәмілелерде практикалық қолдану мүмкіндіктерін зерделеу және оны жүзеге асырудағы техникалық және заңды кедергілерді анықтау. Осы мақсатқа жету үшін келесі міндеттер қойылды:

1. «Блокчейн» технологиясының негізгі ұғымдарының, терминдерінің және принциптерінің мағынасын нақтылау.

2. «Блокчейн» технологиясының артықшылықтары мен кемшіліктеріне салыстырмалы талдау жүргізу.

3. Жылжымайтын мүлікті тіркеуде «Блокчейн» технологиясын қолданудың шетелдік тәжірибесін зерделеу.

4. Қазақстандағы сандық технологияларды құқықтық реттеуді талдау.

5. Жүргізілген зерттеулердің негізінде «Блокчейн» технологиясына негізделген жылжымайтын мүлікпен операцияларды тіркеудің тұжырымдамалық моделін құрастыру.

Зерттеудің әдіснамасы. Бұл жұмыста ақпаратты зерттеудің теориялық әдістеріне қосымша, мысалы, ақпаратты талдау және синтездеу, тарихи, формальды-логикалық, салыстырмалы-құқықтық зерттеу әдістері, сонымен қатар модельдеу әдістері қолданылды. Сонымен қоса жылжымайтын мүлікті тіркеу қызметтері бағаларына экономикалық талдау жүргізудің статистикалық әдісі қолданылды.

Зерттеудің бірегейлігі / құндылығы. Сипатталған зерттеу алғашқы ақпарат болып табылады және автормен алғаш рет жарияланып отыр.

Зерттеу нәтижелері. «Блокчейн» технологиясының мәні мен жұмыс принципі зерттелді және сипатталды. Оның артықшылықтары мен кемшіліктері талданды. «Блокчейн» технологиясын қолдана отырып, жылжымайтын мүлікті тіркеу бойынша жобалар жүзеге асырылған шет елдердің тәжірибесі қарастырылды және ұсынылды. Алынған мәліметтер негізінде «Блокчейн» технологиясының қағидалары мен практикалық мысалдар, жылжымайтын мүлікке тіркеу және тіркеу бойынша жаңа модель ұсынылды. Жылжымайтын мүлікті тіркеу саласында «Блокчейн» технологиясын енгізу кезінде мүмкін болатын қауіп-қатерлерге баға берілді. Цифрлық технологияларды, соның ішінде блокчейн, ақылды келісім-шарттарды және т.б., реттеуге қатысты қолданыстағы заңнамаға толықтырулар мен

өзгертулер енгізу бөлігінде жеке ұсыныстар жасалды. Зерттеу нәтижелерін «Блокчейн» технологиясын жылжымайтын мүлікті тіркеу саласында енгізу тұжырымдамасын жасауда және цифрлық технологияларды, оның ішінде «Блокчейн» технологиясын қазақстандық реттеумен байланысты заңнамалық түзетулерді әзірлеу кезінде қолдануға болады.

Түйін сөздер: «Блокчейн», жылжымайтын мүлікті тіркеу, «Блокчейн» технологиясын құқықтық реттеу, ақылды келісімшарттар, токенизация, орталықтандырылмаған платформа.

ТЕХНОЛОГИЯ «БЛОКЧЕЙН» КАК ИНСТРУМЕНТ РЕГИСТРАЦИИ НЕДВИЖИМОСТИ

Е. Е. Ахметбек

Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан,
Нур-Султан, Республика Казахстан

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию технологии «Блокчейн», сущности и принципов ее работы, а также о перспективах и возможностях применения данной технологии при регистрации и сделках с недвижимостью в Казахстане.

Целью исследования является изучение возможностей практического применения технологии «Блокчейн» при регистрации и сделках с недвижимостью и выявление барьеров при её внедрении как технического, так и правового характера. Для реализации данной цели были поставлены следующие задачи:

1. Выяснение значения основных понятий, терминов и принципов работы технологии «блокчейн».
2. Проведение сравнительного анализа преимуществ и недостатков технологии «Блокчейн».
3. Изучение зарубежного опыта применения технологии «Блокчейн» при регистрации недвижимости.
4. Проведение анализа правового регулирования цифровых технологий в Казахстане.
5. На основе проведенного исследования разработать концептуальную модель регистрации и сделок с недвижимостью, основанной на технологии «Блокчейн».

Методология. В данной работе наряду с теоретическими методами исследования информации, такими как анализ и синтез информации, были использованы исторический, формально-логический, сравнительный и правовой методы исследования, а также метод применялся моделирования. Кроме того, был использован статистический метод экономического анализа цен на услуги регистрации недвижимости.

Оригинальность / ценность исследования. Описываемое исследование является первичной информацией и публикуется автором впервые.

Результаты исследования. Изучены и описаны сущность и принцип работы технологии «Блокчейн». Проанализированы её преимущества и недостатки. Рассмотрен и представлен опыт зарубежных стран, где были реализованы проекты по регистрации недвижимости с использованием технологии «Блокчейн». На основе полученных данных о свойствах, принципов работы технологии «Блокчейн» и практических примерах была разработана новая модель регистрации и сделки с недвижимостью. Проведена оценка возможных рисков при внедрении технологии «Блокчейн» в сферу регистрации недвижимости. Разработаны отдельные рекомендации в части внесения дополнений и изменений в действующее законодательство, касательно регулирования цифровых технологий, в том числе блокчейна, смарт-контракта и др. Результаты исследования могут быть использованы при составлении концепции по внедрению технологии «Блокчейн» в сферу регистрации недвижимости и при разработке законодательных поправок, касающихся казахстанского регулирования цифровых технологий, в том числе и технологии «Блокчейн».

Ключевые слова: блокчейн, регистрация недвижимости на блокчейне, правовое регулирование блокчейна, смарт-контракт, токенизация, децентрализованная платформа.

ВВЕДЕНИЕ

Мошенничество и другие виды преступлений в сфере оборота недвижимости в том числе с участием представителей государственных органов и организаций все еще имеют место в Казахстане. Рынок недвижимости остается привлекательной сферой для легкой наживы. Из года в год мошенники становятся все более изобретательными, придумывая различные способы обмана.

Несмотря на предпринимаемые меры со стороны государства, правоохранительные органы ежегодно продолжают выявлять факты подделок правоустанавливающих документов на недвижимость, злоупотребления должностными лицами и нотариусами при регистрации фиктивных сделок, а также служебных подлогов.

Так согласно данным Комитета по правовой статистике и специальным учетам при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан ежегодно возбуждается порядка более 200 уголовных дел по фактам служебного подлога официальных документов и данных государственных органов, с колоссальным нанесенным ущербом государству. За 2017 год зарегистрировано 231 уголовное дело по статье 369 Уголовного кодекса (*служебный подлог*), где сумма ущерба составила порядка 777 млн. тенге. Аналогично за 2018 год по данной статье возбуждено 209 уголовных дел с суммой ущерба 826 млн. тенге [1].

Кроме того, по данным Агентства по противодействию коррупции Республики Казахстан наблюдается рост правонарушений в сфере земельных отношений, где только за полугодие 2019 года было возбуждено 109 уголовных дел с суммой ущерба более 810 млн. тенге [2].

Таким образом все эти факты свидетельствуют о том, что в сфере оборота недвижимости ещё сохраняются условия для совершения правонарушений, в том числе и коррупционного характера.

Вместе с тем, указанные проблемы в том числе вопросы, касающиеся правонарушений в сфере регистрации и сделок с недвижимостью и недостоверных данных в сфере государственного управления, могут быть решены при условии развития цифровых технологий и их массового применения в государственных структурах. Одним из таких инструментов по мнению экспертов, который может сделать государственное управление прозрачным и минимизировать роль чиновников в государственном управлении, является технология «Блокчейн».

Как известно в последнее десятилетие технология «Блокчейн», наряду с «Искусственным интеллектом» и «Большими данными», стала наиболее популярным феноменом новых цифровых технологий. Некоторые эксперты ставят его на один уровень с изобретением Интернета. Основными преимуществами технологии «Блокчейн» являются – невозможность внесения незаконных изменений в различные базы данных, открытость, защищенность, безопасность, чего как раз-таки недостает государственным органам [3, с. 124].

Помимо того, что технология «Блокчейн» сохраняет данные, она устраняет различного рода посредников и сокращает время её обработки. По сути блокчейн это обширная эко-платформа общего пользования, которая функционирует децентрализованно и все проведенные операции в ней прозрачны и доступны всем участникам системы [4, с. 19–20].

Учитывая вышеизложенные качества и факторы, полагаем, что функции и принципы работы блокчейн-технологии будут весьма полезны для государственного управления. В связи с чем основной целью данной статьи является исследование перспектив и возможностей применения технологии «Блокчейн» при регистрации и сделках с недвижимостью и её возможных рисков при внедрении. Для достижения данной цели мы ставим перед собой задачи, к которым относятся выяснение значения основных понятий, терминов и принципов работы технологии «блокчейн», проведение сравнительного анализа преимуществ и недостатков, изучение зарубежного опыта внедрения и применения данной технологии при регистрации и сделках с недвижимостью, в государственном управлении и в целом в экономике, и на основе проведенного анализа выработать рекомендации по внедрению данной технологии в систему казахстанского государственного управления.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Технология «Блокчейн» – это абсолютно новая для всего мира технология хранения данных, основанная на принципах доверия между участниками системы. По своей сути это неуязвимый архив данных, без централизованных владельцев, где любой пользователь без излишних посредников может обмениваться активами и проверить свои документы, которые будут находиться в целостности и сохранности.

Впервые о данной технологии стало широко известно в 2008 году, когда некий Сатоши Накомото предложил новое техническое решение в цифровой платежной системе с использованием криптовалюты «биткойн». Данное решение основано на технологии «Блокчейн», где участники напрямую, без привлечения посредников (*банковских институтов*) производят финансовые операции [5, с. 1–3].

Согласно определению, данного известным специалистом в области технологии «блокчейн» Мелани Свон, основателя исследовательского института блокчейн технологий (Institute for Blockchain Studies), «Блокчейн – это технология надежного распределенного хранения записей обо всех когда-либо совершенных биткойн-транзакциях» [6, с. 13].

Свое видение также представил французский эксперт в области технологии блокчейн Лоран Лелу: «Блокчейн – это программный продукт, который позволяет хранить и преобразовывать величины или данные при помощи Интернета защищенным и прозрачным способом, не имея при этом центрального управляющего органа» [7, с. 10].

Также имеется дефиниция блокчейна канадского ученого и автора книги «Блокчейн революция» Дона Тапскота, «Блокчейн – это неподкупная цифровая бухгалтерская книга экономических транзакций, в которой можно не только записать финансовые транзакции, но и практически любую ценность» [8, с. 29].

По мнению международной исследовательской компании «Gartner», блокчейн – это тип распределенного реестра, расширяющийся хронологически посредством криптографических подписанных, безотзывных транзакционных записей, одновременно распределяемых среди всех участников сети [9].

Эксперты Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) считают, что блокчейн – это общий регистр транзакций между сторонами в сети, который не контролируется ни одним центральным органом [10, с. 4].

Всемирная торговая организация также не осталась в стороне и определила блокчейн как децентрализованную распределенную запись или «регистр» транзакций, в которых транзакции хранятся в постоянном и почти неизменном виде с использованием криптографических методов [11, с. 7].

Имеется еще множество авторских определений, однако все они схожи по своей сути и включают в себя следующие элементы: распределение, шифрование, неизменность, токенизация и децентрализация. В совокупности эти элементы позволяют организациям воспользоваться реальным преимуществом блокчейна. Стороны, которые не знают друг друга, безопасно могут взаимодействовать в цифровой среде и обмениваться новыми формами стоимости и активов, без необходимости централизованного управления, и совершение операций в сети производится напрямую между её участниками. При этом данными одновременно владеют все пользователи блокчейн-сети. В отличие от централизованного управления системой, в блокчейне отсутствует единый центр управления, т.е. система децентрализована, а поддержанием её функционирования непосредственно занимаются участники сети, которые могут быть распространены по всему миру. По этой причине систему основанной на блокчейн-технологии очень трудно взломать.

Кроме того, данная технология позволяет сторонам отслеживать активы начиная от их происхождения, что не всегда возможно в традиционных финансовых системах.

Обобщив все вышеуказанные дефиниции можно прийти к определенному выводу, что «блокчейн» – это некая децентрализованная распределённая платформа, обеспечивающая на основе алгоритмов шифрования неизменность и сохранность данных одновременно у всех пользователей, а также исключая излишних посредников при транзакциях.

Сама модель Блокчейн-технологии состоит из следующих ключевых составляющих таких как децентрализованная распределенная платформа, узлы (ноды), криптошифрование (хеширование), консенсус, смарт-контракты, токенизация, остановимся на них более подробно.

Децентрализованная распределенная платформа

Под децентрализованной распределенной платформой (далее – ДРП) понимается база данных, одновременно доступная всем пользователям системы и обладающая функциями неизменяемости данных [12, с. 15].

В отличие от централизованных систем баз данных, где все взаимосвязи и операции зафиксированы на центральном управляющем сервере, в децентрализованной системе отсутствует центральный орган управления, а взаимодействие осуществляется напрямую с участниками системы. Основополагающий принцип ДРП состоит в том, что в ней создаются блоки с различного рода данными или записями о транзакциях, которые связаны между собой посредством кодов, так называемыми «хешами». Все это продолжается в заданной последовательности в одной цепи. Данные записанные в блок могут нести в себе информацию о любых совершенных сделках, в том числе и с недвижимостью, о выполненных или отложенных обязательствах либо о других событиях.

Кроме того, в централизованных системах нет полного доверия между участниками, а в децентрализованной наоборот система запрограммирована так, что ранее согласованные условия и взятые обязательства невозможно изменить, и здесь практически отсутствует человеческий фактор.

Для обеспечения доступа к платформе в ДРП генерируются ключи, с помощью которых участникам системы предоставляется доступ к данным. Примечательно, что данные записанные в блоках практически невозможно изменить или удалить, так как они располагаются на многочисленных автономных серверах и компьютерах. Для того чтобы изменить что-то в блоках необходимо получить согласие более 51 % участников системы, что в реальности практически невозможно сделать [13, с. 67].

Таким образом в упрощенном понимании ДРП представляет собой некий реестр цифрового вида, защищенный от несанкционированных внесений изменений, где проводятся все транзакции между пользователями и хранятся все проведенные операции и данные в блоках, доступ к которым предоставлен только владельцам ключей системы.

Узлы (ноды)

Под узлами либо «нодами» понимается пользователь или компьютер расположенной в сети блокчейн-платформы, основной задачей которого является – проверять полученные данные от других узлов на валидность и передавать их другим узлам сети, а также хранить полную копию блокчейн-транзакций с момента начала проведения транзакций [14, с. 11].

В случае если поступивший на согласование хеш проведенной транзакции не подтверждается, то ноды отвергают данную транзакцию и наоборот при подтверждении хеша формируется новый блок с новым хешом [15, с. 50].

Консенсус – это один из ключевых характеристик блокчейна, с помощью которого все участники системы могут принимать решения по заранее согласованному алгоритму и все процессы должны иметь для всех одинаковое значение [16, с. 56].

На сегодняшний день существует несколько видов механизма консенсуса. Остановимся на основных видах.

Один из самых распространенных механизмов консенсуса носит название «Proof – of – work» (подтверждение работы) [17, с. 81].

Суть данного метода заключается в проведении больших вычислений по поиску хеша блока который отвечает заявленным требованиям. Соответственно решение данной задачи является подтверждением или доказательством проведенной работы. Данная модель применяется в основном когда между участниками, где вообще нет доверия, однако она очень энергозатратна, так как при проведении вычислительных операций потребляется значительный объем электроэнергии.

Второй метод называется «Proof – of – stake» (подтверждение доли), принцип работы которой заключается в добавлении нового блока в блокчейн-систему в зависимости от количества владения средств на счету, т.е. если участник системы владеет значительными средствами, например, в криптовалюте, то он будет иметь приоритет над другими участниками для формирования нового блока [18, с. 29].

Этот метод менее затратный, так как здесь нет необходимости проведения вычислительной работы как в «Proof – of - work», соответственно отпадает потребность в электроэнергии в значительных объемах.

Шифрование или хеширование

Так при формировании исходного блока в системе генерируется зашифрованный код, так называемый «хеш» или «хеш-функция», состоящий из многочисленных символов и при каждой операции формируется следующий блок со своим кодом, который связан с предыдущим блоком определенным ключом [19, с. 7].

Впервые хеширование в блокчейне было применено основателем биткойн-системы неизвестным Сатоши Накомото [5, с. 3].

Хеш-функция – это алгоритм SHA256 (Secure Hashing Algorithm), созданный Агентством национальной безопасности США и признанный всеми участниками блокчейн системы, который позволяет преобразовывать любой тип и объем информации в некое символьное отображение с фиксированным размером в 256 бит или 64 символа [20].

Сам хеш похож на цифровой отпечаток, он уникален для каждой транзакции в блокчейне. Процесс хеширования заключается в следующем. Пользователи помещают информацию о своей транзакции (имя получателя и отправителя вместе с переведенной суммой либо другого актива) в криптографический алгоритм хеширования – сложную математическую формулу – и получают набор букв и цифр, который отличается от этой транзакции. Каждая транзакция сопровождается с новым хешом. Конкретные входные данные, если они не будут изменены, всегда будут давать один и тот же точный хеш. Каждый участник системы производя новую транзакцию подписывает ключом хеша предыдущей транзакции. В случае подтверждения нодами (узлами) данной транзакции формируется новый блок с новым хешом со своей отметкой времени, что является немаловажным фактором доказательства создания блока и проведенной транзакции.

Однако, если какая-либо часть вводных данных изменяется (например, злоумышленник изменяет передаваемую сумму), хеш изменится на совершенно другой набор символов и сделает его несовместимым с остальной частью цепочки, соответственно система отклонит данную транзакцию. Следовательно, даже не видя деталей транзакции, узлы могут быстро определить, что данные в блоке были подделаны и отклонить эту транзакцию. Именно эта криптографическая безопасность делает децентрализованные платформы на блокчейне более надежными и неизменными.

Смарт-контракты – это ключевая часть технологии «Блокчейн» с точки зрения применения её при сделках с любыми активами, в том числе и с недвижимостью и любыми активами.

Впервые, ещё в 1996 году концепцию о смарт-контрактах представил известный американский криптограф Ник Сабо (Nick Szabo) [21].

В своей работе он дал определение смарт-контракту и представил его как некий цифровой протокол, в который заложен определенный алгоритм, посредством которого осуществляются сделки и контролируется его обязательное исполнение.

По мнению европейского эксперта, в области блокчейн-технологий П.Марчиони, «смарт-контракты – это компьютерные программы, которые выполняются самостоятельно при соблюдении определенных условий на основе логики «если..., то...». Например, если товар доставлен, то тогда производится оплата [22].

Существует множество вариантов определений о том, что такое смарт-контракт, однако до настоящего времени единой дефиниции по ней ещё не принято.

Вместе с тем все они сходятся в одном, что это некий договор о сделке, который исполняется автоматически при соблюдении определенных условий (алгоритма), заложенных в блокчейн-систему.

Необходимо отметить, что смарт-контракт может функционировать только в децентрализованной распределенной блокчейн-платформе, полностью исключая человеческий фактор, где узлы системы будут обеспечивать соответствующую проверку выполнения требований договора [23, с. 77].

Кроме того, для обеспечения обмена стоимости актива, передаваемого посредством смарт-контракта, необходимо чтобы в системе была предусмотрена криптовалюта либо токен [24, с. 12].

Принцип работы смарт-контрактов заключается следующем. Все активы и обязательства записываются в блоки и одновременно распределяются среди всех участников платформы. Как только узлы подтвердят полное выполнение обязательств сторонами, система автоматически выполняет условия смарт-контракта, при этом все операции проводятся напрямую между сторонами, без посредников [25, с. 2296].

В смарт-контрактах указываются обязательства каждой стороны по контракту, а также выгоды и штрафы, которые причитаются любой из сторон при различных обстоятельствах.

В структуре смарт-контракта можно выделить следующие ключевые элементы [26, с. 54]:

1. Наличие блокчейн-платформы (ДРП), в блокчейн-системе которой записываются условия и обязательства выполнения смарт-контракта.
2. Участники либо стороны смарт-контракта, которые участвуют в подписании посредством блокчейн-платформы.
3. Предмет договора, который содержит содержание и текст договора.
4. Условия договора – это согласованный алгоритм исполнения договора.

Преимущества смарт-контрактов: надежность, независимость, открытость, безопасность, экономия ресурсов, простота и скорость выполнения, без наличия посредников.

К недостаткам смарт-контрактов можно отнести слабое правовое регулирование и сложность реализации.

Говоря о сферах применения смарт-контрактов, то география её использования очень широка, начиная от финансовой сферы и кончая простыми сделками между физическими лицами. Особенно эффективно она может применена с точки зрения государства в различных реестрах, в том числе и реестрах недвижимости.

Таким образом смарт-контракты – это достаточно удобный и экономически выгодный способ осуществления сделок с любыми видами активов и товаров. Они могут повысить возможность заключения контрактов и облегчить обмен денег, собственности, акций, услуг или чего-либо ценного алгоритмически автоматизированным и бесконфликтным способом.

Токенизация – это процесс выпуска токенов, которые в распределенной блокчейн-платформе представляют собой реальные активы [27, с. 11]. Объектами токенизации могут выступать любые активы, в том числе и недвижимость.

Функционирование блокчейна

Итак, мы разобрали каждый элемент из которых состоит классический блокчейн. Теперь нам предстоит задача описать процесс совместного функционирования всех вышеуказанных элементов блокчейна, проще говоря, как работает блокчейн.

Как мы уже выше определили, что блокчейн – это децентрализованная распределенная платформа либо база данных, где произведенные транзакции записываются в блоки, которые образуют последовательную цепь. При этом все транзакции производятся напрямую без посредников и все записанные транзакции невозможно изменить.

1) Каждый пользователь совершает вход и проводит транзакции на блокчейн-платформе через свой собственный узел посредством своих закрытых и открытых ключей [28, с. 330].

Закрытые ключи используются для подписания транзакции участниками сети, они должны быть зашифрованы и храниться только у самого владельца. Открытые ключи предназначены для обеспечения доступа всем пользователям к базе данных без права на внесение изменений, только в целях ознакомления с информацией.

2) Транзакция записывается в блок, где формируется уникальный хеш, одновременно добавляется временная метка создания блока и хеш предыдущего блока.

3) Узлы проверяют, что предлагаемый блок содержит допустимые транзакции, при этом обязательно ссылаются на хеша предыдущего блока.

В случае успешного прохождения проверки, они добавляют блок в свою цепочку с присвоением ему нового хеша. Одновременно все произведенные транзакции со своими хешами распределяются по всем узлам и хранятся в них.

Если хеш транзакции не совпадает с хешом предыдущего блока, то предлагаемый блок отбрасывается. Это знаменует конец раунда и необходимо обратить внимание, что это повторяющийся процесс (рисунок 1).

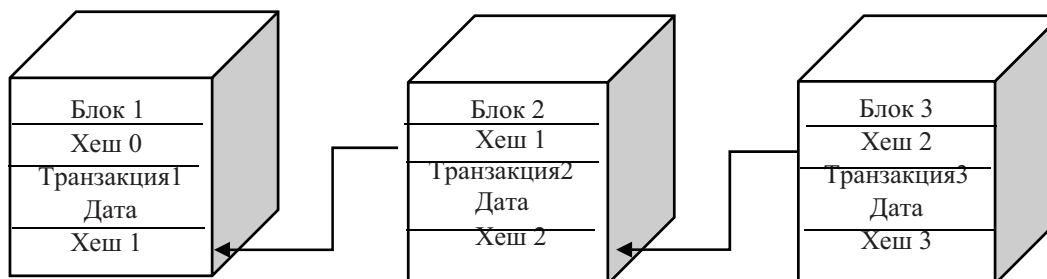

Рисунок 1 – Структура блокчейн транзакции

Примечание – составлен автором на основе источников [5; 12; 28].

Таким образом каждый блок формируется на основе предшествующего хеша как это показано на рисунке 1, где каждый блок ссылается на хеш блока, который был перед ним. Этот процесс устанавливает связь между блоками, тем самым создавая надежную и защищенную систему обмена данными, которую практически невозможно изменить.

Преимущества и недостатки

К преимуществам технологии «Блокчейн» относят в первую очередь неизменяемость данных и любой информации, записанных в блок системы, что очень актуально для всех баз данных, в том числе и для государственных реестров.

Что касается децентрализованности блокчейн-системы, то её можно отнести как преимуществам, так и к недостаткам, так как децентрализация системы предотвращает от несанкционированных внесений изменений данных и исключает утерю различного рода сведений. С точки зрения государственного контроля, то здесь регулятор не будет иметь возможности влиять или корректировать данные записанные в блокчейн-системе.

Также множественное дублирование информации гарантирует сохранность всех данных на всех узлах сети, что исключает риски утери данных. В блокчейне все проведенные транзакции одновременно становятся доступны для всех участников системы, обеспечивая при этом прозрачность и транспарентность. Любой участник сети может в любое время при необходимости обратиться к истории данных сохраненных на блокчейн-платформе.

Так как транзакция осуществляется напрямую между участниками блокчейн-сети, без посредников, это позволяет снизить дополнительные финансовые затраты на различные посреднические структуры такие как банки, нотариусы и другие финансовые институты.

К основным недостаткам технологии «Блокчейн» относят высокую энергоемкость проведения вычислений, что делает технологию дорогостоящей [29, с. 51].

Кроме того, наличие высоких затрат на создание блокчейн-платформы в связи с необходимостью перевода всех традиционных информационных систем на новую платформу, тоже можно отнести к минусам данной технологии.

По мере развития технологии «Блокчейн» перед специалистами встала проблема её масштабируемости, т.е. её ограниченной пропускной способности проведения транзакций. Так, например, в сети биткойн всего проводится порядка 7 транзакций в секунду, а в традиционных платежных системах более 2000 транзакций в секунду [30, с. 282].

До сих пор во многих странах отсутствуют единые подходы по международному нормативно-правовому регулированию технологии «Блокчейн».

В целях проведения анализа полученной информации и оценки плюсов и минусов технологии «Блокчейн» попробуем их сгруппировать в одной таблице (Таблица 1).

Таблица 1. Преимущества и недостатки технологии «Блокчейн»

Преимущества	Недостатки
Неизменяемость данных	Высокая энергозависимость
Децентрализация системы	Ограниченная пропускная способность проведения транзакций
Сохранность данных	Отсутствие регулирования
Прозрачность системы	Высокие затраты на создание блокчейн-платформ
Отсутствие посредников	
Низкая стоимость транзакций	
Высокая скорость транзакций	
Бесперебойная работа 24/7	
Примечание – составлена автором	

Зарубежный опыт применения технологии «Блокчейн» при регистрации и сделок с недвижимостью

В практике многих правительств одним из первых инициатив по внедрению технологии «Блокчейн» были проекты, связанные с реестрами недвижимости и земельными участками [31, с. 184].

Рассмотрим примеры, где на системном уровне были реализованы блокчейн-проекты в сфере недвижимости, в частности в Грузии и Швеции.

Грузия является одной из первых стран мира, которая запустила проект на блокчейне в сфере регистрации и сделок с недвижимостью и земельных участков. Все документы на земельные участки были записаны в блокчейн, которые невозможно уже было подделать. Применение данной технологии позволило повысить уровень прозрачности сделок с недвижимостью и снизить количество мошеннических действий при её регистрации [32, с. 1–29].

Предлагаю рассмотреть грузинский опыт более подробно. До внедрения проекта с блокчейном, Грузия, как и многие страны также имела проблемы с недостоверными данными и двойными владельцами в сфере оборота недвижимости. Данный проект был запущен Национальным агентством публичного реестра Министерства юстиции Грузии совместно с компанией «Bitfury» в 2017 году. Основной целью проекта являлось обеспечение прозрачности и минимизация фальсификаций в сфере регистрации и сделок с недвижимостью, а также расширение возможностей по их оформлению посредством технологии «Блокчейн».

Проектом предусматривалось создание блокчейн-платформы, которая позволяет производить все операции по оформлению прав на недвижимость и земельные участки, включая услуги по приобретению, продаже, аренде, ипотеке и оказанию других сопутствующих услуг. Следующим этапом был перевод всей базы данных кадастрового учета на блокчейн-систему.

В систему заложен алгоритм, при котором все электронные копии правоустанавливающих документов на недвижимость хранятся у каждого пользователя системы и при любом санкционированном изменении автоматически обновляются тоже у всех.

Кроме того, в данной блокчейн-системе для фиксации всех проведенных операций по оформлению недвижимости было применено хеширование всех транзакций, которая включает в себя закодированную полную информацию об имуществе. В тоже время временные метки, применяемые в данной системе, служат подтверждением точной регистрации всех проведенных операций с объектом недвижимости.

Следует отметить, что с технической стороны в грузинской модели был использован централизованный блокчейн с доверенным центром проверки всех операций по сделкам с недвижимостью. Т.е. все сведения, поступающие на блокчейн-платформу, проверяются единым центром – государственным органом, что конечно не совсем совпадает с классической моделью блокчейна, где система децентрализованная и не имеет единого центра. Полагаем, что на начальном этапе, когда ещё идёт апробация нового метода, применение данной модели было оправдано.

В результате применения новой модели регистрации недвижимости, основанной на технологии «блокчейн» было значительно сокращены временные и финансовые затраты на оформление сделки. В среднем время оформления сделки сократилось с одного рабочего дня до нескольких минут, а стоимость услуги упала с 50-200 до 5-10 долларов США [33, с. 247].

Данный проект обеспечивал гражданам Грузии прямой доступ к реестрам недвижимости и позволил им самостоятельно мониторить все проведенные операции с недвижимостью.

В итоге реализация данного проекта позволила добиться решения основной задачи – это обеспечение надежности и гарантии неизменности записей в государственном реестре недвижимости.

Швеция также является страной-пионером, где технология «Блокчейн» применяется в кадастровой системе по учету недвижимого имущества в частности земельных участков.

Несмотря на развитую систему действующей процедуры регистрации объектов недвижимости, в части чистоты сделок и отсутствия различного рода манипуляций, в Швеции она сильно забюрократизирована. Сроки оформления сделок порой могут достигать до нескольких месяцев и в ней принимают участие значительное количество стейкхолдеров (агенты по недвижимости, оценщики, банки, страховщики и др.) [34, с. 38].

С 2016 года Шведское управление картографии, кадастра и регистрации земли (Lantmäteriet) совместно разработчиком блокчейн-платформы «ChromaWay», а также при активном участии портала поиска недвижимости «Svensk Fastighetsförmedling», телекоммуникационной компании «Telia Sverige», консалтинговой компании «Kairos Future» и местных государственных банков «SBAB» и «Landshypotek Bank» начали разработку системы, которая регистрирует права собственности на землю и вносит их в государственный распределенный блокчейн-реестр [35].

Изначально проект был разделен на 2 этапа. Первый этап был посвящен разработке концепции и созданию блокчейн-платформы, встраиванию в программное обеспечение платформы технологии смарт-контрактов, разработки условий авторизации для участников системы и проведения необходимых интеграционных процессов.

На втором этапе проводилась работа по строительству испытательной модели с работающей техникой. Разработчик платформы «ChromaWay» провел тестовые испытания платформы, на которой покупатель и продавец недвижимости инициируют запуск смарт-контракта определенного типа, с участием государственной кадастровой службы, агентов по недвижимости, банков и клиентов, но стоит заметить, что оно происходило на не больших частных домах, и на частной блокчейн-платформе. Данная платформа позволяет всем участникам сети проверять в онлайн-режиме подлинность правоустанавливающих документов, а также отслеживать все этапы сделки, включая и платежи. Кроме того, в данном проекте предусмотрено и мобильное приложение, посредством которой можно также проверить правовой статус объекта недвижимости используя смартфон.

В результате испытания модели блокчейн-регистрации недвижимости были достигнуты следующие результаты.

1. Все вовлеченные участники платформы имеют доступ ко всем документам, включающие соглашение о праве собственности на недвижимость, ипотечные документы и процесс оплаты.

2. Подлинность процесса, подписи, подтверждающий права собственности, договора и ипотечные документы будут защищены блокчейном. Шведская кадастровая служба хранит всю документацию в блокчейне, но при этом одновременно она хранится и проверяется другими участниками системы.

3. Все записанные сведения в блокчейне об объектах недвижимости в соответствии со шведским законодательством являются общедоступными.

5. Обеспечена безопасность путем введения строгой идентификации участников сети (фотографии физических лиц, ID-карты, биометрическая идентификация, множественные подписи и др.).

Данное решение пока не подвергалось масштабированию, оптимизации и интеграционной разработке. В настоящее время ещё проводятся доработки системы и дальнейшее изучение вопросов информационной безопасности.

Однако наряду с достигнутыми результатами у данной модели имеется ряд недостатков, на которых хотелось бы остановиться.

1. Несмотря на обеспечение прямого доступа всем участникам сети к документации на блокчейн-платформе, сроки согласования, оформления и регистрация сделки занимает пока ещё длительное время, т.е. в течении 1 недели.

2. В данной модели участвуют, излишние участники, к которым можно отнести агентов по недвижимости и банки, что также влияет на скорость проведения операций и повышает финансовые издержки для клиентов.

Вместе с тем согласно отчету консалтинговой компании «Kairos Future», использование блокчейна в кадастровых операциях сэкономит шведским налогоплательщикам 100 миллионов евро в год и сократит время передачи права собственности на недвижимость.

Таким образом примеры рассмотренных стран свидетельствуют о значительных преимуществах блокчейн-платформ по сравнению с действующими процедурами регистрации и сделок с недвижимостью. Главным достоинством данной технологии является обеспечение прозрачности и сокращение дополнительных затрат.

На основе рассмотренного опыта применения предлагаем разработать свою концептуальную блокчейн-модель регистрации и сделок с недвижимостью.

Перед тем как предложить новую блокчейн-модель проведём анализ действующей процедуры регистрации недвижимости в Республике Казахстан.

Как известно проведение регистрации недвижимости является функцией и прерогативой органов государственной власти.

В настоящее время процедура государственной регистрации недвижимости осуществляется на основании Закона Республики Казахстан «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество (далее – Закон) [36].

В соответствии со статьями 20 и 21 Закона регистрация сделок с недвижимостью производится двумя способами.

1. Непосредственно в филиалах Некоммерческого акционерного общества государственной корпорации «Правительства для граждан», где граждане, предоставив все оригиналы договора о сделке и правоустанавливающих документов могут зарегистрировать свои права на недвижимость. Регистрации производится в течение одного рабочего дня с момента поступления документов в регистрирующий орган.

2. Электронная регистрация производится посредством Единой нотариальной информационной системы (далее – ЕНИС). Данная процедура производится путем направления электронных копий договоров о сделках с недвижимостью из ЕНИС в информационную систему регистрирующего органа – государственную базу данных «Регистр недвижимости» (далее – ГБД РН). Сроки проведения регистрации здесь также установлены в течении одного рабочего со дня после поступления платежа за регистрацию.

Для проведения анализа рисков и преимуществ электронной регистрации остановимся на ней более подробно.

Оформление сделки при электронной регистрации недвижимости производится у нотариуса, где между сторонами письменно заключается договор, электронная копия которой автоматически посредством ЕНИС направляется в информационную систему ГБД РН. Оплата за нотариальное удостоверение сделки согласно утвержденным тарифам для физических лиц составляет 8 МРП (22 224 тенге) (для справки 1 МРП на 2020 г. составляет 2778 тенге), а для юридических 17 МРП (47 226 тенге) [37].

В случае проведения оплаты в безналичной форме, то дополнительно оплачивается банковская комиссия за осуществление перевода. Средняя комиссия банков второго уровня в Казахстане составляет от 1 до 3 % от суммы перевода [38].

В данной модели задействованы такие стейкхолдеры как стороны сделки (продавец и покупатель), нотариус и регистрирующий орган.

Безусловно данный способ регистрации сделок с недвижимостью позволил гражданам производить оформление сделок быстро и оперативно в течение одного рабочего дня, а также без волокиты в одном рабочем месте, у нотариуса.

Вместе с тем как показывает судебная практика и правовая статистика в действующей процедуре регистрации недвижимости также имеются некоторые недостатки, которые наносят значительный ущерб гражданам и организациям и негативно влияют на имидж государственных органов.

Попробуем перечислить возможные риски при совершении сделок и регистрации недвижимости.

1. В централизованных моделях управления информационными системами возможна подмена недобросовестным сотрудником сопровождения информационной системы данных о владельцах и площадях недвижимости.

2. Недобросовестные нотариусы могут заключить фиктивную сделку.

3. Недобросовестным владельцем могут быть представлены поддельные документы.

4. Технический сбой системы из-за роста объема данных и нагрузки на серверное оборудование.

5. Недобросовестный сотрудник регистрирующего органа может незаконно снять аресты и обременения на недвижимость.

6. Ручное исправление некорректных данных в базе данных регистрации недвижимости (человеческий фактор) тоже повлечь за собой достоверность данных.

Проанализировав все вышеуказанные риски можно констатировать, что в сфере регистрации и сделок с недвижимостью все еще имеются лазейки и условия для совершения правонарушений.

Решением данной проблемы и действенной мерой по совершенствованию процедуры регистрации и сделок с недвижимостью по мнению экспертов могла бы служить технология «Блокчейн». Благодаря свойствам данной технологии, при её использовании все описанные риски могут быть доведены до минимума.

Учитывая вышеизложенное предлагаем рассмотреть возможность разработки модели сделки и регистрации с недвижимостью с использованием технологии «Блокчейн», без посредников напрямую между сторонами сделки.

Предлагаемая схема бизнес-процесса регистрации недвижимости выглядит следующим образом.

Во-первых, необходимо разработать блокчейн-платформу, на которой с помощью смарт-контрактов будут производиться все транзакции по сделкам и автоматическое осуществление регистрации недвижимости. Все участники принимают правила, позволяющие признавать все документы в рамках этой сети равной юридической силе документу с печатью и подписью. Таким образом все пользователи системы объединены в одну сеть, функционирование которой осуществляется на принципах технологии «Блокчейн».

Как было выше указано в блокчейн-системе для подтверждения транзакций необходимо наличие удостоверяющих узлов, которые могут располагаться по всему миру. Поэтому нам при реализации нашего проекта необходимо определиться с выбором типа блокчейна и выбрать между приватным и публичным блокчейнами. Напомню, что приватный блокчейн используется в закрытых организациях с ограниченным доступом для определенных лиц и со своими узлами, а публичный без ограничения доступа с множественными узлами, расположенных по всему миру.

В связи с тем, что функции по регистрации недвижимости в настоящее время принадлежат государству, предлагаю на начальном этапе создать некий симбиоз между приватным и публичным блокчейнами, так называемый «гибридный блокчейн». Из приватного блокчейна использовать строгую аутентификацию пользователей, которая позволит исключить анонимность участников и применить схему удостоверяющих узлов, где в этом качестве могут выступать несколько определенных государственных и квазигосударственных организаций, но независимых друг от друга. В данном случае предлагается в качестве удостоверяющих узлов использовать дата – центры АО «Казахтелеком», АО «Национальные информационные технологии» Министерства цифрового развития, инноваций и аэрокосмической промышленности Республики Казахстан, а также информационную систему «Регистр недвижимости» Министерства юстиции Республики Казахстан.

На каждый объект недвижимости в системе составляется блокчейн-паспорт со своим кодом доступа, в которой будет размещена вся информация в цифровом формате о недвижимости с указанием данных о владельцах, площади, кадастровая регистрация, место расположение и др. характеристики.

На блокчейн-платформе будет предусмотрен автоматический сервис по проверке недвижимости о наличии либо отсутствия обременений на неё.

Так как на блокчейн-платформе предполагается проводить все сделки с недвижимостью с использованием технологии смарт-контрактов, т.е. напрямую между участниками, необходимо в ней предусмотреть платежную систему, посредством которой будет осуществляться купля – продажа недвижимости. И здесь возникает вопрос что использовать в качестве платежного средства, так как в классическом блокчейне в качестве платежного средства применяется криптовалюта. Однако в связи с тем, что в настоящее время казахстанским законодательством криптовалюта официально не признана платежным средством предлагается два варианта замены криптовалюты.

Первый вариант — это использование действующей национальной валюты «тенге» в электронном формате. Для реализации данной схемы необходимо будет блокчейн-платформе интегрироваться с информационной системой банков второго уровня. В данном случае банк будет информировать систему о проведении оплаты. Однако данная схема имеет недостаток в том, что в лице банка появляется дополнительный посредник, который за подтверждение проведенных транзакций будет брать определенную комиссию и процедура подтверждения оплаты в банке может занять определенное время.

Второй вариант – использование токенов для осуществления платежей при сделках с недвижимым имуществом, т.е. вместо электронной национальной валюты будет выступать токен, который будет служить единым платежным средством в данной блокчейн-сети. Для этого выпускается специализированный токен с низкой волатильностью с привязкой, например, к доллару США или к золоту. Далее вся недвижимость, занесенная на блокчейн-платформу токенизируется, т.е., например, 1 квадратный метр недвижимости приравнивается 1 токenu. В последующем токен можно будет перевести в национальную валюту через биржи или банки. В данном случае при проведении транзакции мы избегаем излишнего посредника в лице банка, так как все транзакции в блокчейн-сети производятся между участниками моментально. При этом комиссии, которые оплачиваются владельцам системы небольшие, по данным информационного портала «Blockchain.com» в среднем комиссия за одну транзакцию варьируется в коридоре от 30 центов до 6 долларов США [39].

В нашем случае предпочтительнее был бы второй вариант с использованием токенов. Здесь мы получим высокую скорость транзакции и экономическую выгоду.

Каждый владелец объекта недвижимости, зарегистрированный на блокчейн-платформе будет иметь электронные ключи для доступа к системе и электронную подпись для совершения операций с его недвижимостью. Также для осуществления платежа и получения оплаты для каждого пользователя будет открыт электронный кошелек для токенов.

В случае продажи объекта недвижимости владелец размещает на блокчейн-платформе условия смарт-контракта с указанием полной информации об объекте и его стоимости в токенах.

Любой пользователь, авторизовавшись на блокчейн-платформе может приобрести выбранную недвижимость, размещенную в секторе продаж платформы. Нажав на кнопку «купить», к потенциальному покупателю в его личный кабинет присылается сам смарт-контракт, где описываются все условия сделки и инструкции для заключения сделки, а также сведения о наличии либо отсутствии обременений на данную недвижимость.

В случае согласия на совершение сделки по продаже недвижимости, продавец и покупатель подписывают смарт-контракт посредством электронной подписи, при этом система блокирует определенное количество токенов у покупателя, согласованных по условиям контракта. Далее данный контракт в электронной форме моментально направляется во все удостоверяющие узлы, которые проводят проверку данной операции, путем сличения записи новой транзакции с записями предыдущего блока. При прохождении успешной проверки, токены переводятся на счет продавца на его электронный кошелек. Одновременно с оплатой, в блокчейн-платформе формируется новый блок с новым хешом и зашифрованной записью о новом владельце данной недвижимости, который автоматически присоединяется к предыдущим блокам и распределяется по всем узлам, в том числе и в государственную базу данных «Регистр недвижимости», где будет постоянно храниться. При этом исключается возможность несанкционированного внесения изменений в данные, записанных в блоки, так как система децентрализована

и узлы независимы друг от друга. Таким образом происходит весь цикл процедуры сделки и регистрации недвижимости.

Следует отметить, что в данном случае сделка производится в единой системе без посредников, в том числе нотариусов и банков, за исключением комиссии за транзакцию, что значительно снижает финансовые издержки для граждан и организаций.

Кроме того, все сделки с недвижимостью на блокчейн-платформе проводятся в круглосуточном режиме, что позволяет пользователям осуществлять сделки в любое время суток и без личного присутствия с любой точки мира, при наличии только выхода в Интернет.

Ниже приведена концептуальная схема модели блокчейн – регистрации и сделок с недвижимостью (Рисунок 2).

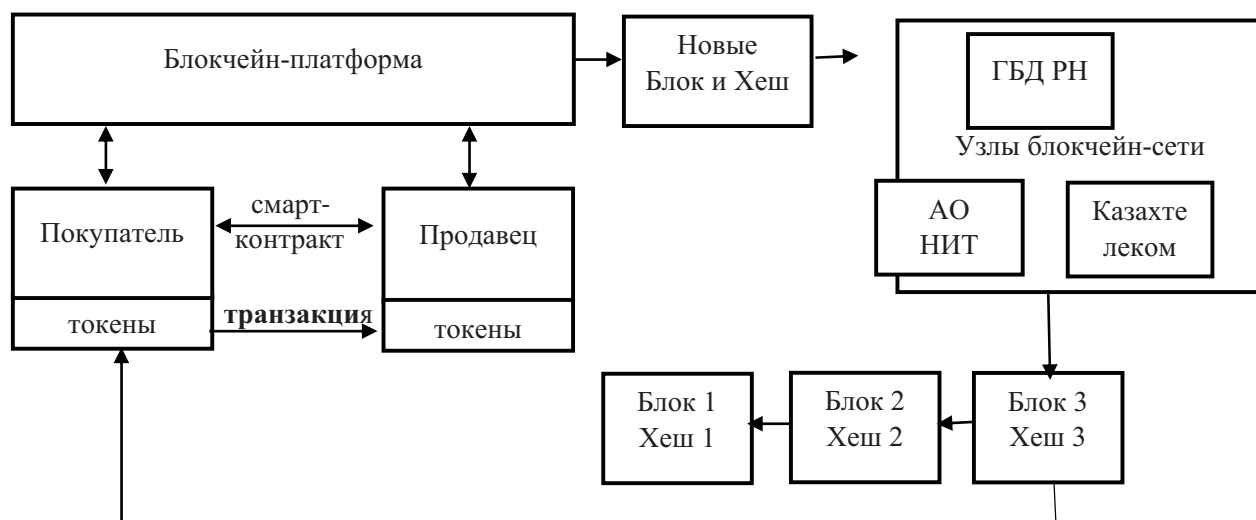

Рисунок 2 – Концептуальная схема блокчейн – регистрации недвижимости

Примечание – разработано автором.

Правовое регулирование

В текущем году в Казахстане был принят законодательный акт, касающийся вопросов регулирования цифровых технологий, в том числе и технологии «Блокчейн» [40].

Разработчиками была внесена поправка в Гражданский кодекс Республики Казахстан (далее – ГК Республики Казахстан) в части отнесения к имущественным благам нового вида имущества как «цифровой актив» и возможности его оборотоспособности как актива или ценности.

Вместе с тем само понятие «цифровой актив» раскрывается в принятых поправках в Закон «Об информатизации», где ст.1 «Основные понятия, используемые в настоящем Законе» дополняется п.п.55-1 и излагается в следующей редакции:

«55-1) цифровой актив – это имущество, созданное в электронно-цифровой форме с применением средств криптографии и компьютерных вычислений, не являющееся деньгами, ценными бумагами, производными финансовыми инструментами, базовым активом которых являются ценные бумаги, а также электронно-цифровая форма удостоверения имущественных прав».

Также в ст.1 вышеуказанного закона введено понятие «цифровой токен», который является одним из видов цифрового актива и излагается следующим образом:

«56-1) цифровой токен – вид цифрового актива, являющийся цифровым средством учета, обмена и удостоверения имущественных прав».

По мнению Василевской Л. Ю токены могут выступать в различных качествах, в том числе как средство платежа, товара, а также в различных имущественных и инвестиционных долях [41, с. 114].

Учитывая, что токены получили более широкое распространение при привлечении инвестиций в те или иные проекты, иными словами токены передавались инвесторам взамен вложенных инвестиций в проект, полагаем, что данную норму можно было бы дополнить словами «а также с целью привлечения финансирования».

Кроме того, в закон приняты нормы, которые являются основополагающими в сфере цифровых технологий, в частности дана своя отечественная интерпретация определению блокчейна и распределенной платформе данных.

В настоящее время существует многочисленное количество вариантов о том, что такое распределенная платформа, но в основном все эксперты едины в одном мнении о том, что платформы осуществляющие свою деятельность на основе блокчейн-технологий по своей сути не имеют центрального управления т.е. являются децентрализованными. Кроме того, они позволяют создавать, хранить и обрабатывать информацию на основе алгоритмов шифрования, которые не могут быть подвергнуты изменениям.

Вместе с тем согласно экспертному мнению разработчика децентрализованных систем Равала С., распределенными, называют системы, в которых вычисления распределяются между несколькими узлами, а в децентрализованных системах отсутствуют узлы, управляющие работой других узлов [42, с. 19]. Соответственно система может быть одновременно децентрализованной и распределенной.

В связи с чем полагал бы уместным внести изменения в п.25-1 ст.1 Закона «Об информатизации», добавив следующие слова: «децентрализованная», «блокчейн-платформа» и «позволяющая создавать, хранить и обрабатывать информацию на основе алгоритмов шифрования» и изложить в следующей редакции:

«25-1 блокчейн-платформа данных - распределенная децентрализованная технологическая платформа, позволяющая создавать, хранить и обрабатывать тождественную информацию на основе алгоритмов шифрования, компоненты которой размещаются на различных узлах сети и обеспечивающая подтверждение всех изменений одновременно у всех пользователей.

Соответственно внести изменения и в норму п.38-1 ст.1 Закона «Об информатизации» и изложить в следующей редакции:

«38-1) блокчейн – информационно-коммуникационная технология, обеспечивающая неизменность информации в распределенной децентрализованной платформе данных, на базе цепочки взаимосвязанных блоков, заданных алгоритмом подтверждения целостности и средств шифрования».

Также для осуществления обмена и защищенного хранения токенов необходимо ввести понятие как «блокчейн-кошелёк».

Примечательно, что в первоначальном варианте данного законопроекта имелась норма о введении нового вида сделок, обеспечивающее автоматическое исполнение обязательств с использованием информационных систем, так называемых смарт-контрактов. Однако в последующем данная норма была исключена.

Вместе с тем смарт-контракты, как инструмент являются составной частью технологии «Блокчейн», а также эффективным инструментом, особенно там, где имеются различного рода обязательства к исполнению. Кроме того, они имеют следующие преимущества перед обычными договорами:

1. автоматическое исполнение;
2. прозрачность сделки;
3. защита от внесения несанкционированных изменений;
4. безбумажный документооборот.

Учитывая вышеизложенное полагали бы возможным использовать положительный потенциал и свойства смарт-контрактов и ввести в ГК Республики Казахстан норму, описывающую новую форму гражданских сделок, по аналогии с принятой с нормой, введенной в Гражданский кодекс Российской Федерации [43], в связи с чем в п.1 ст.151 ГК Республики Казахстан внести изменения и дополнения и изложить её в следующей редакции:

«Сделки совершаются устно или в письменной форме (простой без нотариальной форме или нотариальной) посредством применения информационных технологий, контролирующей автоматическое

исполнение условий сделки, удостоверенной посредством применения технологии блокчейн (смарт-контракты)».

Одновременно с принятием нормы в ГК Республики Казахстан касательно смарт-контрактов, полагаю бы возможным использовать данный метод в качестве альтернативного способа совершения сделок с недвижимостью. В связи с чем предлагается внести дополнения и изменения в Закон Республики Казахстан от 26 июля 2007 года «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество» (далее – Закон), где статью 1. Основные понятия, используемые в настоящем Законе дополнить следующим определением:

п.32 Блокчейн-регистрация – государственная регистрация прав на недвижимое имущество, произведенной на основании смарт-контракта, удостоверенного посредством применения технологии блокчейн, без нотариального удостоверения, осуществляемая посредством заданных алгоритмов шифрования, обеспечивающую ее подтверждение одновременно у всех пользователей.

Кроме того, необходимо нормативно закрепить порядок блокчейн-регистрации недвижимости, для чего предлагается внести соответствующие дополнения в п.3 ст.20 Закона, который изложить в следующей редакции:

Блокчейн- регистрация проводится в следующем порядке:

1) Блокчейн-платформа после электронного подписания между сторонами смарт-контракта о проведенной сделке с недвижимостью, направляет удостоверяющим узлам системы информацию для её проверки и подтверждения.

2) После подтверждения узлами достоверности проведенной сделки, блокчейн-платформа выпускает и направляет электронный документ с зашифрованным блокчейн-кодом о проведенной сделке в удостоверяющие узлы системы и участникам сделки;

3) Все взаиморасчеты между сторонами на блокчейн-платформе производятся в цифровых токенах.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Таким образом мы получили новую модель регистрации и сделок с недвижимостью, основанной на технологии «Блокчейн».

Проанализировав всю хронологию создания данной модели, мы можем разделить процесс перевода регистрации недвижимости, основанной на блокчейн-технологии на 3 основных этапа.

1. Создание блокчейн-платформы для осуществления сделок и регистрации с недвижимостью посредством смарт-контрактов.

2. Осуществить миграцию всех данных о недвижимости на блокчейн-платформу.

3. Токенизировать недвижимость и внедрить цифровую платежную систему.

Опираясь на вышеописанную схему блокчейн-регистрации недвижимости, можно выделить ряд преимуществ, которые характерны для данной модели.

1. Исключается возможность правок и изменений данных размещенных на блокчейн-платформе.

2. Обеспечивается сохранность документов.

3. Мгновенное оформления сделки.

4. Отсутствие посредников (нотариус, риелтор, банки).

5. Экономическая выгода для граждан и организаций (низкая стоимость услуг по оформлению сделки).

6. Оформление сделки производится круглосуточно (24/7) и повсеместно.

7. Прозрачность сделок (все транзакции сохраняются в сети).

8. Увеличивается налогооблагаемая база в связи осуществлением платежей исключительно в электронном формате.

Вместе с тем у данной модели также имеются свои отдельные риски, которые в последующем могут стать препятствием для её широкого распространения. Попробуем смоделировать и описать их.

1. Ситуация, когда судом сделка, осуществленная посредством смарт-контракта, признается недействительной.

В данном случае из-за наличия свойства неизменяемости данных, в блокчейн-платформе невозможно откатить назад ранее проведенную транзакцию. Вместе с тем технология «Блокчейн» предоставляет

возможность отменить сделку путем осуществления новой транзакции и созданием нового блока, однако в архиве базы данных, информация об имуществе до признания сделки недействительной останется прежней.

2. Ситуация, когда при купле-продаже недвижимости участвуют три и более участников сделки.

Практически все реализованные блокчейн-проекты основываются на двухсторонних смарт-контрактах, в связи с чем здесь также необходимо проработать вопрос возможности участия в смарт-контракте трех и более участников сделки.

3. Ситуация, когда участник блокчейн-платформы потерял закрытые ключи доступа к ней.

Закрытые ключи – это генерация цифр и символов, выбранных наугад в блокчейн-сети. По сути ключи — это хеш-функция и они выступают в качестве доказательства владения средствами, размещённых на блокчейн-платформе. В случае утери ключей, доступ к имуществу также будет утрачен безвозвратно.

Кроме того, проработаны правовые аспекты применения технологии «Блокчейн», что является не менее маловажным фактором от которых зависит успешное внедрение блокчейн-технологии как в сфере регистрации и сделок с недвижимостью, так и в целом в экономике. Результаты правового анализа, описанные выше, могут быть использованы при принятии законодательных поправок, касающихся казахстанского регулирования цифровых технологий, в том числе и технологии «блокчейн».

ВЫВОДЫ

Таким образом в результате проведенного исследования можно сделать определенные выводы, которые заключаются в следующем.

Действующая модель электронной регистрации и сделок с недвижимостью законодательно принятая в Казахстане в 2013 году, значительно упростила данную процедуру, сократив волокиту и временные затраты на оформление сделок с недвижимостью и доведя сроки её проведения до 1 суток.

Вместе с тем как показывает практика, и правовая статистка в данной модели еще существуют некоторые пробелы в части обеспечения достоверности данных, а также имеются лазейки для манипуляций и правонарушений в том числе и коррупционного характера. Кроме того, централизованная форма управления базой данных и возрастающие нагрузки на серверное оборудование могут служить причинами технических сбоев системы, в результате чего повышаются риски по утере данных.

В рамках исследования мы рассмотрели новую модель регистрации и сделок с недвижимостью, основанной на технологии «Блокчейн», которая исключает вышеуказанные риски, присущие действующей модели.

Данная модель имеет ряд преимуществ такие как неизменяемость и сохранность данных, что очень актуально для государственных баз данных. Все записи в блокчейне имеют высокую степень защиты посредством криптошифрования. Высокая скорость и низкие затраты на оформление сделки по сравнению с действующей моделью делают её более привлекательной, особенно для граждан и организаций.

Возможность проведения сделки с недвижимостью в любое время суток и с любого места также можно отнести к положительным характеристикам данной модели. Децентрализованная распределённая система управления, применяемая в блокчейн-платформе, исключает возможность утери данных.

Однако наряду с перечисленными преимуществами, у блокчейн-модели пока имеется ряд недостатков, которые в последующем могут стать барьером для её практического внедрения.

В блокчейн-модели из-за невозможности внесения изменений в базу данных, не проработан вопрос по отмененным в судебном порядке сделок с недвижимостью. Открытыми остаются вопросы возврата владения имуществом на исходную позицию и возврата оплаченных средств.

В данной модели также необходимо предусмотреть возможность участия 3 и более сторон смарт-контракта. Также требует решения вопросы генерации и восстановления ключей доступа к своим данным.

Кроме того, имеется также ряд общераспространённых недостатков данной модели, которых нельзя не учитывать и отбросить в сторону. Приведем наиболее известные из них:

- высокая потребность в электроэнергии из-за значительного количества проведения вычислительных операций в блокчейн-системе;

- большие затраты на создание блокчейн-системы и перевод всех данных об объектах недвижимости на новую платформу;

- нехватка квалифицированных специалистов в области технологии «Блокчейн».

Не стоит забывать также, что одним из основных факторов, определяющих скорость продвижения и применения блокчейн-технологий в жизнедеятельности человека, является законодательные нормы, определяющие основные правила и требования, необходимые для её правового мониторинга и регулирования. При этом необходимо рассмотреть возможность принятия необходимых законодательных поправок, в частности в законодательные акты, регулирующие сферу регистрации и сделок с недвижимостью. Безусловно, Казахстан с принятием поправок, регулирующих цифровые технологии подготавливает основательную почву для внедрения блокчейн-технологии во многих сферах экономики и жизнедеятельности человека.

Вместе с тем потенциал технологии очень велик. Реализованные проекты и решения, основанные на технологии «Блокчейн» доказывают об их высокой эффективности. Сама технология может стать реальным инструментом повышения прозрачности и борьбы с коррупцией в государственном управлении в том числе и в сфере регистрации и сделок с недвижимостью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сумма ущерба по коррупционным преступлениям составила 3,4 млрд тенге в 2018 году [Электронный ресурс] // ИА «Informburo.kz» [web-портал]. – 2019. – URL: <https://informburo.kz/novosti/summa-ushcherba-po-korrupcionnym-prestupleniyam-sostavila-34-mlrd-tenge-v-2018-godu.html> (дата обращения: 10.05.2020).

2. В антикоррупционном ведомстве РК отмечают рост преступлений в сфере земаотношений [Электронный ресурс] // ИА «Kazinform» [web-портал]. – URL: https://www.inform.kz/ru/v-antikorrupcionnom-vedomstve-rk-otmechayut-rost-prestupleniy-v-sfere-zemotnosheniy_a3547133 (дата обращения: 10.05.2020).

3. Клечиков А. В., Пряников М. М., Чугунов А. В. Блокчейн-технологии и их использование в государственной сфере // International Journal of Open Information Technologies. – 2017. – № 5 (12). – С. 123–129.

4. Савельев И. Е. Технология blockchain и ее применение // Прикладная информатика. – 2016. – № 6 (66). – С. 19–24.

5. Накомото С. Биткойн: система цифровой пиринговой наличности (2008) [Электронный ресурс] // BitCoin [web-портал]. – URL: https://bitcoin.org/files/bitcoin-paper/bitcoin_ru.pdf (дата обращения: 23.03.2020).

6. Свон М. Блокчейн. Схема новой экономики. – Издательство «Олимп Бизнес», 2017. – 240 с.

7. Лелу Л. Блокчейн от А до Я. Все о технологии десятилетия. – М.: Эксмо, 2017. – 190 с.

8. Тапскотт, Д. Технология блокчейн: то, что движет финансовой революцией сегодня / Дон Тапскотт, Алекс Тапскотт; [пер. с англ. К. Шашковой, Е. Ряхиной]. – Москва: Эксмо, (2017). – 448 с.

9. Gartner Top 10 Strategic Technology Trends for 2020 [Электронный ресурс] // Smarter with Gartner [web-портал]. – URL: <https://www.gartner.com/smarterwithgartner/gartner-top-10-strategic-technology-trends-for-2020/> (дата обращения: 03.05.2020).

10. OECD-Blockchain-Primer [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.oecd.org/finance/OECD-Blockchain-Primer.pdf> (дата обращения: 04.05.2020).

11. Can Blockchain revolutionize international trade? [Электронный ресурс] // WTO {Офиц. Сайт}. – URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/blockchainrev18_e.pdf (дата обращения 04.05.2020).

12. Блокчейн на службе государства: монография / А. В. Варнавский, А. О. Бурякова, Е. В. Себеченко. – Москва: КНОРУС, 2020. – 218 с.

13. Шольц Ю., Шелер Т., Соколов Ю. И., Коцоева В. С., Элькина А. А. Технология blockchain. Принципы работы и перспективы применения // ЭТАП. – 2017. – № 6. – С. 67–76.

14. Berryhill J., Bourgerly T., Hanson A. Blockchain Technology and its use in the Public Sector [Электронный ресурс] // OECD: Working Papers on Public Governance [web-сайт]. – 2018. – URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/3c32c429-en.pdf?expires=1596627041&id=id&accname=guest&checksum=8D748C8163D456CFF51166B5BED74914> (дата обращения: 14.05.2020).
15. Пряников М. М., Чугунов А. В. Блокчейн как коммуникационная основа формирования цифровой экономики: преимущества и проблемы // International Journal of Open Information Technologies. – 2017. – № 6. – С. 49–55.
16. Лелу Л. Блокчейн от А до Я. Все о технологии десятилетия. – М.: Эксмо, 2017. – 190 с.
17. Шилов К. Д., Зубарев А. В. Блокчейн и распределенные реестры как виды баз данных // Инновации. – 2018. – № 12 (242). – С. 77–87.
18. Yaga D., Mell P., Roby N., Scarfone K. Blockchain Technology Overview [Электронный ресурс] // National Institute of Standards and Technology U.S. Department of Commerce [web-сайт]. – URL: <https://csrc.nist.gov/CSRC/media/Publications/nistir/8202/draft/documents/nistir8202-draft.pdf> (дата обращения: 14.05.2020).
19. OECD Blockchain Primer [Электронный ресурс] // OECD [web-сайт]. – URL: <http://www.oecd.org/finance/OECD-Blockchain-Primer.pdf> (дата обращения: 06.05.2020).
20. Что такое алгоритм шифрования SHA-256? Принцип работы SHA-256 в майнинге биткоина [Электронный ресурс] // Майнинг и криптовалюты [web-портал]. – URL: <https://mining-cryptocurrency.ru/sha-256/> (дата обращения: 20.05.2020).
21. Szabo N. Smart contracts: Building blocks for digital markets. 1996. [Электронный ресурс]. – 2017. – URL: https://www.fon.hum.uva.nl/rob/Courses/InformationInSpeech/CDROM/Literature/LOTwinterschool2006/szabo.best.vwh.net/smart_contracts_2.html (дата обращения: 06.05.2020).
22. Marchionni, P. The Next Generation e-government [Электронный ресурс]. – 2018. – URL: https://www.linkedin.com/pulse/next-generation-e-government-pietro-marchionni/?lipi=urn%3Ali%3Apage%3Ad_flagship3_profile_view_base_post_details%25 (дата обращения: 06.05.2020).
23. Докукина И. А., Полянин А. В. Организация децентрализованного управления на основе цифровых платформ распределенного реестра // Естественно-гуманитарные исследования. – 2020. – № 1 (27). – С. 76–81.
24. Андреев Р. А., Андреева П. А., Кротов Л. Н., Кротова Е. Л. Обзор технологии блокчейн: виды блокчейна и их применение // Интеллектуальные системы в производстве. – 2018. – Т. 16. – № 1. – С. 11–14.
25. Christidis K., Devetsikiotis M. Blockchains and smart contracts for the internet of things // IEEE Access. – 2016. – No. 4. – P. 2292–2303.
26. Осмоловская А. С. Смарт-контракты: функции и применение // Бизнес-образование в экономике знаний. – 2018. – № 2 (10). – С. 54–56.
27. The Tokenisation of Assets and Potential Implications for Financial Markets [Электронный ресурс]. // OECD Blockchain Policy Series. – 2020. – URL: <https://www.oecd.org/finance/The-Tokenisation-of-Assets-and-Potential-Implications-for-Financial-Markets.pdf> (дата обращения: 09.05.2020).
28. Баранова О. А., Чуйкин К. А. Принцип технологии blockchain, и ее влияние на социально-экономическую сферу // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2017. – № 13. – С. 329–331.
29. Соколова Т. Н., Волошин И. П., Петрунин И. А. Преимущества и недостатки технологии блокчейн // Экономическая безопасность и качество. – 2019. – № 1 (34). – С. 49–52.
30. Цветкова Л. А. Перспективы развития технологии блокчейн в России: конкурентные преимущества и барьеры // Экономика науки. – 2017. – № 4. – С. 275–296.
31. Хаджиев М. Р., Абдурахманова М. М., Батукаева Л. С. Э. Трансформация сферы регистрации права собственности на недвижимость с применением blockchain технологии // Редакционный совет. – 2019. – С. 183.
32. Weiss M., Corsi E. Bitfury: Blockchain for government. – Harvard University, 2017. – 29 p.
33. Уланова И. В. Мировой опыт применения блокчейн. Перспективы влияния блокчейн на возможности развития банковской сферы и ее партнеров в России // Инновационная экономика и менеджмент: Методы и технологии. – 2018. – С. 244–250.

34. Голованова Е. А., Зубарев А. В. Перспективы использования технологии блокчейн в кадастровых системах // Научный вестник ИЭП им. Гайдара. – 2018. – № 8. – Т. 127. – С. 36–42.
35. The Land Registry in the blockchain – testbed [Электронный ресурс]. – Blockchain_Landregistry_Report – 2017. – URL: <https://static1.squarespace.com/static/5e26f18cd5824c7138a9118b/t/5e3c35451c2cb6b170caa19e/1581004119677/> (дата обращения: 14.05.2020).
36. Закон Республики Казахстан от 26 июля 2007 года № 310 «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество» [Электронный ресурс] // ИАС «Әділет». [web-портал]. – URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z070000310> (дата обращения: 15.05.2020).
37. Тарифы нотариальных действий Республики Казахстан [Электронный ресурс] // Единая нотариальная информационная система [web-портал]. – URL: <https://enis.kz/Article/Details/101> (дата обращения: 14.05.2020).
38. Ибраева А. Как быстро перевести наличку без открытия счета? [Электронный ресурс] // Курсив [web-сайт]. – URL: <https://kursiv.kz/news/finansy/2018-04/kak-bystro-perevesti-nalichku-bez-otkrytiya-scheta> (дата обращения: 14.05.2020).
39. Средняя комиссия за транзакцию в долларах США [Электронный ресурс]. URL: <https://www.blockchain.com/charts/fees-usd-per-transaction> (дата обращения: 14.05.2020).
40. Закон Республики Казахстан от 25 июня 2020 года № 347-VI ЗРК «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам регулирования цифровых технологий» // ИАС «Әділет». [web-портал]. – URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2000000347> (дата обращения: 16.05.2020).
41. Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 5 (102). – С. 111–119.
43. Равал С. Децентрализованные приложения. Технология Blockchain в действии. – СПб.: Питер, 2017. – 240 с.
44. Федеральный закон от 18 марта 2019 г. N 34-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный интернет – портал правовой информации Российской Федерации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201903180027?index=3&rangeSize=1> (дата обращения: 27.03.2020).

REFERENCES

1. “Summa ushcherba po korrupcionnym prestupleniyam sostavila 3,4 mlrd tenge v 2018 godu” (2019), IA «Informburo.kz», available at: <https://informburo.kz/novosti/summa-ushcherba-po-korrupcionnym-prestupleniyam-sostavila-34-mlrd-tenge-v-2018-godu.html> (accessed: May 10, 2020) (In Russian).
2. “V antikorrupcionnom vedomstve RK otmechayut rost prestuplenij v sfere zemotnoshenij”, IA «Kazinform», available at: https://www.inform.kz/ru/v-antikorrupcionnom-vedomstve-rk-otmechayut-rost-prestuplenij-v-sfere-zemotnoshenij_a3547133 (accessed: May 10, 2020) (In Russian).
3. Klechikov, A. V., Pryanikov, M. M. and Chugunov, A. V. (2017), “Blokchejn-tehnologii i ih ispol'zovanie v gosudarstvennoj sfere”, International Journal of Open Information Technologies, No. 5 (12), pp. 123–129 (In Russian).
4. Savel'ev, I. E. (2016), “Tekhnologiya blockchain i ee primeneniye”, Prikladnaya informatika, No. 6 (66), pp. 19–24 (In Russian).
5. Nakamoto, S. (2008), “Bitkojn: sistema cifrovoj piringovoj nalichnosti”, available at: https://bitcoin.org/files/bitcoin-paper/bitcoin_ru.pdf (accessed: March 23, 2020) (In Russian).
6. Svon, M. (2017), “Blokchejn. Skhema novoj ekonomiki”, Izdatel'stvo «Olimp Biznes», 240 p. (In Russian).
7. Lelu, L. (2017), “Blokchejn ot A do Ya. Vse o tekhnologii desyatiletija”, Eksmo, 190 p. (In Russian).
8. Tapkott, D. (2017), “Tekhnologiya blokchejn: to, chto dvizhet finansovoj revolyuciej segodnya”, Eksmo, Moscow, 448 p. (In Russian).
9. “Gartner Top 10 Strategic Technology Trends for 2020”, available at: <https://www.gartner.com/smarterwithgartner/gartner-top-10-strategic-technology-trends-for-2020/> (accessed: May 03, 2020).

10. “OECD-Blockchain-Primer”, available at: <http://www.oecd.org/finance/OECD-Blockchain-Primer.pdf> (accessed: May 04, 2020).
11. “Can Blockchain revolutionize international trade?”, available at: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/blockchainrev18_e.pdf (accessed: May 04, 2020).
12. Varnavskij, A. V., Buryakova, A. O. and Sebechenko, E. V. (2020), “Blokchejn na sluzhbe gosudarstva”, monograph, KNORUS, Moscow, 218 p. (In Russian).
13. Shol'c, Yu., Sheler, T., Sokolov, Yu. I., Kocoeva, V. S. and El'kina, A. A. (2017), “Tekhnologiya blockchain. Principy raboty i perspektivy primeneniya”, ETAP, No. 6, pp. 67–76 (In Russian).
14. Berryhill, J., Bourgerie, T. and Hanson, A. (2018), “Blockchain Technology and its use in the Public Sector”, OECD: Working Papers on Public Governance, available at: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/3c32c429-en.pdf?expires=1596627041&id=id&accname=guest&checksum=8D748C8163D456CFF51166B5BED74914> (accessed: May 14, 2020).
15. Pryanikov, M. M. and Chugunov, A. V. (2017), “Blokchejn kak kommunikacionnaya osnova formirovaniya cifrovoj ekonomiki: preimushchestva i problem”, International Journal of Open Information Technologies, No. 6, pp. 49–55 (In Russian).
16. Lelu, L. (2017), “Blokchejn ot A do YA. Vse o tekhnologii desyatiletija”, Eksmo, Moscow, 190 p.
17. Shilov, K. D. and Zubarev, A. V. (2018), “Blokchejn i raspredelennye reestry kak vidy baz dannyh”, Innovacii, No. 12 (242), pp. 77–87 (In Russian).
18. Yaga, D., Mell, P., Roby, N. and Scarfone, K. “Blockchain Technology Overview”, National Institute of Standards and Technology U.S. Department of Commerce, available at: <https://csrc.nist.gov/CSRC/media/Publications/nistir/8202/draft/documents/nistir8202-draft.pdf> (accessed: May 14, 2020).
19. “OECD Blockchain Primer”, available at: <http://www.oecd.org/finance/OECD-Blockchain-Primer.pdf> (accessed: May 06, 2020).
20. “Chto takoe algoritm shifrovaniya SHA-256? Princip raboty SHA-256 v majninge bitkoina”, available at: <https://mining-cryptocurrency.ru/sha-256/> (accessed: May 20, 2020).
21. Szabo, N. (2017), “Smart contracts: Building blocks for digital markets. 1996.”, available at: https://www.fon.hum.uva.nl/rob/Courses/InformationInSpeech/CDROM/Literature/LOTwinterschool2006/szabo.best.vwh.net/smart_contracts_2.html (accessed: May 06, 2020).
22. Marchionni, P. (2018), “The Next Generation e-government”, available at: https://www.linkedin.com/pulse/next-generation-e-government-pietro-marchionni/?lipi=urn%3Ali%3Apage%3Ad_flagship3_profile_view_base_post_details%25 (accessed: May 06, 2020).
23. Dokukina, I. A. and Polyanin, A. V. (2020), “Organizaciya decentralizovannogo upravleniya na osnove cifrovih platform raspredelennogo reestra”, Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya, No. 1 (27), pp. 76–81 (In Russian).
24. Andreev, R. A., Andreeva, P. A., Krotov, L. N. and Krotova, E. L. (2018), “Obzor tekhnologii blokchejn: vidy blokchejna i ih primenenie”, Intellekturnye sistemy v proizvodstve, Vol. 16, No. 1, pp. 11–14 (In Russian).
25. Christidis, K. and Devetsikiotis, M. (2016), “Blockchains and smart contracts for the internet of things”, IEEE Access, No. 4, pp. 2292–2303.
26. Osmolovskaya, A. S. (2018), “Smart-kontrakty: funkcii i primenenie”, Biznes-obrazovanie v ekonomike znaniy, No. 2 (10), pp. 54–56 (In Russian).
27. “The Tokenisation of Assets and Potential Implications for Financial Markets” (2020), OECD Blockchain Policy Series, available at: <https://www.oecd.org/finance/The-Tokenisation-of-Assets-and-Potential-Implications-for-Financial-Markets.pdf> (accessed: 09.08.2020).
28. Baranova, O. A. and Chujkin, K. A. (2017), “Princip tekhnologii blockchain, i ee vliyanie na social'no-ekonomicheskuyu sferu”, Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavтики, No. 13, pp. 329–331 (In Russian).
29. Sokolova, T. N., Voloshin, I. P. and Petrunin, I. A. (2019), “Preimushchestva i nedostatki tekhnologii blokchejn”, Ekonomicheskaya bezopasnost' i kachestvo, No. 1 (34), pp. 49–52 (In Russian).
30. Cvetkova, L. A. (2017), “Perspektivy razvitiya tekhnologii blokchejn v Rossii: konkurentnye preimushchestva i bar'ery”, Ekonomika nauki, No. 4, pp. 275–296 (In Russian).

31. Hadzhiev, M. R., Abdurahmanova, M. M. and Batukaeva, L. S. E. (2019), "Transformaciya sfery registracii prava sobstvennosti na nedvizhimost' s primeneniem blockchain tekhnologii", Redakcionnyj sovet, p. 183 (In Russian).
32. Weiss, M. and Corsi, E. (2017), "Bitfury: Blockchain for government", Harvard University, 29 p.
33. Ulanova, I. V. (2018), "Mirovoj opyt primeneniya blokchejn. Perspektivy vliyaniya blokchejn na vozmozhnosti razvitiya bankovskoj sfery i ee partnerov v Rossii", Innovacionnaya ekonomika i menedzhment: Metody i tekhnologii, p. 244–250 (In Russian).
34. Golovanova, E. A. and Zubarev, A. V. (2018), "Perspektivy ispol'zovaniya tekhnologii blokchejn v kadastryh sistemah", Nauchnyj vestnik IEP im. Gajdara, No. 8, pp. 36–42 (In Russian).
35. "The Land Registry in the blockchain – testbed" (2017), Blockchain_Landregistry_Report, available at: <https://static1.squarespace.com/static/5e26f18cd5824c7138a9118b/t/5e3c35451c2cbb6170ca19e/1581004119677/> (accessed: May 14, 2020).
36. "Zakon Respubliki Kazahstan ot 26 iyulya 2007 goda № 310 «O gosudarstvennoj registracii prav na nedvizhimoe imushchestvo»", IAS «Adilet», available at: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z070000310> (accessed: May 15, 2020) (In Russian).
37. "Tarify notarial'nyh dejstvij Respubliki Kazahstan", Edinaya notarial'naya informacionnaya Sistema, available at: <https://enis.kz/Article/Details/101> (accessed: May 14, 2020) (In Russian).
38. Ibraeva, A. "Kak bystro perevesti nalichku bez otkrytiya scheta?", Kursiv, available at: <https://kursiv.kz/news/finansy/2018-04/kak-bystro-perevesti-nalichku-bez-otkrytiya-scheta> (accessed: May 14, 2020) (In Russian).
39. "Srednyaya komissiya za tranzakciyu v dollarah SSHA", available at: <https://www.blockchain.com/charts/fees-usd-per-transaction> (accessed: May 14, 2020) (In Russian).
40. "Zakon Respubliki Kazahstan ot 25 iyunya 2020 goda № 347-VI ZRK «O vnesenii izmenenij i dopolnenij v nekotorye zakonodatel'nye akty Respubliki Kazahstan po voprosam regulirovaniya cifrovyyh tekhnologij»", IAS «Adilet», available at: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z2000000347> (accessed: May 16, 2020) (In Russian).
41. Vasilevskaya, L. Yu. (2019), "Token kak novyj ob'ekt grazhdanskix prav: problemy yuridicheskoy kvalifikacii cifrovogo prava", Aktual'nye problemy rossijskogo prava, No. 5 (102), pp. 111–119 (In Russian).
42. Raval, S. (2017), "Decentralizovannye prilozheniya. Tekhnologiya Blockchain v dejstvii", Piter, Saint-Peterborough, 240 p. (In Russian).
43. "Federal'nyj zakon ot 18 marta 2019 g. N 34-FZ «O vnesenii izmenenij v Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii»", available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201903180027?index=3&rangeSize=1> (accessed: March 27, 2020) (In Russian).

SUMMARY

Having analyzed all the pros and cons of the "Blockchain" technology, one can come to a certain conclusion that, despite the existing shortcomings, mainly due to the immaturity of the technology and the short time from the day of its discovery, in general, the blockchain has great prospects for further application and development both in the economy and in public administration.

The use of blockchain-based smart contract technology has the potential to revolutionize the entire real estate industry. It will allow you to exchange assets directly without intermediaries, which is very convenient and less costly for users. However, large-scale implementation of this technology will take time to test projects and improve legislative regulation.

At the same time, the phased transfer of registration and real estate transactions to a blockchain platform will significantly optimize costs and improve the quality of public services provided.

ТҮЙІНДЕМЕ

«Блокчейн» технологиясының барлық оң және теріс қасиеттерін талдағаннан кейін, және бар кемшіліктеріне қарамастан, негізінен технологияның жетілмегендігіне және оның ашылған күнінен бастап

қысқа уақытқа қарамастан, тұтастай алғанда, блокчейн экономикада, мемлекеттік басқаруда одан әрі қолдану мен дамудың үлкен перспективаларына ие болуы мүмкін деген қорытындыға келуге болады.

Блокчейнге негізделген ақылды келісімшарт технологиясын қолдану жылжымайтын мүліктің бүкіл саласын түбегейлі өзгерте алады. Ол активтерді делдалдарсыз тікелей алмасуға мүмкіндік береді, бұл пайдаланушылар үшін өте ыңғайлы және арзан. Алайда, осы технологияны ауқымды енгізу жобаларды сынақтан өткізуге және нормативтік реттеуді жетілдіруге уақытты талап етеді.

Сонымен бірге, тіркеу саласын және жылжымайтын мүлікпен жасалатын мәмілелерді блокчейн-платформаға кезең-кезеңімен көшіру шығындарды едәуір оңтайландыруға және көрсетілетін мемлекеттік қызметтердің сапасын арттыруға ықпал ететін болады.

РЕЗЮМЕ

Проанализировав все за и против технологии «Блокчейн», можно прийти к определенному выводу, что несмотря на имеющиеся недостатки в основном из-за незрелости технологии и короткого времени со дня её открытия, в целом блокчейн имеет большие перспективы для дальнейшего применения и развития как в экономике, так и в государственном управлении.

Применение технологии смарт-контрактов, основанной на блокчейне может коренным образом изменить всю сферу недвижимости. Она позволит обмениваться активами напрямую без посредников, что очень удобно и менее затратно для пользователей. Однако масштабное внедрение данной технологии потребует времени на апробацию проектов и совершенствования нормативного регулирования.

Вместе с тем поэтапный перевод сферы регистрации и сделок с недвижимостью на блокчейн-платформу будет способствовать существенной оптимизации издержек и повышению качества оказываемых государственных услуг.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Ахметбек Ерлан Еркебұланұлы – докторант, Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан, Нур-Султан, Республика Казахстан, e-mail: buerlan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2469-6156>.

Central Asian Economic Review №3 (132) 2020

Жазылатын индекс / – 74002

Редакторлары / Редакторы – ***А.Ж. Сарсембаева***
Компьютерде беттеген / Компьютерная верстка – ***А.Т. Акылова***

Басуға / Подписано к печати 26.06.2020.

Пішімі / Формат 70×100¹/₈.

Көлемі б.т./ Объем 28 п.л. / Есептік б.т. / Уч-изд. 26,0 п.л. / Шартты б.т./ Усл. 20,6 п.л.

Таралымы / Тираж 300 дана /экз.

«Фортуна полиграф» баспасы»ЖШС / ТОО «Издательство «Фортуна полиграф»
050063, Алматы қаласы, 1-ықшам ауданы, 81-үй / 050063, г. Алматы, 1-микрорайон, д. 81.

Fpolygraf@bk.ru

Тел: +7 701 787 32 92, +7 771 574 57 05,
+7 701 940 76 86